Татьяна Латукова
Ведьма в лесу

Серия «Ведьма». Книга 1.0

Третья редакция

2026

УДК 82-3
ББК 84-4
Л27

Латукова Татьяна
Ведьма в лесу : Ведьма 1.0 / Татьяна Латукова.
3-я редакция – 2026.

Кольца времени соединяют загадочную историю усыновления и любовные похождения молодой женщины. Случайные встречи оказываются роковыми, а плетения богинь судьбы изрядно запутанными. Кто и почему убивает давно забытых любовников Риты Рогальской? Связаны ли убийства с ядом в бутылках вина? Имеет ли для убийцы значение то, что Риту называют ведьмой?

18+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

Все персонажи и события книги являются вымышленными.
Любые совпадения – случайны и непреднамеренны.

Официальный сайт Татьяны Латуковой: **Latukova.ru**

© Татьяна Латукова, 2026

I. Фотографии

1. День рождения

Изящная женщина вскидывает руки и кружится в сложном рисунке танца. Жёлтая ткань юбки обвивается вокруг тонких ног летящей волной, переливающейся под светом юпитера. Сделав круг, танцующая девушка приближается и протягивает мне руки. Я подаюсь к ней, но плотная густая темнота сковывает мои неуклюжие руки и ноги, заставляет отступить. Танцовщица снова кружится под пронзительно грустную мелодию. Кончики её пальцев очерчивают волшебный круг, внутри которого свет создаёт иллюзию счастья. Туда, туда, к ней, скорее, скорее же…

Я протискиваюсь сквозь тяжёлые волны тьмы, размывающие чудесный образ, и опаздываю, отстаю, удалялась от девушки в жёлтом. Плясунья смеётся знакомым и причиняющим боль смехом, а затем растворяется во тьме…

Я остаюсь одна-одинёшенька на краю мира…

Привидится же такое. Почему видения так любят будоражить меня не в обычный будничный день, а именно тогда, когда я рассчитываю выспаться, чтобы выглядеть вечером как нормальная молодая женщина? Пусть я и не вполне нормальная молодая женщина.

У меня серые глаза, широкие скулы, длинная шея и тонкие пальцы рук. Я не красавица в общепринятом понимании красоты, но я – ведьма. Я умею заглядывать в прошлое. И предугадывать будущее. Знать настоящее. Не всегда и не для всех. Иногда по желанию. Иногда внезапно. Я не кручу спиритические столики и не всматриваюсь в хрустальные шары. Но как ещё назвать свою способность чувствовать мир, не знаю. Не знаю, есть ли другие, такие же, как я. Не знаю, подозревают ли люди о моих способностях. Не знаю, является ли мой талант даром или проклятием…

Знаю, что сегодня моей лучшей подружке Осинке исполняется двадцать пять. И я надену на её праздник жёлтое платье с шикарной летящей юбкой, сколько бы снов о давно погибшей маме не подсовывало мне подсознание. Я люблю платья, я люблю жёлтый

цвет, и жёлтые платья – моя явная слабость. Так что пусть хоть чёрт лысый пригрезится, все равно надену восхитительный жёлтый наряд, придуманный Милкой Софриной.

Моя дружба с Осинкой – продолжение дружбы наших мам. Случайно познакомившиеся женщины, очень разные, из разных кругов, с разным отношением к миру, продолжали общаться годами и десятилетиями. И то, что мы с Осинкой пошли тем же маршрутом – результат настойчивости тех же мам, которые напоминали нам обеим – позвонить, поздравить, поговорить – столько лет, что это вошло в привычку. В спасительную, как оказалось, привычку, потому что обеим нам пришлось повзрослеть быстро и в жёстких обстоятельствах. Скачки по школам, которые устраивали нам родители, не позволили ни мне – тихоне и скромнице, ни Осинке – общительной веселушке, завести дружбу в естественной для этого среде. И когда мы обе оказались в одиночестве, привычка созваниваться стала основой не слишком откровенной, но бескорыстной дружбы.

День рождения моей подружки был задуман с королевским размахом. Большой модный ресторан, дорогое меню и алкоголь рекой, живые выступления попсы, Марик Кромов в качестве ведущего, не считая шоу мыльных пузырей и ночного фейерверка. Круг избранных гостей – знаменитости, политики, гламурные и светские персонажи. Плюс запрет на присутствие прессы, чтобы публика могла по-настоящему расслабиться. Такие сборища люди определённого склада стараются не пропускать.

Вот только главной персоной на торжестве сама Осинка никак не предполагалась. Да и можно ли подумать о соперничестве с Ариадной Тернопольской? Великая актриса, звезда экрана и громких театральных премьер, счастливая жена олигарха, экстраординарная красавица Ариадна в любом месте и любых обстоятельствах была женщиной номер один. Что могла противопоставить своей знаменитой маме неловкая Осинка со всеми своими комплексами неполноценности?

Тем не менее, нам с Осинкой удаётся произвести некоторый фурор. Я уговариваю Осинку сделать экстравагантную прическу, макияж, а также приодеться в эксклюзивное платье, сотворенное всё той же Милкой. Не то, чтобы Мила Софрина уже покорила поди-

умы мира, просто она мне симпатична, и я подбиваю Осинку устроить «промо-акцию» платьев от «восходящей звезды» (пусть пока никому и не известной) русской моды. Во всём этом Осинка чувствует себя неудобно, но, перестаёт быть гадким утенком.

В момент торжественного выхода дочери к гостям Ариадна Сергеевна закашливается и провожает меня неодобрительным взглядом. На этот раз я переступила черту допустимых проделок. Да и плевать, хоть наемся вкусностей до отвала.

За роскошным столом с мыслимыми и немыслимыми яствами я размышляю о жизненных метаморфозах. Я не пью вина, и мне всегда не по себе в сборищах вроде нынешнего, остаётся только философствовать.

Вот сидит удивительная женщина, властительница дум и мужских сердец. Сколько Ариадне сейчас лет? Сорокалетний юбилей был в позапрошлом году? А двадцать пять лет назад она рожала свою задвигаемую в тень дочку в обычном роддоме, как все простые женщины, каковой, собственно, она тогда и была. И уже тогда ей было на три года больше, чем Осинке сейчас, поскольку я точно знала, что Ариадна всего на год младше моей мамы. В сухом остатке получается, что великая Тернопольская мило распрощалась с десятком лет своей жизни.

Что такое десять лет, ерунда. В это десятилетие у Ариадны легко уместились три брака, несколько звёздных ролей, инфаркт одного знаменитого режиссера и кто знает что ещё… Вероятно, моя мама была одной из тех, кто знал. Но… десять лет назад она разбилась на пустой подмосковной трассе.

Я как-то видела эту автокатастрофу во сне.

Белая машина летит по лужам на изъеденном трещинами и ямами асфальте, внезапно машина скользит, цепляет обочину, заваливается набок, а потом кувыркается вниз с насыпи. Тишина, только шум ливня, а потом столб пламени обращает тысячи капелек падающей с неба воды в горячий пар…

Отец верит, что мои заскоки начались после смерти мамы. Что тогда я пришла в неуравновешенное состояние и остаюсь неадекватной до сих пор. Но заскоки начались намного раньше. Я пыталась объяснить маме, что ощущаю и вижу. Мысленные образы часто не дают никаких ответов, только плодят кучу новых вопросов, а маленькому ребенку хочется знать именно ответы. Увы, мне так и

не удалось объяснить, что «чувствовать» иногда означает для меня нечто особое. Наверное, я попробовала бы изучить свою особенность в подростковом возрасте, но после смерти мамы было не до этого. А сейчас я побаиваюсь таких «экспериментов».

Отец приезжает на праздник Осинки с опозданием, но с достаточным шумом, чтобы привлечь к себе внимание. Раньше его к Ариадне не приглашали, но теперь расклад изменился. Теперь мой дорогой папочка вещает со всех телеэкранов страны про всякое непонятное – в качестве ведущего эксперта по эзотерике, нло, темпоральной физике и проблемам поиска атлантиды (всё это вместе взятое перемешать, взболтать и употреблять неокрепшим умам в качестве средства от интеллектуального запора). К тому же он с такой драмой в голосе говорит о произошедшей в его жизни трагедии, что и приглашают его не только ради рассказов о зелёных человечках. Людям нравится слушать о том, что можно неистово любить всю жизнь одну-единственную женщину и сохранять эту любовь даже спустя десятилетие после смерти любимой.

Я не теряю надежды, что однажды отец решит возвести на пьедестал своей великой любви живую женщину. Мне даже приснилось как-то, что он с безумным взором стоит на коленях перед портретом матери в спальне и заклинает её о даровании ему свободы. Но это главная проблема видений. Нельзя понять наверняка: видишь то, что есть, или то, что хочешь видеть; умеешь угадывать то, что произойдет, или то, что происходит, оказывается результатом угадываний? А даже если правильно угадываешь, это все равно не приносит ни спокойствия, ни радости.

Начинаются танцы, и мне в кавалеры навязывается стареющий фотограф Дионис – прекрасный пример, когда знание чужой особенности напрочь лишает шанса на нормальное общение.

В паспорте фотографа значится, что зовут его Денисом Петровичем Шкуркиным. Но с виду он самый настоящий Дионис, даже поредевшая шевелюра вокруг плеши на макушке создает иллюзию венка из виноградных листьев. А безобразные бесформенные рубахи, почему-то почитаемые Дионисом верхом моды, дополняют образ пародией на древнегреческую тунику. Однажды он приви-

делся мне в образе мифологического персонажа, да так им в моем восприятии и остался.

Дионис – поклонник мужской красоты, в чём он даже себе не признается. Его одиночные редкие связи с мужчинами глубоко засекречены, и сам он считает, что это очередное «бес попутал». Чтобы доказать собственную мужественность, Дионис соблазняет и ублажает женщин самыми экзотическими способами. Женщины его обожают, мужчины избегают. Что нисколько не мешает Дионису быть своим в самых разных тусовках.

В танце Диониса заносит в комплименты моей внешности. Не знай я, что ему моя внешность неинтересна, пожалуй, приняла бы за чистую монету. Или попыталась бы принять: не каждый день тот, кто выводит моделей на обложки, расточает комплименты форме моего носа. Увы, истинное положение дел из головы не выкинешь, поэтому я молча улыбаюсь и томно закатываю глаза. Переигрываю, потому что Дионис, подводя меня обратно к столику, развивает свою мысль перед Ариадной (ну перед кем же ещё?):

– Посмотри, Ариадночка, как же Риточка похожа на покойную Машу. У неё такой же трагический разрез глаз, такая же аристократическая посадка головы. Просто копия, лицо один в один. Ох, Маша, жаль, не дожила ты на свою девочку полюбоваться.

Маша, то есть моя мама, была роковой брюнеткой с песенными «чёрными очами» и шикарной косой до пояса. Я – обычная среднерусская девушка: глазки серые, волосы русые, собранные в куцый хвост, никакой «фемме фатале» и в помине. Так что сходство с мамой если и есть, то в каких-то параллельных измерениях.

Ариадна пытается остановить пьяную болтовню:

– Пока тихо – не буди лихо, хватит базарить глупости.

Краем глаза я замечаю, как морщится отец. Бедный мой папа, он не выносит, когда обсуждают покойную маму, а тут мало того, что её помянули всуе, так ещё и со мной сравнили. Жаль, но бестактная реплика Диониса выльется мне в очередной ледниковый период в отношениях с отцом.

– Не лезь к Риточке. Похожа, не похожа – какая разница? Маша ушла, и душа её упокоилась на небесах. Ни к чему покойницу на празднике вспоминать.

Диониса несёт дальше:

– Эх, какие девчонки выросли! А ведь ещё буквально вчера малявками бегали. Ариадна Сергеевна, а ваша-то девочка какова: и взрослая, и красавица!

Великая актриса сверкает грозным взглядом, но ничего не происходит – Дионис не испепеляется.

Осинка реплик Диониса не слышит, она занята болтовнёй с неким красавчиком. Неожиданные движения бёдер и взмахи рук красноречиво подсказывают, что шампанское взрослой красавице понравилось. Чуть позже придётся обоих просветить: Осинку – насчет расценок красавца, а кавалера – касательно истинного положения дел в кошельке прекрасной дамы.

Осинка чувствует мои грязные мыслишки, демонстративно показывает мне язык и уводит красавчика в другую комнату. А ещё два часа назад она жарко уверяла меня, что ни за что не станет жертвой мужского обаяния.

Вечер катится гладко. Своим чередом выступают циркачи, певички, трубачи и саксофонисты, а также артист разговорного жанра в неадекватном серебристо-золотом костюме. Мне хочется уйти. Прочь от толпы, от её коллективных мыслишек о еде и похоти.

Я уже договариваюсь с таксистом, когда ко мне снова привязывается Дионис. Слегка стиснув меня в своих объятиях, он немного отстраняется и жарко шепчет в моё ухо:

– Риточка, приезжай ко мне. Сделаем потрясную серию портретов. Ты и твоя мать – лицо одно, а эпохи разные. Не думай, денег не возьму, выставку хочу сделать, выставлю там всю подборку. Это будет сенсация!

– Да ну, ты напьешься, приставать будешь.

– Когда я к тебе приставал? Нет, ты скажи? Я разве смею?

Вздохнув, я неопределённо обещаю:

– Ладно, будет время – заскочу.

2. Семейный секрет

Неделя, другая – и я заскакиваю к фотографу. Не потому, что мне захотелось позировать. Уже давно никто не заговаривал со мной о маме, и я подумала, что будет любопытно повыспрашивать Диониса о том о сём.

Дионис мечется по студии – в творческом ударе. Увидев меня, он издаёт малопонятные восклицания и потрошит шкафы – собирает барахло, которое должно символизировать старое-новое, мёртвое-живое и что-то ещё подобное. В итоге он водружает на меня чёрный парик под Мирей Матье и шляпу, увидев которую любая красотка рококо скончалась бы от невыносимой зависти. А вместо платья мне приходится облачиться в халат с множеством висящих лоскутов. По команде Диониса я то сижу на роскошном красном диване, то лежу на чёрно-белом ковре, то зависаю над огромным подоконником.

Дионис снимал меня и раньше. Моё лицо, неузнаваемое под макияжем, дважды засветилось на международных биеналле, но лишь теперь он вдохновляется придуманным для меня образом и чем-то, что видит в окошке своей камеры. До меня доносится возбужденный шёпоток девчонок-моделей, парочка-другая которых всегда пасётся в студии: «Дионис творит! Гений! Фотограф века!»

– Ты, Риточка, потрясена будешь. А ещё говорят, от нас что-то зависит. Все, все уже заложено. Вот они, гены-хромосомы. И руки у тебя, как у матери. С такими же длинными пальцами. Потрясающе!

Когда творческий азарт фотографа немного остывает, я решаюсь выдать Дионису семейный секрет:

– Денис, ты только не обижайся, но то, что я похожа на мать, доказывает только то, что воспитание закладывает в нас куда больше, чем кажется.

– Не понял, к чему ты клонишь.

– Меня удочерили. В три года. Мы с мамой не родные друг другу. Во мне не заложены её гены.

Дионис долго смотрит на меня, склонив голову набок, и решительно отвергает факты:

– Не может быть, чтобы не было никакого родства.

– Ну, бывают же люди-двойники. Наверное, поэтому она и приметила меня в детдоме.

– Почему я ничего об этом не знаю?

– Изначально никто ничего не скрывал. Некоторые факты сначала тихо умалчивали, не афишировали. Потом за давностью лет всё, что называется, быльем поросло.

– А твои братья?

– Их тоже усыновили. У мамы не могло быть детей.

Дионис доходит до бара, наливает себе чего-то крепкого из пузатой бутылки, рывком опрокидывает содержимое стакана в рот, выдыхает и лишь потом высказывается:

– Я поражен. До глубины души. В этой истории что-то не сходится. У тебя есть мамины фотографии?

– Дома есть. Но я туда соваться не буду. Ты же знаешь, мы с отцом не ладим. Мне его лишний раз злить не хочется.

– Ладно, я как эти твои фотки сделаю, пороюсь в старых коробках, тогда ты сама всё увидишь. Ты по масти другая, это да, но в остальном сходство неоспоримое. Ты когда на вечеринке появилась, я прямо замер. У твоей матери тоже было жёлтое платье, и на мгновение я решил, что вижу её призрак. Она была такой необыкновенной, неземной, и я бы не удивился, если бы она превратилась в привидение. Я был разочарован, что это всего-навсего её живёхонькая дочь.

– Мне не по себе. Но спасибо. Ты хорошо знал маму?

– Как сказать. Тебя вот хорошо знаю? Насколько мне камера позволяет. Ты – комнатный цветочек с хрупкими лепестками, вынужденный расти не в тёплой уютной оранжерее, а на обочине скоростного шоссе. И ты не обычная девушка, каких полно в этом городе, ты выносливей пустырника и вредней чертополоха.

Комплимент? Сомнительный какой-то.

– А Маша всегда и везде была шикарной розой. В любых условиях она завораживала чем-то таинственным, спрятанным между лепестков. Её любили за красоту и одухотворенность, за страстность и гордость. Посмотри, как Ариадна пыжится быть неотразимой – это она твою мать копирует, хотя и с успехом провинциальной мартышки.

Я смеюсь, представив себе некую мартышку с чертами лица великой актрисы. Дионис улыбается и продолжает:

– У твоей матери было много обожателей, но она сама была замкнутой. С виду общительной, весёлой, но не откровенной. Ариадна сейчас о великой дружбе глаголет, но кто знает, что было бы, доживи Маша до нынешних лет.

– А в её великую любовь с отцом ты веришь?

– Да. Это было помешательство, во всяком случае, с его стороны точно. Он глаз от неё отвести не мог. И готов был на всё ради одной её улыбки. Знаешь, это только звучит красиво, но на деле пугает. Прикажи она ему выпрыгнуть в окно, он бы, не задумываясь, прыгнул в тот же момент. Думаю, твою мать такая самоотверженность напрягала – она всегда была очень точна в своих пожеланиях. Зато никогда ни о чем не беспокоилась, полагалась на мужа. Сообщала ему о том, что нужно купить, достать, сделать – и забывала о проблеме.

– А мы, дети? Ты, правда, не знал, что мы приёмные?

– Милая, я не настолько стар, как тебе хочется это представить. Я с твоими предками познакомился, когда ты уже в школе училась. Думаешь, меня волновало твое существование, не говоря о прочих тонкостях твоего бытия?

– Ты сказал, что у тебя есть мамины фото.

– Да, однажды я сделал для неё серию, но ей не понравилось.

– Пообещай, что как-нибудь найдешь их, ладно?

– Ритуля, я пообещаю хоть луну с неба, только это ничего не будет стоить. Но если тебя мать интересует, поговори с Ариадной, с отцом, узнай, как она жила, с кем общалась. Может, и ребус с удочерением решишь.

Дионис быстро пропускает ещё стаканчик. Все эти откровения явно охладили его художественный раж. Поболтав ещё немного о своей будущей великой выставке, он меня выпроваживает, пообещав прислать мои снимки, «как только я решу, что они готовы», и мамины старые фото, «если вдруг о них вспомню». По опыту я знаю, что все это равновероятно может означать любой день от завтра до никогда.

Не сглупила ли я, раскрыв свое удочерение Дионису?

Я узнала о том, что я – приёмный ребёнок, около десяти лет назад, через две недели после похорон матери. Однажды вечером, после проверки уроков, отец усадил меня за стол и деловым тоном

поставил меня в известность о том, что я – подкидыш. Меня нашли на улице и, как всякую подобную шваль, поместили в дом ребёнка. Мама случайно увидела меня за забором этого мерзкого заведения, и я, подлое существо (трех лет от роду), обманным путем (состроив умильную мордашку) втёрлась к ней в доверие. Отец был категорически против, но мама уговорила его забрать домой лживое отродье, из-за которого семье пришлось пережить множество неисчислимых бед (двойки за поведение, отиты, простуды, траты на платья и колготки)…

Истории братьев оказались примерно такими же, кроме одной детали – их родители умерли, и в детском доме они оказались из-за того, что никто из родственников не пожелал взять малюток к себе. Костика усыновили в четыре года, и почти сразу за ним забрали двухлетнего Сашу. Я в тот момент только появилась на свет и оказалась в доме Рогальских ещё через три года…

Какое-то время после этих откровений я обвиняла отца в жестокости, но потом поняла, что он был всего-навсего честен. Когда-то он принял нас, потому что так хотела мама, которую он безумно любил. Но без неё вытерпеть нас он не смог.

После смерти матери двадцатилетний Константин перевелся из столичного университета в захудалый провинциальный вуз Дальнолесинска. Город был выбран наобум, но там же Костя и обосновался после окончания учебы. Проворачивая дела вокруг порта, он быстро встал на ноги, обустроился и зажил размеренной жизнью предпринимателя средней руки.

Александр перетерпел до восемнадцати и ушел в армию, а после завербовался по контракту. С развитием военных конфликтов он предпочёл уйти со службы и с подачи Кости занялся портовыми делами, но уже в Питере.

С отцом осталась только я. Девочка с фантазиями о неведомой женщине, материализовавшейся в одной отдельной точке пространства-времени лишь для того, чтобы произвести меня на свет. Я придумывала о биологической матери всякие истории. Разумеется, она была глубоко несчастной, трепетной и юной женщиной. Родила меня от большой любви, но обстоятельства разлучили её с любимым, и она оставила меня на время, пока ветер не переменится. Увы, несчастная попала в ужасные беды и умерла в горе и одиночестве, так и не увидев свою милую крошку (Диккенса я про-

читала позже). На некоторый период я сделала из биоматери женский вариант Робинзона Крузо: она попала в кораблекрушение и выживает на необитаемом острове только для того, чтобы найти и обнять меня со слезами. Потом были жертва политических интриг, разведчица в плену врагов и бедняжка, потерявшая память.

Все эти сказки не были предательством мамы – лишь попыткой спастись в иллюзорном мире. Настоящий мир подчинялся железной воле отца. Два года я старалась быть тихой и незаметной, чтобы не нарываться на бесконечные нотации с неизменным выводом о том, что я должна беречь память о маме. А потом оказалось, что все обязательства отец по отношению ко мне выполнил, и я могу быть свободна. Проще говоря, вольна катиться на все четыре стороны. Я и покатилась…

3. Книжная ярмарка

Дионис, сам того не желая, заронил мне в голову идею, которая росла, росла и выросла до того, что однажды в выходной день я встаю с кровати, собираюсь, настраиваюсь и отправляюсь туда, где рассчитываю встретить отца. Осинка, которую я активно агитировала составить мне компанию, упрямится и неопределённо ссылается на важную встречу. Знаю я эти встречи: «Здравствуй мой милый диванчик, как давно я тебя не видела».

Выставка достижений – территория моего детства. Фонтаны, павильоны, аллеи – когда-то мама приводила меня сюда покататься на аттракционах. Мы тогда жили совсем недалеко, в скромной девятиэтажной панельке. До успеха отца было ещё несколько лет.

Увидев знакомые силуэты павильонов, я мгновенно переношусь в прошлое.

Изящная красивая женщина кружит на руках маленькую девочку в яркой жёлтой курточке. Малышка заливисто хохочет – и в её смехе так много веселья, эмоций, детской необузданности…

А я все ещё стою на одной из аллей. Да, это точно было здесь. И даже лавочка стоит на том же месте. Нет, уже не та самая: старые лавки были закругленными, длинными, располагающими к долгим посиделкам. Сейчас же на старом месте стоит скорее скамейка. На такой уже не получится часок посидеть, почитать книжку с

комфортом. Так, лишь на бегу присесть на полминутки – поправить обувь.

Выбросив глупые мысли о лавочках, я прибавляю шагу и вхожу в павильон книжной ярмарки.

Книжки, книжки, ещё книжки… Натыкаясь на спины и наступая на ноги, я машинально бормочу извинения, пробираясь все дальше, все глубже, к не слишком приметному стенду, где должна быть выложена новая книга отца – «Теория взаимодействия между информационными струнами пространства и электрическими сетями человеческой цивилизации».

Я совсем не физик, но всё, что писал и пишет отец, представляется мне бредом. Моё мнение, разумеется, не мешает ему публиковаться приличными тиражами, выступать с мутными речами в передачах по зомбоящику и даже читать лекции перед собраниями вроде «Общества поддержки иноземных цивилизаций». Недавно отец даже стал академиком – Российской академии эзотерических наук. Вроде бы, его избрание состоялось за небольшую плату, но это не мешает ему скромно упоминать: «Я всё-таки академик».

Я вижу его издалека. Высокий мужчина с благородным лицом и хорошо поставленным голосом произносит речь, наполненную мудрёными словами: «импринтинг», «дискретность», «солипсизм», «дифференциальность», «гендерность». Я не понимаю, к чему он ведёт, как, вероятно, и внимающая ему толпа вокруг.

Смиренно дождавшись окончания речи, я болтаюсь рядом с выставочным стендом ещё битый час, прежде чем подойти к светилу новой научной мысли. Светило перекашивается в лице, но затем спохватывается и изображает вежливый интерес:

– Не ожидал тебя здесь увидеть. Заинтересовалась серьёзной литературой?

– Пап, я хотела повидаться с тобой.

– Здесь много людей, которые собрались для этого. Тебя интересует что-то конкретное?

– Я давно не была дома. Может, у тебя найдётся минутка, чтобы я могла ненадолго заскочить. Пожалуйста.

– Ты ходишь кругами. Так и не научилась излагать свои просьбы в доступной форме. Что конкретно тебя интересует?

– Я хочу посмотреть мамины фотографии.

– О, Господи!

В голосе отца звучат укоряющие нотки, хотя в целом тон остаётся спокойным – вокруг много публики.

– Рита, я был бы тебе благодарен, если бы ты не стала выкладывать свои ерундовые проблемы в столь ответственный для меня момент. Ты должна понимать, что от презентации этой книги зависит многое в моей профессиональной жизни.

Все заготовленные слова застревают у меня в горле. Разве я не знала, что так и будет? С языка по привычке рвутся извинения, но мне удаётся их подавить:

– Отец, подари мне книжку с твоим автографом? Мне было бы приятно показать её друзьям.

Удачно. Мне удалось его удивить. Просьба выглядит неожиданно выкинутым белым флагом, и отцу требуется с полминуты, чтобы это обдумать. Наконец, он протягивает мне экземпляр книги, с непременным наставлением:

– В твоем возрасте не стоит зарабатывать авторитет за счёт известности отца. Хвастаться книгами родителей свойственно подросткам, а ты всё же взрослая женщина.

Точно подмечено. Как бы мне теперь дать задний ход и выбраться отсюда? Отец продолжает сеанс моего воспитания:

– Хочу заметить, что ты могла бы выбрать менее загруженный день для посещения. Я должен успеть пообщаться со всеми. Ведь от успеха книги зависит и твоё будущее тоже.

Я ни в чем не завишу от отца последние десять лет, с тех пор как по его настойчивой просьбе ушла из дома. Да и в самом доме я была за это время считанное количество раз, неизменно с папиного высочайшего позволения и только в ситуациях, когда обстоятельства подпирали. Но перед своими друзьями отец по-прежнему выставляет меня маленькой девочкой, капризулей и лентяйкой. Я не опровергаю его слова. Зачем? Прослыть ещё и неблагодарной? Ему пришлось терпеть меня достаточно долго. Пусть говорит, что хочет, мне всё равно.

– Да, пап, ты прав, конечно. Извини. Я ухожу, до свидания.

Торопясь оказаться как можно дальше, я не замечаю выскочившей мне наперерез массивной дамы, в результате чего получаю мощный импульс и отлетаю в чей-то упругий живот. Дама шипит

что-то малоцензурное, а я поворачиваюсь и смотрю на того, кто так удачно предотвратил моё падение.

Крепкий мужчина – немного выше меня, но шире в плечах раза в два. Некрасивое лицо с резкими чертами смягчается добрым выражением карих глаз, и я на долю секунды представляю эти глаза смеющимися, счастливыми, смотрящими на меня с любовью…

Внутренний голос командует: «Стоп! Уходи и быстро!»

Мужчина чуть склоняет голову набок и протягивает мне руку:

– Кирилл.

Силы небесные, я что, ещё и коснуться его должна? Может, закосить под сумасшедшую и сбежать?

Ладонь у него приятная, тёплая. Скорее всего, Кирилл трудится на интеллектуальной ниве, но не чурается физического труда по выходным. Может, у него есть домик в деревне – простой, но уютный? Если бы сбежать туда прямо сейчас…

– Ау, ты забыла представиться.

Голос уверенный, но без командирских ноток.

– Рита.

Можно я ешё постою, впитывая чужое спокойствие? И стремление к конечной точке на земле, которая называется домом.

Кирилл первым отпускает мою руку:

– Нашла, что искала?

Я не сразу понимаю, о чём это он. А! Он недоуменно и даже с лёгким презрением разглядывает книжку отца. Значит, тоже не верит в информационные струны. Но пускаться в объяснения будет нелепо.

– Да, нашла.

– Я ухожу. Подвезти тебя?

Никаких лишних слов. И всё сказано. Я точно влипла. Надо было сразу бежать. Но теперь уже поздно. Теперь эти карие глаза обладают властью позвать меня куда угодно.

Удобно устроившись на переднем сидении внедорожника, я принимаюсь рефлексировать на тему «что делать, чтобы всё не испортить». У меня было не так уж много романов, и все они заканчивались одинаково: мужчины выставляли меня из своей жизни и вздыхали с облегчением. Несколько лет я уклонялась от любых романтических историй и подзабыла, что полагается говорить и как себя вести.

Кирилл невозмутимо управляет автомобилем, время от времени посматривая на меня – словно проверяя, что я не испарилась. И сколько времени мы уже так едем? И куда?

Звонит мобильник.

Почему у меня всегда так? Проклятые телефоны, почему люди всегда звонят мне, если у них проблемы?

В трубке глухо бьётся голос Осинки:

– Рита! Риточка! Помоги! Пожалуйста, помоги! Мне очень плохо. Я отравилась… Никого больше нет. Приезжай…

Я засовываю телефон поглубже в сумку и прошу Кирилла:

– Останови здесь.

Позвонить Ариадне – пошлёт на три буквы. Осинка уже и вешалась, и резала вены, великой Тернопольской было на это наплевать. Теперь отравление. Неужели из-за альфонса? Вроде до статуса великой любви очередное увлечение Осинки ещё не доросло? Или я что-то пропустила?

Кирилл притормаживает и поворачивается:

– Так куда едем?

Он не хочет меня отпускать. Что ж, я его за язык не тянула.

– На набережную Яузы.

Огромный дом, где жила Осинка, всегда казался мне похожим на монету. С одной стороны, он исполнен добропорядочности: недалеко река, рядом сквер с большими тополями – гуляют люди с колясками, сидят старушки. Но другая сторона, нависающая над железнодорожными путями и станцией, собирает возле себя все пороки мира.

Я командую Кириллу, куда поворачивать, но смущаюсь, когда машина тормозит возле подъезда с массивной дверью. Новый знакомый улыбается и, быстро выскочив из машины, галантно распахивает дверь с моей стороны:

– Добро пожаловать домой?

Я отрицательно качаю головой:

– Это не дом. Здесь подруга. Она больна.

– Я пойду с тобой.

Надо возразить, но я боюсь. Я чувствую беду…

На долгий звонок никто не откликается. Я вытаскиваю из сумки маленькую пилку для ногтей и привычным жестом подцепляю

железку в глубине замочной скважины. Дверь распахивается, и я врываюсь в одно-единственное большое помещение.

Осинка лежит прямо посередине большого круглого ковра. Белая как мел и отвратительно воняющая. Пятна грязи вокруг не оставляют сомнений в том, что она действительно отравилась. Усилием воли я отключаю обоняние и быстро опускаюсь рядом с ней на колени.

Руки холодные, сердце бьётся. Жива. Продержится ещё пару часов, но нужны антидоты. Я закрываю глаза и беру её за обе руки. Чем ты отравилась, Осинка? Объясни, это важно. Покажи мне этот яд, я должна знать.

Большая комната-студия – дурацкий проект самой Ариадны. Снесены все перегородки, включая и те, что создавали подобие интимности в санузле. Медная ванна стоит на постаменте, который чуть загораживает, но не закрывает целиком антикварный стульчак, сразу за которым начинается пандус барной стойки. Круглое ложе задвинуто в угол – красивое на картинках, оно жутко неудобно в качестве кровати, спать можно только одному и посередине, иначе какая-нибудь часть тела обязательно свалится.

Свидание было коротким. Мужчина слез с шёлковой простыни и сразу затиснулся в узкие джинсы. Быстро одевшись, он направился к выходу, не обращая внимания на полуголую женщину, оставшуюся в постели. Хлопнула дверь, и только тогда Осинка неловко слезла с кровати. Помятое лицо, грустные глаза… Зачем спать с мужчиной, если потом так себя презираешь?

Подружка нацепила коротенький халат, затянулась сигаретой и потянулась рукой за тумбочку, за бутылкой вина. Осинка сделала несколько жадных глотков прямо из горлышка бутылки. Умница. Пила бы понемножку маленькими глотками, я бы уже чёрное платье заказывала…

Кто-то встряхивает меня за плечи. Кирилл? Не сбежал сразу, это здорово.

– Рита, очнись, я договорился. Мы едем в больницу.

– Хорошо.

Я вынимаю из резного винтажного комода чистое полотенце и через него осторожно достаю из щели бутылку. Все моё существо

протестует против приближения к опасному предмету, приходится в очередной раз доказывать собственному организму, что главное – мозг. Доставим яд в больницу, а там пусть эксперты разбираются, что это за отрава.

Кирилл без сомнения поднимает грязное тело Осинки на руки и уверенно выходит на лестницу.

– Рита, пошли, не стоит медлить.

Было бы здорово, если бы Кирилл подхватил бы на руки меня… Тьфу. Подруга помирает, а я думаю о том, как бы прыгнуть в мужские объятия.

Через час с небольшим мой мир возвращается в относительное равновесие. Осинка лежит в специальной палате, опутанная капельницами и проводами. Мы с Кириллом стоим рядом возле небольшого парапета у приёмного покоя. Стоим и молчим.

Я думаю о том, как его поблагодарить. Кошусь на случайного знакомого и не могу подобрать слов. «Ах, не знаю, что бы я делала без тебя!». Глупо. Я бы спасла Осинку и без него. Наверное. Но всё же его помощь оказалась очень кстати…

Мы молчим и молчим. Я ограничиваюсь коротким:

– Спасибо, Кирилл.

Возникает пауза, словно мы оба ждём друг от друга каких-то ещё слов. Наконец, решив заговорить, мы начинаем одновременно – и снова молчим. Я настраиваюсь молчать хоть до третьего пришествия, и после пары минут Кирилл замечает:

– Я рад, что оказался здесь. И рад, что довелось помочь.

К воротам больницы подкатывает кавалькада машин. Вперёд всех охранников из второго авто выскакивает Ариадна, она бросается бежать по широкой аллее к приёмному покою. Вахтёр маленькой сторожки на въезде выскакивает вслед за ней, но тут из джипов высыпаются дюжие молодчики, и он утрачивает интерес к происходящему.

Кирилл изумленно вглядывается в приближающуюся женщину:

– Господи, мне не мерещится? Это же…

– Да, только не болтай журналистам. Пожалуйста.

Ариадна вцепляется в меня с неожиданной силой:

– Где?

Бросив Кириллу короткое «Пока», я веду её наверх, к палате реанимации.

Только через несколько часов, когда охранник Ариадны притормозил возле моего дома, меня осеняет, что я понятия не имею, как теперь найти Кирилла.

4. Рита ищет Кирилла

Я добираюсь до своей каморки в шесть утра. Спать хочется до чёртиков, но сплю я плохо. Заблокированная на время память восстанавливается и услужливо прокручивает случившееся с Осинкой.

Осинка повесила новые бежевые шторы, я их ещё не видела. Часы в стиле барокко потеряли левую завитушку, отчего стало сразу понятно, что это пластиковая подделка. Рюмки для шампанского были приготовлены, но не использованы. На этот раз Осинка слишком далеко зашла, попытка едва не оказалась удачной.

И почему именно в этот злополучный день я должна была встретить Кирилла? Есть ли что-нибудь менее романтичное для первого дня знакомства, чем чье-то вонючее тело, которое нужно тащить в больницу?

Немудрено, что Кирилл и не подумал продолжить столь странное знакомство. Хотел бы – сразу взял бы номер телефона. У мужчин это базовая программа: увидел, влюбился, телефон. Если сам не спросил, а я, растяпа такая, со своей стороны не навязала, значит всё, адью, не сложилось.

Кирилл снится мне в виде светлого расплывчатого человека с неопределёнными чертами, и я шепчу ему во сне что-то нежное. Проснувшись, я со смущением понимаю, что не помню его лица. Только добрые карие глаза и резкую линию скул. Вот помнить чужие шторы – это да, помню со всеми складочками. А вспомнить, во что был одет любимый человек – это для моих запутанных мозгов непосильная задача.

Почему я обратила внимание на часики, а вот в чужую машину села, даже не взглянув на номер? Ладно, номер, я и на марку внимания не обратила. Большой чёрный внедорожник. Буду останавливать все подряд, заглядывать с надеждой в окно и ласково спрашивать: «Кирилл?» Войду в историю городского транспорта под кликухой «Кириллова ведьма»? Будто мало мне других кликух…

Я стою в павильоне книжной ярмарки ровно на том же месте, где врезалась в Кирилла позавчера. Переминаясь с ноги на ногу, я смотрю на двери главного входа и сжимаю в руке бумажку с телефоном. В абсолютно пустой голове нет было ни видений, ни мыслей. Только тупая перекличка маленьких барабанчиков: «Придёт – не придёт, увижу – не увижу, узнаю – не узнаю».

Увы, первым, кто меня увидел, оказывается отец. Видимо, он присутствует возле стопки книг каждый день – чтобы завлечь в свою интеллектуальную секту побольше адептов информационных струн. Несколько секунд отец надеется, что я – неприятная галлюцинация. Понимает, что глаза его не обманывают, и приходит в крайнее раздражение. Раздвинув толпу, он направляется прямо ко мне и с упрёком спрашивает:

– Мне казалось, мы поняли друг друга в прошлый раз? Я что-то непонятно изложил? Ты могла бы быть более внимательной к моим просьбам.

– Здравствуй, папа.

Уголок мужественного рта чуть дёргается. Отец не любит, когда его называют на людях столь фамильярно, по-домашнему. Я это знаю. Он знает, что я знаю, ну и так далее. Обычно я ухожу от таких конфликтов, и отступление от правил родителя напрягает. Я спешу объяснить:

– Видишь ли, я не к тебе. Я ищу одного молодого человека.

– Почему надо выбирать такие нелепые места для встреч? Он что, совсем бедный?

Вопрос финансовой состоятельности моих потенциальных женихов волнует отца в первую очередь. Несмотря на велеречивую патетику и призывы к альтруизму, которыми изобилуют его книги, в жизни он приверженец прагматизма. И в отношениях со мной и братьями никогда не стесняется задавать прямые вопросы.

– Я не знаю, бедный он или нет. Собираюсь выяснить.

– Имеет смысл делать это в первую очередь.

– Ты бедность мамы тоже проверял в первую очередь?

Вот кто меня за язык тянул? Зачем надо дёргать тигра за усы?

Раздражённый отец тут же припечатывает:

– Рита, ты ведешь себя как гормонально неустойчивый подросток. Позволь напомнить, что тебе двадцать пять лет, и подобные

выпады тебе не к лицу. Прощаю твою грубость, но, пожалуйста, избавь это место от своего присутствия.

Отец окатывает меня презрительным взглядом, но не уходит, как я надеюсь, а демонстративно встаёт в позу ожидания. Что может сделать кролик перед удавом? Позорно отступить, конечно. Я осторожно пячусь, показывая отцу, что да-да, я уже ухожу, ухожу. Когда отец всё же отворачивается, сзади раздаётся уверенный голос Кирилла:

– Рита, ты всегда перемещаешься спиной вперед?

Он здесь, я его нашла! Мне отчаянно хочется броситься ему на шею. Но я лишь протягиваю ему руку с зажатой бумажкой:

– Это мой номер телефона.

Карие глаза смотрят на меня с весёлым изумлением. Кажется, я переборщила с простотой подхода.

Кирилл вносит цифры с бумажки в свой мобильник и сразу набирает номер. Мой телефон послушно тренькает. Я машинально нажимаю отбой, и Кирилл смеётся:

– У тебя мой номер определился? Запомни его.

Оторвавшись от телефона, я понимаю, что Кирилл решает в голове какую-то сложную проблему. Наконец, он молча берёт меня за руку и ведёт за собой. Люблю решительных мужчин. Все эти лишние «Дорогая, не будешь ли ты так любезна последовать за своим повелителем» в действительности утомляют.

Кирилл приводит меня к стенду независимого издательства «Григорион». Молодой человек с козлиной бородкой выходит нам навстречу:

– Нашёл очередную фею?

О-о, это я – фея? Мило. Но «очередная», конечно, обидно.

Во взгляде Козлиной бородки плещется острое неодобрение. В его представлении любая особа женского пола – существо красивое, но глупое, ничего не умеющее и цепляющееся за мужчин, как растение-лиана.

Значит, Кирилл предпочитает подружек-фей? Я на мгновение задыхаюсь от острого чувства ревности, но потом мысли сворачивают на другую проблему. Фея – это неземная, воздушная, сказочная дива, а я совсем не такая. Смогу ли я перевоплотиться в добрую волшебницу? А если смогу, то надолго ли?..

Кирилл не слишком деликатно выталкивает меня вперёд, и я протягиваю руку Козлиной бородке:

– Рита. Ведьма. Но если надо, нафеячу от души. Обращайся.

– Идальго Мигель.

– Буэнос диас, Мигель.

– Буэнас, буэнас. Буу-эээ-нас.

Идальго было ввёрнуто для красного словца, но парень оказывается потомком переселившихся в Союз испанцев. После нескольких дежурных фраз мужчины переходят к трескотне вокруг какой-то публикации в журнале.

Отвлёкшись от беседы, я прохожу вдоль стенда и обращаю внимание на один из буклетов. Взяв его и рассмотрев поближе, я с трудом удерживаюсь от истерического смеха. На обороте буклета расположены фотографии популярных авторов с краткими анонсами статей. На одном из фото улыбается Кирилл Весенин, а аннотация гласит, что это репортёр, завоевавший престижную премию.

«Не болтай журналистам». Блестяще сказано – перспективному журналисту. Хорошо ещё, что он не пишет для жёлтой прессы.

– Рита, пошли!

Я киваю Мигелю и вслед за Кириллом пробираюсь сквозь толпу к выходу.

Открыв передо мной дверцу машины и галантно поддержав меня под локоть, Кирилл небрежно спрашивает:

– У тебя много подруг?

– Нет, парочка. Одну мы вчера оттащили в больницу, а вторая почти нормальная.

– А родственники есть?

– Есть. Но они далеко.

– Поехали ко мне?

– Поехали.

Кирилл живёт в скромной пятиэтажке в отдалённом районе. Но квартира только что отремонтирована, и почти половину единственной комнаты занимает новая кровать. Нет, «кровать» – слишком примитивное определение. Королевское ложе – так будет точнее.

На пару минут я проваливаюсь в омут неуверенности. Но тёмная сторона моего многогранного сознания посылает все сомнения

к черту. Я достаю телефон, отключаю его и кладу на барную стойку, уходящую по сложной траектории вглубь кухни. Кирилл небрежно бросает рядом и свой выключенный мобильник.

Поцелуй, второй…

Несколько блаженных часов в объятиях друг друга…

Уже вечером, полюбовавшись спящим мужчиной, я тихо выскальзываю и уезжаю на такси. Уходить не хочется, но мне нужно немного времени, чтобы перевести дух. Я скоро вернусь.

5-К. Кирилл ищет Риту

В справочнике забытого Ритой телефона значится сорок два номера. Кирилл терпеливо и настойчиво перебирает их по одному, но к полудню доходит до исступления.

Первые двадцать четыре номера оказываеются телефонами компаний, и вежливые секретарши этих компаний не знают никакой Риты. Трёх Рит Кирилл всё-таки находит, но они оказываются не той, кого он ищет. Несколько номеров вообще выключены.

Двадцать восьмой контакт под обозначением SKV скрывает номер самого Кирилла.

Борясь с желанием раздолбить чёртову коробочку о стену, Кирилл набирает двадцать девятый номер, названный TLP. Отвечает вежливый голос, от которого веет холодом:

– Рита, чего ты добиваешься? Я ясно выразился – у меня нет времени на твои глупости. Займись своими делами и перестань меня доставать. Сейчас рабочее время, и я занят решением важных проблем.

Кирилл ловит себя на остром желании найти этого придурка и въехать ему по морде. Неужели это чмо имеет значение для Риты? Мысль нестерпима. Нет, этого не может быть.

– Простите, но я не Рита. Она оставила у меня свой мобильник, и я хотел бы с ней связаться, чтобы вернуть его. Вы не подскажете, как я могу её найти?

– Молодой человек, прежде чем звонить по всем номерам, вам следовало бы подумать о том, что некоторые могут оказаться приватными, для экстренных случаев. Прежде чем приводить к себе подружку, можно было бы получше узнать её, верно? Тогда не пришлось бы разыскивать её таким нелепым образом.

Контакт прерывается.

Энергично побоксировав воздух минут пять, Кирилл методично обзванивает номера из списка дальше.

Третий номер с конца – XNA – вне зоны действия сети.

Предпоследний номер – ZOV.[1] Здесь Кириллу вроде бы везёт: ответичает девушка, которая, вникнув в ситуацию, устраивает журналисту небольшой допрос. Поверхностно удовлетворив свое любопытство, Изабелла признаётся, что не может дать никаких координат Риты. Адреса подруги она не знает, электронной почтой Рита не пользуется. Но Изабелла уверена, что в этом нет никакой проблемы – Рита наверняка запомнила номер Кирилла, и она непременно догадается позвонить на собственный телефон, как только обнаружит его отсутствие.

Узнав полное имя подружки – Маргарита Евгеньевна Рогальская, Кирилл пытается найти о ней что-нибудь в интернете. Тщетно. Зато выясняется, что Евгений Рогальский – автор эзотерической книжонки, которую Рита утащила с выставки, – приходится загадочной фее отцом. Именно этот занудный тип скрывается под загадочным обозначением TLP.

Системы в обозначениях по-прежнему не просматривается, но жить становится немного веселее.

В конце рабочего дня телефон оживает и выдаёт замысловатую серию трелей. Мягко грассирующий голос сообщает, что ждёт Риту сегодня же, потому что получившиеся фото превзошли все самые смелые ожидания. Кирилл объясняет, что завладел телефоном по стечению обстоятельств, но потом решается на авантюру и обещает подъехать вместе с Ритой. А даже если он её не перехватит, то приедет один, так как не может усидеть на месте, зная, что фото готовы.

Записав адрес и телефон фотографа, Кирилл бросается выяснять биографию Дениса Шкуркина. Биография оказывается противоречивой, и в голове Кирилла мечутся самые невероятные предположения.

[1] Что означают коды для Риты: TLP – твой дюбимый папа (Евгений Рогальский), SKV – с книжной выставки (Кирилл Весенин), XNA – Олеся Блюнтер (Осинка), ZOV – Изабелла Зотова

До шести вечера Рита так и не объявляется, Кирилл отправляется к фотографу один. Денис оказывается совсем не тем человеком, которого он ожидал увидеть. Но его портреты Риты завораживают.

Кирилл весь день боялся, что может не узнать рассеянную фею. Он хорошо запомнил только её серые глаза и пленительную линию рта с мягкими губами. Увидев первую же фотографию Риты, журналист понимает, что теперь не сможет забыть это выразительное лицо. Денису удалось схватить разные эмоции девушки: на снимках она то чуть печалится, то хмурится с раздражением, то весело улыбается. И везде кажется отстранённой, неземной.

Денис откладывает в отдельный конверт десяток фотографий, затем вытаскивает из пачки бумаг на столе ещё один конверт и протягивает оба Кириллу:

– Отдай Ритуле. Здесь, во втором конверте, её мать. Я думаю сделать к зимней выставке серию «Пересечение времен». Не знаю, парень, насколько ты в курсе истории с усыновлением, но я думаю, что Риту крупно обманули. Она очень похожа на ту, которую считает только приёмной матерью. Без общих генов тут не обошлось.

Кирилл порывается открыть второй конверт, но Денис его останавливает:

– Эй-эй, не сейчас! Потом посмотрите. И ещё, скажи Рите, что я смогу использовать снимки для рекламы. Отказов не приму. Я знаю, для неё лишняя тысчонка на дороге не валяется.

После беседы с фотографом Кирилл окончательно убеждается в том, что его девушка одинока. Мама умерла, отец – холодный болван. Друзья – чокнутая девица с суицидальными наклонностями и экзальтированная спелетница, не знающая, где Рита живет и чем занимается. Надежда, что внезапное наваждение схлынет, стоит только удовлетворить страсть, рассеивается. Журналисту ничего не остаётся, как признаться самому себе – он по уши влюбился в таинственную ведьмочку.

6. Средний брат

Работа-забота, где бы найти трудолюбивого Федота, чтобы делал всё он, а денежки шли в кошелёк бедной Риты?

Хозяйка устраивает мне выволочку за незапланированный отгул. Слушая грубости, я лишь улыбаюсь, и этим окончательно расстраиваю строгую мадам. Да и пусть себе побесится, ей полезно.

Беспокойство подкрадывается только к вечеру – Кирилл не звонит. И неудивительно, отсутствие звонков – прямое следствие отсутствия телефона. Кто бы ещё так быстро догадался.

Набрав номер Кирилла в автомате, я настраиваюсь на любой исход. Долгие гудки выматывают, но потом весёлый голос нетерпеливо спрашивает:

– Рита? Ты где?

– У Красных ворот.

– Я сейчас приеду.

Удобно устроившись в кресле огромной машины, я с удовольствием вглядываюсь в проносящийся мимо город, полный огней и спешащих людей. Так здорово положиться на судьбу и не загадывать ничего вперед…

Два дня я пребываю в счастливо-законсервированном состоянии, наплевав на все горести мира. Не существует никаких горестей – их не может существовать в этом прекрасном мире. Я щедро трачу драгоценное время на работу, сон, магазины и мелочи вроде уборки, не подозревая, что это маленькое счастье выпало мне в момент разворота корабля судьбы носом к шторму.

Раздаётся звонок. Акела сообщает, что прибыл в первопрестольный град, поэтому мне надлежит бросить все свои дела и приступить к решению его проблем.

Брата Сашу всегда тянуло к приключениям. Он зачитывался мальчишескими романами и выдумывал игры с участием понравившихся героев. В период увлечения Киплингом и миром джунглей он стал называть себя свободным волком Акелой. Костя превратился в мудрого Каа. Малышка Рита могла бы стать Багирой, но оба брата сошлись на том, что до умной и сильной пантеры пятилетняя соплячка не дотягивает.

Мимолётно придуманные прозвища прижились настолько, что и по сию пору братья называют друг друга не иначе, как Акелой и Каа. А вот соплячка как была просто Ритой, так ею и остаётся. До гордой Багиры по-прежнему не дотягивает.

Мои отношения с братьями рассыпались, как только они улизнули из дома. Костя отмахивается от нашего семейного прошлого и общих приемных родителей, я не его сестра – и точка. Саша, наоборот, подчеркивает факт родства, но любит изображать избалованного мальчика, которому сестра должна то да се, да вот это, тридцать пятое.

И на этот раз Саша приготовил мне задание: я должна достать ему пару билетов на завтра, на популярный спектакль. Он, видите ли, решил дать Изабелле ещё один шанс.

В треугольнике девчачьей дружбы я и Белла составляли пару катетов к Осинке-гипотенузе. Нам обеим было весело с Осинкой, но не друг с другом. Во взрослой жизни ведьму-бродяжку и избалованную Беллу вовсе ничего не связывало бы, но однажды Белла и Акела столкнулись на вокзале, провожая бродяжку в очередное трудовое рабство.

Роман разгорался неспешно, но бурно. Два года страстей, взаимных обвинений, истерик, хлопаний дверьми и слёзных примирений закончились предсказуемо – Акела собрал свои вещи и ушёл. Изабелла заметалась между ролями королевы и несчастной служанки, и этого хватило ещё на год. Но к текущему моменту и герой, и героиня романа находятся в состоянии глубокого непонимания, чего же они хотят друг от друга…

Вы когда-нибудь пробовали объяснить брату, что вы уже взрослая девочка? Услышав, что я не собираюсь помчаться к нему в гостиницу немедленно, Акела обещает вызвать на дуэль моего коварного похитителя. В былые времена он непременно уговорил бы меня бросить всё и рвануть к нему. Но теперь у меня есть Кирилл, и Саша приезжает к нам, снедаемый любопытством и желанием поруководить моей жизнью. Кирилл любезно и опрометчиво предлагает гостю раскладушку – и Акела с питерской невозмутимостью соглашается остаться.

Пожалуй, Кирилла следовало заранее предупредить о внешности брата. Высокий лоб, тонкий нос, выразительный рот и глубоко

посаженные синие глаза – Саша не просто хорош, у него та красота, от которой у женщин открываются рты и подгибаются ноги. Если мой брат подмигнет девушке на остановке, она полдня будет считать себя счастливицей. Добавьте к портрету вьющиеся каштановые волосы, разбавленные седой прядью, высокий рост и тренированное тело – и получите субъекта, при виде которого у мужчин проявляются худшие качества ревнивцев.

В течение первого часа знакомства Кирилл смотрит на себя в зеркало не меньше семи раз. И немудрено – даже молодые талантливые журналисты в компании моего брата чувствуют себя неуверенно. Хотя надо отдать должное журналисту – он быстро осваивается, и уже на следующий день ведёт себя обычно. Не каждому это удаётся с моим братом.

Мой интерес к маме Акелу удивляет, но он погружается в описания и воспоминания:

– Мама была чудесной. Никогда не ругалась, не злилась. Куришь, сыночек? Кури, только покупай хорошие сигареты. Пиво пьешь? Пей, только не в подворотне, а дома или в приличном баре. С девочками гуляешь? Гуляй, только позаботься о своей безопасности. Ни у кого из моих друзей не было таких понимающих родителей. Никаких ограничений, никакого излишнего контроля, и я всегда знал, что мама поможет в любом случае.

Мама могла разрешать детям всё. Был ведь ещё и отец – попробуй закури, если дома тебя ждёт спокойная, но невыносимая нотация на час-полтора.

– Мама в образовании работала, у неё везде знакомые были. С ней не спорили, спускали все на тормозах. Мне стыдно ей врать было, и я дико боялся её огорчить. Поэтому дальше мелочей не шел, не вляпался по-крупному.

– Да ладно. Ты всегда был паинькой.

– Помнишь гопоту, с которой я лет в четырнадцать связался? Все те мои дружки потом сели.

– А Костя? Мама его тоже баловала?

– Ещё как. Помнишь железные дороги и модели самолетов, которые она ему покупала по первому слову? У кого из наших друзей было столько подарков и игрушек?

– Как думаешь, я похожа на маму?

– Я думаю, чудак фотограф тебе крупно польстил.

– Но мы действительно похожи.

– Да, только на тебе дурацкий парик, а глаза и губы специально подведены так, чтобы старые фотки напоминать. Грим для того и придумали, чтобы простаков обманывать. К тому же мама на фотках – настоящая, а ты – кривляка, сразу видно, что аж из себя выпрыгиваешь, чтобы нечто неповторимое изобразить.

– Спасибо, поддержал.

– Умей принимать здоровую критику. А если хочешь подражать маме, перестань язвить и сквернословить. Мама никогда даже голос не повышала, только иногда чуть укоризненным тоном высказывала отцу свои замечания. Он бледнел и терял дар речи, а я в угол кровати забивался, пока она меня не обнимала и не целовала. Она часто нас обнимала, правда?

– Наверное. Я размыто все помню. Было состояние спокойствия, мира, тепла, а потом раз – все кончилось, и я уже оказалась совсем в другом измерении. Воспоминания о маме причиняли боль, и я от них отказалась. А ты помнишь, как тебя усыновили?

– Нет, но я знаю, что в самом раннем детстве я испытал какой-то ужас. Иногда мне снятся кошмары, и, проснувшись, я понимаю, что видел что-то оттуда, из изначального времени. Но не могу даже примерно обрисовать, что это. Остается только ощущение страха и отчаяния.

Вздохнув, я без разбега ныряю в опасную глубину:

– А вдруг мама была моей настоящей матерью?

Акела одаривает меня грустной улыбкой:

– Ты, Ритка, неисправимая фантазерка. И все ещё малышка. Ты впитала в себя её манеры, её интонации, её жесты – и поэтому ты на неё похожа. Но этого мало. Тебе её не хватает, но заполнить эту пустоту никто не сможет, сестричка. Будь она хоть приемной, хоть биологической матерью – она ушла навсегда.

Зря я боялась, что Саша будет злиться из-за моего сумасшедшего предположения. Может, и следующий вброс обойдется без отповедей:

– Почему она столько лет с отцом прожила?

– Ты его раздражаешь, а маму он боготворил. На руках носил, цветами задаривал, в любви объяснялся. Так объяснялся, словно они не были женаты двадцать лет, а застряли в конфетно-букетном

периоде. Думаю, все вокруг ей завидовали. Они красивой парой были, а когда он ещё и комплименты ей расточал – люди вокруг как в романтическом фильме оказывались. Я других таких отношений и не видел.

– Странно, что о его великой любви все знают. Особенно после её смерти. А она любила его?

Акела несколько раз моргает и резко прижимает меня к себе:

– Прости меня, Ритка, прости, сестренка.

Мы вроде не ссорились?

– Да я и не сержусь, Саша. Правда. Что на тебя нашло?

Сильные руки только стискивают меня покрепче в объятиях. Я слышу гулкие удары сердца брата лучше, чем приглушенные сбивчивые оправдания:

– Я должен был позаботиться о тебе. Должен был понять, что ты останешься совсем одна. Мама всегда говорила, что мы должны помогать друг другу, что кроме нас самих мы ни на кого не можем рассчитывать. Я подвел её. И тебя. Мы ведь могли бы что-то придумать вместе.

– Да успокойся ты, никого ты не подвёл. Ты ничего не знал и ничего не мог сделать. Пусти, мне дышать нечем.

Акела ослабляет хватку – и я поднимаю голову. Синие глаза требовательно ищут в моём ответном взгляде что-то успокаивающее, хорошее. Странные всё же существа мужчины – склонны к порывам чувств тогда, когда этого меньше всего ждёшь. Время давно промоталось. К чему теперь эти излияния?

– Ритка, я, может, спятил, но у тебя всё хорошо? Тебе много плохого пережить пришлось, но сейчас ведь всё наладилось? Ты никогда не говорила о маме, а теперь вдруг решила, что похожа на неё. Если тебе что-то надо, ты только скажи. Тебя журналист обижает? Ты несчастна?

– Акела, у меня всё хорошо, и журналист – отличный парень. С чего ты заволновался? Я что-то не то спросила?

– Поклянись, что ты не думаешь о… смерти. О её смерти.

Странно. Почему Саша связывает мой интерес к матери со смертью? Быстро перебрав в голове варианты, я не нахожу ответа. Братец отодвигает меня и выпаливает:

– Ты не знаешь?

– Наверное, нет. Что я должна знать?

Саша отводит взгляд и изучает какую-то интересную точку на откосе окна. Я молча жду. Он сомневается, но тихо выкладывает:

– Говорят, что её смерть не была несчастным случаем. Возможно, мама покончила с собой.

Я пытаюсь представить слетающий с дороги автомобиль, но образ ускользает, остаётся лишь смутное ощущение неправильности. Нет, мама не искала смерти.

– Акела, я хотела поговорить с тобой о маме. И только. Я не собираюсь сводить счеты с жизнью. С чего ты решил, что это единственная причина моего интереса?

– Я глупо себя веду, да? У меня какое-то дурное предчувствие.

– Женись на Изабелле. По утрам она будет про Вангу рассказывать, в обед гороскоп зачитывать, а вечером вы будете обсуждать новые явления апостолов на святых местах. Вот тогда от предчувствий не убежишь.

Акела снова стискивает мои плечи:

– Чёрт с ней, с Беллой. Обещай, что в случае чего позовёшь меня на помощь.

– Да, братик, всенепременно.

Когда ничего другого не останется.

7. Родные и близкие

В субботу у нас случается импровизированная вечеринка. Кроме нас с Кириллом в маленькую квартирку набиваются Акела с Изабеллой, Мигель с симпатичной подружкой Анютой, а также пара приятелей Кирилла по редакции.

Посиделки складываются весёлыми, но для меня утомительными – слишком много пустых разговоров и попыток произвести впечатление. Формально на мне-хозяйке лежат заботы о гостях, но я перекладываю их на милую Анюту. Она безропотно суетится на кухне и тащит вечер на себе.

Акела с Мигелем затевают вечный спор военного и пацифиста, Изабелла кокетничает с редакционными деятелями, Кирилл немногословно, но веско встревает во все обсуждения. Мне же хочется выбраться из душной атмосферы всеобщего братства.

Скуку снимает как рукой, когда я замечаю быстрый, но пристальный взгляд, которым брат одаривает Анютку. Застенчиво

взлетевшие ресницы приоткрывают лукавые светло-карие глаза девушки и тут же прячут их вновь.

Случайная компания, маленький перекресток времени и пространства – и узелок в плетении Мойр, связавший две ниточки воедино. Ни Изабелла, ни Мигель ещё не догадываются, что два неровных дыхания только что попали в такт. А у братца уже включилась программа завоевания.

Анютка не похожа на истеричную, манерную Беллу. Простая, весёлая, милая – в ней нет экзальтации и страстей напоказ. Может, Акеле это и нужно для счастья?

В воображении возникает питерский скверик. Красивый мужчина, уставший от внимания навязчивых женщин, целует славную девушку, которой не важна его красота, она влюблена не в красоту, а в хорошего парня. Он кружит её на руках, она доверчиво прижимается к нему…

Замечтавшись, я пропускаю момент «рокировки»: теперь Акела громит двух журналистов на пару с Мигелем, Анюта скромно сидит рядом со своим кавалером, а вот Белла эмоционально и живо излагает что-то Кириллу. Журналист явно произвел на неё впечатление.

Дура патлатая, что ты ему глазки строишь? Думаешь, ему твои ужимки интересны? Бестолковая дрянь, ещё и придвинулась вплотную, бедро к бедру. Так тебе и надо, чтобы Акелу у тебя из-под носа увели. Но моего Кирилла ты не получишь, я тебя в порошок сотру…

Ревность? Настолько удушающая? Нет, я и раньше испытывала злость, если обнаруживала, что мои кавалеры замечают других женщин. Однако никогда не тонула в такой волне злости.

Выйдя на кухню, я прижимаюсь лбом к холодному окну. Нужно взять себя в руки, нужно успокоиться. Ничего не произошло, Изабелла просто сидит рядом с Кириллом. Убить эту гадину мало…

Акела подбирается сзади, кладёт руки мне на плечи, и наваждение отступает.

– Мне не померещилось? Ты ревнуешь? Ты, правда, влюбилась в журналиста. Никогда не видел тебя такой.

Развернувшись, я пытаюсь укорить:

– Да ты вообще меня мало видел.

Брат улыбается до ушей.

– Хвала небесам, а я-то боялся совсем другого. Давай, Ритка, злись, сердись, нападай. Хочешь, даже поколоти меня. Я рад за тебя, сестричка. Ты вылезла из тёмной норы посмотреть, что мир не так уж плох. Готов Весенину памятник за это поставить.

– Его эго будет счастливо. Отстань от меня. Всё в порядке.

– Да, теперь точно в порядке.

Саша решил, что влюбленность вправит мне мозги. Увы, кажется, всё обстоит ровно наоборот. До сих пор я не испытывала желания сломать кому-нибудь руки.

Словно специально, Изабелла улучает момент, загоняет меня в угол кухни и делится восторгами насчёт моего приятеля:

– Ритуля, он полный отпад! Обаятельный, интеллигентный, ещё и состоятельный, судя по всему. Милая, скажи мне, где ты откопала такого принца? Неужели такие мужики ходят рядом и без присмотра?

Нахлынувшее чувство оказывается слишком… бесконтрольным. Руки сломать – это, в сущности, мелочи…

Изабеллу спасает вмешательство принца. Собственнически обняв меня сзади, Кирилл чмокает мою макушку и иронично предлагает:

– Девочки, хватит обсуждать нас, сильный пол. Давайте споём?

Ой, то ни вечер, степь кругом, рябина плачет. Мы поём.

В воскресенье вечером мы спроваживаем Акелу восвояси.

В половине седьмого утра понедельника тренькает дверной звонок. Я предлагаю притвориться, будто нас нет. Увы, любимый молча спихивает меня с кровати. Кто приманивает гостей – тот их и выгоняет.

За дверью стоит невысокая женщина с макияжем толщиной в сантиметр. Брючный костюм безобразно обтягивает все складки её расплывающегося тела, отчего гостья казалась гусеницей, неловко задравшей передние лапки.

– Чем могу быть полезна, мадам?

Моя избыточно вежливая речь Гусеницу шокирует:

– Ты кто такая?

– Я – Рита. А вы?

Гусеница бросает презрительный взгляд на мой халатик, наспех запахнутый и доходящий только до края попы, и переходит в наступление. Я отступаю ввиду явного превосходства массы противника. Женщина врывается в комнату и вопит:

– Кирюша! Как ты мог?! Хочешь себя погубить?

К моему удивлению, эти крики вдохновляют Кирилла на необыкновенную прыть. Выскользнув из кровати, он за несколько секунд одевается в спортивные штаны и толстовку. Галантно полупоклонившись, он вытягивает руку и с нарочитой елейностью произносит:

– Представляю тебе, о моя почитаемая матушка, прекраснейшую из женщин, волшебный цветок из долины царицы Семирамиды – Риту Рогальскую.

Вот незадача. Тётка, которую я мысленно назвала Гусеницей, оказывается мамой Кирилла – причём мамой уважаемой и любимой. Немного недалёкой, но оттого более очаровательной в его глазах. А ещё очень трогательной в беззаветной и беспощадной материнской любви.

– Рита, это моя мама, Елена Афанасьевна, прошу любить и жаловать.

Гусеница поджимает губы, строго оглядывая меня с головы до ног. Этот экзамен мне не выдержать. Мама Кирилла будет довольна только идеально красивой и очень умной подругой сына, которой вдобавок можно будет манипулировать.

Честно говоря, я не собиралась знакомиться с чьими-либо родителями. А если бы собралась, то предпочла бы более подходящую обстановку. И оделась соответствующе. Заметив растерянность Кирилла, я догадываюсь, что и он никак не ожидал подобной встречи.

С максимальной почтительностью, но удержавшись от книксена, я приветствую:

– Рада познакомиться, Елена Афанасьевна.

Раскрашенная маска кривится в гримасе неодобрения:

– А я не рада. Совсем не рада, потому что много чести для всякой дряни со мной знакомиться. Собирай свои манатки и проваливай, чтобы духу твоего здесь не было.

– Мама! Перестань!

Я послушно, но не торопясь, одеваюсь и складываю свои немудрёные пожитки в большой пакет. Хорошо, что я в целом за практичный подход в одежде. Не так уж много шмотья накопилось. Кирилл пытается мне помешать:

– Рита, перестань, не уходи. Это недоразумение.

Я чмокаю его в щеку:

– Я вернусь. Сейчас тебе нужно поговорить с мамой.

– Мы без твоих советов обойдемся, шалава!

– Мама, прекрати!

Глупо ревновать сердечного друга к его маме? А я снова не по-детски разозлилась. Укоротить бы ей поганый язычок!

Если засунуть голову в морозильник – поможет остыть?

Закрывая за мной дверь, Гусеница нарочито громко высказывается напоследок:

– И как не совестно навязываться женатому мужчине?

Хм, нелепо так сразу выкладывать козыри. И я умею держать удары:

– Нет, Елена Афанасьевна, не совестно. У меня нет совести.

Дверь захлопывается. Справляться с бурей чувств, вызванных словосочетанием «женатый мужчина», мне придётся в одиночестве. Может, успокоительных попить?

Вместо успокоительных я устроиваю себе День Ударника. Хозяйка наблюдает за моим рвением с подозрением, но это и понятно. Ждать от меня хоть какого-то проблеска мысли – это признать, что я такое же существо, как и она сама. Таких перекосов не допускает её самомнение жены мелкого банкира. Кого-то такой подход, наверное, обижает, но для меня чем тупее её рассуждения – тем веселее мой день, а чего ещё желать от трудовых будней?

Кирилл звонит после обеда и обещает заехать вечером. Остаток дня я придумываю сложные конструкции диалогов, позволяющие нам обоим разобраться в ситуации, но так, чтобы ни в коем случае не задавать непростые вопросы. Вся эта мыслительная деятельность сводится к тому, что, едва успев забраться в машину, я выпаливаю:

– Ты женат?

– Был. А ты замужем?

– Нет.

Тема закрывается за очевидным отсутствием сколь-либо интересного содержания. Добравшись домой, мы устраиваем себе роскошный ужин. А потом, развалившись на кровати, решаем, какое кино посмотреть на сон грядущий. Под мерцание экрана мне начинает казаться, что впереди сплошная счастливая жизнь.

Звонит телефон.

– Здравствуйте, Маргарита Евгеньевна. Это капитан Бирман из ОВД «Хрипаново». Нам надо побеседовать об обстоятельствах отравления Олеси Блюнтер. Приезжайте завтра, к одиннадцати.

Полагаю, работодательница будет поносить меня дня три – как самое ленивое существо на свете.

Через минуту вибрирует телефон Кирилла. Журналиста тоже приглашают в Хрипаново.

8. Ведётся следствие

Обшарпанное здание ОВД состоит из двух половинок, словно прислоненных друг к другу, и за счет этого держащихся вместе. Дореволюционная часть – кусок доходного дома – дополняется послевоенной сталинской пристройкой с наполовину отвалившимися барельефами-венками и рассыпавшимися столбиками балконов. Сразу понятно – это здание-монстр, пожиратель душ и судеб. И мне придётся проследовать прямо в его пасть – высокую подворотню между частями здания.

В нужном мне и Кириллу кабинете оказывается сразу три сыщика. Хмурый верзила и парень-ботаник в очках дружно указывают нам на третьего, того самого Бирмана.

Капитан был бы к месту в фильмах про истинных арийцев, если бы худые щеки, припухшие веки и небритость не превращали его в замотанного труженика. А тёмно-серый взгляд сыщика пугает меня безжалостностью. Не люблю я такие взгляды – прямые, неприязненные, бескомпромиссные.

Бирман соглашается поговорить одновременно и с Кириллом, и со мной. Пожав руку журналиста, капитан автоматически поворачивается ко мне, я касаюсь его широкой ладони и проваливаюсь в кошмар.

Мужчина бежит через осенний лес. Бежит отчаянно, очертя голову, сбивая с веток жёлтые листья и капли недавно прошедшего дождя. Выбежав на поляну, в центре которой разбросаны ящики, контейнеры, бочки, он устремляется к чему-то важному в середине этой кучи хлама.

Пули встречают его на полдороге. Маленькие стальные осы впиваются в тело, смертельно жаля и убивая…

– Эй, с вами всё в порядке?

Сколько раз я слышала эту фразу от людей. Нет, со мной не всё в порядке. Только что я видела смерть человека, которого все ещё держу за руку. Стальной взгляд Бирмана сверлит меня, а я тщетно пытаюсь вспомнить хоть какие-то слова.

– Да, всё хорошо.

– Присядьте.

Если я рассмотрю Бирмана, то смогу понять, почему здесь и сейчас меня накрыло этаким мороком? Нет, никаких видений не возникает. Только сам капитан недоумевает из-за моего внимания к его внешности.

Оторвавшись от изучения потенциального героя неизвестного сражения, я сосредачиваюсь на том, что вещает Кирилл.

А Кирилл рассказывает о том, как мы нашли отравившуюся Осинку. В его изложении получается, что в тот день мы не в первый раз встретились, и он просто подвозил меня по пути, когда раздался тревожный звонок. Как истинный джентльмен, он, разумеется, вызвался помочь, потому что от меня, конечно, не было бы никакой пользы в такой ситуации. Я до сих пор нахожусь в состоянии стресса и не готова обсуждать такие ужасы.

Кирилл нанизывает многорядные бусы слов и меняет смысл событий, маскируя за подробностями суть и размывая общую картину. Речь журналиста – плавная, быстрая, логичная – кружит вокруг бессознательной Осинки, и я первая запутываюсь в сплетённой им паутине слов. Интересно, он долго может так говорить?

Бирман прерывает Кирилла на полуслове и переключает своё внимание на меня:

– Маргарита Евгеньевна, вы в приёмном покое заявили, что это попытка самоубийства. Почему?

Разумеется, он уже всё знает. Сейчас выставит Кирилла идиотом, а меня – дамочкой, сваливающей на первых попавшихся мужчин свои неприятности.

– Олеся уже пыталась покончить с собой.

– Откуда вы это знаете?

– У неё привычка сразу после попытки самоубийства звонить мне, чтобы я примчалась и спасла ее.

– Что вы имеете в виду, говоря о привычке?

– Так было два раза до этого отравления.

– В предыдущий раз тоже были отравления?

– Нет. В первый раз она пыталась повеситься. И ждала, пока я начну открывать дверь, чтобы спрыгнуть с табуретки. Во второй сначала перерезала вены, потом позвонила мне.

– В обоих случаях вы оказывали ей первую помощь и вызывали подмогу?

– Да.

– Вы думаете, что справились бы и на этот раз?

– Вероятно.

– Почему попросили знакомого о помощи?

– Потому что он справился с этим куда лучше меня.

Кирилл остаётся абсолютно невозмутимым. Словно всё это он и так прекрасно знал, хотя странности Осинки мы с ним не обсуждали. Хорошая мина в неизвестной игре.

– Зачем вы взяли в больницу бутылку с вином?

– Я решила, что Осинка отравилась, и подумала, что медикам понадобится знать, чем именно. В сериале недавно показывали, как доктор роется в квартире пациента в поисках яда или инфекции.

– Почему именно вино?

– У неё было свидание с мужчиной. Обычно на свиданиях что-нибудь да пьют. У Осинки было вино.

– Она сама сказала вам про свидание?

– Нет. Но обстановка была с романтическим уклоном. И Осинка была одета в красивое бельё. Думаю, у неё был мужчина.

– Где стояла бутылка?

– За прикроватной тумбочкой.

– Вы знали, что бутылка там?

– Да. Осинка обычно держала одну-две открытых бутылки возле кровати, чтобы можно было выпить, не вставая.

– Вы узнали бутылку, в которой был яд?

– Нет. Мы не были знакомы.

Кирилл улыбается – хорошо, что он здесь. А вот сыщик хмурится. Судя по его строгим взглядам, он знает что-то плохое и думает, что мы к этому плохому причастны.

– Мать Олеси утверждает, что это вы подарили ей злополучную бутылку.

– Возможно. Иногда мне дарят вино или крепкий алкоголь. Но я отдаю его Осинке. Я не пью ничего алкогольного.

Такое признание вызывает разные реакции, но чтобы сразу два интересных мужика из-за меня удивились? Любуйся собой, Рита, пользуйся моментом.

Бирман задумывается на пару секунд, выбирая между версиями – алкоголичка в завязке или просто врушка. Склоняется ко второму варианту. Кирилл представляет, как будет спаивать меня именными французскими винами или гавайским ромом. А я успела попробовать достаточно разных напитков с градусом, мой отказ от спиртного – результат опыта, а не следование рекомендациям по сохранению здоровья.

Капитан возвращается к происшествию с Осинкой:

– Олеся не совершала попытки суицида.

– А-а. Что же тогда случилось?

– В бутылке оказался специфический яд. Вы оказали большую услугу подружке, прихватив с собой в больницу его образец. Без быстрого анализа Олеся была бы уже мертва.

– Кто-то подсыпал яд в бутылку?

– Может быть, это вы?

Логично. Мотив можно придумать, возможность у меня была. В ядах я не разбираюсь, но поди докажи это капитану.

Кирилл кладёт свою руку поверх моей и тихим пожатием успокаивает. Я качаю головой:

– Нет. Это не я.

Бирман идёт в атаку с другого направления:

– Маргарита Евгеньевна, вы знакомы с Денисом Петровичем Шкуркиным?

Попытавшись уловить в суровом взгляде хоть какую-нибудь эмоцию, я выдавливаю:

– Что с ним случилось?

– Позавчера вечером Денис Петрович отравился. Вином.

– Он… жив?

– Да, но состояние стабильно тяжёлое.

– Он и Осинка пили одно и то же вино?

– Да. И яд в бутылках одинаковый.

Что тут скажешь? Ни с того ни с сего я втянула только что обретенного кавалера в мутную уголовщину. Веселая я девушка – то дев грязных носи, то по ментовкам шастай, теперь вот ещё и с фотографом будут нервы мотать. В ответ на мои мысли Кирилл тепло улыбается и подмигивает.

Делать нечего, надо вытаскивать фотографии. Я собиралась сделать для них багетные рамки, но провидение решило украсить моими портретами уголовное дело.

Порывшись в сумке, я протягиваю снимки через стол:

– Вы наверняка хотите спросить об этом. Денис сделал для меня несколько портретов, и готовые фото Кирилл забрал в прошлый вторник. Так получилось, что Денис договорился о встрече с ним.

Бирман рассматривает снимки – как нечто фантастически интересное. Потом пристально изучает моё лицо – ищет соответствие между оригиналом и художественной интерпретацией. Неужели непонятно, что я действительно настолько красивая?

– Это все фото, что были сделаны?

– Нет. Денис сделал не меньше сотни снимков. Хороших – штук двадцать. Пять-семь вошли бы в коллекцию.

– Вы видели их все?

– Нет. Он отобрал лишь десять снимков для меня. Чтобы доказать, что он не забыл про мою сессию.

Вопросительный взгляд капитана требует пояснений.

– У Дениса были работы и отснятые серии, которые никогда не печатались и не выставлялись. Когда я согласилась позировать, я процентов на пятьдесят была уверена, что и с этой темой будет так же. Что он напрыгается с камерой вокруг меня, а потом и думать забудет фотографии сделать.

Бирман перебрасывает снимки верзиле, до этого сидевшему в образе монументального изваяния. Тот мельком перебирает их и протягивает очкарику. Очкарик подносит снимки к самому носу, отставляет обратно, снова приближает и выводит:

– Нет. Я абсолютно уверен, что нет.

Мы с Кириллом переглядываемся. Бирман барабанит пальцами по столу:

– Студия Шкуркина была разгромлена. Судя по всему, взломщики искали какие-то фотографии. Мы вчера весь день там провели. И не видели ни одного вашего фото, Маргарита Евгеньевна.

– Но должны были остаться негативы.

– Пока мы ничего подобного не нашли.

Компания сыщиков полагает, что Диониса отравили из-за бесценных кадров с моей физиономией? Нет, я, конечно, неплохо получилась, но зачем фотографа калечить?

Внутри меня созревает уверенность – в ответ на мой интерес к маме где-то тихо приоткрылась дверца шкафа со скелетами. Допустим, я не родная дочь, но родственница. Кто и почему мог решить, что это представляет для него угрозу? Денег в семье никогда не было. Старинные легенды о сокровищах прадедушки отсутствовали. Никаких фамильных брюликов, золотых дублонов и потерянных замков в семейных хрониках не значилось. Тогда из-за чего сыр-бор?

Поразмышлять можно будет и в другом месте. Кирилл и сыщики уже прощаются – Бирман напирает на то, что «ведется следствие», журналист обещает сохранить тайну и всячески содействовать правоохранительным органам. Мужчины обмениваются рукопожатиями, визитками и непонятными шуточками.

Напоследок Бирман поворачивается ко мне:

– До встречи, Маргарита Евгеньевна.

– До свидания. – Из форточки тянет горьким дымом, и я невольно добавляю. – Берегите себя.

В стальных глазах вспыхивает любопытство.

Нет, никаких объяснений. Никаких лишних слов. Мои выдумки останутся при мне.

9. Служебный роман

Пока-пока, нелюбимая работа – хозяйка всячески изгаляется, описывая в красках мою недобросовестность. Отгулы без предупреждения стоят мне некоторой недоплаты, но я со стоическим равнодушием выслушиваю все претензии и обхожусь без напутственных отправлений скандальной бабы к черту.

После обретения свободы я трачу несколько часов и изрядную сумму на новую одежду. Одно дело, когда ты живёшь в одинокой норе и вылезаешь из неё только для похода в супермаркет. И совсем другое, когда есть, для кого принаряжаться. Шифоновая туника с названием «Весенняя фея» должна быть в гардеробе каждой уважающей себя ведьмы. Ничего, что на дворе осень, феи – существа всепогодные.

Денег у меня достаточно – по моим меркам достаточности. Кормлюсь я в домах, где работаю. Часть заработка трачу на оплату крохотной квартирки с кухней в три квадратных метра. Эту жилплощадь в доме гостиничного типа сдаёт мне пожилая пара, устроившаяся в загородном доме сына. Главный плюс квартиры – абсолютное равнодушие владельцев к тому, что, как и когда я делаю. Их интересует только поступление денег. А я периодически вношу оплату заранее, чем и обеспечиваю себе репутацию надежной съёмщицы.

Вторая важная статья моих расходов – образование. Заочное обучение – своего рода покупка диплома в рассрочку. Но весь этот год я уже оплатила, а до следующего ещё нужно дожить.

Искать новую работу я пока подожду, хочется немного отдохнуть. Последний отпуск у меня случился года два назад, так что месяц-другой я могу посвятить копанию в семейных тайнах.

Самый простой путь – подчас самый заковыристый, особенно, если не можешь задать вопросы тому, кто всё знает. Прищлось потратить несколько дней на обивание разных порогов, прежде чем я выяснила, что мама работала в районном управлении образования методистом – то есть следила за тем, чтобы во всех школах таблицы умножения были нарисованы красиво и идейно правильно.

То самое управление, но под другой вывеской работает в том же здании, и, кажется, всё с той же мебелью и теми же таблицами умножения. Мне удаётся проникнуть внутрь под пустяковым предлогом и стать героиней местной байки «Как одна сумасшедшая искала маму». Я обхожу все кабинеты с радостным выражением лица и восторженной интонацией в голосе – не знают ли милые женщины кого-либо, кто работал здесь лет пятнадцать-двадцать назад?

Глупо, но срабатывает. Идиотам легче продвинуться в поисках информации – их жалеют и стараются помочь. Будь я в деловом костюме с заготовленной серьёзной речью, сотрудницы посылали бы меня вон, даже не повернув головы.

В итоге я разживаюсь скудной, но многообещающей информацией: Лидия Борисовна Коряга ушла на повышение всего пару лет назад, а до этого бессменно руководила управлением как раз пару десятилетий.

Прорыв к начальственной Коряге оказывается задачкой посложнее, но принцип «отвяжись от нас, сумасшедшая» срабатывает и здесь.

В тучной Лидии Борисовне собраны все черты неумной стареющей женщины, но она уверена, что может и должна помыкать сотрудницами и детьми, отданными в её власть.

Как подобрать ключик к этой вредной особе?

– Простите за беспокойство, я собираю сведения о жизни Марии Рогальской. Вы вместе работали в отделе образования больше двадцати лет назад. Вы не могли бы немного рассказать о ней? Говорите всё, что хотите – и хорошее, и плохое, мне ценно любое мнение.

Никакие другие ключики не понадобились.

Услышав в моём вступлении ненавистное имя, Лидия Борисовна преображается в наивную девушку, которая четверть века назад жаждала нести в мир доброе и вечное. Идеалы рухнули, когда Лидочка столкнулась с жестоким предательством – милый Васенька пал жертвой роковых чар подлой Машки и опустился до самого низменного поступка – измены.

Длинный монолог обиженной Лидочки сводится к тому, что Мария была одержима мужчинами и нарочно влюбляла в себя тех, кто поначалу её отвергал. У разлучницы было много любовников, целый отряд очарованных мужчин ежедневно дежурил у отдела, чтобы проводить или подвезти её домой. Но поганой Машке этого оказалось мало. Встретив Васеньку, развратница сразу положила глаз на мужа подруги. Она подкарауливала Васеньку, где только могла, и кидалась на него всем телом, прижимаясь и соблазняя.

Бедная Лида и помыслить не могла, что такое бесстыдство возможно. Заподозрила неладное, когда все вокруг стали засыпать её

странными намёками и насмешками. А любовники не особенно и таились: первая же засада, организованная Лидой, повергла её в шок – Васенька любил Машку прямо на рабочем столе гадины.

Разоблаченные любовники не смутились и не бросились Лиде в ноги. Вероломная Машка, поправив юбку, заявила, что у подруги больное воображение. Ничего такого и не было, Вася лишь помог ей бумагу найти. А тем, у кого с головой плохо, надо в психушке лечиться.

Обозлённая Лида вынесла адюльтер на обсуждение коллектива, но никто её не поддержал. Вася ходил с довольной мордой, Машка твёрдо стояла на том, что Лидка её оговаривает, потому что подсидеть хочет. И муж Машки, которого Лида взялась просветить, встал на защиту чести жены, заявив, что его верную возлюбленную оклеветала злобная базарная баба…

Дослушивая эту любовную эпопею, я быстро сопоставляю даты: в момент адюльтера Лиде было чуть больше двадцати. Значит, я уже родилась. Если предполагать, что мама – всё-таки мама, Василий Коряга не может быть моим отцом. Это и хорошо – достойный человек не будет так беспардонно изменять молоденькой жене.

Содержательная часть истории исчерпывается, остаётся только бездумное поливание грязью Васьки и Машки. Пора выбираться из этого болотца:

– Вы развелись с мужем из-за этого?

– Развелась бы обязательно. Но вскоре после скандала он погиб.

– Мне жаль.

– А мне нет. Всё к лучшему. Я погоревала, но потом встретила хорошего человека – и думать забыла про свои печали.

– Вы слышали что-нибудь о детях Маши?

– Не было у неё никаких детей.

Неожиданно. Братьев усыновили как раз незадолго до этого. Если предположить, что мама была беременна, то она должна была ходить с заметным животом какое-то время. И может ли женщина, усыновившая двух детей, ещё и после родов, быть настолько сильной и не замотанной бытом, чтобы романы на работе крутить?

Версию о беременности придётся развеять. Но и остальные временные спирали не собираются в понятный рисунок.

– А ты, девочка, чтой-то Машей интересуешься?

Неожиданно прорезавшийся деревенский говор звучит настолько нелепо, что я едва сдерживаюсь от улыбки.

Врать незачем, выложу всё, как есть:

– Мария – моя приёмная мать. Она погибла десять лет назад. Я ищу информацию о том, как и почему меня удочерили.

– Ишь ты, а что, своих детей у неё не было?

– Нет.

– А у меня двое. Дочка и сын. Взрослые уже, того гляди бабушкой сделают.

Чудно́. Лидия купается в торжестве победы. Она взяла верх над соперницей – и пережила её на целых десять лет, и потомство родила, плоть от плоти своей. Но чем воодушевлённее методистка болтает о детях, тем очевиднее, что всю жизнь она любила одного-единственного мужчину – Васеньку.

Разочарованная Лидочка не смирилась с его изменой, с его гибелью. И многолетнее уговаривание себя, что жизнь прекрасна и без него, превратило её в завистливую стерву, враждебную к красивым женщинам. Ничего не поделать, так живём.

На прощанье я получаю номер телефона бывшей начальницы мамы с ехидным комментарием: «Кажется, на похороны этой мумии ещё не звали».

Из клубочка показалась тонкая ниточка. Если потянуть, клубочек будет разматываться? Или сплетётся в узел?

10. Неудачный визит

Следующий пункт в списке моих дел – визит к Павлу Васильевичу Одоевскому.

Павел Васильевич – верный друг отца. Ещё в юности они познакомились в стройотряде и продолжали общаться, несмотря ни на что. В пору моего детства Одоевский был обязательным гостем наших семейных праздников, дней рождений и прочих домашних вечеринок. Он всегда дарил мне и братьям дорогие подарки, отмахиваясь от смущённых укоров мамы. Своих детей у него было трое, но я узнала об этом много позже, когда поселилась в его доме.

Деньги Одоевский зарабатывает консалтингом: знакомит людей, проводит у себя их встречи, выступает в некоторых сделках гарантом или посредником. В узких кругах Павел Васильевич известен

и как содержатель «Школы здоровья», в которой юные и не очень нимфы одаривали своей благосклонностью состоятельных мужчин. В лицо своднику говорят много хороших слов, но за глаза презирают, хотя и продолжают пользоваться его услугами по всем направлениям.

Нелепые отношения, связавшие меня и Одоевского на несколько коротких месяцев, были полны противоречий, мучительных для нас обоих. Я не была нимфой, но могла наблюдать за всем, что происходило в изысканных комнатах «школы». Естественно, я задавала много неудобных вопросов и вмешивалась в то, что меня не касалось.

Павел Васильевич запретил мне участвовать в пирушках нимф, и я бесилась, считая, что он меня принижает. На самом деле он оставил для меня открытой дверь в обычную жизнь. Мало кто из сладких красоток выбирается из трясины депрессий и зависимостей, а меня Павел Васильевич своеобразно, но любил, поэтому и ограждал от грязи. Я отделалась лишь устойчивым пренебрежением к некоторым нормам морали.

Однажды Одоевский поставил решительную точку во всех наших разладах – выставил меня на улицу, откуда и подобрал. Со временем я простила его и даже преисполнилась некоторой благодарностью. Из дома первого любовника я вылетела циничной и несчастной ведьмой, но без той передышки скатилась бы совсем вниз.

Старый особняк, в котором некогда Одоевский снимал целый этаж, давно развалился. На его месте отгрохали новое здание с отдаленно похожим фасадом – портик и фронтон заменили декоративные элементы. Этажей стало на два больше, и теперь Павел Васильевич владеет всем зданием. Встречу он назначает не где-нибудь, а в своих личных апартаментах.

Ради разговора я приодеваюсь – в длинную каскадную юбку, полупрозрачную блузку и лодочки на высоченной шпильке. Косметику я не люблю, но для Одоевского женщина без макияжа – не женщина, поэтому приходится украсить себя тенями и помадой. Яркий образ дополняет новая красная сумка – чего не купишь ради куража.

В назначенный день и час в обновлённый особняк входит несравненная Марго – единственная ведьма, способная поставить на колени беспринципного сводника, не признающего ни законов, ни чести. Сам научил – сам пусть и упражняется.

Вежливая девушка на ресепшене осведомлена о моём визите и объясняет, как подняться в апартаменты Одоевского. Но тут же деликатно предупреждает, что хозяин ещё не вставал.

Ну и что? С похмельным Одоевским лучше не иметь дела, однако Марго это не остановит. Хочет старый дурень или нет, будет юлить или врать – она заставит его выложить всё, что он знает.

Первое сомнение подкрадывается ко мне, едва за спиной закрываются двери лифта. Вокруг слишком тихо. Не знаю, что и как мои органы чувств вычисляют в окружающем пространстве, но мозг в доли секунды выдаёт резюме: это мёртвая тишина.

Живых здесь нет – и это уже не сомнение, а предувствие.

Прижав сумку к себе, я изучаю апартаменты – вместо того, чтобы по-тихому смыться. Жалкие остатки здравого смысла похоронены под любопытством, которое кого только не сгубило.

Одоевский лежит на кровати, в несуразной жёлто-бежевой спальне. Руки и ноги покойника связаны вместе, отчего тело кажется детской лошадкой, упавшей на бок. Голова мертвеца неестественно выгнута назад – Павлу Васильевичу перерезали горло: аккуратно, не широко, но смертельно…

Нашарив в сумке телефон, я дрожащими руками набираю номер экстренной службы. Надо максимально чётко объяснить ситуацию, однако я лепечу что-то малоразборчивое.

Нет, я не сильно испугалась – мёртвые точно не кусаются, что бы в Голливуде ни снимали. Меня не шокировала насильственная смерть Одоевского – ему её столько раз предсказывали, что удивительнее была бы его тихая кончина от старости. Но во время объяснений, что я не спятила и ничего не трогала, до меня доходит, что я слишком поторопилась со звонком.

Попрощавшись с девушкой-оператором, я бросаюсь к ванне и сдергиваю с металлической трубы первое попавшееся полотенце. Обернть руку этой тряпкой, сдвинуть дверь-купе гигантской гардеробной, окинуть быстрым взглядом верхние полки – легко. Дотя-

нуться с пола до старой потрепанной шляпной коробки – невозможно. Подтащить к шкафу массивный стул, залезть на него, встать на цыпочки – нет, не достаю. А если воспользоваться одной из вешалок? Тыкая одним концом деревяшки в картонный бок, я сталкиваю шляпницу, и она падает на пол. Ура!

Осторожно снять крышку, развернуть бумагу – и вуаля! – из старинной шляпы вываливается толстая пачка евро и скатанная в трубочку пятитысячная купюра. Однако, прогресс. Раньше здесь лежала пятьсотрублёвка.

Деньги можно спрятать за резинку чулок – с внутренней стороны бедра. Если кто и заметит неаккуратность в моей одежде, то спишет её на современную моду. Теперь нужно закинуть коробку обратно, вернуть стул в комнату и сделать доброе дело.

Найдя лестницу и сбежав этажом ниже, я торопливо стучу во все двери подряд. В коридор высовывается несколько недоумевающих девушек, и я предупреждаю:

– Одоевский убит! Полиция уже едет! Уходите!

Минута, две – и самые смышлёные девчонки направляются к выходу. Непричёсанные, зато с дорожными сумками наперевес.

Что дальше? Рассмотреть несчастного Одоевского?

Вернувшись в спальню, я дотрагиваюсь до окоченевшей руки покойника и пытаюсь представить, что произошло.

Кто-то из нимф разбил в кабинете Одоевского зеркало. Мелкие осколки стекла усеяли пол и ковер, поэтому важный, но не требующий деловых церемоний разговор Павел Васильевич перенёс в спальню. Сюда же доставили и поднос с лёгкими закусками, но еда осталась нетронутой. Был ли разговор длинным или коротким – Павел Васильевич наверняка перемежал льстивые похвалы собеседнику бахвальством о своих неограниченных возможностях.

В одно мгновение всё изменилось. Убийца заткнул Одоевскому рот тряпичным свертком, свалил его на кровать, связал руки и ноги трясущееся жертвы, достал из принесённой сумки нож – и нанёс им всего один жестокий и смертельный удар…

Мое увлекательное представление смерти бывшего любовника прерывают решительные мужчины, заполнившие все апартаменты Одоевского. Да, это я звонила, да, это я нашла тело, да, это у меня

была назначена встреча. Послушно забившись в уголок, я наблюдаю за суетой сыщиков, а один из них наблюдает за мной.

«Парадом» следователей и экспертов командует энергичный брюнет в отличном костюме, явно сшитом на заказ. Команда обращается к нему коротко и соответствующе: Лорд. Судя по белой рубашке и запонкам, изучать место убийства этот щёголь не планировал. Но неподходящий наряд его нисколько не смущает.

Колючий чёрный взгляд Лорда время от времени останавливается на мне, детектив решает, что со мной сделать – четвертовать или повесить. Но с личным общением не спешит: сколько надо, столько свидетельница и подождёт, чем больше измается, тем честнее будет.

Держится Лорд так, словно знает все тайны мира и может повернуть землю без всякой точки опоры. Заложи он руку за борт пиджака, получился бы французский император. Накинь чёрный плащ – тёмный повелитель галактической империи. Ореол властности, окружающий повелителя, вызывает инстинктивное желание подчиняться ему без сомнений.

Почему этот человек командует отрядом парней в джинсах, а не ведёт всю страну в светлое будущее? Присмотревшись, я понимаю, что Лорд вряд ли старше меня, совсем молодой ещё парень, а значит, не дорос пока до олимпа.

Примчавшиеся Бирман и его дружок-верзила в приветствиях Лорду проявляют почтительную вежливость. Щёголь не только выше их по званию, но и занимает какое-то начальственное кресло.

От моей ослепительной улыбки и приветливого «Здрасте» вновь прибывших сыщиков передёргивает. Интересно, что они здесь забыли? Разве у полицейских нет разделения по территориям?

Посвящать меня в такие тонкости некому, но из приглушённого обсуждения дела особой важности выясняется, что Лорд несколько месяцев загонял Одоевского под обвинение по шести уголовным статьям, и уже готовился отправить Павла Васильевича за решётку. Неизвестный злодей разрушил все планы детектива, и Лорд раздражённо обещает, что убийца отдельно об этом пожалеет.

А вот Бирман и верзила входят в команду как первооткрыватели темы «Рита Рогальская – звезда преступного мира».

Сыщики не сомневаются, что Одоевского грохнули в ходе криминальных разборок. Убийство Павла Васильевича и отравление

Осинки укладываюся в одну цепочку событий, но я не слышу всех логических обоснований этой версии – Лорд говорит тихо и быстро. Зато предположение Бирмана долетает до меня без каких-либо потерь. Капитан уверен, что за убийцей и ходить далеко не надо – вон она, ведьма, расселась и расслабляется после сведения счётов с сожителем, а возможно, и сутенёром.

Я опасаюсь, что придётся надолго застрять на месте преступления, но меня отпускают, пообещав вызвать ещё. Уже у выхода меня догоняет окрик властного баритона:

– Эй, ведьма!

Машинально оглянувшись, я чертыхаюсь. А Лорд усмехается – проверка удалась, я подтвердила, что откликаюсь на потустороннее прозвище.

Остановившись, я певуче, выразительно переспрашиваю:

– Вы звали меня, Тёмный Лорд?

– Ты ошиблась. Я – Властелин Света.

Меня забыли предупредить, что я попала в фэнтези-шоу. Кто-нибудь, подскажите мне, мы идём ловить чудаков с колечком? Или будем пытаться уничтожить мальчика со шрамом?

Наглый властный взгляд оценивает меня – в сборище смелых борцов с преступностью нашёлся мужчина, заметивший моё декольте. Думает смутить меня? Не на ту нарвался.

Повернувшись к команде, я тоном строгой воспитательницы детского сада припечатываю:

– Не давайте ему Толкиена читать.

В чёрных глазах вспыхивает принятое решение – четвертовать.

Смешно. Я ухожу.

11. Чужие тайны

И без того тяжёлый день заканивается тем, что мне приходится пересказывать лайт-версию событий Кириллу. Он вцепляется в меня как профессиональный журналист, поэтому на некоторых поворотах приходится «подключать блондинку» и списывать собственную невнимательность на волнение. Увы, даже прямые жалобы на усталость не помогают мне отвязаться от надоедливых «А что стояло на подоконнике?» и «Ты не заметила, где был телефон?» В окно я не смотрела, а выключенный телефон Одоевского

остался лежать на столике у двери, но объяснять всё это у меня нет сил.

Когда Кирилл засыпает, я обдумываю дальнейший план действий. Увы, на Одоевского я возлагала большие надежды, и я знала, как и чем на него надавить. Теперь одна из ниточек клубка тайн оборвалась и осталась где-то глубоко внутри. Совпадение ли, что Одоевского убили как раз тогда, когда я собралась вытрясти из него всё, что он знал о родителях и обо мне самой?

Может, перестать копать семейные тайны? Но я даже не понимаю, есть ли они, тайны эти? Может, дело в чем-то другом? Осинка была знакома с Одоевским, и даже пару раз бывала у него в гостях. Фотограф тоже был знаком с Одоевским, поскольку оба одновременно могли бывать в нашем доме. Может, Дионис делал для Одоевского какие-нибудь провокационные снимки? Осинки, например? Сомнительно, что искусство Диониса способно создать из фоток Осинки то, ради чего можно начать убивать направо-налево. Но вдруг?

На следующий день, едва Кирилл отчаливает в редакцию, я отправляюсь к Терабайку, весёлому парнишке из Люберец. Он пытается сделать деньги на интернет-кафе, посетителями которого неизменно оказываются мутные подростки, и все потуги хозяина сделать заведение солидным быстро проваливаются. Однажды кафе сгорело дотла, но Терабайк с упрямством носорога восстановил свой «частный и честный бизнес».

Можно было бы воспользоваться компьютером Кирилла, но я опасаюсь наткнуться на что-нибудь личное или провокационное. Вовлекать в уголовщину своего лучшего друга Энского я категорически не хочу. А Терабайк простит дорогой Мэл всё, лишь бы она пожелала ему счастья.

Щекотливый момент заключается в том, что Терабайк может подсмотреть в то, что я делаю. Однако ему приходится разнимать подравшихся подростков – юнцы не поладили в виртуальном пространстве и перенесли выяснение отношений в реальную жизнь. Провидение на моей стороне.

Ключ к архиву видеозаписей уважаемого Павла Васильевича – номер пятитысячной купюры, свёрнутой трубочкой. Павел Васильевич клялся, что никогда ничего не снимает, и оскорблялся на

подозрения, что он может заниматься столь грязным делом. Но архив видео с нимфами, а также разными известными личностями в главных ролях, аккуратно пополнялся. И всеми аспектами съёмок, даже техническими деталями Одоевский занимался исключительно сам.

Сервер с архивом располагается где-то за океаном. Пароль – это хорошо, но не спросят ли у меня отпечаток пальца? Нет, такими мерами безопасности Одоевский пренебрёг. На экране вылетает вопрос о девичьей фамилии его матери. Это я знаю.

Беглый просмотр случайных роликов меня озадачивает. В прошлом я видела довольно паршивые записи без какой-либо обработки. Но последние видео в архиве можно продавать как профессиональные. Качественная картинка, хороший звук, крупные планы лиц, динамичный монтаж – неужели Павел Васильевич освоил сразу все киношные профессии? Или кто-то другой отлично поработал и подзаработал на киношках для него? Как найти этого специалиста?

Одоевский не занимался тупым шантажом, справедливо полагая, что голову быстро оторвут. Но зачем же тратить столько сил, если видео нужны только как страховка?

Ещё и извращения пошли. Тьфу, гадость. Павел Васильевич сошёл с ума? За такое и отравят, и горло перережут, и в придорожном лесочке тихо закопают…

На прощание я, как и прежде, предсказываю Терабайку скорое изменение в жизни: рядом с ним появится путеводная звезда, которую необходимо уважать и слушаться. В руках толковой женщины из увальня получится отличный муж и отец – ау, невестушка, найдись!

Красную купюру я разменяю на рынке у станции – приступ шопинг-азарта требует покупки шёлкового халатика до пят, усеянного рюшечками и бантиками. Павел Васильевич делает мне такой подарок. Напоследок. Чтобы я могла превратиться в розовую фею и стать счастливой с другим мужчиной.

Добравшись до своей норы в Крысино, я делаю решительный шаг к счастью.

Обычно я живу, что называется, на чемоданах, хотя собственно чемоданов у меня нет. Есть коробки с мелочами, которые я смогла

выторговать у отца. Есть большие клетчатые сумки. Есть свалка всякого хлама. Бедность вырабатывает привычку хранить всё, что может пригодиться. В результате запасы растут, а жизненное пространство сокращается. Но выбросить что-либо кажется невозможным.

В новой жизни запасы мне не понадобятся.

Первой страдает цивилизация моли, уже начавшая постигать тайны строительства пирамид на жалких клочках меха, едва держащихся на съёжившейся высохшей шкурке моей детской шубки. Возможно, маленьким белым бабочкам повезёт продолжить свое развитие в ином месте, поскольку я не устраиваю им тотальный геноцид, а всего лишь изменяю координаты их вселенной – заворачиваю шубку в пакет и вытаскиваю её на помойку.

Требуется ещё несколько рейсов к мусорке, чтобы избавиться от стаканчиков из-под йогурта, пластиковых бутылок, битых тарелок и поломанных кастрюль. На свалку отправляются мешки с ветхими вещами, которые я носила в детстве, стопки макулатуры, собрание старой обуви, связка деревяшек, коллекция растянутых резинок для волос и непригодных заколок. Вздохнув, я избавляюсь и от пустых картонных коробочек, в которых могло бы храниться что-то ценное – но ничего ценного у меня нет. Ненужная и заношенная одежда остаётся в благотворительном ящике для ветоши.

Я делаю исключение только для одной вещи – дизайнерского комплекта какого-то полоумного француза. Этот уродский жёлтый костюм я ненавижу. Но он отлично работает в качестве антидота, если меня поражает лихорадка поиска впечатлений. Стоит какому-нибудь дурному нейрону сгенерировать мысль о приключениях, как остальной мозг сразу выдаваёт сигнал отбоя – мой жалкий вид в этом жёлтом помешательстве.

Самое трудное ждёт меня в предпоследней коробке. Среди старых школьных дневников и тетрадок я откапываю пакет с детскими фотографиями. Я знаю, что они есть, но никогда их не достаю. Зачем травить себе душу, когда этим с успехом занимаются все вокруг?

Высыпав фотографии на пол, я озадачиваюсь. Моя память о себе оказывается далёкой от того, что запечатлели фотки. На ангельском личике маленькой Риточки сияет безмятежная улыбка – это чудо заметила мама сквозь сетку забора детского дома.

Серьёзное выражение лица Риты-школьницы выдаёт отличницу, погруженную в собственные думы. На фотографиях с выпускного вечера Рита-тихоня кажется бледным привидением, случайно оказавшимся среди толпы беснующихся подростков. А я-то полагала, что держусь уверенно и невозмутимо.

Серия снимков показывает дружную семью Рогальских из эпохи «до». Переложив несколько карточек, я застреваю на дне рождения Кости. Впереди стоит сам именнник, рядом его маленькая сестрёнка, Акела и ещё двое мальчишек. За ребятнёй обнимаются отец, мама и крупный мужчина с грубоватой внешностью.

Этот человек был близким другом родителей – он запросто обнимает маму за плечи, а отец обнимает его, вытянув поверх его руки свою. Но кто это такой? Мужчина кажется смутно знакомым, и в то же время я уверена, что он не был гостем нашего дома, когда я доросла до школы.

Родители с ним дружили? Почему перестали? Где он сейчас? Может, этот забытый друг знает что-то опасное?..

Все мои бумаги и документы умещаются в сумку-планшет, шмотки занимают одну «мечту челнока», постельное белье и разные мелочи влезают в другую. Часть денег я прячу под дверцей встроенного шкафа в прихожей. Держащаяся на гвоздях фанерка приоткрывает пространство между двумя сторонами двери – этот готовый тайник будто специально предназначен стать банком. Пару денежек я оставляю в шкатулке с нитками. Если уж воры залезут в мою нору, пусть порадуются.

С точки зрения китайцев, мой дом переполняется жизненной энергией «ци», свободному течению которой препятствовал мусор. Надеюсь, столь резкие и неожиданные изменения в этом течении не повлекут за собой разрушительных последствий. Ведь большое значение придается и сохранению баланса.

В опустившейся на город темноте я осознаю, что не разобрала вещи, а собрала их. Я готова покинуть свою нору? Это предвидение? Или подсознательно принятое решение?

Трясясь в старом автобусе, медленно перемещающем меня к Кириллу, я задумываюсь и о своих вывертах. Зачем я так лихо украла архив Одоевского? Чтобы досадить стерве, числящейся его

женой? Мадам, понятно, будет исходить злобой, но неужели я настолько мелочна?

Или я хочу озолотиться? Секреты Одоевского стоят больших денег. И что? Я буду шантажировать почтенных горожан связями с красивыми девушками?

Может, мне не терпится оказать помощь следствию и выложить сыщикам неприглядные тайны Павла Васильевича? Точно нет.

Так какого черта я полезла в шляпную коробку? Иногда я совершенно себя не понимаю.

II. Любопытная дочь

12. Цитата

Для того чтобы загубить день, начните его вместе с Гусеницей.

Неведомым способом Кирилл донёс до матушки, что поразивший его любовный недуг – проблема серьёзная. И неугомонная мама Кирилла твёрдо решила, что раз уж сын выбрал себе в подружки неподходящую особу, то она сделает все возможное, чтобы наставить эту особу на путь истинный.

У меня нет опыта в общении с мамами близких мне мужчин, но резкий переход от «шалавы» к уменьшительному «Ритулечка» кажется волшебным. Никто ещё не демонстрировал такой гибкости в отношении ко мне.

О своём благостном отношении к этой перемене я быстро жалею. Елена Афанасьевна поставила себе сверхзадачу – приобщить меня к духовной жизни посредством обращения в православное христианство. В её понимании вера заключается сугубо в соблюдении обрядов, поэтому и моё воспитание она начинает с уговоров сопровождать её на воскресные службы.

– Ритулечка, ты поймешь, что нет ничего лучше, чем отстоять службу. Ангелы так и слетаются с небес – от злых чертей тебя охранять. И Господь милостями одарит, надо только час в неделю потратить. Давай, милая, помолишься, грехи свои исповедуешь и сразу почувствуешь Христову благодать. Да и для здоровья полезно.

– Благодать мне пока не светит. Я некрещёная.

– О-ой, да как же это ты?.. Да чего же ты ждёшь?..

– Не тверда я в вере своей, так зачем креститься?

– Ритулечка, это у тебя от непонимания. Надо, надо обязательно креститься. Чем раньше в церковь придёшь, тем больше благодати и получишь.

Мудрые люди ещё две тысячи лет назад разбирали этот вопрос. И я быстро парирую:

– А помните, в Евангелие от Матфея есть притча о хозяине виноградника? О том, как он расплатился с работниками?

Гусеница застывает на манер соляного столпа – притчи она не помнит, а, может, и вовсе не знает.

Выпрямившись и придав голосу распевные речитативные нотки, я напоминаю:

– Глава двадцатая: «Пришедшие первыми думали, что они получат больше, но и они получили по динарию, а получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной. Он же в ответ сказал: разве я не властен делать, что хочу? Будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных…»[2]

Сделав паузу, я добавляю:

– Я лучше приду вечером и все равно получу динарий.

Изумление Кирилла меня смешит. Чего-чего, а цитирования Евангелия он от меня никак не ждал. Спросит, из какого я монастыря?

– Ты всего Матфея знаешь?

– Не дословно. Раньше многое знала, но сейчас подзабыла.

Елена Афанасьевна закрывает рот, снова его открывает, собираясь что-то сказать, но передумывает. Быстро собравшись, она уходит – наверное, за благодатью.

Кирилл включает журналиста, ведущего расследование:

– Ты, случайно, в монастырь не собиралась?

До встречи с ним я провела несколько лет в своем собственном персональном монастыре, но как это объяснить? «Милый, это такая

[2] Рита пересказывает притчу о хозяине виноградника весьма вольно, опуская некоторые строфы.

длинная история, давай присядем, и я успею рассказать её раньше, чем на землю упадет метеорит». «Дорогой, это покажется тебе необычным, но всё было ужасно». «Солнышко, это был такой мрачный особняк, а в нём жила вредная старуха, которая дни и ночи напролёт заставляла меня читать ей Евангелия вслух.

Я ограничиваюсь коротким:

– Нет, но что ты думаешь о двадцать восьмой строфе пятой главы: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своём»?

Кирилл обнимает меня и роняет на кровать:

– Виновен. С этой женщиной греховен…

Звонит телефон. Журналиста ждут репортёрские подвиги.

13. Неидеальная подруга

Не следовало начинать день с цитат из Библии.

Кирилл уезжает на целый день, и я расстраиваюсь. Но что поделать, у меня есть и свои дела – попробую разузнать что-нибудь интересное.

Обычные девушки хорошо ориентируются в театральном закулисье или в политических кулуарах, но я необычная девушка – если бы проводились соответствующие соревнования, я была бы чемпионкой по ориентированию в больницах.

Несмотря на все преграды, возведенные заботливой мамой Ариадной, я проникаю внутрь палаты её дочери примерно к трём часам дня. Все, что требуется – белый халат, акцент и пара сотен рублей.

Осинка лежит в лекарственном сне, облепленная капельницами и трубочками катетеров. Койка выглядит подобием стартового ракетного комплекса – вокруг множество мониторов, проводов и каких-то сложных систем. Но примерно половина экранов не несёт никакой информации – и не может нести, так как системы даже не подключены к розеткам. Видимо, руководство больницы собрало всю эту технику ради впечатления Ариадны и выставления ей соответствующих счетов за лечение.

Несмотря на жалкий вид Осинки, её будущее выглядит вполне оптимистично. Это Ариадне преподносят тревожные домыслы из уст медицинских светил, а сиделки считают, что волноваться не о чем.

Я пристраиваюсь на стул рядом с койкой и бережно беру руку Осинки в свою. Давай, подружка, постараемся увидеть что-нибудь ключевое…

Ничего. Белая рука лежит в моих ладонях тёплой, но безжизненной конечностью. Нет ни малюсенького намека на хотя бы крохотное виденьице. Есть только наблюдение: одна из ухаживающих за Осинкой сестёр небрежна – ноготь на указательном пальце пациентки варварски срезан вместе с кусочком кожи. И зачем мне это знать?

Вспомню-ка я наши весёлые гулянки и секретики. Бесполезно. А если представлю Осинку в петле? Ничего. Дотошно воображу обстановку в её комнате? Не получается.

Помаявшись, я осторожно возвращаю руку подруги на белую простыню. Талис эст вита.[3] Я попыталась.

На площадке у лифтов я нос к носу сталкиваюсь с Ариадной Сергеевной. Неужели я приврала в цитате, и небеса из-за этого гневаются? Может, притвориться фикусом и тихо проскользнуть мимо?

Ариадна высокомерно оглядывает мой халат и морщится:

– Боже, даже здесь от тебя нет спасения. Зачем явилась?

– Да я так, на минутку, вдруг смогла бы помочь.

– Осинке нужен покой, а не выдумки взбалмошной подружки.

Странно. Раньше Ариадна не позволяла себе таких выпадов. Что-то изменилось? Я чего-то не знаю?

Попробовать спросить?

– Ариадна Сергеевна, а вы хорошо помните мою маму?

Вот зря я так. Нельзя людей без предупреждения вопросами напрягать. Что я буду делать, если звезда опрокинется в обморок?

Секунд на десять Ариадна ровно отвечает:

– Опасения Жени не напрасны: ты взялась подражать Маше… Да, я помню твою маму. Мы были подругами, и она меня хорошо понимала. Но я тебя огорчу – идеальной она не была. И многие вещи она не понимала вовсе.

– Например?

[3] Talis est vita (лат.) – Такова жизнь.

– Нельзя иметь всё, что хочешь. Невозможно быть одинаково любимой всеми. Неродной ребёнок останется диким приёмышем.

– Я на неё похожа?

– И думать забудь. Маша была редкой красавицей, и милой, отзывчивой женщиной. А ты – как плохая пародия на неё. Я не отрицаю, что-то общее есть, но лучше бы этого сходства не было.

– Вы знаете, как меня удочерили?

– Как всех. Привели за ручку в дом и научили пользоваться туалетом, носить тапочки и есть вилкой.

– Мама когда-нибудь говорила, почему выбрала меня?

– Ты была милашкой, тихой и ласковой. Но ты не выросла в лебедя, и Маша разочаровалась.

Ариадне нравится говорить мне гадости? Пусть болтает.

– А вы знали, что мама изменяла отцу?

Пристально-настороженный взгляд Ариадны выдаёт её ответ. Да, она знала.

– Рита, я не буду обсуждать личную жизнь твоей матери. Оставь прошлое в прошлом.

Я докопалась лишь до верхушки айсберга? Ариадна и угрожает, и предупреждает: самые опасные тайны скрыты в тёмной глубине.

Поздно. Ведьму без тормозов уже не остановить:

– Почему она не ушла от отца?

Звезда снисходительно растолковывает:

– Маша была без ума от Жени. Я бы даже сказала, что у неё была болезненная зависимость от него. И она полностью вручила ему свою жизнь – никогда ни о чем не заботилась, абсолютно всё решал и делал твой отец. А он боготворил её, иначе и не скажешь. От таких мужчин не уходят…

– Он знал о её приключениях на стороне?

– Она не пряталась. Но он всегда был выше подозрений. Верил только ей. С одним другом у неё вышла совсем смешная история: этот придурок явился к твоему отцу и всё ему выложил. И получил по морде за клевету.

– А…

– Всё! Я сказала – мне это неприятно. Не оскорбляй память матери своими грязными домыслами! Ты радоваться должна, что она тебя выбрала и на ноги поставила.

Покорно опустив плечи, я впитала гнев Ариадны и тихо, умоляюще выплеснула:

– Пожалуйста, скажите мне. Она покончила с собой?

Гордый поворот головы, царственный взгляд на козявку у ног и сквозь зубы брошенное «не знаю» – на грани распознавания, что это не дефект акустики, а именно ответ. С этим Тернопольская уплывает от меня по этажу.

Ничего нового. И как мне подобрать ключики к этому ларчику?

14. Белые халаты

Не везёт мне и у Диониса. Фотограф лежит в другой больнице – и проще и приличнее. Я торчу в его палате полчаса, но ничего не случается. Мои внутренние голоса молчат.

В отличие от раздражённого мужчины, который окликает меня, едва я сбегаю с крыльца служебного входа.

– Ведьма!

Надо же ухитрится: в одной больнице попасться Ариадне, в другой – Лорду. Это наказание какое-то? Я зациклилась на своих выдумках и отключилась из внешнего мира, а там кругом тигры, подстерегающие маленького кролика – того гляди слопают пушистую бедняжку.

Лорд в три широких шага перегораживает мне дорогу и гневно восклицает:

– Ты что, оглохла? Я к тебе обращаюсь!

Нашёлся, тоже мне, монарх. Наверное, с такой же интонацией Людовик-Солнце обращался к фрейлинам, которых заподозрил в неучтивости. Но мы не в восемнадцатом веке, и вокруг совсем не Франция, поэтому я вкладываю в ответ максимум легкомысленного пренебрежения:

– Мы знакомы?

Перебор, Рита, перебор. Этак бедного сыщика удар хватит. Нельзя над мужчиной так откровенно смеяться. Особенно над тем, кто воображает себя властителем.

Лорд быстро берёт себя в руки:

– Что ж, раз ты предпочитаешь такой стиль… Познакомимся. Меня зовут Серго́ Лордкипанидзе, я начальник отдела в особом

подразделении уголовного розыска. И я могу прямо сейчас отправить тебя за решётку – по подозрению в убийстве.

– Валяй.

– Что ты делала у фотографа?

– Навещала старого друга.

– Он без сознания.

– Знаю. Но иногда люди в коме могут слышать, что с ними разговаривают, да и заботу чувствуют.

– На тебе два белых халата. Куда торопилась?

И правда – я напялила один поверх другого. То-то медсёстры так странно на меня посматривали.

Я хихикаю, но Лорд не только не улыбается, но и мрачнеет:

– Почему ты считаешь себя ведьмой?

– Я не считаю. Просто прозвище дурацкое прилипло.

– И ты никогда не ощущала ничего необычного?

– Что ты имеешь в виду?

– Умение управлять другими людьми. Предвидения. Знания, которые появляются сами по себе. Изменение судьбы.

Холод пробегает по спине, мурашки начинают парад и выкладывают фигуру «Опасность». Нельзя поддаваться:

– Манипулирование, навыки аналитического мышления, хорошая память, принятие небанальных решений… Нет, это не про меня.

– И как же ты оказалась втянута в дело с убийством?

– Я бы и сама хотела это знать.

Обойдя собеседника, я направляюсь по дорожке к больничным воротам, заставляя Лорда пойти рядом. Но он и на ходу продолжает забрасывать меня вопросами:

– У тебя никогда не было чувства, что ты отличаешься от других людей?

– Такое чувство свойственно любому и каждому, особенно в возрасте пятнадцати лет. Разве нет?

– А вдруг ты относишься к немногим избранным с особыми способностями?

– И что? Предложишь съесть синюю или красную таблетку?

– Не слишком умно отвечать вопросом на вопрос.

– А я на ум и не претендую. Я, знаешь ли, простая девушка. Школьный аттестат вымучила – уже хорошо.

Лорд снова загораживает мне дорогу:

– Я понимаю твоё нежелание признаваться. Но простую девушку ведьмой не назовут. Будь у неё хоть десять классов, хоть десять дипломов. И мы с тобой неслучайно встретились. Ты ведьма, а я – охотник за ведьмами.

Мой внутренний голос оживает и фальшиво поёт «Во-о-от! Новый поворо-о-от!..» Загнав гадкого музыканта обратно в подсознание, я пытаюсь вникнуть в объяснения Лорда.

– Я охотник в хорошем смысле. Изучаю разные необычные способности – быстрые реакции, неожиданные связи мозга, инстинкты, шестые и прочие чувства. И меня интересуют те, кого называют ведьмами и колдунами.

Не удержавшись, я скептически парирую:

– Эзотерика – это не ко мне. Это к моему отцу. У него и книга нужная есть: «Индивидуальная настройка космических струн». Там колдунам отдельная глава посвящена.

– Я уже пообщался с твоим отцом. Он много непонятного о тебе рассказывает.

Надо срочно перевести разговор в другое русло:

– Каким образом всё это связано с убийством Одоевского?

– Я заинтересовался Одоевским, потому что ему слишком часто везло. Он выходил сухим из воды, выигрывал, спасался чудом – до того дня, как назначил встречу с тобой.

– Значит, на хэллоуин надену чёрный плащик, возьму наточенную косу в руки и буду ходить по домам выпрашивать конфетки. Как думаешь, много инфарктов будет?

В чёрном взгляде сверкает злой огонёк:

– Одоевский считал тебя своим талисманом удачи. Даже попьяни болтал, что пока ведьма с ним, ему сам чёрт не страшен.

Ой, мамочки… Ой, не могу…

И как теперь перестать ржать?

Чуточку отдышавшись, я проясняю, где сыщики заблудились:

– Серго, вы не туда копнули. У Одоевского была картина с названием «Жёлтая ведьма». Написал её один известный художник – в качестве то ли благодарности, то ли оплаты услуг Павла Васильевича. И случилось это ещё до моего рождения.

– Ты видела картину?

– Там изображена девушка, сидящая в уличном кафе. Вокруг всё серое, и люди кажутся размытыми пятнами грязи. А жёлтый плащ девушки – как солнечный блин в беспросветности. Девушка читает книгу и склонила голову, поэтому её лица не видно, его заслоняют локоны светлых волос. Ведьма она, потому что лежащая перед ней книга – толстый древний фолиант. На открытой странице изображена не то формула, не то пентаграмма. Так что ко мне предрассудки Одоевского не имеют никакого отношения.

Лорд вынимает руки из карманов и делает короткое движение, будто пытается удержать сам себя от какой-нибудь агрессивной выходки против меня. Забавно видеть его таким растерянным.

Помедлив, я добавляю:

– Одоевский только со злости обзывал меня ведьмой. И вряд ли я была первой или последней, кого он так ругал. Картина значила для него больше, чем любая женщина. Иногда он любовался картиной часами, а потом снимал и задвигал полотно за шкафы, чтобы не видеть. Через какое-то время доставал, менял раму, вешал на новое место.

На несколько секунд лицо Лорда светлеет – так малыши радуются собраному паззлу. Но затем начальник важного отдела одевает маску величия и одаряет меня очередным мрачным взглядом:

– Мы перевернули вверх дном весь особняк Одоевского, там точно не было такой картины.

– Значит, Павел Васильевич потерял свой талисман удачи.

Лорд царственно взмахивает рукой и с торжественной ноткой приглашает:

– Поехали. Вон тот серебристый «мерс» – мой.

Никто не собирается снимать новую «Клеопатру»? Или сериал про становление Римской империи? У меня на примете есть отличный Цезарь – заменить костюм на тогу, и самый строгий критик не придерется к целостности образа.

Бочком, приставным шагом, бочком – обойти монументальную фигуру Серго не так-то просто. И этот властелин одним шагом превращает мои усилия в медленный танец. Интересно, он умеет танцевать?

Мы оказываемся за больничными воротами, и я отказываюсь от изучения, что за охотника неслучайно послала мне судьба:

– Спасибо, я на метро. Пока!

– До встречи, ведьма.

Спокойная уверенность властного голоса поселяет во мне острое чувство тревоги. Богини судьбы в своем макраме не запутались? Точно?

15. Старший брат

После непродолжительных споров Кирилл соглашается, что поездка к старшему брату поможет мне получить ответы хотя бы на некоторые вопросы. Костя был взрослым, когда мама погибла, он знает о ней намного больше, чем я. А то, что мы не общались долгое время, не имеет значения: и я, и брат переросли травму внезапного сиротства, попробуем найти общий язык – может, и получится.

Саша поддерживает меня: не только сообщает телефон и адрес Кости, но и обещает уговорить его выслушать меня. Старший не выставит меня прямо с порога – а остальное зависит от меня.

Исчерпав семейную тему, Акела неожиданно спрашивает:

– А ты дружишь с Анютой? Помнишь, девушка у вас в гостях была? Симпатичная, светленькая с длинными волосами? У тебя случайно нет её телефона? Или мейла?

Насчет схемы «увидел-влюбился-телефон» я ошибалась.

– С каких это пор ты разыскиваешь девушек? Ты же избегаешь знакомств и отталкиваешь поклонниц?

Акела медлит с ответом. Боится показать, что заинтересован? Не хочет выдавать, что думает о светленькой девушке чаще, чем хочет? Дурачок, все эти игры для меня не имеют значения.

– Она не поклонница. Я обещал ей кое-что передать.

Если в моей власти, братик, сделать тебя счастливым, я сделаю. Пошелестев страницами записной книжки Кирилла, я диктую брату телефон и, как бы между прочим, выбалтываю:

– Хочешь секрет? Анютка – спортсменка: плавает, стреляет и на лыжах с трамплина прыгает. От неё все экстрима ждут, активного образа жизни, динамики. А у неё медленное хобби: она вышивает, но стесняется этого тихого увлечения. Так что путь к её сердцу лежит через восхищение её картинами. Понял?

– Ритка, ты самая лучшая сестра на свете!

А вот у моего старшего брата нет сестры. И никогда не было.

Костя всегда относился ко мне с предубеждением. И всегда был для меня недостижимо взрослым и серьёзным. Я играла в куклы, а он читал учебники, которые мне даже трогать запрещалось. Я осваивала букварь, а он расковыривал набор «Юный химик», от которого мне досталось две пустых пластмассовых баночки. Я корпела над химией в школе, а он поступил в институт и подрабатывал, получая настоящую зарплату. Единственным связующим звеном между нами был Саша, которого мы раздирали – каждый в свою сторону.

После смерти мамы мудрый Каа жёстко высказал и мне, и Акеле, что раз уж мы не родные друг другу, то и пробиваться в жизни должны каждый сам за себя. Пока братья пробивались, малявка Рите выживала, как могла. Моё «причаливание» к Одоевскому Костя счёл непристойной выходкой – и вычеркнул меня не только из настоящего, но даже из прошлого.

Смогу ли я это изменить?

Саша рассказывал мне о домике Кости, но в реальности «домик» оказывается большой усадьбой за глухим трёхметровым забором. С одного угла участка возведена даже своеобразная смотровая башня.

Выйдя из такси, я сомневаюсь, по тому ли адресу меня доставили. Нет, ошибки нет. Массивные чёрные ворота украшают нелепые золотые ангелочками, а сбоку висит табличка с тем самым адресом.

Позвонив в калитку, я открываю марафон переговоров с охранниками. Несколько раз поклявшись, что я ничего не продаю, я попадаю под надзор строгой женщины в костюме. От башни к центральному дому усадьбы – метров двести по дорожке из жёлтого кирпича. Как будто я перенеслась в иллюстрацию книжки про Изумрудный город. Это вселяет немного уверенности – обычно сказки заканчиваются более-менее хорошо.

Трёхэтажный особняк облеплен символами достатка – балконом, террасой, зимним садом и пристройкой для бассейна. Я и не предполагала, что брат пробился к такой состоятельности. Обидно, конечно, что этот делец не помог малышке, которая выросла рядом с ним. Но раз не помог – ведьма вольна делать, что хочет.

Константин ждёт меня в одной из гостиных, развалившись на огромной тахте. Его тёмно-синие штаны и бордовая рубаха похожи на пижаму. Изыск моды для богатых? А перегар под шёлком не спрячешь. Костя выглядит бесформенным и несчастным - устойчивый запах вчерашней попойки не могут перебить ни освежители воздуха, ни мятная жвачка, перекатываемая пьяницей во рту туда-сюда.

Судя по скривившемуся лицу, впечатления Кости тоже далеки от позитива. Выплюнув шарик жвачки, он грубо спрашивает, опустив церемонии приветствий и дежурных вопросов:

– Чё надо?

Мне нужно отвечать вот так, стоя в дверях?

Сделав несколько маленьких шажков вперед, я медленно сажусь на атласную поверхность вычурного стула:

– Костя, я хочу узнать о маме. Всего, побольше. Хочу понять, какой она была. Ты ведь лучше её знал. Расскажи мне, что помнишь? Пожалуйста.

– Подумать только, бесстыжая вспомнила о маме. Тебя снова вышвырнули из борделя?

– Я встречаюсь с хорошим парнем. Хочу выяснить, кто я.

– Ой-ой, да кто тебя, прошмандовку, честной бабой сделает? Проспись и не марай память матери. Она была неземной женщиной, а ты – словно кривое зеркало. Куда ни плюнь, везде изъяны.

– Я нашла мамины фотографии. Она была очень красивой. Наверное, мужчины были от неё без ума.

– Это всё, что тебя волнует? Мужчины? Дурой была, дурой помрёшь. Мама отца любила, если ты понимаешь, что такое любовь. А она понимала. И по-настоящему любила, на всю жизнь. Не в красоте дело, а в чувстве.

Костя делает паузу, чтобы отдышаться, и спокойным тоном выясняет:

– А где ты нашла фотографии?

– У одного фотографа. Он делал снимки мамы в стиле Серебряного века. Очень красиво получилось. Он и меня пытался так снимать, но Акеле не понравилось, хотя многие говорят, что я на маму похожа.

– Глупости не мели.

– Слушай, ну почему ты так меня не любишь? Я ничего плохого тебе не делала, ничего не просила. Меня удочерили, как и тебя усыновили.

– Мои родители умерли. Но они хотя бы существовали. А ты – никому не нужный выродок, ты должна была умереть. Всего полчаса не хватило – и не пришлось бы тебя терпеть.

– А в своих родителях ты уверен?

– Более чем. Я выкупил документы из дома ребенка, откуда нас мама забрала. В карточках всё честь по чести расписано. Моя мать при родах умерла, а отец на стройке погиб. Сашкины родители утонули. Мы – нормальные. Я даже могилы своих нашел. А вот ты – неизвестно кто. Ты – уродка по определению.

– Маму не смущало, что я подкидыш. Ты не можешь принять её выбор? Но не тебе его принимать, это было её решение.

– Она тратила на тебя кучу времени. Возилась с тобой, причёсывала, учила тебя танцевать, шила тебе костюмы. Как же, Риточке обязательно надо то, Риточке непременно нужно это. Новые туфельки, модное платьице, шёлковые бантики – всё для уродки. Тьфу! Даже думать об этом гадко.

– Она любила тебя не меньше. Ты получал всё, что хотел.

– Тогда мне казалось, что время бесконечно. А она не понимала, что тратит свои драгоценные силы на отброс. Она слишком рано ушла – и это ты отняла у неё время, которое могло быть моим.

– Тебе её не хватает. Но я в этом не виновата.

– Уходи, Маргарита. Ты только злишь меня понапрасну. Я не хочу тебя видеть, не хочу с тобой говорить.

Ладно. На выход – так на выход. Есть то, что не в нашей власти изменить. Если брат сделал меня ответственной за все беды мира, даже суд по правам человека не докажет обратного.

Вслед летит пренебрежительный вывод:

– Кстати. О твоих связях… Ты о генетике подумала? О том, какие уроды произвели тебя на свет? Поразмышляй – и не плоди себе подобных. Ты не должна рожать, ясно?

С какой стати это ничтожество решило, что может судить о моих связях, и, тем более, о возможных детях?!

Я о многом размышляю. Однажды я даже проконсультировалась у специалиста по генетике. И всё, что светило мне изрекло, укладывалось в короткую фразу «всякое бывает».

Отступив к двери, я выпаливаю:

– А почему мама не рожала? Может, у неё тоже были основания сомневаться в генетике?

Разумеется, я об этом пожалею. Но это будет уже потом.

Костя тяжело и неуклюже выбирается из подушек:

– Ах ты, погань… Самой мало вываляться в грязи, так ещё и память матери замарать хочешь?

– Это ты мараешь память матери! Ты свою-то родню до какого колена проверил? Точно уродов не было? Почему родня не рвалась тебя усыновить, может, подозревали, что ты семейные выверты унаследовал? Боялись такого урода в дом пустить?

– Пошла вон! Чтобы духу твоего здесь не было! Увижу – прирежу и в реку выкину. Поняла?

Лицо братца перекашивается от злости. Отступай, ведьма!

Коридор, поворот, площадка, лестница, коридор, двери…

Я задерживаюсь у самого выхода – и получаю толчок в спину. Уцепившись за косяк, я удерживаюсь на ногах и выскакиваю на дорожку из жёлтого кирпича.

– Стерва! Гадина! Дура! – Костя срывается на визг.

Промчавшись по дорожке, я выскакиваю на улицу и останавливаюсь уже за воротами. Брат выбегает следом.

– Прости, я слишком резко выразилась.

– Ведьма!

Резкое движение руки, кулак, нацеленный в лицо…

О-ой…

Я успеваю чуток увернуться, но удар силён, и я теряю равновесие. Полежу, о вечном подумаю…

Приступ острой паники лишает меня остатков сил. Сжавшись в комочек, я дрожу и задыхаюсь от ужаса – спасения нет, я уже не встану. За отчаянием накатывает апатия – пожалуйста, не надо показывать мне картинки всей жизни, просто заберите меня к маме…

Тики-таки, ведьма, хватит валяться. Рядом никого нет, лишь позолоченные толстозадые младенцы с крыльями безмятежно улыбаются, будто ничего и не произошло.

Я знаю, что мир несправедлив, что люди жестоки. Так на кой ляд меня тянет и тянет снова в этом убедиться? Щека горит огнём, левый глаз не открывается, руки трясутся как у старушки, страдающей от болезни Паркинсона. Доспрашивалась.

Кубики идеально чистого, прозрачного льда касаются щеки и снимают боль, стирают грязь, смывают обиду. Дрожь уходит, сердцебиение выравнивается. Мысленно бросившись в целую ванну изо льда, я чувствую, как спасительный холод успокаивает, возвращает ясность мышления.

Поднявшись на ноги, я подбираю сумку и позволяю своей тёмной стороне вырваться на волю. Плюнув на ворота, я под прицелом камер наблюдения, от всей души желаю зла:

– Будь проклято это место! Не видать тебе ни счастья, ни удачи! Ты пожалеешь!

Ночной поезд возвращает меня в столицу, и мелькающие за окном огоньки манят очарованием неизвестности. Где-то там, рядом с этими огоньками, люди любят друг друга, растят детей, радуются жизни. А я прячу воспоминания о счастливом детстве поглубже и подальше. Нет у меня брата Кости. Да и не было никогда.

16. Три ищейки

Наконец-то я залезу в кровать и отосплюсь.

Куда там. Кирилл рвётся позаботиться обо мне. Негодует, держит компресс у моего лица, обещает убить подлеца, варит гречку, уговаривает меня отправиться в больницу. Спустя два часа переживаний вокруг моего заплывшего глаза я уже не понимаю – это мне больно или ему?

Когда журналиста вызывают на совещание, я так радуюсь, что он едва не остаётся со мной – это наверняка сотрясение, меня нельзя оставлять одну. Я искренне обещаю, что лягу и буду отдыхать, дожидаясь его возвращения.

Я отдыхаю, но недолго. Пиликает телефон.

Коротко изложенный ультиматум Бирмана сводится к двум вероятностям: или я приезжаю к нему сама сейчас же, или меня привозят к нему в наручниках и под конвоем. А если я снова пропаду неизвестно куда, он объявит меня в федеральный розыск и всё равно достанет – хоть из-под земли.

Злой такой. Ни слова не дал сказать.

Но мне удаётся подремать в такси, пока машина ползёт по пробкам остывающего города.

Троица сыщиков встречает меня с живым интересом. Не понимаю, на что они уставились? Подумаешь, синяк под глазом. Я постаралась замазать его, но эта пакость просвечивает сквозь все слои тонального крема и пудры. Ну и что? Мой вид как нельзя лучше подходит к обстановке этого жалкого кабинета.

После заполнения бумаг, Бирман холодно осведомляется:

– Маргарита Евгеньевна, что с вами случилось?

– Ничего. Я упала.

– Случайно наткнулись на чей-то кулак и не удержались на ногах?

Вдох, выдох. Сосредоточилась.

– Вы торопились задать мне какие-то вопросы.

– Если на вас напали, это имеет отношение к делу.

– Нет, это не имеет отношения к делу. Мы приступим?

Внешне Бирман кажется спокойным. Но я чувствую, что он раздражён, даже злится. И точкой концентрации негатива стала гражданка Рогальская – не без причин, хотя всё равно досадно.

– Вы хорошо знали Павла Васильевича Одоевского?

– Я бы так не сказала.

– Вы состояли в близких отношениях?

– Да. Около полугода.

– Когда эти отношения начались?

– Примерно семь лет назад.

– Как вы познакомились?

– Павел Васильевич был другом отца и часто бывал у нас дома.

– Вы знали, что он занимается сутенёрством?

– Сначала нет. Потом – да, знала.

– Как вы об этом узнали?

– Случайно зашла к одной из нимф «Школы здоровья» в неподходящий момент.

– Вы оказывали интимные услуги в этой «школе»?

– Нет.

– Одоевский склонял вас к занятиям проституцией?

– Нет.

– Почему?

– Я была его подругой, а не работницей.

– Почему вы расстались?

– Я ему надоела.

– Почему он не использовал вас после расставания?

– Я не дотягивала до уровня его нимф.

– Что, он прямо так и сказал?

– Примерно.

– Вы затаили на него обиду?

– Сначала да, я злилась. Потом поняла, что он прав.

– Вы решили ему отомстить?

– Нет, я не хотела ему мстить.

– Вы испытывали к нему романтические чувства?

– Нет.

– Вы поддерживали отношения всё это время?

– Нет. Случайно встречались пару раз.

Неприятная у капитана манера – задавать откровенные вопросы коротко и резко. И этот ритм подчиняет, я автоматически отвечаю в том же стиле. Чувствую себя голой – но это придётся пережить. Пока лучше не врать там, где можно этого не делать.

– Зачем вы приехали к нему домой?

– Я хотела поговорить с ним о своей матери.

– Вы заранее договорились о встрече?

– Да. Я позвонила ему, и он сам назначил день и время.

– Кто-нибудь ещё знал о ваших планах?

– Я никому не говорила, а о нём не знаю.

– Что именно вы хотели знать о своей матери?

– Полагаю, это не имеет отношения к делу.

– Выкладывайте.

– Я приёмная дочь Рогальских, собираю информацию об обстоятельствах своего появления в семье. Одоевский знал и отца, и маму, я надеялась, что он сможет вспомнить что-нибудь, о чём мне ещё неизвестно.

– Почему он назначил встречу у себя дома?

– Он многие встречи там назначал.

– Почему, обнаружив труп, вы не сразу позвонили в службу спасения?

– Позвонила я сразу. Но я не сразу его нашла. До этого я ни разу не бывала в этой квартире, поэтому обходила все комнаты подряд.

– Вы никого больше не видели в квартире?

– Нет.

– Одоевский упоминал о других встречах?

– Нет, и он не стал бы этого делать.

– Вы знали о чёрной лестнице в здании?

– В старом доме такая была. Но в этом – нет, не знала.

– Со двора по чёрной лестнице можно попасть в квартиру Одоевского напрямую. Вы знали о такой возможности?

– Нет, я не знала.

– Вы трогали что-либо в квартире?

– Старалась этого не делать.

– Вы встречались с кем-нибудь ещё в то утро?

– Нет. Я сразу поехала к Одоевскому.

– А что вы делали накануне?

– Днём убирала квартиру. Вечером ничего не делала.

– Ваш приятель Кирилл Весенин сообщил, что вернулся в тот вечер очень поздно, к полуночи. Это так?

– Да, он был на собрании редакционного совета. Его журнал поменял владельца, и Кирилл всю ту неделю каждый день до полуночи в редакции торчал.

– Елена Афанасьевна Весенина – мать Кирилла – утверждает, что дважды приходила к вам в тот вечер и подолгу звонила в дверь, но вы ей так и не открыли.

– Я выходила на полчаса. Мусор вынесла, по улице прогулялась.

– Елена Афанасьевна приходила с разницей в полтора часа и во второй визит пробыла рядом с домом, поджидая вас, ещё не меньше часа. Получается, вас долго не было дома.

– Возможно.

Это не ответ. Это признание, что Маргарита Евгеньевна отказывается сотрудничать со следствием.

Капитан чуть морщится и продолжает:

– Вернёмся к тому моменту, когда вы увидели тело…

К Бирману присоединяются Влад-верзила и Коля-очкарик – прислушавшись, я выясняю имена коллег капитана.

Трио ищеек задаёт мне вопросы по очереди. То перескакивая с предмета на предмет, то последовательно надоедая одним вопросом, то сбивая меня на полуслове, то выдерживая длинные паузы, сыщики гоняют меня по апартаментам Одоевского, время от времени ловя на неточностях и оговорках. Общий смысл разговора

сводится к тому, что это я ещё вечером перерезала горло Павлу Васильевичу, а затем спокойно ушла, чтобы наутро найти его труп.

В этом есть плюс: ищейки не подозревают, что я ещё и ограбила убитого страдальца.

Вокруг подробностей обнаружения трупа кружится словесный вальс, а мне сложно сориентироваться, сколько прошло времени. Кажется, что я вязну в вопросах уже несколько часов, но сыщики держатся непринуждённо, как будто и не устали.

Головная боль нарастает, в какой-то момент я понимаю, что не могу связно говорить. Этого сыщики и добиваются? Доведут меня до «бе-ме-му-му» – и напишут, что я во всём призналась?

– Дайте мне воды, пожалуйста.

Троица переглядывается. Бирман уточняет:

– Что, простите?

– Можно мне попить? Обычной воды. Хотя бы пару глотков.

Влад отправляется за водой (и путь оказывается не близким). Воспользовавшись паузой, я под настороженными взглядами ищеек роюсь в сумке. Раздобыв таблетку, я показываю её Бирману и ехидно обещаю:

– Молодильное яблочко. Сейчас съем и буду как новенькая.

Что я несу? Зачем? Кто-нибудь, отключите дебильное устройство для шуток у меня в голове!

Бирман кривит уголок рта. Сейчас он повяжет меня за употребление запрещённых веществ и будет доволен собой.

– Простите. Это обезболивающее. У меня голова болит.

Влад приносит стакан воды. Я запиваю таблетку, и капитан протягивает мне пачку бумаги:

– Рита, вам нужно это подписать.

Это что, ручку держать придётся? Нет, я не смогу.

Пока я вспоминаю, как рисовать закорючку подписи, Бирман даёт волю чёртику в своей мозговой коробке:

– Сложно поверить, что Одоевский выпустил из рук девочку, не пропустив её через свою «школу».

Сыщик уверен в том, кто я есть. И его стальной взгляд гравирует это неприличное слово у меня на лбу.

Развеселившись – к полному недоумению ищеек – я пытаюсь объяснить, почему это смешно:

– Представьте – у вас есть друг. Друг юности – доверенный-проверенный, мега-надёжный и правильный. В юности вы были рады, что судьба свела вас с таким человеком. Но со временем жизнь подкидывает вам непростую проверку. Ваш друг успешен во всём – у него красивая жена, престижная работа, народная слава, а вот вы как сидели в дерьме, так и сидите.

Сидеть в дерьме Бирману доводилось – хотя бы по работе. А вот в водоворотах зависти он вряд ли тонул. Как не понял сразу, так и сидит с каменной физиономией. Всё равно продолжу:

– Дружба дружбой, а зависть растёт и колосится. Пока однажды к вам в руки не попадает дочурка этого друга. Как упустить такой случай? Вы являетесь к успешному дружочку и мимоходом бросаете: «Кстати, я тут живу с твоей малышкой. Ты уж извини». Всё в одном – и удалью похвастался, и плохого отца упрекнул, и семейную идиллию разрушил.

– Не забудьте, что речь не обо мне.

– Мой отец сказал Одоевскому, что очень рад и за него, и за дочурку. Теперь ответственность за девочку лежит на плечах его старого товарища – и ничего лучше он пожелать не мог. Более того, теперь на товарище лежит обязанность присматривать за девочкой и дальше. В частности, было бы неплохо выдать её замуж за приличного человека.

– А Павел Васильевич надеялся, что правильный друг разрыдается и заклеймит его развратником?

– Не знаю. Он был дико разочарован. Какая там школа, он видеть меня не мог. Вот вы бы что сделали на его месте?

– У меня нет таких друзей.

– Счастье ваше. Одоевский выбросил меня обратно на улицу.

Всё, справилась. Нарисовала все нужные закорючки.

Бирман складывает листы в папку, я обещаю уведомлять его о всех своих перемещениях, сыщики сухо прощаются.

Уже у двери меня догоняет ещё один вопрос:

– Вы сказали – *обратно* на улицу?

– Я ушла из дома незадолго до выпускных экзаменов. Перебивалась кое-как, потом заболела, попала в больницу. Когда выписалась, Павел Васильевич за мной приехал и сказал, что я могу пожить у него. Так и закрутилось.

– Вам не хотелось его убить?

– Нет. Он был добр ко мне.

Бирман сквозь зубы матерится, и я малодушно убегаю, ничего не добавив. Зла на Павла Васильевича я не держу – он спас меня, когда не было никого больше. Но со стороны можно напридумывать всякого.

Что и как рассказать об Одоевском Кириллу? Надо ли? Промолчать, ясное дело, проще, но не всплывёт ли что-нибудь эдакое, когда будет слишком поздно для признаний?

17. Любовный омут

Изучив симптомы в интернете, я прихожу к выводу, что сотрясения у меня нет. Да и челюсть осталась на своём месте. Травматологи меня не ждут, и это очень хорошо.

Отдохнув денёк-другой-третий, а потом ещё денёк, я продолжаю поиски входа в подземелье со скелетами.

Мумия, о которой толковала мне Лидия Борисовна, оказывается бодрой бабушкой восьмидесяти с чем-то лет, поборницей права пожилых на полноценную жизнь. Бабушка направляет меня к другой старушке, которая, в свою очередь, сводит меня со своей подругой, от которой я узнаю о третьей подруге, которая когда-то работала где-то в недрах народного образования.

Проделав все эти путешествия по «домам, где живут подруги и бабушки», я попадаю в приёмную Софьи Руденко. И не успеваю я договорить имя матери, как исповедь Софочки льётся рекой.

Софочка не думала о романтике. Перед опытным педагогом открывались заманчивые карьерные перспективы, не оставлявшие времени на личную жизнь. Да и после крушения двух семейных лодок Софочка не собиралась снова рисковать. Но тут в её жизнь ворвался Мурад.

Поначалу интерес со стороны жгучего брюнета показался ей странным, тем более, что чужеземец был моложе Софочки на пятнадцать лет. Но устоять оказалось решительно невозможно, и вскоре парочка зажила вместе, в уютной трёхкомнатной квартире, доставшейся Софочке от второго мужа. Дети оканчивали школу и в материнской опеке не нуждались, учительская лямка и работа на благо всеобщего образования приелись. Пришло время пожить

в свое удовольствие. И всё складывалось волшебно: Мурад был обаятелен, внимателен и часто говорил Софочке о любви.

Незадолго до очередного Нового года, в комитет образования пришла работать Маша Рогальская. Уверенная в себе, но не амбициозная Маша быстро завоевала доверие начальницы. Женщины сблизились и даже начали общаться вне работы.

На праздник новая методистка пригласила весь женский коллектив к себе в гости. Софочка обнаружила, что у Маши очень интересный муж, гладко говорящий о разных умных вещах. При этом Женя не заумничал, не сыпал мудрёными терминами, а возносил собеседниц на интеллектуальную высоту, где каждая могла его понять. Ещё больше очков умник получил, когда все подкаты коллектива разбились о его твёрдую приверженность семье и Маше.

Увы, моральные бастионы самой Маши оказались не столь крепки. Софочка заподозрила, что у подруги есть свои тайны, уже в конце зимы. Ближе к вечеру Маша отвечала на телефонные звонки, рассказывая о своих планах на вечер. А на вопросы о том, кто звонит, неловко отшучивалась. Отпросившись пораньше, Маша уходила в неизвестность, и Софья специально звонила Жене, чтобы удостовериться – подруга гуляет от мужа.

Попытка разговора по душам провалилась. Маша всё отрицала и даже сгоряча обвинила начальницу в том, что та суёт нос не в своё дело. Софочка обиделась, и какое-то время женщины разговаривали только в официальном ключе. Но потом Маша, не выдержав, призналась, что за ней ухаживает другой мужчина. Она пока ещё не сдалась, но близка к измене. И муж, и другой без ума от неё, а она никак не может выбрать, с кем быть. Женечка идеальный муж, но он мямля, подкаблучник, а тот, другой, решителен, брутален и жаждет её ответной страсти.

Софочка не сомневалась: муж, и только он составит счастье Маши, а с потенциальным любовником надо порвать, как можно быстрее. Нельзя обманывать идеального Женю, нельзя ставить под удар крепкий и счастливый брак. И Софочка поможет младшей подруге всем сердцем, всей душой…

Выслушивая излияния Софочки, я испытываю смешанные чувства. Столько страстей – и ни слова о малышах. Ладно, заслуженная училка забросила своих школьников, но у Маши-то были маленькие дети. Да, Женя не был их отцом, а другой мужчина согла-

сился бы и на выводок динозавров, лишь бы заполучить возлюбленную. Но почему Софочка не упомянула детей вовсе?

– У Маши и Жени были дети?

– Да, мальчик лет шести, только он подолгу жил у бабушки. Маша считала, что ему лучше расти в деревне, на воздухе. Она не слишком о нём волновалась.

– Всего один ребёнок?

– Да, точно один.

А где же тогда был Саша? Если его усыновили вместе с Костей, то почему о нём никто не знал? И кто такая эта деревенская бабушка? Все бабушки-дедушки по маме и отцу умерли ещё до нашего рождения. Так откуда взялась ещё бабушка? И где находится эта загадочная деревня, куда сплавляли маленького Костю?

Тем временем Софочка приближается к развязке драмы.

За напряженной весной и спокойным летом пришёл День учителя. Именно тогда всё и случилось.

Праздник удался на славу. Хотя в стране царил очередной бардак, женщинам удалось собрать очень приличный стол. Мурад раздобыл и вина, и коньяка, так что все веселились на полную катушку.

Маша и Мурад пересекались и раньше. Но только в тот день Софочка вдруг почувствовала укол ревности, глядя, как её подруга кладет руку на плечо её мужчины. И Мурад, танцуя с Машей, вёл себя как-то слишком раскованно.

Женщины затеяли небольшое представление, после которого Софочка обнаружила, что ни Мурада, ни Маши нет в зале. Она застала их на запасной лестнице, на подоконнике окна. Мурад энергично обнимал разгорячённую Машу, забыв про все обеты любви и нежности. И Маша постанывала в такт его движениям, полуприкрыв глаза в сладкой истоме.

Софочка закричала, но парочка остановилась только после того, как синхронно сотряслась в финальной конвульсии…

Мда. Воспитанная в ханжеском сокрытии интимных сторон жизни, Софочка никогда не видела сексуального акта со стороны, вероятно, неприличное зрелище в неожиданном месте вызвало у неё простой чувственный отклик. Но она не могла разобраться в своих реакциях.

Любовников с подоконника это, понятно, не оправдывает.

– Вы расстались с Мурадом?

– Да.

Из глаз Софьи текут обильные слезы, и она всхлипывает совсем по-детски – словно маленькая девочка, уронившая мишку на пол.

– Я устроила жуткий скандал. Кричала, что не люблю его, что он может убираться на все четыре стороны. Он плакал, умолял простить, даже на коленях стоял. Говорил, что выпил лишнего, что на него затмение нашло. Но я была непреклонна, выгнала его. А он ушёл и не вернулся. Пропал.

– Как это пропал?

– Последний раз его видели на Крымском мосту. В милиции сказали, что он, скорее всего, покончил с собой, бросившись в реку. А тело могло унести, и вряд ли его когда-нибудь найдут.

– Он оставил записку?

– Нет. Но он сложил все свои вещи, как если бы собирался уехать. И сверху положил книгу – стихи Цветаевой. Это я её ему подарила.

– А что Маша?

– Уволилась. А напоследок ещё и поглумилась. Сказала, что любой мужик ради её юбки на всё пойдет. И никакая пошлая обывательница не сможет его удержать.

– А её муж?

– Не знаю. Я его больше не видела.

– Вы не припомните, куда именно она перевелась?

– Кажется, в министерство, но я не уверена.

Софья не спросила меня, кто я такая и почему интересуюсь адюльтерами двадцатилетней давности. Может, и к лучшему.

Я уверена, что она сделала роковую ошибку. Мурад не был тем любовником, о котором ей рассказывала Маша. Постоянные любовники устраивают спокойные свидания наедине, подальше от чужих глаз. Любовь на подоконнике была спонтанной выходкой, страстью двух заскучавших людей. Мурад заплатил высокую цену за темперамент и выпивку, а мама не стала ничего объяснять.

Вот явилась бы она мне сейчас и объяснила, как разложить этот пасьянс из мужчин и страстей.

Есть надёжный муж, которого все считают идеальным. Есть очарованный любовник или, возможно, лишь претендент на эту

роль. Красивая женщина мечется между мужчинами, выбирая то стену, за которой жить, то страсть, без которой не жить. Куда в этом раскладе пристроить ещё и Мурада? Может, мама пыталась сбежать от обоих надоевших воздыхателей? Или хотела откусить ещё один запретный плод?

Ясно одно. Образ прекрасной мамы, нежно хранимый в моем сердце, пугающе не совпадает с тем, какой Машу видели другие люди. Продолжая ворошить грязное бельё, я рискую разрушить то последнее, что ещё осталось от светлого детства.

Знать или не знать? Я хочу всё выяснить. Но что я буду делать потом? Плакать и заламывать руки? Будет поздно.

18. Милый дом

Хилое дитя со смощенным личиком и кривыми ножками выползает на белый свет. Неловко перехваченный повитухой, ребёнок издаёт тихий всхлип. Полный боли взгляд роженицы скользит по тельцу младенца. Какое разочарование – миру явилась новая утроба для продолжения рода человеческого.

Жалкое синее существо ставит крест на мечтах матери о сыне. О мальчике. О мужчине, которого можно будет возвести на алтарь нерастраченных чувств и отдать всю себя в жертву ненасытному мужскому существу…

Почему нельзя заказать весёлое сновидение?

Мой тихий стон будит Кирилла, и он вытаскивает меня из акушерских будней – крепко прижимает к себе и укачивает, шепча какие-то глупости. Я размякаю – как кусочек хлеба под дождиком. А утром уже сложно восстановить образы из сна.

Кто была эта роженица? Моя мать? Другая женщина? Я не могу вспомнить её лица, а если и вспомню – возможно, не узнаю, как не узнала во сне. Чьё рождение я видела? Своё? Или это была другая девочка? Я настроилась на раскапывание семейных историй, и подсознание подсунуло мне материнские страдания, с которых всё начинается? Кто-нибудь знает ответы?..

На вечер я планирую шоу «Фея кулинарных чудес». Белый фартучек с ярким красно-жёлтым узором отвлечёт Кирилла от того прискорбного факта, что готовить я не умею. Все эти соусы, обжарки-пропарки, маринады, приправы и прочие изюминки разных блюд – для меня как тёмный лес. Точнее, как горное ущелье. В лес я зайду и не сильно испугаюсь, а вот прыгнуть в ущелье даже при наличии парашюта будет испытанием не из простых.

Фартучек справляется со своей задачей, и я пытаюсь превратить романтическое настроение в авантюристическое. Подсунув милому тарелку с мороженым, я невзначай выкладываю:

– Я хочу домой к отцу попасть. Поможешь мне немножко?

Кирилл спокойно улыбается, подтверждая, что готов на всё. Но остатки его разума, стряхнув с себя любовный флёр, уточняют:

– Ты хочешь что-то тяжёлое прихватить?

– Да нет, порыться в отцовских бумагах. Уточнить кое-что о маме. Может, что-то интересное о себе найти.

– Втихаря, что ли?

– Скажем так: тихо и незаметно.

– Дверь взламывать придётся?

– Нет, у меня ключи есть. Отец за десять лет не удосужился замки поменять. Вряд ли занялся этим на прошлой неделе.

– Ты не хочешь одна туда идти?

– Да боязно как-то.

Кирилл перекатывается по кровати и подсовывает мне под нос полную ложку растаявшей сладкой жижи. Измазав мороженым мой рот, нос и щёки, он весёлым тоном влезает в невесёлое:

– Не понимаю я твоего заискивания. Отец бил тебя?

– Нет, что ты. Так приличные люди не поступают.

– Прости, что такое говорю, но, может, он обозначил свой интерес к тебе как к женщине?

Отец знает, что я женского пола, но для него это нарицательное обозначение. Тумбочка или яблоня – тоже женского рода.

Кирилл истолковывает моё замешательство по-своему:

– Я шокировал тебя? Но лучше спросить, чем генерить фантомы. Всё прояснилось – и я спокоен.

– Отец – фанат одной женщины. Моей мамы. Думаю, он смутно догадывается, что другие женщины существуют, но не понимает, что могут быть отношения с кем-то, кроме неё.

– Он ещё не старый мужик. Да и видный такой. Неужели юбчонки рядом не крутится? Сложно поверить. Может, он это не афиширует, а ты и не знаешь.

Кирилл пытается сделать стойку на голове, но не удерживается на мягкой опоре и сваливается. Отдышавшись, он спрашивает:

– Когда мы штурмуем твердыню?

– До конца недели. Отец уехал в Саратов на семинар.

– А-а, то есть нам не грозит встретить злого родителя с обрезом наперевес? Тогда что ты дрожишь, как осиновый лист?

Не знаю. Я регулярно думаю, что изжила в себе ужас тех нескольких дней, когда моя спокойная жизнь превратилась в кошмар наяву. Но страх возвращается. Я не боюсь жалкого человека, запершего себя в своих иллюзиях. Но я боюсь отца как воплощение силы, уничтожающей твои планы на завтра, на весь следующий год, а позже оказывается, что и на всю жизнь.

Язык не повернётся рассказать Кириллу о том, как отец выставил меня из дома. И это повлечёт за собой вопросы, что было дальше. Обойдёмся пока.

Журналист вникает в проблему с профессиональным рвением:

– Слушай, а ты ведь прописана там, у отца?

– Не знаю. Я не выписывалась.

– А квартира приватизирована?

– Да, давно. Но всё оформлено на отца.

– Если тебя не выписали, у тебя есть законное право проживания. И ты можешь войти в квартиру в любое время – есть там твой отец или нет.

– Если я сделаю это без его разрешения, он быстро решит все вопросы с моей выпиской и заменой замков.

– Ладно. Обсудим потом. А в Холмса и Ватсона поиграем завтра, после обеда.

Родной дом встречает меня стерильностью и равнодушием. Я ни разу не слышала, чтобы у отца была домработница, но привычная чистота – наверняка результат женского труда. То есть в доме каждую неделю бывает женщина. И она на несколько часов остаётся рядом с отцом – вряд ли он доверяет квартиру постороннему человеку.

Так или иначе, Кирилл прав – я законсервировала момент из прошлого, а жизнь не стоит на месте.

Родители получили трёхкомнатную квартиру как многодетная семья, но в этой поддержке государства наверняка крылись свои подводные камни.

Самая большая комната сначала была детской, но после того, как старшие птенчики вылетели из гнезда, отец сделал перестановку. Ему требовалось больше пространства для творчества, и я переселилась в бывшую спальню родителей. А после моего ухода эта комната стала гостевой. Здесь останавливаются соратники отца, приезжающие на столичные мероприятия. Скупердяи, неужели им удобно ворочаться на подростковой кровати со сплющенным матрасом?

Кирилла притягивает кабинет писателя Рогальского.

Финансовый успех, снизошедший на отца, трансформировался в интерьер, который был бы более уместен в английском замке. Дубовые настенные панели, книжные шкафы во всю стену, массивный стол на резных ножках – сюда просятся сэры и пэры в сюртуках и цилиндрах. Впечатление портят низкий потолок типовой многоэтажки и пейзаж за окном: серый двор диссонирует с письменным набором из красной яшмы.

Я застала только самое начало работ по отделке кабинета. Попав впервые в законченный интерьер, я испытала благоговейный восторг от получившейся торжественной красоты. Но потом жизнь занесла меня в другие кабинеты, и я поняла, что созданная отцом обстановка была лишь грубым подражанием.

Качество работ по дереву, да и само состояние исходного сырья оставляли желать лучшего, потёки лака создавали ощущение неаккуратности. Расположение полок, скопированное с журнала, оказалось неудобным. Несмотря на вгроханные в кабинет деньги, результат оказался посредственным. Или я пристрастна?

Усевшись на диван, Кирилл зачитывается собранием мотивирующих афоризмов. И рядом, и не мешает, и выдумывать, чем его занять, не нужно. Умница!

На рабочем столе отца стоит фотография: Женя и Маша обнимаются с тем же другом, которого я увидела на одном из детских снимков. Дети не разбираются в том, кто все эти взрослые, которых

притаскивают родители, и я не присматривалась, не придавала значения взрослым на семейных фотографиях. Но не случайно мужчина показался мне знакомым.

Фотография со стола была сделана, когда отец и его приятель были ещё зелёными юнцами, а вот мама уже притягивала мужские взгляды – стройная, элегантная, чуть капризная, но ещё наивная дива. Греческая причёска, бархатный взгляд, лёгкая туника, точёные ножки, цепочка на тонкой щиколотке – как не залюбоваться, как не влюбиться?

Раздраконив рамку, я вытаскиваю хрупкий чёрно-белый снимок. На его обороте сделана косая надпись: «Маше и Жене на память». Чуть ниже – размашистая подпись: Frend. А слабо было написать имя, фамилию, отчество, дату рождения, адрес и способ связаться через двадцать лет?

Собирая рамку, я прикидываю, сколько времени займёт обыск книжных шкафов. Все секции можно не просматривать – отец любит порядок, всего одна полка заполнена папками и коробками с документами. На коробках наверняка есть распечатанные ярлычки, подсказывающие, что внутри. Остаётся надеяться, что отец не додумался прятать семейные секреты под случайными надписями. Вот, например, папка «Материалы к конференции МАКТОБ». Вроде бы очевидно, что «мактоб» – не то, что интересно. Но если хочешь кого-нибудь запутать, лучше «мактоба» ничего и не придумаешь.

Отец не любит путаницы. В углу полки с документами я нахожу три папки с аккуратными наклейками: «Домашний архив», «Дети» и «Семейное фото».

Первые две папки содержат копии разных житейских бумаг. Некоторые, как, например, свидетельство о браке родителей, кажутся примечательными, но это просто документы. Другие, с виду скучные, добавляют достоверности уже известным мне сведениям. Страницы из трудовой книжки мамы подтверждают её работу в конкретных местах в конкретные годы. Но мне не удаётся увидеть что-нибудь новое между строк.

Семейные фотографии аккуратно разложены по датам, темам, местам. Бегло перебирая конверты, я нахожу один интригующий – с наклонной надписью «frend».

Два обнимающихся пацана лет по десять-одиннадцать. Два старшеклассника в школьной форме. Два парня с одной девушкой у моря. Двое мужчин в костюмах возле одной невесты. Двое мужчин и одна женщина с компанией детишек. Двое мужчин и одна женщина на выставке картин. Двое мужчин, скорбно склонивших головы возле одной могилы…

Снимков у могилы оказывается два. На обороте одного почти стёрлась пометка карандашом: «2 экз. для F».

Значит, это Френд был третьим, не совсем лишним, в отношениях Жени и Маши.

Отец уже в юности выглядел благородно, даже в шортах и майке. Рядом с отцом Френд и в парадном костюме неказист – будто работяга забежал на похороны с соседней стройплощадки. Идеальный муж-угодник и брутальный любовник без тормозов?

Вот правильный Женя. Надёжный, организованный, спокойный. На него можно положиться, ему можно довериться. Он романтичен, он нравится людям.

Вот ершистый Френд. Импульсивный, решительный, сильный. Он ничего не боится, он может снести горы. Его побаиваются, но его и уважают.

Противоположности притягиваются, два пацана подружились – что не мог один, легко получалось у другого. Вместе они могли покорить мир. Но Маша приворожила их обоих.

Забрав одну похоронную фотографию, я максимально аккуратно складываю остальные – как были. Незачем давать отцу повод для подозрений.

Что ещё здесь можно откопать?

Frend – по-английски «друг». Друг семьи или друг Жени и Маши по отдельности, пусть и в разных смыслах – это понятно. Но не основано ли прозвище на созвучии с именем-фамилией? Френд может быть Фёдором или Фёдоровым, например.

В верхнем ящике стола лежит толстая телефонная книга. Отец педантично вписывает в неё все свои контакты. Сделал ли он исключение для Френда?

Увы, в книге нет ни одного Френда, зато есть семь Фёдоров. Трёх можно не считать – это дети издательских работников. Кто-то из оставшихся может быть Френдом, а может и не быть им.

Ящики стола – ещё один образцовый склад накопленных за жизнь вещёй. Впечатляет коллекция корочек, начиная с партийного билета КПСС и заканчивая сувенирной книжицей «Члена приличного общества». А вот собрание значков «Будь успешным» и «За мной в светлое будущее» смотрится уныло.

Никаких подсказок о Френде среди значков нет. Я выяснила, что он важен, но не узнала, как его найти.

Кирилл закрывает за мной дверь квартиры. Я благодарно улыбаюсь и подставляю губы под его сладкий поцелуй. Но внутри моей головы уже идёт работа по планированию звонков и визитов на ближайшее время. Кто-нибудь расскажет мне, кто такой Френд. Пусть друзья отца посмеются над бестолковой неудачницей Ритой, пусть завистницы мамы позлорадствуют над бедами её бестолковой дочери. Главное – пусть болтают. А слушать я умею.

19. Тупики и стены

Великая Ариадна отключила телефон, по которому я вызвала её в больницу к Осинке. Пресс-секретарь звезды сообщает, что Ариадна занята подготовкой фестиваля песни и актёрского мастерства, поэтому её не следует беспокоить. Участие Ариадны в подготовке предыдущих фестивалей сводилась к составлению списка протеже, которым звезда раздавала призы в обмен на восхваления её таланта. Я и не подозревала, что это занятие отнимает столько времени и сил. Но пусть будет так. Пока.

Семён Орехов – продюсер, выросший из мосфильмовского человека на побегушках – долго и обстоятельно излагает мне историю знакомства родителей. Женя и Маша встретились в Новом Афоне, возле знаменитых пещёр. Да, у Жени был друг по прозвищу Френд – несчастный диссидент, строчивший статьи о коррупции и перегибах власти. Статьи не публиковались, и диссидент эмигрировал в Америку.

Дина Штайн – строгая редакторша поэтического журнала – вспоминает, что отец дружил с каким-то «товарищем», но кто был этот товарищ и как его звали, сказать не может. Зато уверенно заявляет, что товарищ покинул Россию из-за родни в Америке –

больная старушка мечтала умереть на руках давно потерянного двоюродного племянника.

Тарас Кулебяка – прежде квартирный маклер, а теперь директор агентства недвижимости – правдоподобно описывает Френда, но без имени-фамилии. Конкретику я могу спросить у отца, они же с Френдом родственники. Несколько лет назад Френд женился на американке и слинял на загнивающий запад, на этом их дружба с отцом и закончилась.

Ирэн Подвалова – бывшая челночница, ныне торгующая дорогими брендами – тоже знает причину, по которой Френд исчез из жизни Жени. На родине Френду не давали развернуться с научными экспериментами, и он сменил замшелый НИИ на престижный заокеанский университет.

Костя Мармеладов – маркетолог, зарабатывающий на демонстрации ярких таблиц и графиков – выдаёт мне свою версию побега Френда. Арт-хаусные проекты таланта не находили финансовой поддержки, и непризнанный гений улетел за пониманием в страну толстосумов.

И так далее. И тому подобное. Никто не знает настоящего имени Френда. Все сочиняют что-то своё о его профессии. Зато все помнят, что он улетел в Америку. Тупик.

Сравнительная лёгкость моего проникновения в комитеты образования компенсируется неприступностью министерства.

Районные кабинеты «главных по школам» сменили вывески, но остались на своих местах, как и часть сотрудниц, посчитывающх количество отличников или затраты на занавески.

Министерство пережило слияния-разделения, переезды, расформирования и череду прочих передряг. Как в этом хаосе найти пенсионерок, любящих посплетничать о былых временах?

Мне удаётся выцыганить в архиве телефон работницы отдела кадров – некоей Анны Ивановны, которая проработала во всех вариантах министерства лет двадцать пять. Милейшая по рассказам Анна Ивановна оказывается вреднющей бабкой. Несмотря на изрядный опыт общения с бабками разного склада, мне не удаётся уговорить её на встречу. Стена.

Мой визит к Косте не был совсем напрасным. Брат выболтал мне номер дома ребёнка, из которого нас забрала мама. Если у Кости получилось, может, и мне повезёт? Я готова потратиться на информацию о себе любимой, вдруг в моей карточке значатся какие-то особые приметы?

Увы. Тот дом ребёнка был переведён в другое здание, а из другого здания в третье, после чего всё заведение разделили, а куда передали его архивы – дело тёмное, возможно, давно сгоревшее.

Персонал переводился и увольнялся, директора часто менялись, а многие успели умереть, не оставив конверта «для той самой малышки».

Ниточка растворилась во времени, так и не давшись в руки.

Ещё тупик.

Бедный Минотавр, тяжело тебе было день за днём слоняться по лабиринту. А ты всё же был внуком Гелиоса. Что же делать нам, простым смертным?

Во всех непонятных случаях простые смертные любят покушать и повеселиться. Нам что чума, что потоп – главное, чтобы бутербродиков хватило. А если винца нальют, так каждый первый – и певец, и на дуде игрец.

Кирилл зовёт меня на презентацию книги модной писательницы. Хочет о своей задумке потолковать, а заодно похвастаться, какую классную фею очаровал. Я настраиваюсь на новое платье, обед, танцы, сплетни, проверку женских чар и фейерверк.

Спотыкаемся мы сразу, на платье. Я и в вязанке хвороста могу куда угодно пойти. Зачем мне разоряться на тряпку, которую я, может, и не надену больше? Платье нужно мужчине – чтобы все видели, какой он щедрый, заботливый, и какой у него хороший вкус. А раз так, то это траты из мужского кошелька.

Кирилл соглашается, но выделяет мне сумму, которой хватит на два носовых платка. Выручает Милка – за два платка она разрешает мне выгулять своё платье, в котором я похожа на розовое пирожное.

Всё происходящее на презентации идеально описывается детским стишком: «Дело было вечером, делать было нечего».

Кирилл вливается в любимую роль птицы-говоруна. Переговорить его не может даже пресс-секретарь депутата Думы.

Я послушно изображаю фею – красивую, эфемерную, недосягаемую фею. А розовое платье защищает меня от необходимости вступать в беседы.

Вместо еды гостям предлагают малосимпатичные кусочки хлеба на палочках. Апокалипсис не за горами. Точно.

Книгу о путешествии девочки-привидения в мир волшебных самолётиков я не читала. Услышав, что сказка – «квинтэссенция авторского философского взгляда, консолидирующего солипсизм и сенсуализм», я представляю, как бодро будет гореть эта чушь в какой-нибудь буржуйке. После конца света топливная макулатура пригодится.

Чужое платье натирает мне кожу на талии каким-то дефектом на шве – приходится двигаться осторожно, не тревожа ранку. И не потанцуешь. Хотя и музыки нет. Не говоря уже о фейерверках.

Отпустите меня домой, пожалуйста…

В момент трогательного прощания с героиней вечера, я замечаю девушку в обтягивающем кожаном топе, и в мои мысли проползает убогий червяк на ошейнике. Дорик работал на отца, у него должен быть список его контактов – рабочий список с нужными номерами.

Идея встретиться с Дориком вызывает стойкое подташнивание и иррациональное чувство вины. Но это путь. И я его пройду.

В середине ночи, прикрывшись шумом душа, я звоню червяку и обещаю, что привезу ему нечто невероятное. То, чего многоопытный извращенец ещё не видел. Шокирует его мой замысел или нет – я получу то, что хочу получить.

20. Гейм овер

Я еду к Дорику вечером, в опустившейся на город темноте. Что-то мелкое и мокрое сыплется с небес, и нормальные собачники сидят дома, вместе с питомцами. А у меня нет собаки, можно гулять во мраке и холоде.

Я чапаю от метро пешком вдоль длинных заборов промзоны, где и в дневное время мало кто отваживается бродить в одиночку. Но я не боюсь ни диких собак, ни пьяных подростков – завидев меня, собаки сворачивают и растворяются во тьме, а подростки спешат прикинуться вежливыми паиньками. Звериные инстинкты подводят нас только в цивилизованном обществе.

Вот с Дориком инстинкты подвели меня очень капитально.

Наш роман продолжался всего пять недель. Поначалу я радовалась, что нашла отличную тихую гавань, где можно пришвартоваться надолго. Через десять дней я задумалась о духовных ценностях и преимуществах жизни в монастыре. Через три недели прониклась образом Червонной королевы. Осознав, что тихая гавань сводит меня с ума, я собрала рюкзачок и переехала на лавочку в парке.

Все краски мира Дорик воспринимал единственным образом – с экранов своих больших мониторов. Раньше их было три. Сколько было компов, не знаю, но главным сокровищем Дорик считал свой старый ноутбук. С этой вещью он никогда не расставался – пока я не залила её вермишелевым супом.

Иногда меня тревожила мысль о том, что у Дорика должны быть родители. Кто они, где, живы ли – Дорик не отвечал на столь бестолковые вопросы. Но не мог же компьютерный фанат отпочковаться от серверов и по недоразумению оказаться человеком?

Любовь ко всему компьютерному не сделала Дорика настоящим профи. Он собирал кривые конфигурации компов, которые не работали. Он допускал дурацкие ошибки при программировании, отказываясь переделывать даже очевидные ляпы. Его нельзя было подпускать к сетям – последствия оказывались катастрофическими. А ещё он грубил заказчикам и обзывал коллег. В целом, он жил только за счет того, что Москва – город большой, и всяких дураков в нём предостаточно.

У Дорика было два хобби: компьютерные игры – всё, что было модным в геймерской среде, и ролевые игры – те, о которых здоровые люди обычно не говорят, а если говорят, то очень тихо и с полным отрицанием интереса к теме.

Площадка девятого этажа, приоткрытая дверь квартиры…

Всё напрасно. Дорик мёртв.

Заткнув нос, я проскальзываю внутрь. В квартире почти ничего не изменилось. Обычная декорация к съемкам фильма в стиле хоррор. Обои местами отклеились и висят гирляндой ветхой бумаги. Грязные окна – хищные серые губки-светоеды – не пропускают свет, а поглощают его. Давно немытые полы похожи на коричневый бетон, хотя изначально это был жёлтый линолеум.

Дорик лежит поперек маленькой комнаты – руки и ноги связаны, голова запрокинута чуть вбок и вверх. Мертвец пялится остекленевшими глазами на древнюю паутину в углу прихожей. А пол вокруг залит кровью из перезанного горла.

Вдох, выдох…

Он сам впустил убийцу в квартиру. Предложил выпить, запустил какую-то новую игру. И затеял реалити-продолжение с веревками…

Ого! Убийца приходил не за жизнью Дорика. Компьютеры недомастера превращены в груду хлама. Из открытых системников выдрана начинка, винчестеры раздроблены и варварски раскурочены, и даже часть кабелей порезана на кусочки – окровавленным ножом.

Схватив с полки в прихожей перчатки, я натягиваю их и осматриваю ванную комнату. Пространство под ванной закрывает пластковая панель – вросшая в плитку и покрытая слоем грязи, о происхождении которой лучше не думать. С трудом оторвав панель, я вытаскиваю из-под ванны тяжёлую коробку. Под крышкой коробки спрятаны тошнотворные, мерзкие игрушки Дорика. Придётся их коснуться?

Очень хочется сказать: «Что бы ты сдох, урод!»

А кощунствовать бесполезно.

Подавив порыв вскочить и убежать, я начинаю разборку. Слава преисподней, нужная мне вещь оказывается всего третьей. Флешка в эксклюзивном оформлении едва влезает в мою немаленькую сумку, и я немного успокаиваюсь.

Вернуть коробку и панель на место? Сыщики всё равно догадаются, что здесь кто-то копошился.

Сыщики! Надо позвонить ноль два…

Представляю, что именно подумают доблестные защитники закона, застав меня над ещё не окоченевшим трупом.

Сматываться надо. Кто-нибудь из соседей позвонит.

Всё тихо. Город уходит в ночь. Дети давно спят, взрослые досматривают новости, редкие прохожие торопятся домой.

И мне хорошо бы поторопиться, но во двор въезжает патрульная машина. Маячок включён, значит, это не просто дежурство.

Машина тормозит около подъезда Дорика, и двое мужчин в штатском скрываются внутри.

Нельзя привлекать внимания. Но куда же деваться?

Устроюсь на детских качелях. Сделаю вид, что гуляю с собакой. Только собака куда-то убежала.

Время тянется, но ничего не происходит. Так и замёрзнуть недолго. Не хотелось бы.

О! Пошла тема. Ещё два экипажа приехали. Трансформеры какие-то – в шлемах, с оружием. Потоптались, поболтали – и уехали. А облаву провести? А задержать кого-нибудь по горячим следам? Нет, меня не надо задерживать, я так, в общем, за дело болею.

Во двор влетает замызганная машина, из которой выскакивает Бирман. Лихо он в поворот вписался. Такой хладнокровный, а водит как сумасшедший. Задержись я у Дорика, меня ждал бы новый опыт – беседа с этим сумасшедшим в следственном изоляторе.

Или не с ним. Ещё один сыщик прибывает к месту преступления на серебристом «мерседесе». Картина маслом – «Те же и Лорд. Вариация на фоне убийства геймера».

Не о том думаю. Вдруг Дорик оставил где-нибудь пометку о назначенной встрече? Или сболтнул о визите старой знакомой? Подозрительно будет, если я не явлюсь и не позвоню.

Я перебираюсь на остановку автобуса, выбрасываю перчатки в урну, усаживаюсь на лавочку и набираю номер Дорика.

Почти сразу звучит отрывистое: «Да».

Прокол. Дорик не снимал трубку раньше, чем дилинькало пять гудков, и не говорил первым – ему казалось, что это лишняя трата времени.

– Алло! Это Марго! Я опаздываю. Буду минут через сорок. Извини, но быстрее не получается. Я обязательно буду, пожалуйста, дождись меня.

– Не кладите трубку. Здесь произошел несчастный случай, Дорик не сможет с вами встретиться.

– Но мы же договорились.

– Рита, оставьте свои координаты, Дорик вам перезвонит.

М-да, я же назвалась Марго, откуда взялась Рита?

– Бирман, это вы? Если вы меня узнали, то зачем голову морочите? Вы что, потеряли все свои протоколы?

– Честно говоря, я буду выезжать на вызовы с мыслью, что вы или встретите меня, или позвоните.

– Не надо мне такого.

– Отправляйтесь домой. Я свяжусь с вами позже.

Вот радость-то…

Чёрт! Бирман отвлёк меня на имена, и я попалась в незатейливую ловушку. Я не спросила, что случилось с Дориком. Можно, конечно, придумать десяток вариантов, почему я этого не сделала. Но капитан наверняка догадался – я знаю, что случилось.

21. Подарок для банкира

Я привыкла к размеренной и спокойной жизни, калейдоскоп людей и событий явно сказался на состоянии моей нервной системы. Нет, мне ничего не снилось, не было ни кошмаров, ни видений. Но я проспала четырнадцать часов подряд.

Кирилл, не добудившись меня утром, оставляет записку с надеждой, что его фея обретет должную форму к вечеру. Но в записке нет рецепта, как это сделать.

Мою сумочку всё ещё «украшает» улика с места убийства. Как посмотреть то, что спрятал Дорик, я не знаю. Снова тащиться к Терабайку не хочется – кто-нибудь увидит улику и наверняка её запомнит. Энский разберётся с тем, что спрятано, но вопросы к улике у него тоже возникнут.

Поразмышляв, я отправляюсь в ближайший торговый центр – и выхожу оттуда с ноутбуком. Таких трат я себе давно не позволяла, однако это стоило того. Приятно после всех неприятностей ощутить себя королевой. Минут на двадцать и для трёх продавцов полупустого магазина. Но ведь королевой.

Вернувшись, я выкладываю ноутбук из сумки и какое-то время любуюсь своим приобретением.

Чёрный, красивый, пахнущий пластиком, с микрофоном и наушниками. С яркими буквами на тихо клацающих кнопочках. С тачпедом и штукой, которая распознает отпечатки пальцев. И, наконец, с удобной сумкой, внутри которой оказалось много

всяких кармашков для мелочей. О боги, да с этой красотой я просто другая женщина!

Пока я пробую, как работает то или это, подкрадывается вечер. Кирилл узурпирует мой ноут и берётся бестолково доводить систему до ума. В его понимании ума – давайте набьём диск всяким мусором вроде браузеров, менюшек, подсказок и летающих слонов. В целом, я не могу назвать себя грамотным пользователем, и даже до чайника мне ещё надо подрасти. Но затеи Кирилла меня раздражают. Зачем превращать комп в сборник ерунды?

Ещё и внутренний голос нашёптывает: «Это *твоя* вещь. Но *не ты* дуешь в микрофон. *Не ты* слушаешь песню в наушниках. *Не ты* записываешь рекорд в сапёре». Отправив внутреннее «я» на дальние выселки, я терпеливо жду своего часа. Компенсирую всё завтра, когда Кирилл уедет на работу.

Завтра превращается в сегодня, я ставлю ноут Кирилла рядом со своим и принимаюсь просвещаться. В одном компе ищу то, что хотела узнать, в другом делаю то, что советует мировой разум, то есть головы из интернета. Ликвидировав всё то, что успел натыркать в мой комп Кирилл, я изучаю, не ожидают ли меня сюрпризы, если я просто воткну флешку Дорика в разъём.

К девяти часам вечера я заполучаю стойкую головную боль и рябь в глазах. Вернувшийся в ночи Кирилл уже не помышляет об экспериментах над моим ноутбуком – и хорошо, а то быть бы скандалу.

Утром я проникаю в то, что скрывалось на флешке Дорика. Это оказывается набор всевозможных документов: счетов, схем организации производства, финансовой отчетности. Я понимаю, что всё взаимосвязано, но не понимаю, зачем Дорик собрал все эти файлы вместе. А вот денежные выкладки в условных единицах с большим количеством нулей прямо-таки намекают, что у убийства может быть прозаический финансовый мотив.

Изучив указанные в документах контакты, я нахожу человека, которого знаю.

Дорик редко работал где-либо дольше нескольких месяцев. Чаще всего грубияна выгоняли в два счёта, без разговоров. Но если кто-то хотел оказать партнёру медвежью услугу, то рекомендовал

ему этого «кота в мешке». В какой-то цепочке рекомендаций не от добра оказался и Рафаэль Айратов.

Умница Раф не заслуживает, чтобы его облапошили при помощи убогого парня без представлений о морали. Но смогу ли я хотя бы подойти к Рафу?

Однажды весёлый мажор придумал для уличной воровки новую жизнь. Но с тех пор много воды и денег утекло. Теперь он стал могущественным банкиром, и кроме банка в его активах числятся стройки, заводы, пароходы. Хотя нет, пароходы – это прошлый век, сейчас в моде танкеры.

Договориться о встрече с миллионером оказывается куда проще, чем развести старушку на чашку чая. Всегда вежливая Самира сразу даёт мне приватный номер телефона, и Раф без колебаний приглашает меня приехать этим же вечером в его клуб.

Что приятно в мире больших денег, так это почтительное поведение тех, кто в другое время и не взглянет в твою сторону. Моя скромная курточка и самовязаная шапочка вызывают явный скепсис представительного мужчины, встретившего меня в холле клуба. Но едва я представляюсь, физиономия этого распорядителя принимает услужливо-вежливое выражение, с каким прислуга смотрит на английскую герцогиню.

Меня проводят в отдельную комнату – и кабинет, и приёмную, и зал ресторана – в зависимости от того, что пожелает владелец. Раф восседает за круглым столом, накрытым белой скатертью.

Банкир поправился и полысел, прямая линия губ стала жёсткой, привычная маска невозмутимости вросла в кожу. Раф доброжелательно улыбается мне, но это лишь ритуал, он всем так улыбается.

Надо вести себя естественно, я не за кредитом пришла.

Раф не знает, зачем я пришла, и его «естественное» равнодушие меня веселит. Я чуствую, что он умирает от любопытства.

Я протягиваю ему аксессуар Дорика, завёрнутый в обычную белую бумагу:

– Полагаю, тебе это пригодится.

Банкир стягивает бумагу, но не выдаёт своего изумления. Повертев в руках чёрную секс-игрушку так, словно это вполне обычная вещь, Раф улыбается:

– Хорошая штука. И шутка отличная.

– Это не шутка, увы. Покрути и поймёшь. Я думала переписать файлы на обычную флешку, но так у тебя не будет сомнений, откуда всё взялось. Да и зачем плодить сущности, это, так сказать, оригинал.

Перед Рафом материализуется поднос с ноутбуком, мышкой и удлинителем для порта. Будто невидимый джинн прочитал мысли хозяина и тотчас же выполнил все его пожелания. Наверное, ради такого люди и рвутся к деньгам и власти.

Широкие, привыкшие к физическому труду, но с отличным маникюром руки банкира полностью закрывают клавиатуру. Медленное клацанье клавиш сменяется ожесточённым стакатто. Посуровев, Раф короткими звонками вызывает к себе подчиненных. Время позднее, но никто не отказывается.

Проверив очередную папку, Раф застывает – наткнулся на что-то особенно важное. В чёрном взгляде проскакивают недоумение, гнев, обида. Банкира предали, из документов он понял, кто предатель, и это кто-то из близких помощников.

Откинувшись назад, на спинку мягкого кресла, Раф молчит, обуздывая эмоции. Потом глухо спрашивает:

– Чего ты хочешь?

– Ничего, Раф.

– Ты приносишь мне на блюдечке такое и ничего не хочешь?

– Я возвращаю тебе твое доброе дело.

К чести Рафа, он сразу принимает мой ответ, избавив себя от вопросов-подтверждений (я ничего особенного не сделал), а меня от уговоров (и я ничего особенного не делаю).

Вкратце посвятив его в ситуацию с убийством Дорика, я умалчиваю о том, что ей предшествовало. Участие Дорика расставляет всё по местам в мысленной картине Рафа о какой-то подставе.

– Если понадобится помощь, зови.

А покормить ведьму? Вдруг я голодная? Для чего скатерть постелил, если не для миски чёрной икры?

Помолчав, Раф словно нехотя, но с явным волнением спрашивает:

– Марго, а ты ещё занимаешься предсказаниями?

– Иногда.

– Ты помнишь, что обещала мне?

– Великую любовь. Как и всем.

– Тогда скажи, чего мне не хватает?

О, боги! Когда-то Раф смеялся над тем, как я морочу головы людям в его доме. Он помогал мне в мистических проделках, разыгрывая приятелей. Чем тебя так приложило, всесильный банкир, что ты просишь совета у бродяжки? Знаешь, как я умею мошенничать, и всё же хочешь быть обманутым?

Рецепт прост. Людям всегда мало того, что есть, всегда хочется чего-то большего. А когда всё большое можешь купить, хочется неземного, вечного, великого.

Я тону в уставшем взгляде банкира и тихо отвечаю:

– Ты позволяешь себя обманывать. И самому себе не признаешься в том, что это обман. А не хватает тебе любви. Чистой бескорыстной любви.

– Марго, ты забыла? Я женился по любви. Наплевал на всё и женился. Тебе надо познакомиться с Ликой. Она чудесная, она лучше всех в мире. Нет никого, кто мог бы с ней сравниться.

Было бы что сравнивать. Лика охотилась за богатым мужем – Лика поймала свою добычу. Сказка закончилась свадьбой, а уже потом до Лики дошло, что сказка вообще закончилась. Если Раф чувствует неладное, значит, чудесной Лике клетка жмёт.

Я ведь могу поиграть чужими судьбами?

– Раф, я помню тебя счастливым, когда рядом была девушка с зелёными глазами. Ты и Ромашка – это было что-то особенное. Она смотрела на тебя так, словно ты один на белом свете. Такую любовь нельзя забыть. Ты и не забыл. Ты скучаешь по ней, по тому времени.

Молодец, ведьма, угадала. В тёмных глазах банкира вспыхивает огонёк надежды. Где-то в иных сферах это откровение зачтётся мне со знаком плюс?

Раф морщится и отметает мои домыслы:

– Ты серьёзно? Да та история уже быльём поросла. Нас семьи свели, потом так же и развели. Всё из-за бизнеса.

А я так просто не сдамся:

– Ты спросил, я ответила. Дальше решай сам. Тебе нужны деньги? Ты купаться в них можешь, как та утка из мультика. Тебе важно мнение родителей? Время идёт, их желания изменились. Ты женился на любимой? Но доверяет ли она тебе в полной мере? Достоин ли ты чистой любви?

Мамочки, куда меня несёт? Тормози, Рита, тормози!!

Поздно. Голодная ведьма бесстрашна в нравоучениях:

– Ты бросил первую невесту в беде. Из-за денег. Эта ядовитая клякса из прошлого отравляет твоё настоящее. Тебе всего хватает, но у тебя есть лишний груз – на совести. Исправь то, что можно исправить, освободись от вины и сожалений – может, тогда и тебя предавать не будут…

Всё, заткнись уже!

Где-то под шкафом пробегает таракашка. Я слышу, как топают его лапки. Раф потрясённо молчит, челядь не смеет побеспокоить хозяина. Если у меня в животе заурчит, я сделаю вид, что это потустороннее явление.

Потерев лоб, банкир горестно и грубовато бросает:

– Чёрт, Марго…. Ты из космоса на нас свалилась?

– Может быть.

Вызванные сотрудники прибывают на экстренное совещание, почтительный распорядитель выводит меня из клуба через чёрный ход. Дело сделано.

На город наступает холодный фронт. На деревьях ещё болтаются жёлтые листья, в воздухе висит осенняя пелена тумана, в углах прячутся крысиные тени. Но первые заморозки уже рядом. Скорей бы зима, скорей бы снег. Каменные джунгли сменят грязное пальтишко на белую шубку – и мир будет чуточку светлее.

Добравшись до дома, я выслушиваю наставление Кирилла. Взрослые девочки носят телефон с собой, а не забывают его дома.

Потом меня настигает нотация Бирмана. Подозреваемая обязана по первому слову капитана являться для дачи показаний, а если она этим пренебрегает, то рискует оказаться за решёткой.

Совсем в ночи меня достаёт нудная и нелогичная проповедь отца. Сыщики повадились отлавливать писателя в самых неожиданных местах, чтобы изводить вопросами обо мне. Я должна немедленно прекратить это безобразие…

22. Бабочка на булавке

Проснуться. Ну-у, допустим. Глаза открылись, язык высовывается, руки шевелятся – задача выполнена.

Приехать на допрос в приличном виде. С этим сложнее – указаний насчёт дресс-кода мне не выдали. Ладно, и джинсы со свитером сойдут – задача выполнена.

Забыть об усталости. Невыполнимая задача, у организма отсутствуют требуемые ресурсы.

Бирман кажется особенно злым и придирчивым – то ли дождливая погода влияет на него, то ли казённая обстановка действует на меня. Влад отсутствует, отчего в кабинете больше места. Коля усердно мучает клавиатуру – готовится к смотру барабанщиков пальцами.

Сначала капитан цепляется к тому, где я живу. Видите ли, официально указанная в моём паспорте регистрация не совпадает с фактическим местом проживания. Интересно, как отец объяснил тот факт, что не потрудился выписать меня из квартиры, хотя неоднократно обещал это сделать.

Кое-как отбившись от темы, есть ли у меня постоянная кровать, я попадаю под шквал вопросов о месте работы. Бирман не поленился найти Шурика Черняховского и выяснил, что моя трудовая книжка лежит в его компании. Зачем Шурик начисляет мне минимальную зарплату, хотя фактически я у него не работаю?

Вот принесла нелёгкая дотошного капитана. А я даже не знаю, чем компания сейчас торгует – рогами или копытами. Хоть бы неприятностей из-за меня у благодетеля не было.

Как дела, Шурик? Всё ещё ревнуешь жену к лучшему другу? Друг у тебя что надо, а вот жена… Прекрасная Елена, да и только. Со всеми вытекающими. Надеюсь, до войны дело не дойдёт...

Если благородный рыцарь решится украсть возлюбленную, то армада античных кораблей не развернётся в Москва-реке. Зато оскорблённому Шурику пойдёт сверкающий шлем с перьями на макушке. Рыцарь припрётся в невидимых доспехах, которые всегда при нём. А Елене нацепим белую тунику с золотым поясом. Я же завернусь во всё красное и буду отвлекать Шурика, пока рыцарь уносит его жену…

Нет, ничего не выйдет. Капитан Бирман прикончит фантазёрку, не дожидаясь этой мелодрамы.

– Простите, я задумалась. Вы что-то сказали?

– Вы и Черняховский состояли в интимных отношениях?

Теперь меня про каждые брюки будут спрашивать, видела ли я их изнанку.

– Рита, вы понимаете, что я спрашиваю? Вы спали с ним?

– Нет, если вы имеете в виду сексуальные отношения. Но мы познакомились в далёкой экспедиции, в полевых условиях. Группа оказалась неопытной, мы сбились с маршрута, ещё и с погодой не повезло. Так что иногда нам приходилось спать вповалку, всем вместе. Не верите мне – спросите жену Шурика, она тоже там была.

Бирман бросает ручку на стол и откидывается на стуле. Пробуравив стальными гляделками дырочку на моём лбу, он подчёркнуто официально спрашивает:

– Рита, как и когда вы познакомились с Дориным Александром Никифоровичем?

Удивительное рядом. У Дорика есть имя? И даже отчество?. Такие простые вещи нелепо узнавать о людях, когда они умирают. Дорик всегда был Дориком. В лучшем случае, я могла слышать, что его звали Сашей, но уж по отчеству к нему никогда не обращались.

Так задуматься… Если бы неуклюжий Дорик, представляясь по телефону клиентам, не бурчал бы себе под нос «дрк», а чётко, по слогам произносил бы: «Меня зовут Александр Никифорович», то и жизнь бы у него по-другому сложилась. Хотя он себе другой жизни не желал…

Рита, ты не дома на диване сидишь. Соберись, не доводи людей до греха. Бирман не из тех, кто поддаётся импульсам, но проверять это на своей шее необязательно.

– Извините, я не знала, что Дорика так зовут.

– Откуда вы его знаете?

– Дорик несколько месяцев работал у моего отца.

– Вы состояли с ним в интимных отношениях?

– Да, но очень непродолжительное время.

– Вы встречались после?

– Нет, ни разу.

– Почему же вы решили навестить его после продолжительного перерыва в общении?

– Соскучилась.

Чёрт… Как это выскочило?

– Маргарита Евгеньевна, вы даёте показания по уголовному делу об убийстве. Шутки неуместны.

– Да, я понимаю, простите ещё раз. Я собиралась купить ноутбук и решила посоветоваться. У Кирилла свой взгляд, он уговорил бы меня на сложную систему. А мне хотелось простую «рабочую лошадку» – чтобы и текст написать, и музыку послушать, и игрушки погонять. Дорик написал бы мне, какая комплектация нужна. Поэтому я ему позвонила.

– И что вы будете делать без советов Дорина?

– Да ничего. Я уже купила, что хотела.

Нашла место и время, чтобы похвастаться. Ещё и улыбнулась до ушей – совсем разум потеряла.

– Серьёзно?

Суровый капитан тоже устал, но не отпустит меня, пока не задаст все свои треклятые вопросы.

– А что такого? Почитала и разобралась, пошла и купила. Хотите – у Кирилла спросите. У меня и чеки все есть.

– Вы умеете работать на компьютере?

– Немного. В текстовом редакторе, в электронных таблицах.

Я снова глупо улыбаюсь, выдавая свою детскую радость:

– Вы планируете именно *работать*?

Почему нет? Большой офис, массивный дубовый стол, в зеркальной поверхности отполированной деревянной столешницы отражается хрустальная люстра. За столом восседает дама в деловом, но женственном костюме. С одной стороны от неё – компьютер и телефон, с другой – бумаги и красивые папки. Ухоженные руки с идеальным маникюром порхают над клавиатурой, а на экране столбиками бегут цифры – прибыль растет…

Нет, я знаю, что офисные авралы и засилие бюрократии ломают даже самых стойких, но чистое и тёплое рабочее место – это уже кое-то. Мою обычную работу чистой не назовешь…

Настороженный взгляд Бирмана подсказывает, что капитан готов арестовать меня прямо сейчас.

Выдержав паузу, сыщик уныло спрашивает:

– Рит, а ты часом не под кайфом?

Обращение на «ты» превращает подозреваемую ведьму в отмороженную маргиналку. Похоже, Бирман перестал сомневаться в моих злодейских порывах.

– Нет. Извините, пожалуйста, Я устала и плохо соображаю. Я постараюсь сосредоточиться. Спрашивайте.

– Почему отношения с Дориным оказались короткими?

Как это объяснить? Проще признаться в убийстве.

– Дорик искал госпожу – женщину-вамп в чёрном латексе, с плёткой. Он считал себя избранным, то есть хотел бегать по дому на четвереньках, есть отбросы из собачьей миски и заниматься сексом после хорошей порки. Поначалу я думала, что справлюсь, но мне всё это не нравилось, и я сбежала.

– Можешь подробнее описать его фантазии?

Холодный стальной взгляд изучает меня – словно бабочку, пришпиленную булавкой к стулу. А у меня тоже серые глаза. И я умею держать взгляд так долго, как только возможно. Ты, капитан, сам напросился. Хочешь ответов? Ты их получишь.

Чуть понизив голос, я добавляю в него хрипловатых ноток:

– Представь, тебя полностью раздели и привязали к ножкам кровати. Ты – раб, ничтожество, и я смеюсь над тобой, потому что ты жалок. Я воткну железо в твою плоть, я буду резать твою нежную кожу и вырывать куски твоего тела.

Жестоко, но чем ещё пронять упёртого капитана?

– Хватит.

– Ты просишь пощады? А стоп-слов не существует.

Бирман чуть приподнимает брови. Про стоп-слова он, очевидно, знает – и, вероятно, больше меня. Но не отступать же теперь:

– Мне нравятся шёлковые шнурки. И тонкие кольца…

Перегнувшись через стол, капитан дёргает меня за плечо:

– Остановись. Я понял.

– Это вряд ли. Я пересказала отрывок из книги Эстер Лоудиц «Как стать повелительницей мужчины». Не дословно, но близко к тексту. Это была любимая книга Дорика.

Что, Бирман, съел? Хотел откровенности – кушай, пережёвывай.

– Ты практиковала приёмы из книги?

– Нет. Максимум, чему научилась – оплеухи раздавать.

– На трупе обнаружены следы пыток. Это могло быть результатом склонности Дорина к мазохизму?

– Это было результатом невменяемости. Он состоял на учёте в психиатричке и регулярно попадал в стационар.

– Ты знаешь других его партнёрш?

– Нет.

– Кто знал о ваших отношениях?

– Кто хотел, тот и знал.

Я перестаралась с пересказом на скользкую тему. Сыщик глубоко задумывается, и в кабинете воцаряется тишина.

Сосредоточенно разломав свою ручку на мелкие кусочки и смахнув их под стол, Бирман одаряет меня ещё одним буравящим взглядом и делает крутой вираж, от которого мне становится нехорошо:

– Рита, что ты делала в квартире Дорина в вечер убийства?

– Ничего. Вы же сказали мне не приезжать.

– До этого. Ты заходила в квартиру. Зачем?

– Нет. Не заходила.

Если начала врать, надо стоять на своём до конца. Кто захочет, тот сам придумает, как сделать ложь правдоподобной. А если не захочет, то не следует вызывать подозрений отказом от своих слов. Но почему Бирман так уверен, что я была в этой поганой квартире?

– Ты увидела труп Дорина и сбежала. Так?

– Ничего я не видела.

– Ты трогала что-нибудь в квартире?

– Не была я ни в какой квартире.

Стальные глаза прикидывают, как снять с меня скальп:

– Рядом с подъездом Дорина находится служебный вход в магазин. Там есть камера наблюдения. Камера следит за тем, что происходит во время разгрузки машин, захватывая и пятачок у подъезда. Ты вошла в подъезд в 20:48 и вышла в 21:13, разминувшись с патрулём на семь минут. Выкладывай всё.

И зачем Бирман морочил мне голову, если главное он знал с точностью до минуты? Во взгляде капитана плещется удовлетворение от того, что он так удачно загнал меня в угол. А я, между прочим, не экзотическая бабочка-убийца, я – простой мотылёк!

Медленно и подробно я рассказываю всё, что происходило в вечер моего визита к Дорику, умалчиваю только о краже из его тайника. Получается неубедительно, потому что я проторчала в квартире явно дольше, чем следовало бы торчать напуганной барышне. И в версию с истерикой Бирман не поверит.

Пытаясь оправдать свое получасовое уединение с мертвецом, я как можно детальнее вспоминаю обстановку в квартире: где и

сколько грязи скопилось, как именно лежали разгромленные компьютеры, каким узлом была связана веревка.

Когда мои впечатления иссякают, Бирман с минуту молчит, потом пододвигает мне пачку листов:

– Подпиши. И можешь идти. Пока.

Кое-как нарисовав невероятное количество закорючек, я выбираюсь на улицу и какое-то время беспомощно стою в подворотне – в пасти двуликого пожирателя душ. Разумных мыслей нет, неразумные я прогоняю.

Кирилл не должен узнать о Дорике. Но как объяснить ему, за что и почему его милую фею вот-вот поволокут в тюрьму?

23. Роковая страсть

Если не можешь подняться на гору, обойди ее. Любой ведьме сторонняя вера в её способности добавляет сил. А ситуация цейтнота способствует концентрации этих сил в важной точке. Я снова звоню Анне Ивановне и на этот раз не прошу её ответить на вопросы, а прошу прокомментировать историю о делах давно минувших дней. Любопытство – мощная кнопка, работает почти со всеми.

Следующим же днем юная журналистка Марина Весенина восседает за огромным круглым столом, накрытым жуткой жёлтой клеенкой с изображением гигантских макаронин, и рассказывает Анне Ивановне сложную мыльную оперу, в которой участвуют Маша Рогальская, её муж, их общий друг Френд и кто-то ещё. Интерес к давним страстям я объясняю журналистским расследованием. А для правдоподобия притаскиваю с собой ноутбук, который красиво, но бесполезно красуется на столе всю беседу.

На моё счастье, Анна Ивановна любит скандалы со знаменитостями. Мои восторженные слова о том, что такой замечательный человек, как Евгений Рогальский, не должен страдать из-за ошибок молодости, вызывают самый живой отклик у старушки. Анна Ивановна не прочь помочь знаменитости как следует пострадать. И слово за слово мне удаётся втянуть её в реальные воспоминания.

Лет пятнадцать назад Анна Ивановна уже была дамой почтенного возраста. Но покорить карьерные вершины ей никак не удава-

лось, потому что в руководящие кабинеты пролезали дамочки помоложе. Осознав, что на нервотрёпку в руководящих креслах здоровья не хватит, Анна Ивановна сосредоточилась на максимальном усложнении жизни шустрым карьеристкам. К тому времени, когда карьеристки всё же оказывались в руководящем кресле, им и в голову не приходило поставить Анну Ивановну на место. Старушка успешно пережила все реформы и перераспределения, нисколько не сдав своих позиций.

Маша Рогальская не относилась к категории шустрых, поэтому Анна Ивановна не обращала на неё внимания. До Анны Ивановны доходили положительные отзывы о том, что это милая, спокойная женщина, сосредоточенная на своей семье. Пожалуй, она и не вспомнила бы, кто это такая, не случись одного неприятного инцидента.

Инесса Викторовна Суворова считала себя потомицей знаменитого рода Суворовых и внучкой наставницы Смольного института, влюбившейся в революционного матроса. Столь высокое происхождение обязывало, и Инесса Викторовна, с одной стороны, стремилась превзойти аристократизм дворцовых фрейлин, с другой, являлась сознательным и идейным борцом за коммунистические идеалы. Такая гремучая смесь надежно отпугивала от Инессы Викторовны всех разумных людей. Но женщина – есть женщина, и в результате непродолжительного романа у Инессы Викторовны родился сын – сыночек, сынулечка, сынопусенька, сынотусечка Алёша.

Неизвестно, как отважной матери удалось дорастить свое чадо до двадцати с чем-то лет. Анна Ивановна запомнила, что уже взрослый «малыш» часто попадал в неурядицы. Поскользнувшись на мокром асфальте, Алёша сломал руку. Простудившись, подцеплял сложную инфекцию, требовавшую госпитализации.

Но главным кошмаром Инессы Викторовны были жалкие попытки Алёши завести отношения с девушками. Первую такую попытку сыночка предпринял ещё в школе, позвав одноклассницу позаниматься. Под вопли разгневанной мамаши девочка сбежала навсегда, ославив Алёшу среди подружек как полного идиота.

Второй попыткой стали тайные встречи с одногруппницей, которые Инесса Викторовна пресекла на корню, банально выследив сынулечку, подозрительно задерживающегося после института.

Третьей и последней попыткой стало заявление Алёши, что он хочет жениться. На девочке из далёкой провинции, готовой на всё ради жизни в столице. Инесса Викторовна двинула потенциальной невестке в глаз, после чего та сразу поняла, что парни в родной деревне имеют массу преимуществ перед столичным хлюпиком.

Анна Ивановна запомнила Алексея как худого молодого человека, слишком тепло одетого и часто кашляющего. В дореволюционные времена таких типов называли чахоточными. Но в славную советскую эпоху трижды проведённые обследования установили, что туберкулеза у Алексея нет. Есть слабая конституция и чрезмерная опека со стороны матери.

Окончив институт, Алёша пристроился к месту работу мамы в невнятной должности энного секретаря при каком-то инспекторе. Кое-кто из молоденьких девочек почуял было лёгкую добычу, но радость была преждевременной. Строгая Алёшина мама следила за нравственностью и здоровьем сына круглосуточно. Они вместе приезжали на работу, вместе уезжали, вместе обедали и вместе ходили на совещания.

Сплетницы оставили маменькиного сынка в покое. До тех пор, пока не заметили явные признаки того, что хлюпик пытается измениться. Алёша носил отглаженные рубашки и красивые галстуки, Алёша ходил с новым портфелем, Алёша изменил прическу. И дальше больше – хлюпик стал отращивать бородку а-ля Чехов и обзавелся золотыми запонками, которые картинно выставлял напоказ. По отделам пошли гулять догадки о предмете воздыханий сынопупочки. Но действительность превзошла все самые смелые предположения.

Как часто бывает, супербдительная мама последней заподозрила неладное. Однако, заподозрив, сразу приняла меры. И в разгар рабочего дня снесла запертые двери кабинета, в котором ей предстала чудовищная картина: Алёша предавался самому низменному разврату со скромницей Машей Рогальской.

Увидев гневное лицо матери, сынотусенька упал в обморок. А Маша спокойно встала, расправила юбку и вышла, оставив Инессу Викторовну причитать над отпрыском.

Никто бы ничего не узнал, но Инесса на следующий же день выложила всё начальнице Маши. Та мало что поняла, поскольку была воспитана в том варианте советского мышления, где о низ-

менном разврате ничего не знали. История пошла гулять по министерству в смягчённом виде: дескать, застали Алёшу за разговором о любви. И всё же многие понимали, о чём речь. Одни завидовали Маше – надо же, так ловко устроиться, другие осуждали скромницу – зачем несчастного парня под материнский гнев подставила?

Анна Ивановна встала на сторону «малыша». Нельзя же лишать человека естественных радостей плоти, Алёша лишь искал выход своим мужским потребностям…

Я готовилась к сложной интриге, но этот эпизод маминых похождений выглядит совсем бестолковым. Для завершения разговора я дежурно спрашиваю:

– И что же дальше?

– О Маше поговорили, да забыли. А вот Алёша вскоре сбежал из дома. Сложил вещички, документы, забрал все деньги, что мог найти, и поминай, как звали. Инесса всё бегала, ментов трясла, в розыск подавала. А потом ей кто-то из розыска и объяснил, что зря она мечется. Смылся парень от непосильной материнской любви, да и живет в радости с какой-нибудь спокойной бабой. Нагуляется – сам объявится.

Один любовник погиб, второй исчез, третий сбежал – никто не задавался вопросом, что не так в этой последовательности?

– Через пару месяцев Инесса Викторовна слегла, да так больше и не оправилась. Года через три её не стало – рак. Мы думали, что Алексей хоть на похороны приедет, но нет. Наверное, поздно узнал…

Быстро завершив разговор, я забываю поблагодарить старушку. Другим пишущим особам не будут оказывать радушный приём в этом доме. Не знаю, что может понадобиться пишущим особам, но, на всякий случай – простите меня, журналисточки.

Торопясь к станции, я ловлю летящий мне в лицо хрупкий остов листика. Сеточка тонких прожилок складывается в сложный рисунок. Разглядывая ломаные линии с краю, не поймёшь, что все они стремятся к плотному стебелечку.

С кем бы мне посоветоваться? С Кириллом? Утону в его словесных реках.

Выложить всё Бирману? Да ну его, он меня опять изводить будет. Доведёт до обморока, а потом придерётся, что я расписываться не умею. Подожду пока, вдруг всё само собой прояснится.

24-К. Обыск

Кирилл ждёт задержавшуюся Риту, поэтому без особых размышлений распахивает входную дверь, едва тренькает звонок. Крепкий мужчина ловко оттесняет его в сторону, и в прихожую вваливается компания хмурых людей. Влад показывает журналисту пачку бумаг – это ордер на обыск, и вошедший последним Бирман сумрачно распоряжается перевернуть всё вверх дном.

В ступоре Кирилл не возражает, пока один из оперативников не смешивает листы с его рабочими заметками. Сложенные в определенном порядке заметки – банк идей, мыслей, цитат, которые журналист использует в своём творчестве. Налаженное производство неплохих текстов будет давать сбои из-за невозможности пополнения своих размышлений мыслями из интеллектуальных запасов человечества. Кирилл с воинственным кличем кидается к оперу, небрежно перебирающему листки, но Бирман перехватывает его на полдороге.

Уклонившись от неловкого замаха, капитан успокаивает разгоряченного журналиста:

– Кирилл, не надо нам мешать, мы постараемся сделать всё быстро и без разгрома. Я полагаю, что мы вряд ли что-то найдём. Но для порядка галочку поставим.

– Это незаконно!

Бирман чуть морщится – разумеется, всё законно.

Подталкиваемый капитаном, Кирилл уходит в кухню. Усадив хозяина квартиры за стол, капитан располагается напротив и сдержанно объясняет:

– Маргарита Рогальская подозревается в убийстве двух человек. По меньшей мере, двух. Тебе это нелегко принять, но у неё были мотивы и возможности.

– Неудачное стечение обстоятельств.

– Крайне маловероятное. Все косвенные улики указывают на Риту. Если она не убийца, то пособница.

– И какие же у неё мотивы?

– Обоих покойников ограбили.

Весенин упрямо качает головой:

– Её подставляют, а вы ошибаетесь с уликами.

Капитан бесстрастно лишает журналиста надежд:

– Мы нашли её отпечатки на старой шляпной коробке в гардеробе Одоевского. Отпечатки смазанные, но, несомненно, свежие. Коробка была сдвинута со своего места, остался характерный пыльный след. Полка, где хранились все эти коробки, довольно высока. Чтобы её достать, Рите потребовалось встать на стул. Мы нашли этот стул. Нет сомнений, Рита до или после убийства доставала коробку.

– И что же, по-вашему, было внутри?

– Информация.

– Зачем она Рите?

– Деньги. Или власть. Или и то, и другое.

– Даже если она и доставала коробку, это ещё не означает, что она убийца.

– Два одинаковых эпизода. По одному сценарию. Оба раза Рита была на месте преступления. Оба раза с места преступления она уносила нечто маленькое, но высокоценное. С обеими жертвами она была близко знакома в прошлом.

Кирилл отмахивается:

– Чтобы связать мужчину, требуются какие-никакие, а силёнки. Рита – не атлетка, она даже пакеты в магазине набирает, чтобы не больше трёх килограмм.

Бирман мысленно рисует галочку. Значит, он верно оценил степень откровенности ведьмы с приятелем – журналист почти ничего не знает о женщине, стремительно запрыгнувшей в его постель. Уличное прошлое, развал семьи, странные отношения с извращенцами, злые слухи о колдовстве – багаж не для милой феи.

Будет ли журналист защищать ведьму, если сообщить ему кое-какие подробности? Занятный был бы тест. Но просвещение Кирилла в планы капитана не входит, наоборот, интересно понять, что ещё сероглазая чертовка скрыла о себе.

Начать хотя бы с простого:

– Куда Рита ушла или уехала?

– Навестить какую-то родственницу.

– Когда вернётся?

– Когда наговорится.

Только бы пришла. Захочет говорить или нет, всем будет спокойнее, если она будет сидеть под замком и под охраной.

– Ты знаешь, где она живёт?

– У меня, здесь.

– Но у неё есть другая квартира. Где она жила до того, как переехала к тебе?

– Не знаю. Я не спрашивал. Наверное, Акела знает. Это её брат, он в Питере живет.

– Александр не знает. И никто не знает – ни ты, ни брат, ни папаша, ни подружки. Не находишь, что это странно?

– Может, и нет никакой другой квартиры?

– А к тебе она со всем барахлом из воздуха выпрыгнула?

– Да нет у неё особого барахла. Так, одежда по мелочи: джинсы, пара кофточек, бельё.

– Она не просила тебя спрятать что-нибудь на время?

– Нет.

– Сохранить какие-нибудь бумаги?

– Нет.

Ответы Кирилла звучат твёрдо, но Бирмана это не убеждает:

– Диски? Фотографии? Флешки? Деньги?

– Ничего.

– Ты давал ей деньги?

– Да. На продукты и вообще.

– Она купила ноутбук. Тоже твой подарок?

Кирилл понимает, к чему клонит Бирман, и раздражается:

– Нет. Она ничего у меня не просила. У неё есть свои деньги. Ей захотелось компьютер, и она его купила. Я даже ничего не знал. А если бы знал, посоветовал бы ей конфигурацию получше.

– Где её компьютер сейчас?

– На столе возле дивана.

– Нет. Она взяла его с собой.

Бирман усмехается недоумению журналиста и продолжает:

– Откуда у неё деньги?

– Она работала. Но недавно уволилась.

– Где работала? Как долго? Сколько получала? Почему уволилась?

Быстрые вопросы рождают у Кирилла чувство собственной неполноценности. Почему он, гордящийся своим репортёрским талантом, не поинтересовался у Риты столь обыденной вещью, как работа?

– Не знаю.

– Что? Совсем ничего не знаешь?

– У неё в телефоне записано двадцать номеров различных компаний. Вероятно, он мерчендайзер или менеджер нижнего звена. Она не расстроилась из-за увольнения, сказала, что немного отдохнет, а потом найдёт новую работу. Проблем с трудоустройством у неё нет.

Бирман резко сворачвает на другую тему:

– Ваши интимные отношения были обычными?

Кирилл против воли краснеет:

– Какое это имеет отношение…

– Если я спрашиваю – прямое. Ты не любитель упражнений с удержанием и болевыми приёмами?

– Нет, конечно.

– Но это ты недавно подбил ей глаз?

Невозмутимый капитан выдаёт себя – в вопросе проскальзывает неприязнь. Или это провокация?

Вздохнув, Кирилл качает головой:

– Рита к старшему брату ездила – о матери поговорить, но ничего не вышло, он её обхамил, а напоследок ещё и ударил.

– Константин?

– Он самый.

Разговор прерывает флегматичного вида оперативник. Он раскладывает на столе фотографии Риты, сделанные Дионисом. Капитан внимательно рассматривает их, задумчиво покачивая головой, словно в такт какой-то мелодии.

Кирилл как можно спокойнее интересуется:

– Вы заберёте Риту?

– Да. Но не волнуйся, её ждёт лучшая камера города.

– Это ошибка.

– Пиши свои статьи. А я знаю, что делаю.

В кухню вваливается Влад. Он эмоционально шепчет Бирману что-то на ухо, и оба быстро выходят.

Выждав, пока сердце перестанет изображать метроном в темпе аллегро виваче, журналист медленно встаёт и прячется в туалете. Бирман считает его идиотом? Ну и на здоровье, пусть тешится. Сцапать подозреваемую здесь и сейчас он не сможет.

Вытащив из кармана спортивных штанов телефон, Кирилл набирает номер Риты.

25. Песня года

Телефон опять вопит. И почему я решила, что эта какофония звучит романтично? Надо поменять рингтон для звонков Кирилла.

Слушать витиеватые приветствия журналиста неохота, поэтому я коротко выдыхаю:

– Сейчас буду. Через пару минут.

Кирилл отвечает шёпотом, на пределе слышимости:

– Не приходи. Здесь Бирман, он собирается тебя арестовать. За тобой уже следят, от метро.

Короткие «пик-пик-пик» звучат прежде, чем я понимаю смысл сказанного. Уж не померещилось ли мне всё это?

Нет, вряд ли. Придётся воскресить Мэл?

Мэл выручает меня в сложных ситуациях. Но раньше те, кто знает Мэл, никогда не видели Риту или Марго. А теперь я могу нарваться на тех, кто разберётся в маскараде. Проверять, получится ли у меня обмануть Бирмана, не хочется. Но и деваться некуда…

Между мной и засадой остаётся три дома. И где-то сзади кольцо смыкается. Зато зелёный крест – маяк надежды – светит мне в ночи. Повезло, что в этот поздний час в полуподвальной аптеке никого нет. Пачка ваты, две пачки прокладок, два пузырька валидола, нашатырь и пузырёк марганцовки – набор беглянки, теперь ещё и от оперативников.

В спасительной темноте маленького дворика меня поджидают мусорные баки, а рядом везуха – свалены какие-то тряпки. Живём, Мэл, приодеваемся…

Через пару минут Мэл, покачиваясь и кашляя, выныривает из темноты дворика обратно на улочку, доходит до перекрёстка и сворачивает по дорожке, пересекающей двор – последний двор перед домами, граничащими с парком. Мэл идёт в парк, прямо мимо пары скучающих ментов – в форме, а возможно, и при оружии.

Спокойней, Мэл. Мы с тобой бывалые девочки, давай-ка, громыхни авоськой, пусть бутылки звякнут. Ноги медленней переставляй, не спеши. Нервы не казённые, незачем так психовать. Иди вперёд, будто во всём мире нет ничего важнее сбора бутылок.

А ещё, Мэл, давай-ка споём…

Куда идёт бедняжка Мэл?
Куда-то далеко…
Кто скажет нашей бедной Мэл,
О том, что всё прошло?

Прошла весна, исчезли сны,
Мэл ждёт любовь давно…
Зачем искать, куда спешить?
Мэл ищет всё равно…

Спроси её о небесах,
О святости колец.
О ждущих в мире чудесах,
О близости сердец,
Спроси её о мудрецах,
И где лежит венец.
О рыцарях и дураках,
И где нас ждёт конец.

Что скажешь путнику, ты, Мэл?
Что видишь далеко?
Что разум знает наперёд –
Всё на земле пройдет?

Пройдёт жизнь, умрёт мечта,
Мэл ждёт любовь давно…
Душа, потерянная Мэл,
Заплачет всё равно…

Нет счастья для бедняжки Мэл
В подлунном далеко…
Нет разума у дикой Мэл,
Жить иль умереть – ей всё равно…

Песню написал Кузька Кронштейн – пятидесятилетний бомж, прибывший в столицу аж из Владивостока. Он сильно пил и, думаю, к настоящему времени покинул мир живых – никакой организм не выдержит такой алкогольной накачки. Кузька никогда не рассказывал, как дошёл до жизни такой. Лишь однажды я случайно увидела, что всё его тело покрыто сложными и красивыми татуировками. И он нехотя бросил, что разрисовали его «в Африке, в далёком Лимпопо, где ждёт девчонка юная, но не придёт никто». Надеюсь, его душа обрела покой, где бы она ни была сейчас.

Надо сказать, что я очень, очень давно не пела в стиле Мэл. Нескладные слова и немудрёный мотив творения Кузьки выветрились из памяти, я запуталась в строфах и нотах. Зато после пары строф успокоилась. В конце концов, что может быть хуже судьбы бедняжки Мэл – скитаться по свету в поисках любимого?

Один из ментов направляется ко мне, но сложный аромат, которым «благоухает» мой наряд, заставлет его оставить между нами приличную дистанцию. Я продолжаю тихо брести, издав ещё и неприличный звук.

Служитель правопорядка грубовато спрашивает:

– Эй, бродяжка, а ты видела Мэл?

А-а-а!! В рот мне ноги! Засмеяться нельзя, а сохранение серьёзной морды может и до судорог довести.

Вот он, момент славы! Случайная выдумка вышла из тени и затмила живую выдумщицу. Интересно, великий вселенский Создатель испытывает с нами схожие трудности?

– Видела, начальник.

Я придаю своему голосу гнусавости, чтобы скрыть возраст. Я могу за счет сутулости и хромоты прибавить себе годков двадцать, но без грима достаточно пары пристальных взглядов, чтобы маскарад полетел ко всем чертям.

– Не врёшь?

– Вот те истинный крест!

– Она тебе предсказала что-нибудь?

– Ага. Однажды я встречу доброго мента и буду счастлива с ним до скончания времен.

Напарник моего собеседника покатывается со смеху. Менты утрачивают ко мне интерес и возвращаются к своему занятию – ожиданию событий.

Чтобы добраться до края леса, приходится пересечь ещё пустырь, разделяющий жилые кварталы и собственно лес. Наконец, кустарник скрывает меня от людей и города. Пройдя ещё немного вглубь зарослей, я швыряю авоську с бутылками в кучу листьев. Вытащив из-под кофты сумку с ноутбуком, я скидываю ботинки и забрасываю их подальше в кусты. Ещё пара мер предосторожности – и я готова. Сумку на плечо, подхватить рукой подол юбки, вдох, выдох – бегом марш!

Где-то сзади лает собака. Прости, лохматая, может я немного переборщила, но мне не хочется быть загнанной по всем правилам охоты…

III. Столкновения

26-Б. Добрый друг

Совещание по делу об убийстве Одоевского назначено в зале старинного особняка, чисто отремонтированного со стороны фасада и удобно перестроенного внутри. Вывеска у входа подсказывает любопытным, что внутри памятнка архитектуры расположен офис некоей коммерческой конторы. Особо любопытные могут найти сайт компании и убедиться, что фирма занимается строительством. А все посвящённые именуют и само здание, и расположенный в нём особый отдел попросту Особняком.

Бирман и Влад, впервые попав в Особняк, любопытно осматриваются, но ничего необычного не замечают – отдел как отдел. Однако кое-что всё же сохранилось. После заковыристой процедуры проверки сыщиков из Хрипанова проводят в залу с расписным потолком. Капитан засматривается на пышногрудых девиц и упитанных младенцев, летающих в облаках над рядами офисных стульев. Влад практично занимает самые дальние места в зале – к досаде других подтягивающихся участников обсуждения.

Наскоро перебросившись парой фраз с коллегами из команды Лорда, Бирман решает, что напрасно приехал. Главный неудачник, упустивший ведьму, уже назначен. Подколки «Кто же мог подумать, что телефон в кармане» капитана не задевают, но неприятие

коллег повлияет на скорость расследования. А убийца не будет ждать, пока разные отделы договорятся.

Вслед за Лордом в зал входит молодой человек, похожий на ангела – на бледном овальном лице сияют огромные карие глаза, тонкий нос и выразительный изгиб губ дополняются копной тёмных кудрявых волос. Слухи не врали – красавчик, хоть сейчас на икону.

Красавчик пробирается к стулу рядом с Бирманом, и по его знаку сотрудник, уже занявший место, молча перемещается вперёд. Воплощение грёз живописцев Ренессанса небрежно плюхается на освободившийся стул и протягивает капитану руку:

– Привет, Сергей. Я – Лёвка. Давай на «ты»?

В первый момент капитану хочется брякнуть: «Да тебе лет-то сколько, Лёвка?» Но он только кивает. Раздражаться бессмысленно, да и налаживать контакт будет сложнее.

Лев Ковалёв – психолог отдела, всевидящее око Особняка и, по мнению некоторых коллег, самый опасный человек столицы.

А с виду ему не больше двадцати. Нашли, на кого суеверия повесить. Внешность – ещё не приговор. Подумаешь, глаза большие, это вовсе не значит, что психолог видит всех насквозь.

Обезоруживающая улыбка Лёвки кажется неуместной в зале, где обсуждаются подробности убийств. Бирман задумывается – не будет ли с его стороны слишком наглым спросить, а что этот психолог, со всеми его талантами, забыл в уголовке?

Серго начинает обстоятельно рассказывать о деле – с самого начала, то есть с того дня, когда он заподозрил Одоевского в нарушении уголовного кодекса.

Лёвка шёпотом обращается к Бирману:

– Расскажи мне о ведьме.

– Да что там рассказывать. Несчастная девчонка. Упрямая, скрытная, бедовая. Напрочь запуталась, но несётся, куда черти несут.

– Совсем ничего необычного?

В тихом вопросе Лёвки проскакивает сомнение. Бирман нехотя объясняет:

– По её взгляду сложно понять, врёт она или плачет. Все её чувства спрятаны за насмешками или колючими льдинками. Я не смог пробить её защиту, а я не один допрос в этой жизни провёл.

– Интересно будет, если я её допрос проведу.

Билеты продавать будут? Капитан купит весь первый ряд.

Вникнув, что Лорд подобрался к теме обнаружения тела, Бирман заговорщицки вбрасывает Лёвке:

– Знаешь, почему она ведьма?

– Потому что мужчины от неё обалдевают.

– Она видит больше, чем мы с тобой. У неё фантастическая наблюдательность и чуткий слух. Возможно, ещё развитое обоняние. Но она не осознаёт этого, её мозг автоматически фиксирует всё подряд, а потом выдаёт объёмную картинку. Думаю, у неё хорошая интуиция – за счёт этой объёмности.

– Как ты это понял?

– Она видела квартиру Дорика меньше получаса. Не разглядывала, не запоминала ничего специально – искала что-то своё. Но потом она описала мне всё в мельчайших подробностях. Кое-что мы сами не заметили, хотя торчали там несколько часов.

– Может, это от избытка впечатлений? Труп, кровь, эмоции захлёстывают, запоминается то, что в обычной жизни не видишь.

– Да нет. Смотри. Вот журналист её предупредил. Что она сделала? Свернула в аптеку – сразу же, без сомнений и паники. А дальше что? Телефон разбила, переоделась, приняла меры, чтобы собаки ничего не учуяли. Это не эмоции, это хладнокровный и быстрый расчёт.

– Это опыт выживания. Важно убежать и спрятаться, а поплакать и подумать можно будет потом.

– На адреналине бегут, а не прогуливаются с песнями. Что нужно иметь вместо нервной системы, чтобы так пройти мимо засады? И уйти – ночью, в лес? Я её упустил, потому что думал о девчонке в беде. А надо было расставлять красные флажки – осторожно, ведьма!

Пространство зала раскалывается громким замечанием Лорда:

– Лев Михайлович, вам неинтересно? Можете покинуть зал.

Бирман тушуется, но психолог легко бросает в ответ:

– Извини, Серго, извини. Я слушаю тебя.

В голосе Лёвки нет ни раскаяния, ни извинения, он лишь формально отмахивается от упрёка. Он не чувствует ореола властности Лорда? Как тогда они уживаются?

Лорд переходит к результатам экспертиз. А Лёвка уже шепчет очередной вопрос:

– Как, по-твоему, она красивая? Я фотки разглядывал, но так и не решил. Черты правильные, но она восковая, застывшая.

– На фотках она на себя не похожа. В жизни она другая. Но, пожалуй, да, красивая. Хотя для меня все девчонки красивые.

– В чем её слабость?

– В смысле?

– У каждого дара своя плата. Если где-то есть плюс, значит, есть и минус. Рита наблюдательна, рациональна, умеет не поддаваться эмоциям, но… знает ли она, что может её погубить?

– Когда я её поймаю – обязательно об этом спрошу.

Психолог мягко улыбается, давая понять, что обмен подколками – не его стиль общения.

– Правда, что она пела песенку о Мэл?

– Я сам не слышал.

– Знаешь, кто такая Мэл?

Капитан делает отрицательный жест, неземные глаза Лёвки вспыхивают радостью, и он рассказывает:

– Однажды девушка по имени Мелания потеряла своего любимого. Кто-то говорит, что он умер, кто-то – что он бросил бедняжку. От горя у неё помутился рассудок, и она отправилась его искать. Вот уже много лет она ходит по городу – возникает из ниоткуда, говорит несколько слов и растворяется в воздухе. Кого-то защищает от злых сил, кому-то предсказывает судьбу. Но увидеть Мэл – не всегда к добру. Если она почует злобу в сердце прохожего, то проклянёт – и никакая молитва не поможет.

– Любопытная сказочка.

– Городская легенда, возникла несколько лет назад. Но в неё верят. У постовых спроси в центре – многие тебе расскажут, что видели Мэл. И среди маргиналов россказни о Мэл популярны. А в восточных районах старушки болтают, что песня Мэл их спасла, вывела с того света.

Тихая беседа нарушается новым замечанием:

– Лев Михайлович, прекратите отвлекать людей от дела!

Бирман отчаянно краснеет, но психолога грубый тон Лорда нисколько не смущает, он отмахивается от оратора:

– Извини, извини. Продолжай дальше, пожалуйста.

Лорд объясняет сложности нейтрализации яда, обнаруженного в бутылке вина из спальни Одоевского.

Лёвка наклоняется к Бирману:

– Рита не убийца. Возможно, она знает убийцу и даже в какой-то мере помогает ему – хотя бы тем, что скрывает свои догадки от следствия. Возможно, она лишь притягивает злодея. В любом случае, она обязательно станет жертвой. Если вдруг найдёшь след ведьмы – оглянись вокруг, ты будешь не единственным охотником.

– Расскажи это Лорду.

– Он знает. Но ему понадобится твоя помощь.

Бирман иронично хмыкает, и Лёвка добавляет:

– Серго и Рита ухитрились где-то пообщаться – неофициально, без протоколов. Выяснилось, что властный тон нашего начальника на ведьму не действует. Она решила, что шутки про повелителя – банальная лесть тому, у кого погоны круче. А ей заискивать перед Серго незачем. Подумаешь, погоны, она пачками разные погоны обманывает.

– Женщины чувствуют его властность?

– Срывают одежду и бегут в его объятия.

– С Ритой не сработало?

– Она не против, чтобы он побегал вокруг и сорвал с неё одежду. Как-нибудь потом. Сейчас она занята.

Хихикнув, Бирман понимающе кивает:

– Я понял. Обалдевший мужчина что-нибудь да упустит.

– Серго хочет поймать Риту. Но не ради дела. Он проверит границы своей власти – в ситуации, когда она будет зависеть от него. И это будет… фейерверк года.

– Ты тоже ему не поддаёшься.

– Научился. Хочешь противоядие?

Ещё бы он не хотел. Смутное подозрение, что Лёвка ведёт какую-то свою игру, рассеивается, стоит Бирману поймать всё понимающий взгляд ангела:

– Да не бойся, это не секрет, я всем новеньким рассказываю. Серго унаследовал властный взгляд от матери. Нина Андреевна рано осталась вдовой – и вложила все силы в единственного сына. Мама проверяет, пришёл ли Сергуша на работу. Мама забирает зарплату Сергуши и выдает ему деньги только на обеды и на необходимые покупки. Мама запрещает Сергуше задерживаться после десяти вечера. Так что захочешь поклониться Лорду, представь, как

маленькая женщина хмурит брови, а он жалко лепечет: «Этого больше не повторится».

– Не уверен, что это поможет. Но спасибо, друг.

В карих глазах расцветает благодарность, и Бирману становится неловко.

Лорд продолжает нанизывать всё новые вопросы к длинному перечню загадок дела.

Сергей рассказывает Лёвке смешную историю о побеге музыканта от дочери депутата. Лёвка посвящает новенького в тонкости отношений внутри отдела. Сергей делится трагикомедией отряда спасателей в уральском лесу. Лёвка выкладывает закулисные интриги вокруг мошенничества со стигматами.

Время от времени Лорд призывает Лёвку к порядку, Лёвка беспечно извиняется. Замечания направлены исключительно на психолога – районный сыщик внимания начальника не удостаивается.

Уже после совещания Лорд догоняет Бирмана и Влада:

– Размах дела требует координированной работы всех отделов. Работайте на своем участке, не лезьте в основное расследование. И Рогальскую оставьте мне. Как вы уже поняли, ведьма вам не по зубам. Я сам займусь её поиском и задержанием.

Влад незаметно для Лорда касается плеча Бирмана, но тот и не собирается спорить, лишь молча кивает головой.

Серго продолжает:

– И не забывайте о бдительности…

Из дальнего конца коридора Лёвка машет Бирману рукой, а потом изображает, будто смиренно ждёт наказания. Не удержавшись, капитан кончиком губ, но улыбается. Лорд припечатывает:

– Соблюдайте осторожность!

С этим мистер Власть отправляется по своим великим делам.

Подождав, пока начальник удалится, Влад зло выдаёт:

– Царь-амператор всея Расеи выискался.

Бирман упрямо хмурится:

– Пусть бесится. Дело копаем, как обычно. И ведьма – моя. Я знаю, куда она придёт. Там и встретимся.

27. Встреча в подземке

Надо подумать. Надо всё записать. Надо сделать выводы.

Легко сказать. После ночного вояжа через парк я сутки не могу уснуть. Всё время кажется, что кто-то стучится в дверь. Намаявшись, я засыпаю – на шестнадцать часов. А когда просыпаюсь – остро хочется есть. Заказав с доставкой на дом целый пакет еды, я объедаюсь – и снова отключаюсь.

Выбравшись из цикла сон-еда-сон, я трачу полчаса на сомнения.

С подачи милого я смылась от сыщиков, не успев подумать, а надо ли мне убегать. Может, проще посидеть в камере? Ну, разберутся, в конце концов, все эти следопыты, что я не убийца, выпустят. Обрету опыт по выживанию в тюрьме – а внукам буду рассказывать, что была политической заключённой.

С другой стороны, посидеть за решёткой я ещё успею. А пока придётся высунуться из норы.

В салоне связи мне радушно предлагают телефон с отъезжающей крышечкой, розовыми брелочками и рисунком из стразов. Поразительно, насколько люди не понимают простых слов. Что может быть неясного в запросе «самая дешевая модель»? Зачем предлагать товар в четыре раза дороже? После препирательства я всё же получаю телефона, победивший в конкурсе «самое маленькое число на ценнике».

Мобильник Кирилла недоступен. По домашнему телефону после долгих гудков отвечает Елена Афанасьевна:

– Аллоу?

В этом есть что-то от старых радиоспектаклей, посвященных буржуазной жизни. Такими голосами изображали обитательниц богатых особняков.

– Здравствуйте, это Рита.

– Ах ты дрянь! Ты хоть представляешь, во что нас втянула? К Кирюше на работу следователи приходили. Теперь его карьера под вопросом. И квартиру обыскали. Всё рассыпано, раскидано!

Какое причудливое восприятие катастрофы – неважно, что кого-то убила, важно, что листочки сына рассыпались.

– Елена Афанасьевна, а где сейчас Кирилл?

– Тебе мало несчастий, что ты нам принесла? Зачем тебе Кирилл? Чтобы снова втравить его в беду? Оставь его в покое! Дай ему поработать без твоих выходок!

Ага, значит, Кирилл в редакции, там-то и будем его искать.

Елена Афанасьевна переходит от упрёков к призывам небесных кар на мою голову. Уж не знаю, какие ещё ей нужны кары. По-моему, я и так под присмотром кого-то вредного.

– Ты слышишь? Как хочешь исхитрись, но помоги ему! Компьютер у него забрали, а там все материалы были, без них придётся всё начинать заново. А статьи надо сдавать уже сейчас. Хоть в этом гадиной не будь…

Пока-пока, недосуг мне ругань слушать.

Рабочий номер Кирилла не отвечает. Поискать его в редакции? Можно встретить не только журналиста. Но следят ли за Кириллом постоянно? Разумно подкараулить его где-то по дороге или рядом с редакцией. Или нет? Что-то я запуталась.

Могут ли высшие сущности мухлевать с кубиками, когда разыгрывают жизни смертных? По сути, если они высшие, то им не нужны махинации, они могут перевернуть кубики в воздухе, как им хочется. Но это ведь и будет махинацией?

Фантазии на отвлечённые темы едва не стоят мне ошибки в собственной реалити-аркаде. Направляясь к эскалатору на выход из метро, я всего за несколько метров замечаю высокого мужчину впереди. Его толкают, но он не сходит со своего места, дожидаясь, пока толпа вынесет меня прямо к нему.

Какова вероятность, что в многомиллионном городе, в подземке с сотней станций, одна ведьма случайно встретит одного капитана? Нет такой вероятности, потому что ничего случайного в этой встрече нет. Бирман просчитал, куда я приду.

Сыщик прячет от меня глаза – в надежде, что я не почувствую его взгляд.

Нет, это ему не поможет. И он не знает, что я хорошо ориентируюсь в метро. Мгновенно затормозив, я разворачиваюсь, пробираюсь между спешащими пассажирами, сворачиваю в боковой проход к платформе, пробегаю назад ещё две арки и бросаюсь вниз по лестнице в переход.

Крик: «Рита! Стой!» ещё не смолкает, а я уже стаскиваю с себя куртку и скатываю её в рулон. Расталкивая людей с края лестницы, я спускаюсь быстрее толпы, но, выскочив в длинный коридор, не бегу вперёд, а свернула в параллельный тоннель, ведущий обратно на станцию. Поток людей, рвущийся навстречу, сдерживает движение, и я успеваю увидеть, как двое сыщиков ломятся туда, куда я бежать не стала.

Ждать поезда рискованно, надо выбираться из подземки. Адреналин подталкивает двигаться быстрее, но если подниматься пешком по эскалатору, я буду заметнее. Стянув резинку с волос, я меняю свой облик со спины и замираю на поднимающейся ступеньке.

Бирман и Влад возвращаются на станцию, когда я уже на полпути. Но они начинают быстро подниматься. Догонят на выходе, обязательно догонят. Ну почему за мной гонятся столь энергичные мужчины?

Фора остаётся приличной, и я бегу вверх. Бирман снова призывает меня остановиться. А ведь на станциях есть и свои менты. Вместе они меня точно повяжут. А-а-а!

Выскочив из вестибюля станции, я обегаю здание и забираюсь в узкую щель между стеной и трансформаторной будкой. С одеждой придется попрощаться, зато никто не догадается, что здесь может уместиться человек.

Спасибо, Мэл, что ты изучила такие полезные места в этом страшном городе!

Запыхавшиеся Бирман и Влад проносятся мимо. На обследование территории возле станции у них уходит минут пять-десять. Всё это время я стою, закрыв глаза и представляя, как огорчённые преследователи покидают площадь. Но они не торопятся, а решают понаблюдать за происходящим вокруг. И выбирают для этого лучшую точку – аккурат с другой стороны трансформаторной будки. Боги любят посмеяться, это точно.

Несмотря на шумящую площадь, я слышу, о чём беседуют сыщики, едва не сцапавшие меня. Интересно же знать, что думают о тебе ближние – в буквальном смысле этого слова.

– Кто мог подумать, что она нас так сделает.

– Зараза! Ты ещё медаль ей вручи!

Сам чокнутый! Гоняется за бедной ведьмой, вместо того, чтобы преступников искать.

– Да ладно, не переживай, словим мы её.

– И что мне не терпелось, надо было из метро её вывести, а уже потом брать, наверху.

– Что теперь гадать, смылась, так смылась. Будем журналиста пасти, поймаем в следующий раз.

– Если только у нас будет этот следующий раз.

У меня чешется в носу, и я прижимаюсь лицом к грязной железной коробке. Фу!

– Папаша говорит, у неё после смерти матери отклонения начались, он ещё тогда контакт с ней потерял.

– Этот грёбаный папаша из дома её выгнал. Не было у неё отклонений, это он выдумал в оправдание. Он сам если не впрямую её вытолкал, то заставил уйти.

Не такой уж и чокнутый. Кое-что соображает.

– Ты не думаешь, что он мог к ней приставать?

– Я не удивлюсь. Я разговаривал с соседками, пара тёток постарше Риту вспомнили. Тихая вежливая девочка, и училась хорошо. А папаша и два взрослых кретина сплавили её в постель к уроду Одоевскому.

– Ты о братьях?

– Ты бы отпустил Лельку одну на улице пожить? Чтобы старый козёл приютил её, потому что на улице холодно?

– Уймись. Мы никому не скажем, что птичка опять выставила нас дураками.

– Птичка выжила на улице в семнадцать. А сейчас она умнее, осторожнее и злее. Мы можем о-очень долго её искать. И всегда найдется дурень, в доме которого она спрячется. Ещё и отдохнет за его счет.

Хорошая идея, с одним плохим нюансом – дурня трогать придётся, а я вовсе не так раскрепощена, как капитану кажется.

– Переключимся. Надо выяснить, кто её пасёт. С виду солидный мужик – длинное пальто, портфель, да и в возрасте уже. Я накидаю общих примет, надо проверить, кто такой. Точно не из наших.

– Может, он подкатить к ней хотел?

– Да нет. Понимаешь, я его раньше Риты приметил. Он нелепо себя вёл, мне сразу на ум пришло, что он кого-то выслеживает. А когда я понял кого, опешил и упустил обоих.

– Ладно, что болтаться тут без толку, поехали.

Выждав неведомо сколько времени, я вылезаю из убежища. Стерев салфеткой грязь с лица, я отправляюсь в нору сложными петлями наземного транспорта. Трясясь и поминутно оглядываясь.

Бирман уверен, что это я травлю и режу мужское население планеты. А мог бы задуматься, что солидный мужчина в пальто – это и есть настоящий убийца. И этот убийца следит за мной…

А-а-а! Помогите!

28. Злой волшебник

Загадочного преследователя я замечаю часа через два после встречи с Бирманом и Владом. Я выхожу из автобуса на конечной недалеко от своей норы и останавливаюсь у ларька – купить батон хлеба. На другой стороне улицы боком ко мне стоит мужчина в шляпе, надвинутой на глаза, с портфелем в руке. Тихий таймер опасности включается в моёй голове, сомнений нет – это тот, о ком говорил Бирман.

Мужчина внимательно изучает карту района, вывешенную на стенде, но стоит мне отойти от ларька, как он перехватывает портфель и направляется к пешеходному переходу. Едва макушка шляпы скрывается за гранитной облицовкой парапета у перехода, я с максимальной скоростью уношусь за угол дома, но не ближайшего к норе, а того, за которым начинается улочка с магазинами и торговыми центрами.

Когда шляпа показывается с моей стороны улицы, я уже шагаю в сторону гигантского супермаркета. У него есть пять или семь входов-выходов. Полезная опция.

Войдя в магазин через огромный портал, украшенный огоньками, я не следую длинным коридором, уводящим посетителей в чудесные миры потребительских удовольствий, а затаиваюсь в небольшой нише, изображающей античный портик. Мужчина в шляпе проходит мимо меня минут через десять. Его медленная и чуть хромающая походка кажется странной для преследователя. Обманывает?

Я отворачиваюсь к стене, пока шляпа скрывается за поворотом коридора. Может, я ошибаюсь? Может, мужчина – добропорядочный гражданин, шагающий по своим делам?

Покинув свой укромный уголок, я тихо следую за шляпой. В действиях мужчины нет ничего предосудительного – он методично обходит торговый центр, этаж за этажом. Однако то, как он осматривает каждую секцию, не заходя внутрь, но внимательно изучая через витрины всех, кто внутри, кажется подозрительным.

Он ищет меня? Зачем?

Холодная змея нехорошего предчувствия душит тревогой – и в этот момент я встречаюсь с мужчиной взглядом.

Глупые декораторы! Зачем вы понатыкали везде зеркал?! Как можно жить в мире, где всё отражается по нескольку раз, да ещё и под немыслимыми углами? Кому сдалась здесь зеркальная стена от пола до потолка?

Френд пялится на меня, я разглядываю его – секунд через десять мы одновременно опоминаемся. Пока он вертится, соображая, где я зеркальная, а где настоящая, я убегаю к огромному отделу с посудой и теряюсь между бесконечных стоек с тарелками.

Друг Рогальских постарел, изменился, обрёл солидность, но это несомненно, он – мужчина, носивший малышку Риту на руках. Понимает ли он, что я – та самая малышка? Прежде безбашенный тёмно-серый взгляд показался мне и фанатичным, и уставшим.

И как теперь избавиться от наваждения, что Френд смотрит прямо на меня? Я перехожу на соседнюю линию и прячусь в кабинке модного салона. Кроме меня, в бутике никого нет, но и на одном квадратном метре, закрытом со всех сторон (я проверяю несколько раз), ощущение выслеживающего взгляда где-то рядом не исчезает.

Френд чувствует меня и идёт ко мне, потому что я воплощаю в себе какую-то его идефикс. Он не может не идти, само знание о том, что я существую, заставляет его действовать.

Совсем ты, Рита, рехнулась. Пробежки с сыщиками доведут тебя до отдыха в жёлтом доме.

Сосредоточившись, я представляю себе лицо Френда. И желаю ему исчезнуть. Потом воображаю, как он выходит из торгового центра и уезжает восвояси. Добавив ругательное пожелание ему в спину, я рисую себя, свободно и легко шагающую по магазину без всякой слежки. Ментальное упражнение помогает – ощущение чужого неотступного взгляда исчезает.

На приведение мыслей в порядок мне требуется ещё два часа, три булочки и две чашки с кофе. Итоги размышлений получаются неопределёнными, не вносящими никакой ясности.

Френд вернулся из Америки (если был там когда-нибудь) и заполняет свой досуг наблюдениями за приёмной дочкой друзей молодости. Почему именно я стала объектом интереса Френда? Потому что мои «раскопки» прошлого угрожают его настоящему? Но чем ему могут повредить досужая болтовня тёток в возрасте? Ради чего он выслеживает меня по всему городу?

Хотя нет, город – пройденный этап. Френд знает, где находится моя нора, и он ждал меня там, куда я должна была приехать. До самой норы оставалось ещё несколько кварталов плотной застройки, и попасть туда я могла десятком разных способов. Но станцию метро он уже вычислил. Вычислил ли конкретный дом, номер моей квартиры?

Если он успел выследить меня раньше, то имеет смысл, не дожидаясь осложнений, превратиться в Мэл. Смогу ли я снова уйти на улицу? Вопреки мнению Бирмана, город вовсе не был мне родным домом. Какое-то количество мест для игры в прятки наверняка сохранилось. Но у меня уже не хватит дурости явиться в какой-нибудь притон и улечься спать, как будто так и надо. И повторять ночёвки на лавочке в парке я не хочу. Хватит с меня антибиотиков, славы «пациентки М» и ставок медсестричек – помру я в пятницу или дотяну до понедельника.

Глупо куда-то бежать прямо сейчас – гигантский стеклянный купол защищает меня от дождя, а крепкий кофе настраивает на свершения. Но не могу же я сидеть в кафе вечно.

Мой уютный волшебный мир рухнул. Картонки с нарисованными цветными домиками разнесло ураганным ветром. А за иллюзией оказались высокие стены из кирпича и бетона. Цветной мир не спасти. Но, может быть, для маленькой сказочницы ещё есть шанс?

29. Обходные маневры

В каждом мире, в каждом времени есть хорошие люди, которые самим своим существованием удерживают мир на должном месте. В любом виде и в любой час вы можете постучаться в их дверь

и попросить о чём угодно. Это и создаёт основу пространственно-временного континуума.

В нашем мире тоже есть такой хороший человек – благородный рыцарь Сергей Вяземский или Энский. Сам Энский нисколько не подозревает о том, что причинно-следственные связи, удерживающие логику нашего существования, зависят от его здравого смысла. Но я знаю, что это именно так.

Нагрянув к хорошему человеку в гости, я натыкаюсь на очередную «девушку Энского». Подруги возникают в жизни рыцаря загадочно, без всяких усилий, из ниоткуда, а через некоторое время они аналогично исчезают в никуда и без объяснений. Энский неизменно удивляется поворотам своей личной жизни и утверждает, что ничего не делает.

Это правда. Высокий, зеленоглазый, спортивный программист с собственной квартирой – завидная добыча на рынке женихов. Но охотницы круто обманываются насчёт лёгкости завоевания сердца рыцаря. Сердце Энского отдано Елене Черняховской, а всем остальным женщинам рыцарь разрешает поухаживать за собой, искренне не понимая, что в этом не так.

Упёртость Энского в обожании чужой жены меня изрядно раздражает. Елену не может сделать счастливой ни один мужчина; даже обрети Энский заветную любовь, крушение было бы быстрым и неотвратимым…

Отправив подругу в магазин – за чем-нибудь вкусненьким, Энский ставит на плиту кастрюлю под пельмешки и не задаёт никаких вопросов. Надо оставить барахло? Оставляй, первый раз, что ли. Какое-то время будешь в отъезде? Хорошо, но звони, как будет возможность. Уйдешь на улицу? Оденься потеплее. Будет плохо – приходи, живи здесь. Никаких высоких материй и лицемерных ахов – помощь, как она есть: легко принять, просто поблагодарить.

Я бы спряталась у Энского – но вопрос времени, когда Бирман или Лорд выяснят, кому можно задать тьму вопросов о ведьме. Энский наверняка поладит с сыщиками – он со всеми ладит, только мне бы в старых пересечениях разобраться, а не создавать новые.

Подготовка запасной норы отнимает у меня целый день. Поездки туда-сюда, звонки, встречи – и всё это ради соседства с двумя дурочками. Девушки мнят себя эстетками, поэтому первый час знакомства посвящают сетованиям – как это ужасное место отравляет их души.

Панельная конура никогда не знала ремонта: в ванне отваливается плитка, вентиляция зарастает чёрным мхом, паркетины хаотично перемешиваются под ногами. Но меня волнует цена, а не качество, да и вид на серый бетонный забор нисколько не нарушает моего чувства прекрасного.

Обе соседки учатся в каком-то коммерческом вузе, но я не понимаю, на какие шиши и в чём, собственно, их учеба заключается. Будь у меня возможность так учиться, я бы поселилась в библиотеке и читала бы всё подряд с утра до ночи.

Предупреждение, что я буду редко ночевать, соседкам явно нравится. И они беззлобно отпускают в мой адрес пару шуточек про бабочек. Дурочки, что с них взять.

Есть время собирать камни, а есть моменты снятия денег со счёта. В банке пытаются уговорить меня на инвестиции в облигации, но я стою на своём – мне нужны наличные.

Аккуратные стопки банкнот создают обманчивое впечатление достигнутой стабильности, но всё наоборот – я никогда не разоряла свои скромные накопления.

До редакции я дозваниваюсь с двадцать пятой попытки. Когда терпение исчерпывается, в трубке раздаётся уверенный голос Кирилла:

– Весенин слушает.

– Это Марина Григорьева. Мы обсуждали с вами городскую программу профилактики инфекционных заболеваний.

Умница Кирилл догадывается и отвечает равнодушно:

– Я очень занят сейчас. Ваш материал, безусловно, интересен, но сейчас мы иначе расставляем приоритеты, я не могу обещать, что ваша тема будет актуальна в новом формате. Перезвоните мне через месяц-другой, тогда, может быть, что-то прояснится.

– Дело в том, что я знаю, где собрать конкретный материал. Фактический. Но мне трудно этим заниматься. Может, вы сможете

съездить со мной? Вам стоит это увидеть своими глазами, и все ваши сомнения отпадут. Это точно ваша тема.

Кирилл молчит. Может, над ним висит кто-нибудь из команды Бирмана, и он думает, как выкрутиться?

– Как срочно нужна поездка?

– Завтра.

– Нет, на завтра всё распланировано. Послезавтра с утра.

– Договорились. Послезавтра. В десять. Встретимся там же, где и в первый раз. Но не на территории, а прямо у метро. И не забудьте, вы обещали конфиденциальность.

Повесив трубку, я оглядываюсь. Раньше меня не выслеживали, и я испытываю неуверенность. Вдруг Френд где-то рядом? Смотрит на меня в телескоп с соседней крыши? Или подкинул мне жучка и любуется картинкой, как я проверяю углы и щели у плинтусов? Тьфу!

Мэл уже показала себя. Кто следующий?

Белокурый парик, розовый шарф, свалявшаяся куртка из фиолетового меха, короткая кожаная юбка, мохнато-серые шерстяные лосины из бабушкиной шерсти, розовые сапожки – Блондинка готова к выходу. Вульгарнее особы не найти, но и на неё клюют озабоченные фрики. У Блондинки есть мощный отпугиватель на все непредвиденные случаи – рядом с ней нечем дышать. Блондинка любит парфюм и обливается духами из безымянного пузырька, однажды найденного возле помойки.

Это единственный парфюм, который я выношу. Принюхалась, привыкла – и меня уже не тошнит.

Утром машину журналиста провожает чёрный «жигуль». Наблюдатели не прячутся – едва он трогается со стоянки, как они пристраиваются ему в хвост и держатся следом.

Кирилл умеет ходить пешком, поэтому вечером выходит из редакции через боковой вход. За ним шагает щуплый парнишка в штанах-докерах и с рюкзачком за спиной.

Журналист пытается оторваться – идёт в приличном темпе, меняет несколько станций пересадки. Парень в докерах меняется на очкарика-студента в тёмной куртке. Очкарик приклеивается к Кириллу намертво, даже попытка журналиста выскочить из уже

закрывающихся дверей вагона не приносит успеха: парень выскакивает на платформу синхронно, хотя всё это время смотрел совсем в другую сторону.

А Блондинка уезжает дальше, по своим делам.

Я прочитала несколько тысяч книг. И детективов в том числе. Неужели ничего не придумаю?

В день встречи Кирилл изрядно нервничает. Это заметно по тому, как он оглядывается и переминается с ноги на ногу. То, что станция – рядом с выставкой, он догадался. Но его сопроводающему и думать не пришлось. Это опять парень с рюкзаком, он торчит чуть поодаль – делает вид, что разглядывает витрину киоска.

Есть ли кто-то ещё? Сегодня я собой, но в спортивном костюме, как бы на пробежке. Засечь меня несложно, но для этого нужна ещё одна пара глаз. Бирман ведь не сидит на дереве? И не притворяется рекламным плакатом?

Ещё и мужчины в шляпах гуляют свободно. Только нервы треплют. Почему нельзя все эти шляпы запретить?

Спрятавшись за ёлкой, я звоню Кириллу:

– Здравствуйте, это Марина. Я вас жду. Вы задерживаетесь?

– У меня проблемы с конфиденциальностью.

– Ведите себя естественно. К вам сейчас подойдут.

Парнишка отклеивается от киоска и перебазируется поближе к журналисту.

К Кириллу бросается девушка в длинном пальто и ярко-жёлтой шапочке-колпачке с гигантским помпоном. Повиснув у журналиста на шее, она эмоционально сообщает не столько ему, сколько всем окружающим:

– Милый, я так рада, что ты приехал.

Целуется она здорово. Кирилл забывает, куда и зачем собрался. И когда красотка его отпускает, он задерживает её в своём объятии.

Вот же свин озабоченный…

Девушка громко смеётся и радостно почти орёт:

– Я так скучала! Мне плохо без тебя!

Доверчиво положив голову на плечо журналиста, девушка уже тише говорит Кириллу что-то ласковое.

На самом деле она меняет место встречи: «Сейчас подъедет машина. Я отвлеку парня, а ты садись, тебя высадят через квартал.

Тебя будут ждать в Крысино, на остановке автобуса триста тридцать три. Легко запомнить – три тройки…»

Красотка отталкивает журналиста, снова смеётся и направляется прямо к парню с рюкзачком. Озадаченный ищейка пятится, вертится, оглядывается. Девушка подходит к нему, кладёт руку на его плечо… Парень отшатывается с гримасой неприязни.

Кирилл запрыгивает в подъехавшее такси.

С симпатичной помощницей я познакомилась десять минут назад. Мне почти ничего не пришлось выдумывать. И денег она попросила совсем немного.

Но это так грустно…

Храбрый и смышлёный парень наверняка способен на большее, чем таскаться за людьми по подземке и мокнуть в засадах под осенним дождём. Милая девушка рождена для любви и счастья, но готова пуститься в авантюру ради маленькой обновки. Стражник и Красотка – вечный сюжет, редко приходящий к счастливому финалу. Она выйдет за толстосума, он погибнет в переделке; или её убьют из ревности, а он превратится в машину смерти. Сколько раз они встречались на протяжении веков? Почему наши судьбы вычерчивают одни и те же рисунки?

Вот бы эти двое познакомились, влюбились друг в друга, поженились, родили бы красивых деток. Двух мальчиков и девочку. Девочка была бы самой весёлой и самой любимой. И жили бы они долго и счастливо…

Очнись, сказочница. В Голливуде творцов сладких грёз предостаточно. Займись своими проблемами. Время не ждёт.

30. Старые чемоданы

Кирилл опаздывает. Я волнуюсь.

Пять минут. Десять. Пятнадцать.

Можно мне палату с мягкими матрасами на стенах?

Четверть часа – и ко мне лихо подкатывает старенькая девятка. Кирилл позаимствовал «жигули» отца. Хвостов нет, и мы отправляемся на покорение подмосковных просторов.

Есть крохотный шанс, что нечто неизвестное прячется на родительской даче. В детстве мы проводили там много времени, но

когда мальчики подросли, традиция проводить выходные на даче сошла на нет. Может, на даче осталось что-нибудь от мамы? Может, найдётся какой-то артефакт, который поможет мне найти смысл в происходящем?

Евгений Рогальский занимался ландшафтным дизайном ещё тогда, когда слова «ландшафт» и «дизайн» использовались исключительно в переводах английской литературы. Сначала его увлечение заключалось в отсыпке дорожек цветным гравием с подбором оттенков и размеров камушков. Затем он плавно переключился на посадку кустарников, которым можно придавать забавные формы. Потом в дело пошли многолетние цветы, расцветавшие террасами в зависимости от времени года.

Над отцом смеялись все соседи. Картошка и свёкла, кабачки и помидоры, клубника и смородина – вот, что нужно, овощные и ягодные заготовки составляли гордость разумных дачников. При виде зелёного газона и цветнков люди крутили пальцем у виска, считая, что у отца не все дома. Некоторые болтали, что такие буржуазные порывы указывают на значительные нетрудовые доходы, хотя жили мы не богаче остальных.

А когда началась эра разорения и, наоборот, больших денег, бывшие огородники потянулись к отцу за советами насчет альпийских горок и прудиков с золотыми рыбками.

Старый домик на участке в двадцать соток был построен одноруким ветераном войны с помощью Божьей матери и соседей. Мой отец ещё в молодости купил соседний клочок земли, надеясь, что ему хватит сил поднять солидный дом – обязательно сруб, с печкой, и с резными ставнями на окнах. Но годы шли, а до дома руки не доходили. Когда после смерти ветерана его сын-алкаш стал продавать наследство, отец, не особо раздумывая, расширил территорию, а заодно и домиком обзавёлся.

Домик выглядит откровенной развалюхой, особенно на фоне новоделов соседей. А вот участок полон красоты и ухоженности: на клумбах алеют последние осенние цветы, пруд под яблонями аккуратно вычищен, на дорожках нет ни одной сорной травинки. Значит, отец приезжает сюда и следит за садом.

Перебравшись через забор и покопавшись под крыльцом, я вытаскиваю связку запасных ключей. Двери домика открываются

методом «дёрни посильнее», можно обойтись и без ключей, но оставлять машину на улице неудобно, а ворота запираются на солидный замок.

Внутри домика царит запустение, ничто не напоминает об идеальной стерильности квартиры. Отец не приезжает сюда с ночевками, пользуется одним комплектом посуды и электрическим чайником. В кухне протёрт колченогий стол, а вот все остальные комнаты покрыты многолетним слоем пыли.

Кое-как ликвидировав культурный слой с дивана и усадив на этот исторический предмет мебели Кирилла, я отправляюсь на поиски чего-нибудь где-нибудь.

Увы! Старый шифоньер и буфет в большой комнате пусты. Заполненный старыми журналами шкаф в маленькой комнате вообще исчез, оставив после себя светлый след на полу. Стол-шкаф в кухне может похвастаться тремя старыми и заросшими мхом кастрюлями. Ничего. Ни бумажки, ни записочки, ни фантика. И даже мышиные дыры, ведущие под пол, производят жалкое, брошенное впечатление. Видимо, здесь отец придумал теорию всеобщего одиночества. Обстановка располагала.

Попробовав складную лестницу на прочность, я забираюсь на чердак. Раньше там хранились банки и старые шмотки. Но те времена канули в лету – чердак тоже пуст. Лишь в дальнем углу плесневеет два старых тряпичных чемодана.

Оповестив Кирилла о находке, я натягиваю на нос воротник водолазки, чтобы не вдыхать плесневелый воздух (кто знает, что тут вывелось, на чердаке этом). Подтащив верхний чемодан поближе к маленькому разбитому окошку, я дёргаю заржавевшую молнию, она никак не хочет поддаваться, и после моих рывков замочек клинит окончательно. Зато расползается ткань крышки, и передо мной открывается коллекция истлевшего текстиля. Когда-то это были половички ручной работы, но теперь слежавшаяся масса – объект на выброс.

В носу чешется, и я громко чихаю. Весёлый голос снизу желает мне здоровья, и я приободряюсь. Я не трусиха, да и в местах куда страшнее мне бывать доводилось. Но как-то не хочется оправдывать теорию всеобщего одиночества не хотелось. Я кричу ответное «Спасибо!» и переключаюсь на второй чемодан.

Не заморачиваясь с молнией, я уверенно дёргаю крышку, и старая материя разъезжается точно по клеточкам. Внутри оказываются пакеты с ленточками, тесемками, кружевной каймой. Забытая кладовая рукодельницы – и доказательство неумолимости всеразрушающего времени.

Под пакетами лежит прямоугольная жестяная коробка, на удивление, не сильно проржавевшая. Сырость не добиралась до самого низа, да и пакеты давали защиту от влаги.

Крышка новогоднего подарка никак не поддаётся, приходится постучать коробкой по балке и слегка её помять. Сломав ещё пару ногтей, я добираюсь до содержимого коробки и издаю радостный вопль. Внутри собраны конверты, открытки, отдельные листочки, и на самой верхней открытке читается сильно продавленная надпись «Дорогой Машеньке». Бумажное сокровище в плохом состоянии – пожелтело, покоробилось, полуистлело. Но всё-таки сохранилось!

Осторожно подцепив открытку, я переворачиваю её и разочарованно вздыхаю – сообщение невозможно прочитать, оно было написано карандашом, да ещё мелко, с сильным наклоном. Ещё две реликвии бесполезны. А потом мне снова везёт. Раскрывшаяся открытка испорчена снаружи, но внутри остался разборчивый текст, написанный тем же косым почерком:

«Мой дорогой ангел мира и надежды, я все ещё томлюсь от неизвестности. Ты молчишь, моя прекрасная волшебница, и нет мне покоя без света, что ты приносишь моей измученной душе. Исцели скорее мою боль, забери сомнения и страх. Твой Джордж».

Поэтично, но непонятно. Волшебство, свет в душе, мир к ногам – у Джорджа явно случился перекос в нейронах. Перечитал возвышенных поэм о мирах получше нашего?

Я откапываю ещё два читабельных листика. Первый содержит кусочек письма без начала и конца:

«…унылые людишки. Самое главное – не следить за временем. Тогда оно идет спокойно, не затаивается в углах, не подкрадывается неслышно сзади, не убегает на месяцы вперед. Я научился не обращать внимания на время, и это, пожалуй, главное моё достижение. Теперь я свободен от диктата минут, свободен, как существо другого порядка. Не тревожься, моя прекрасная волшебница, я уверен в своих силах и могу…»

Судя по стилю, автором этого опуса тоже был Джордж. Если только мама не проводила конкурс на лучший образец графоманской бредятины.

Ещё один обрывок сохранил фрагменты дневника:

«Понедельник. Получил два номера журнала. Даже не думал, что опубликуют.

Вторник. Передал твой подарок Красавчику. Он так вилял хвостом, бедный.

Среда. Решил уравнение для Джека. С граничными условиями он ошибается, это ясно. Подождём, что будет в эксперименте.

Четверг. Заметил, что снова пришла осень. Жёлтые листья, холодные дожди. Обожаю осень. И тебя, моя дорогая волшебница...»

Почерк похож на руку Джорджа. Но дочитать дневник я не успеваю. Снизу раздаётся чуть тревожный голос Кирилла:

– Рита, спускайся, сюда кто-то идёт.

31. Розовый туман

Спуститься я не успеваю. Пока я нащупываю ногами ступеньки, внизу раздаётся грохот. Спрыгнув с последнего метра высоты, я понимаю, что в наступившей тишине таится опасность.

Я не бросаюсь в комнату, а медленно заглядываю в неё. Вероятно, это спасает мне жизнь – я успеваю отклониться от предмета, летящего прямо на меня.

Чиркнув по голове, дубинка опускается на мою ключицу.

Треск, с которым ломается кость, шокирует, парализует. Левую руку обжигает невыносимой болью. Мир расплывается перед глазами неясными серыми пятнами.

Никакая ты не ведьма, Рита. Где твои пророческие способности? Спят? Вот и прикончат тебя сейчас на родной даче.

Мне удаётся устоять на ногах. Нападающего человека я не вижу, но чувствую, что он готовится к новому удару. Тёмная фигура шевелится сбоку, поднимая свое массивное оружие для новой атаки.

Сжав зубы, я выключаю страх и прыгаю вперёд. Схватив с низкого столика квадратную стеклянную вазу и развернувшись, я едва успеваю увернуться от очередного удара бейсбольной битой. Сориентироваться я не могу, но наобум, изо всех сил опускаю вазу туда, где должна быть голова нападавшего. Стекло встречает препятствие и, кажется, даже раскалывается.

Мужчина двумя руками толкает меня назад, и я падаю на спину.

Внутри головы вспыхивает салют из обжигающих точек…

Холодно. Дико холодно.

На нас напали. Я пропустила удар. Я упала.

Бежать, спасаться, кричать!

Нет! Крик привлечёт злодея.

Соберись, ведьма. Оцени обстановку.

Левую половину тела дёргает пульсирующей болью. Ключица сломана – не дотронуться. Но рука двигается.

На голове кровоточит рана – кожа рассечена, однако сама голова вроде бы цела. Повезло.

Перед глазами плавает розовый туман…

Отключаться нельзя. Убийца где-то рядом.

Кирилл лежит на боку около стола. Возле его головы темнеет лужица крови.

Мне удаётся встать на четвереньки, и я доползаю до него.

Журналиста ударили сзади. Рана выглядит ужасно, но, насколько я могу судить, кость не пробита. Крови немного, но это ничего не значит – может быть, она скапливается где-то внутри.

Эй! Очнись! Ты слышишь меня?

Нет, не слышит.

Кто-нибудь, помогите мне! Помогите, пожалуйста…

Ведьма должна понимать законы, по которым её магия живет. А я потратила столько лет на пустяки, на шалости. Разве я пыталась понять? Почему я не пыталась найти тех, кто может объяснить? Вот он, час ведьмы, когда чудо может спасти человека. Но я сижу и ничего не могу сделать. Ничего и не умею…

Не знаю, откуда и как волна силы приходит ко мне. Включается какой-то древний инстинкт – и я забираю часть чужой боли себе.

Голова ноет, пульсирует горячими волнами спазмов. Острые иголки впиваются в грудь, сжигая нервы дотла. Но я могу сдерживать этот поток. А Кирилл не сможет…

Я перестаю ощущать мир вокруг, потом наше общее дыхание выравнивается, пульс успокаивается, сердца бьются в унисон. Волна боли отступает, хотя и не уходит совсем. Тяжесть в груди уменьшается, я открываю глаза и понимаю, что выиграла немного времени. Но медлить нельзя.

Мне удаётся встать, я ковыляю до кухни, нахожу несколько полотенец и кое-как перевязываю сломанную кость через подмышку. Разумно было бы зафиксировать плечо, но тогда я не смогу действовать рукой.

Испортив ещё одно полотенце, я стираю кровь с раны на голове Кирилла. Он едва слышно стонет. Всё будет хорошо, дорогой. Потерпи немного.

Я сижу на задворках мира. В старом забытом садовом товариществе, пустом и неуютном. До посёлка почти десять километров. До районной больницы ещё столько же. По старым рассказам я помню, что скорая добирается до садового товарищества за час. Или за два. Надо ехать прямо в столицу.

Ключи от машины лежат у Кирилла в кармане. Осторожно выглянув во двор, я вижу машину ровно на том месте, где мы её и оставили. Нужно в неё как-то залезть. И мне, и Кириллу.

Вытащив уголок коврика из-под ножки стола, я рывками тащу коврик вместе с Кириллом к двери. Кто пишет эти нелепые истории о том, что мужчины хороши, если они больше, толще и тяжёлее хрупких и слабых женщин? Нет уж, если предполагается носить мужчин на руках, следует выбирать экземпляры поменьше весом. Я вот явно прогадала.

И как я занесу Кирилла в машину?

Драгоценное время утекает, решение не придумывается.

Питьевой воды в доме нет, а горло пересохло, каждый вдох царапает что-то внутри.

Это не получится, то не сладится. Надо делать, что можешь, а там видно будет.

Я завожу машину и после нескольких неудачных разворотов, ставлю «жигуль» с открытой задней дверью вплотную к крыльцу. Печальное состояние домика оказывается мне на руку – я ногой выбиваю три тонких балясины сбоку крыльца и сравнительно легко отдираю доску от обшивки.

Доска становится мостиком-горкой, и неподъёмное мужское тело на коврике кое-как сползает вниз. Затолкав милого в автомобиль, я понимаю, что мне требуется передышка.

Полежу минутку…

Разлеглась, расслабилась. А времени-то сколько?

Ждёшь, пока убийца явится снова?

Поверх кофты я натягиваю старый свитер кого-то из братьев. А на голову водружаю кривую и растянутую беретку, удачно маскирующую рану. Теперь я выгляжу почти нормально.

Забравшись на водительское сидение, я лихорадочно вспоминаю, что нужно делать. Одну педаль нажать? Или две сразу?

Вдох, выдох. Поехали.

Я осторожно выруливаю на дорогу, выползаю из ворот товарищества и медленно-медленно выбираюсь на просёлок к шоссе. Теперь можно ускориться. Всё супер. Я совершаю скоростной прорыв в столицу – с одной действующей рукой, с розовым туманом перед глазами и с умирающим мужчиной на заднем сидении.

Впервые в жизни я понимаю, что такое молитва, потому что я делаю именно это – не знаю, каким богам, но я отчаянно молюсь…

32. Спасение журналиста

После пересечения кольцевой дороги, я колешу по жилым кварталам, не сразу сориентировавшись, куда нужно ехать. Площадка перед небольшим магазином свободна – и я останавливаюсь – не доехав квартал до больницы.

Мою голову посещает здравая мысль – надо предупредить, что мы прибываем. Максимально сосредоточившись, я нахожу в телефоне Кирилла нужный номер. Долгие гудки побуждают отключиться и сдаться. И остаться на парковке – пусть прохожие найдут нехорошую машину с телами внутри.

Представляю, как скрючит Бирмана, когда об этом узнает.

В трубке раздаётся короткое «да».

– Виктор Николаевич, это Рита, вашему сыну нужна помощь.

Спокойный голос вселяет в меня надежду:

– Говорите, Рита, я слушаю.

– У Кирилла сотрясение мозга и, наверное, потеря крови. Я приеду к вам в больницу минут через пять. Вы сможете нас встретить?

После паузы, показавшейся бесконечностью, Виктор Николаевич отвечает:

– Подъезжайте со стороны морга, слева от большого главного здания есть узенькая улочка, вторые ворота направо, и прямо упрётесь в тупик. Я буду ждать.

Виктор Николаевич успевает подготовиться. Едва машина тормозит в тупичке, как к нам бросается несколько человек. Медики перекладывают Кирилла на каталку и увозят его внутрь длинного больничного корпуса.

Я вылезаю из машины. Зачем? Сажусь обратно, но отец Кирилла удерживает дверцу открытой и строго спрашивает:

– Не хочешь ничего объяснить?

– Нет. Мне нужно уехать.

– Во что ты втянула моего сына? Его снова искали.

– Он ушёл от слежки, чтобы встретиться со мной.

– Кирилл пострадал из-за тебя, да?

– На нас напали.

– Тебя подозревают в убийстве.

– Я никого не убивала.

– Я не могу тебя отпустить. Вылезай.

– Послушайте. Чем быстрее я уеду, тем быстрее ваш сын будет в безопасности.

– Это моя машина. Думаешь, что можешь забрать её?

– Я её верну. Отпустите меня. Пожалуйста.

Отец Кирилла переходит от слов к делу и хватает меня за рукав на плече – на больном левом плече. Я инстинктивно дёргаюсь в обратную сторону и тем самым делаю себе ещё больнее. Что ж за жизнь такая, а?

Резко повернувшись, я бью Виктора Николаевича правой ногой – по его ноге ниже колена. Он хватается за ногу и отпускает меня, а заодно и дверь машины.

Вернувшись в нормальное положение, я поворачиваю ключ в замке и бросаю машину вперёд. Виктор Николаевич что-то кричит, но мне недосуг вникать в его вопли.

Минута на разворот, три на проезд к воротам, пять на выезд из квартала. Уютные улочки старой пятиэтажной застройки остаются позади. Сложное переплетение переездов и эстакад выводит меня на третье кольцо. Разнервничавшись, я сворачиваю не в ту сторону и поневоле уезжаю по длинной дуге.

Надо подумать, что дальше.

Подумаешь тут. Кто так водит, придурок! Жить надоело? Посторонись, коза драная! Глаза протри – у меня поворотник включён! А ты куда прёшь, мухоморишка?! Ты меня пропустить должен! И что за город? Кругом психи. Никаких нервов не хватит.

33. Звонок капитану

На стоянке у метро есть пара свободных мест. И я удачно втискиваюсь на них – по диагонали, но и это можно считать достижением.

Руки трясутся, несколько раз я попадаю к случайным людям, что не способствует моему настрою на позитив. Наконец, мне удаётся выбрать правильный номер.

На другом конце линии долго не отвечают, потом трубка выплёвывает хриплое и резкое:

– Где ты? Мы с ног сбились. Ты с ведьмой?

– Здравствуйте.

Что я шепчу? Надо погромче говорить.

– Рита?! Это ты?

– Я хотела сказать…

– Ты убила его?

В усталом голосе капитана выплёскивается отчаяние:

– Говори. Куда ты его заманила?

– Кого?

– Кирилла. Где он?

– В больнице. У своего отца.

– Он жив?

– Да.

Зачем я позвонила? Что за глупость – вообразить себя информационным агентством. Бирман и так бы всё узнал.

Капитан повышает громкость голоса и резкость тона:

– Рита, не клади трубку! Слышишь? Не убегай! Говори!

Я объясняю случившееся, на ходу подбирая слова:

– Мы с Кириллом были на даче. На нас напали. Его ударили по голове. Сзади. Он потерял сознание. Вам надо съездить туда, на нашу старую дачу. Я ничего там не трогала. Только чашки. И поло-

тенца взяла, чтобы кровь стереть. Дубинка осталась на полу возле кухни.

– Где ты сейчас?

– В городе. Только не говорите отцу, что разгром из-за меня.

Стоп, Рита. Какое «не говорите отцу», ты в своём уме?

Бирман приходит к выводу, что не в своём, потому что переключается в режим спокойного допроса:

– Я не скажу. Ты видела, кто напал на Кирилла?

– Нет. Но я кинула в него вазу, и, кажется, попала.

– Что вы делали на даче?

– Я хотела найти что-нибудь о маме.

– Зачем ты потащила Кирилла с собой?

– Одной было страшно.

Я додумываю несколько вариантов язвительных ответов капитана, но он молчит. Собрав остатки сил, я быстро объясняю:

– Я оставлю машину Виктора Николаевича здесь, в Новоконеево, у самого входа в метро. Скажите ему, чтобы он её забрал. Пожалуйста.

– В Новоконеево, значит. Я обязательно скажу.

Чёрт… Я выдала свое местонахождение. А Бирман повторил название станции, потому что сообщал его кому-то ещё. И опергруппа уже выехала…

– Рита, а ты сама цела? Тебе крылышки не обломало?

Я нажимаю отбой, бросаю телефон на сидение и выбираюсь из машины. Пойду зализывать обломанное крылышко в свою нору.

Всё же в какие благословенные времена мы живём! Не знаю, что делали девы в беде вроде меня столетия назад – перемещаться по улицам в каком попало виде им не дозволялось. В нынешнем цивилизованном мире большей части населения плевать, что на ком одето. Поэтому девушка в самом странном виде может прогуливаться по городу, не встречая недоумённых взглядов.

Кажется, кому-то там, наверху, надоело бросать кубик. Во всяком случае, до дома я добираюсь быстро и без приключений. Отлежусь немного, а потом потащусь на поклон к Хану.

34-К. Вопросы этики

Кирилл Весенин приходит в себя в ранне-утренней серости. Тело ощущается невесомым, боли нет, но и все чувства притуплены. Воспоминания сумбурны – незнакомая красавица, Рита, красивый участок, старый домик, пожелтевший альманах фантастики и…

Он в больнице, значит, какую-то главу в собственной жизни он пропустил. Рядом с койкой, ссутулившись на стуле, дремлет мама – до апокалипсиса ещё далеко.

Уловив движение на кровати больного, Елена Афанасьевна встряхивается и хватает сына за руку. Он пришёл в себя – и она не может сдержать слез.

Кирилл пытается заговорить, но вместо понятного вопроса вылетает хаотичный набор звуков.

– Ш-ш, милый, лежи спокойно, не волнуйся.

Мама здесь. Всё хорошо, если мама сжимает его ладонь.

– Тихо, не пытайся говорить.

– Что… Что…

– На тебя напали и ударили по голове. Ты был без сознания. Не волнуйся, всё плохое уже позади. Ты в больнице, у папы, он зайдёт, как только сможет.

Сколько новой информации. Никогда до этого журналист не испытывал эффекта выключения из жизни, а затем возвращения, но уже в ином месте и в иное время. Он активно прибегал к такому приёму в своих публикациях, однако относился к «потере сознания» легко – что там, проснулся и живи дальше. Теперь же ему самому требуется время, чтобы принять случившееся. Надо привыкнуть к новой обстановке, смириться с новыми обстоятельствами, поменять планы – а в голове каша из обрывков мыслей.

Кто на него напал? Почему? Что случилось с Ритой? Как он оказался в больнице?

Никак не задать все сто первоочерёдных вопросов сразу. Кирилл вкладывает все силы в одно короткое слово. Точнее, в одно имя:

– Ри-та?

Мама понимает, но не хочет тревожить сына подробностями:

– С ней всё в порядке.

В палату заглядывает медсестра и сразу скрывается. На месте миловидной девушки возникает представительный мужчина. Елена Афанасьевна, поджав губы, сразу выходит в коридор. Кирилл знает, что уже встречался с гостем, но ни имени его, ни обстоятельств встречи припомнить не может.

Сыщик подсказывает:

– Влад Денисов. ОВД «Хрипаново».

Кирилл кивает, Влад садится на стул и вежливо интересуется:

– Как самочувствие?

Кирилл изучает пятно на потолке и нехотя отвечает:

– Хреново.

– Можешь ответить на несколько вопросов?

– Не знаю. Смогу – отвечу, нет – так и суда нет.

– В целом мы представляем, что и как случилось. Но всё же постарайся припомнить детали, может, что-то незначительное, что поможет нам дополнить картину.

Вопросы следуют один за другим. Был ли кто-нибудь возле домика? Может, встретился кто-то по дороге? Говорила ли Рита с кем-нибудь по мобильнику? Упоминала ли о других людях, о других встречах? И так далее, и тому подобное.

Кирилл чувствует, что короткое слово «нет» вызывает у него аллергию. А у его собеседника – неприязнь к пострадавшему.

Кирилл не знает, что именно нашла Рита на чердаке. Какие-то бумаги. Что в них было, она не успела рассказать.

Кирилл не видел нападавшего, только неясный силуэт, метнувшийся через двор к крыльцу.

Кирилл не знает, что и как делала Рита после того, как он потерял сознание. Вроде бы логично, что человек без сознания не понимает, что происходит вокруг. Но Влад будто бы сомневается и в его отключке, и в том, что журналист действительно ничего не видел и не понимает.

В палату заглядывает медсестра, и Влад обещает, что осталось буквально две минутки, однако продолжает задавать вопросы.

После бесполезного обсуждения инцидента на даче Влад переключается на работу Кирилла. Авторов, пишущих о новостях науки, не подстерегают с битами тёмные личности, но сыщик игнорирует это утверждение журналиста. По мнению Денисова, очень даже подстерегают.

Влад бесцеремонно расспрашивает Кирилла о редакционных сплетнях. После вопроса о том, действительно ли главред прижил внебрачного ребенка с сестрой своей секретарши, журналист возмущается:

– Неэтично обсуждать такие вещи.

Денисов усмехнулся:

– А этично направо-налево хвастаться, что ты с феей в постели делаешь?

Кирилл зло парирует:

– Твоего начальничка это интересовало.

– Бирмана по делу интересовало. А в редакции ты без всякого дела эротические поэмы о Рите слагал. Очень этично, учитывая, что твоя бывшая в той же редакции работает.

– Хватит вопросов. Я устал.

Влад поднимается, чтобы попрощаться, и Кирилл спрашивает:

– Где Рита? Когда она придёт?

– Когда захочет, тогда и придёт.

Посомневавшись, Влад выкладывает правду:

– Она привезла тебя и уехала. Мы не знаем, где она.

– Привезла? На машине моего отца?

Денисов сдержанно кивает.

– Она не пострадала?

– Одно крыло промято, на бампере царапины.

– Ты в уме? Я про Риту. Она же водить не умеет. Как она доехала? И почему не позвала на помощь?

Влад размышляет с минуту, косится на забинтованную голову журналиста, но объясняет:

– Она осталась один на один с тем, кто на тебя напал. И даже если это не было для неё проблемой, ждать помощи в той дыре было глупо. Ты вполне мог загнуться.

– Она знала того, кто на меня напал?

– Неизвестно.

– А там, на даче, вы ничего не нашли?

Влад снова молчит, решая, что и как сказать, потом выкладывает:

– Дачу сожгли. Дотла. Облили бензином и подожгли с трех сторон. По нашим расчетам, это произошло примерно через час после

того, как Рита увезла тебя. Точно можно сказать одно – убивать тебя ведьма не собиралась.

После ухода оперативника Кирилл упрашивает маму принести бумагу и карандаши. Повлиять на события он не может. Надо использовать время с пользой – и начать писать давно задуманную книгу.

35-Б. Кровь в машине

Примерно в это же время, но в другой части города Бирман слушает объяснения Кольки, касающиеся машины Весенина-старшего. После общего «бла-бла» очкарик указывает на пятно на заднем сидении:

– Смотри, здесь журналист лежал. Кровь с головы натекла, а потом смазанный след – это его из машины вытаскивали.

Повернувшись, Коля переключается на обзор водительского кресла:

– Здесь тоже есть кровь Кирилла, на сидении. Скорее всего, Рита испачкала одежду, а потом пятно перешло на кресло. Но вот здесь, на руле и на дверце с внешней стороны – другая кровь. А пальчики с Ритиными совпадают. Или это кровь кого-то третьего, или Рита тоже ранена.

– Страна абсурда. Если у неё руки были в крови, как Весенин старший этого не заметил? Я и по телефону заподозрил, что птичка как-то вяловата, еле щебечет. Но он-то врач и видел её совсем рядом.

– Что тут непонятного? Ты же слышал, какими словами он её кроет. Оно и немудрено – увидел сына с разбитой головой, вот и разнервничался, разозлился.

Вздохнув, капитан размышляет:

– Два свидетеля подтвердили, что Рита выходила из машины. Если бы хотела уехать, и дверь бы открывать не стала. Неспроста она привезла Кирилла не в первую попавшуюся больницу, а к его родному папаше. Скорее всего, рассчитывала, что папаша и ей поможет. Может, заодно и от нас спрячет.

Коля разводит руками:

– Не срослось. Весенин что-то ей сказал, она запрыгнула в машину и рванула так, словно за ней черти гонятся.

Капитан саркастически добавляет:

– Ага. А водить она не умеет. В этом все уверены.

– Весенин говорит, что хотел её задержать.

– Лучше бы по своей части выступил. Поддержал, расположил к себе, на койку проводил. Вот тебе, Риточка, повязочка, таблеточка, полежи, успокойся… – сжав кулак, Бирман наносит удар по воздуху, – …и мы бы её взяли.

Вздохнув, очкарик неуверенно замечает:

– Знаешь, как-то это не по-людски. Она всё-таки его сына спасла. Мог бы и просто помочь.

– Спасла? Начни с того, что она этого сына сначала на дачу заманила. Если бы не её придурь, он бы в редакции сидел, открытия научные сочинял.

– Ладно тебе, не злись. Если она ранена, проще будет её найти. Проверим больницы и клиники, может, повезёт.

– Проще было бы, если бы она отъехала на километр и сразу бы мне позвонила. Убийцу мы спугнули бы, но он не успел бы сжечь дом. У нас были бы улики, отпечатки… И я лично проследил бы, чтобы эта слабоумная сидела в тайном месте под двойной охраной.

Скептически помощившись, Коля парирует:

– А что же ты не расположил её к себе? Уважаемая Маргарита Евгеньевна, не соблаговолите ли сделать перерыв? Вот вам водичка, таблеточка, платочек, отдохните в креслице, успокойтесь… Она бы к тебе первому и прибежала.

Бирман смыкает пальцы рук и изображает, что кого-то трясёт и душит.

Начинает накрапывать дождь. Коля захлопывает дверцу машины, стаскивает перчатки и накидывает капюшон. Бирман поднимает воротник кожаной куртки и застёгивает молнию.

В голосе капитана проскакивает тревога:

– Если раненая ведьма забьётся в нору – станет лёгкой добычей. Надо выманить её или выкурить – что угодно, лишь бы она ещё глупостей не наделала.

– Если она не схитрила, то её нора – где-то между Крысино и Новоконеево. Скорее всего – в дешёвых новостройках.

– Да-да, в самом населённом районе нашей большой деревни. Туда-сюда на пару европейских столиц потянет.

Бирман ещё раз обходит вокруг машины. Вернувшись к Коле, он мрачно делится:

– Знаешь, чего не понимаю? Ладно, были отравления – легко, просто, чисто. Потом убийства ножом – быстро, жестоко и грязно. Теперь в ход пошла бита. Как всё это увязать в одну схему? Если убийца один, почему он использует столько разных способов? А если не один, то…

Серое унылое осеннее небо щедро плюётся мелкими каплями холодного дождя, в висящей пелене воды теряются очертания домов и улиц. Звонок телефона разрезает мягкий городской шум неприятной трелью. Выслушав новости, капитан поворачивается к очкарику:

– Пожрать не успеем. Ещё один покойник. На Новой Риге.

36-Л. Объект исследований

Мир состоит из множества событий. В третьей точке того же времени, но чуть иного пространства, майор Лордкипанидзе и психолог Ковалёв обсуждают главную фигурантку дела.

Серго разглядывает видео с места убийства Одоевского:

– И что же Маргарита собиралась делать у Одоевского в таком прикиде? Полюбуйся, как наши скромники на неё украдкой косятся. Идиоты озабоченные. Да и красный цвет этот неспроста. Ведьма собиралась соблазнить старого козла.

– Да зачем ей это? У старого козла в мозгах перемычка пропеклась – между ней и картиной. Никого больше он ведьмой не называл. Неизвестно, что за всем этим запрятано – думаю, какие-то ассоциации детства или юности, но циничный Павел Васильевич и любил Риту, и суеверно её боялся. Одно то, что он её не продал, а отпустил – уже что-то невероятное. Единственный прецедент за несколько десятилетий. И Рита не соблазнять его шла, она собиралась припугнуть его какой-нибудь порчей.

– Может, его поэтому и угрохали? Ведьма хотела задать любовничку пару вопросов, а ответы вели слишком далеко?

– Куда, например?

– Хороший вопрос. Будем знать – дело раскроем.

Серго увеличивает кадр из записи и показывает на экран:

– Посмотри, как она вцепилась в сумку. Она нервничала, но не из-за трупа, а из-за нас. Ей не терпелось унести добычу. И не удивлюсь, если она сразу поняла, кто убийца.

– Зачем ты убеждаешь Бирмана, что это Рита – убийца? Ты не открыл ему все карты, но капитан не так прост, он ведёт своё расследование.

– Я его специально накрутил. Он разозлился и достанет мне ведьму хоть откуда.

Горестно вздохнув, Лёвка вкрадчиво спрашивает:

– Ты знаешь, кто он?

– А кто? Районная шестёрка.

Лёвка качает головой:

– Любимчик Фортуны. Его бурная биография на несколько романов потянет. Твои накрутки ему – так, улыбнуться и забыть. И с районом есть закавыка – прошлой зимой его даже в городе никто не видел. Он вернулся весной и сразу стал капитаном.

Лорд потягивается и пренебрежительно бросает:

– И что? Будет со мной работать – и до майора дорастёт.

– Он не достанет тебе ведьму.

Перелистав несколько снимков, Серго останавливается на кадре с камеры рядом с подъездом Дорина и насмехается:

– Что за провал вкуса, ведьма? Где чёрный латекс и красные ботфорты? На что нам тут смотреть? Никакого уважения к следственной бригаде.

Бездонные глаза Лёвки выплёскивают тревогу:

– Не слишком ли тебя Рита интересует?

– С чего ты взял, что интересует?

– Ты только о ней и говоришь. Не считая того, что разглядываешь её фото каждый день.

Серго добавляет экспрессии в свою отговорку:

– Я хочу понять, есть ли у неё необычные способности. Что кроется за её прозвищем? Дурной характер или что-то больше? Если есть отклонения – возможно, мы включим её в основную программу исследований. И всё.

Лёвка, стремясь снять напряженность, улыбается:

– Программа? Уверен? А спишь-то ты хорошо? Сердечко не болит? Берегись, а то чертовка, бегающая ночами по паркам, разобьёт его и даже не заметит, что натворила.

Слова, казавшиеся ерундовой мальчишеской подколкой, достигают цели. Лорд резко поворачивается к другу, и тот отшатывается от полыхнувшего в тёмных глазах огня:

– Я не разобью своё сердечко. Я всегда получаю, что хочу. Маргарита будет моей. Точка.

Лёвка опускает голову и прячет лицо в руках.

Женщина ещё ничего не знает, а мужчину уже сжигает влечение. Куда бы ни понеслись события, прятать чувства под бронёй холодного равнодушия Серго не сможет. Как и контролировать свои порывы. Впервые в жизни он не уверен в себе, и чем дольше сомневается, тем нетерпеливее становится.

Своевольной ведьме не понравится, что на неё поставили метку «моя» – до того, как она сама это разрешила. Она попытается взять верх над мужчиной, чьей слабостью станет её взаимность.

Какие там фейерверки, как бы это противостояние ковровыми бомбардировками не обернулось…

Серго пытается сгладить вспышку и доказать, что он не утратил логики мышления:

– Мы поймаем ведьму. Элементарно. Единственная её привязка – журналист. Вот увидишь, рано или поздно она к нему придёт. И ставлю двадцать баксов на то, что она прямо в больницу к нему подрулит. В белом халате. Там мы её и будем ждать.

Логично. Но лучше бы она пришла рано, а не поздно.

Раздавшийся телефонный звонок прерывает и этот разговор сообщением о новом убийстве. Серго уносится, оставив друга размышлять о виражах судьбы.

37. Дорогою добра

Сколько времени прошло? Два часа или два дня? Как понять все эти цифры в календаре? Мы были на даче в четверг? Нет, в пятницу. Какого месяца?

Когда я обедала? Больше двух раз? Хлеба почему-то нет. Чтобы съесть батон, мне нужно два часа? Или два дня?

Проклятие. Таблетки кончились. Все.

Посплю ещё…

Голова кое-как держится. А вот плечо покраснело и пульсирует болью. Это плохо. Вызвать скорую? Приедет доктор Бирман и свернёт мне шею.

Выбирать, в чём каятся перед Ханом, не приходится. Вариант один – длинная двухслойная юбка с удобными потайными карманчиками. В юбке можно спрятать много чего полезного, но я расталкиваю по карманам прежде всего деньги.

Волосы придётся отрезать. Всё равно полбашки обреют, чтобы рану обработать. А прикрыть причёску а-ля «тифозный барак» поможет вязаная шапочка. Не знаю, откуда она взялась, кажется, я подобрала её на какой-то помойке. Не прошло и десяти лет, как пригодилась.

Дольше всего я вожусь с ботинками. Если надеть ботинки на ноги, завязать шнурки одной рукой я не могу. Если сначала завязать шнурки, то не получается воткнуть ноги в ботинки. Помаявшись, я оставляю только часть шнуровки и вместо завязывания впихиваю концы шнурков под край самого ботинка.

Образ обретает цельность – беспризорница надеется урвать копеечку-другую на паперти Елоховского собора.

Куртку чуть не забыла. Всё же сотрясение сказывается.

Я иду в больницу. Здесь недалеко, но я помню про Френда и выбираю занимательную спиралевидную траекторию движения.

Надо же, а я неплохо справляюсь. И ровно держусь.

Ничего не болит. Ничего не страшно. Вот и хорошо.

На голову опускается толстое чёрное покрывало …

Кто я? Где я? Что за звук?

Рита я. В палате интенсивной терапии. Пищит что-то за дверью. И в верхней части окна видно что-то серое. Мир на месте.

Шея не поворачивается. Левая рука где-то есть, и в этом где-то пальцы точно шевелятся. Правая рука ушла в отпуск, отдыхает. Ноги? Что такое ноги? Это не у меня надо спрашивать.

Голова раскалывается от боли. Радостно. Я ещё не ангел.

А вот и мой дорогой спаситель.

- Пфи… пфивет… фа… фан-фан… тафи.

Хан понимает. Но вместо того, чтобы бодро вкатить мне что-нибудь обезболивающее, он подставляет стул к моей кровати и

усаживается на него так, словно намеревается дождаться конца света.

Да, я знаю, что виновата. Прости.

Помолчав ещё, Хан объясняет:

– И хотел бы сказать, что рад тебя видеть, но…

– Пофему фы не фад?

Слова даются мне с трудом – весь мой рот забит желе, которое мешает двигаться губам и языку.

Хан поправляет трубочку, тянущуюся к катетеру:

– Потому что когда я увидел твоё мокрое тело, я, как полный идиот, расплакался.

Хан расплакался? Интересно, те, кто это видел, ещё живы? Не верю ни в первое, ни во второе.

Почувствовав моё изумление, добрый доктор мрачно добавляет:

– Если ещё раз увижу тебя в похожем виде – добью сам, чтобы не мучиться.

Пустое. Хан на червяков не наступает, потому что это жизнь, и не ему её обрывать. Но его упрёк справедлив: для доктора моя разбитая голова означает ещё и тщетность его прошлых усилий по выцарапыванию меня из лап жестокой болезни.

– Рану на голове мы почистили и зашили. Сломанные кости собрали. Антибиотиками тебя накачали. Ты поправишься.

С этого бы и начинал.

Прозвище Хану придумала я. Очухавшись после отключки и увидев перед собой доктора, я не нашла ничего лучше, чем брякнуть: «Вылечи меня, Дханвантари». Доктору польстило сравнение с богом-лекарем из индуистской мифологии, и это заметили медсёстры. Шуточное обращение прижилось, но сложно произносимое имя постепенно сокращалось, пока не осталось короткое Хан. Чуть раскосые глаза и восточная сдержанность доктора очень подходили к прозвищу; во время моего следующего «зависания» на больничной койке его уже никто иначе и не называл.

Несмотря на внешнюю суровость, Хан «идёт дорогою добра» и стоит на самой передовой линии войны между жизнью и смертью. Каждого пациента Хан считает вызовом, перчаткой, брошенной ему в лицо из иного измерения. Он не улыбается пациентам, не помнит их по именам (за редким исключением вроде меня), не об-

ращает внимания на условности общения, но сражается за каждого больного так, словно от исхода этой битвы зависит существование всего мира.

После неприятного развода доктор жил совсем один в небольшой квартирке, доставшейся ему от бабушки. Это был очень простой быт: советская стенка с поцарапанной полировкой, люстра, вышедшая из эпохи Брежнева, протертый палас на полу. За стеклом книжного шкафа с собраниями сочинений пылилось фото худого мальчика. В морозилке соседствовали пельмени и жёсткие котлеты-полуфабрикаты.

Именно тогда Хан наткнулся в приёмном покое на безымянную девочку в тяжёлом состоянии. Хан выиграл битву с пневмонией, девочка выздоровела и предсказала спасителю встречу с необыкновенной женщиной, которая изменит всю его жизнь.

Я предсказываю всем примерно одно и то же – любовь, счастье, изменение рутинной повседневности. Это работает. Но то, как это сработало с Ханом, вызывает у меня неудобное чувство, что лучше было бы промолчать. Доктор всё равно влюбился бы в красавицу Аглаю, но я бы не чувствовала неловкости из-за этого безобразия.

Не знаю, где эти два космоса встретились – министерская дочка, с детства привыкшая к кухаркам в доме и исполнению всех её желаний, и врач районной больницы, не обращающий на быт никакого внимания. Аглая сделала ремонт в хрущевских «хоромах» Хана, пробила ремонт корпуса больницы, внесла в городские планы проект строительства новой клиники в семь этажей. Хан отказался от клиники, отказался жить в загородном доме, отказался от престижной машины с водителем. Зачем ему дом и машина, если он ходит до больницы пешком? А директором клиники быть – это же сколько времени уйдёт на бумаги, лучше он пациентами займётся.

Аглая бесилась из-за упрямства доктора и отчаивалась из-за его равнодушия к материальным благам жизни. Она уходила, возвращалась, терзала Хана разборками, а Хан беспомощно принимал её помощь и преданно прощал все её выходки.

После одной из ссор Аглая со злости выскочила замуж за состоятельного дельца из своего круга. Это был порыв в стиле «заболею и умру тебе назло», но Хан переживал разлуку тяжело, его мучило

чувство вины за свою неспособность измениться. Я пыталась его утешить, объясняла, что Аглая полюбила его таким, какой он есть, что изменчивых придурков вокруг неё пруд пруди, а он такой один. Он слушал, соглашался, но продолжал тосковать.

А потом Аглая постучалась в его дверь. Её визиты стали регулярными, Хан повеселел и успокоился, и я бы даже сказала, что парочка нашла своё счастье. С точки зрения мирового порядка, всё это было, разумеется, неправильно, но что нам мировые порядки, когда хочется обнять любимую…

Меня переводят в обычную палату. Я могу самостоятельно есть, ходить, разговаривать – в реанимации мне делать нечего. Я, вообще, туда по недоразумению попала – надо было в поликлинику на приём к хирургу идти, там бы меня и подлатали.

Есть мне не хочется, важно почувствовать себя более-менее на ногах. Хан не заглядывает – значит, у него есть важные пациенты. Уйти из больницы без его разрешения было бы хамством высшего порядка, поэтому я терпеливо жду. День жду, два жду...

Знакомиться с соседками по отделению категорически не хочется. Делать нечего. Деньги остались в юбке, а юбка отправилась на склад, и я не могу прикупить книжонку для коротания вечера. В холле лежат помятые покетбуки, но это преимущественно детективы, а мне бы в своей катавасии разобраться.

Я задумчиво созерцаю день и ночь за окном и размышляю. Перекладывая известные мне факты так и этак, я пытаюсь составить более-менее стройную картину того, что привело меня в эту точку пространства-времени. Мозг стопорится – и засыпает, чтобы дурное сознание не мешало отдыхать остальному телу.

Хан вызывает меня в процедурную поздно вечером. У него дежурство, и он выкроил немного времени для меня.

Мне хочется рассказать ему всё, что довело меня до состояния бесчувственного тела, но это значит посвятить его слишком во многое.

Хан грустно улыбается:

– Итак. Что же выманило трусишку Мэл из её цветного мира?

– Увидела добрый взгляд и влюбилась.

– Это он тебя так отделал?

– Да нет, что ты. Я влипла в криминальную историю. Не спрашивай. Лучше тебе не знать.

– Снова убегаешь и прячешься, да?

– Плохо получается.

– Да ладно, ты чемпионка в этом виде программы.

Я смотрю на доктора взглядом раненой лани:

– У меня голова раскалывается. Никак нельзя сначала спасти меня, а потом разговоры разговаривать?

– Успеешь ещё туда, где ничего не болит.

Это означает, что я в порядке, и Хана мне не провести. Доктор нацелился на исцеление моей души:

– Сыграем в твою любимую игру. В умные советы.

– Валяй. Ты же бог.

Получилось улыбнуться? Я старалась.

– Ты, Мэл, притянула зло. В который раз. Карма у тебя такая, судьба, дестини – назови, как хочешь. Но всё предыдущее было только разминкой. На этот раз тебя чуть не убили. Быстрые ноги и глубокая нора больше не спасают.

– О-ой. Может, отложим столь серьёзные материи?

Нет, процедура назначена, процедура будет проведена. Даже если придётся привязать пациентку к койке.

– Ты привыкла быть одна. Так уж жизнь с тобой обошлась. Ты видела много зла и никому не доверяешь. Но, знаешь, большинство из нас, обычных людей, не кусается. Попроси помощи, и мы поможем.

Один поможет, другой осудит, третий кинет камень. А если я переоденусь и выложу новую историю, они поменяются ролями. Мне встретился только один необычный человек – и это ты, Хан.

На ниве психологии доктор чувствует себя неуверенно, но продолжает:

– Тебе нужна помощь. Поговори с теми, кто может помочь. Расскажи про свою беду, выслушай, что тебе посоветуют. То, что кажется тебе верным, может быть ошибкой. Кто-то знает разные выходы, и тебе подскажут, где безопасно. Тебя защитят.

– Ты прав. Но всё очень запуталось.

– Пять дней. У тебя есть пять дней, чтобы отдохнуть и всё обдумать. На следующей неделе я тебя выпишу.

Всего пять дней? Да как так можно? Я жутко изранена, у меня сотрясение, я упала, не дойдя до приёмного покоя!

Хан тянется к лотку с ампулами и шприцами. Я вздыхаю с облегчением. Крепкий сон – это то, что мне действительно нужно. А о правильных советах я подумаю потом.

38. Проблемы многоликости

Заполучив безграничную власть над моим тельцем, Хан изучает, не найдётся ли в нём ещё что-нибудь интересное, что можно полечить. Всю пятницу меня катают в кресле по разным этажам, коридорам и кабинетам.

Кариес – это серьёзная проблема, обязательно надо зубки проверить. Нет, шов на голове стоматологам не помешает. И кардиологи пусть изучат, нет ли отклонений на кардиограммах. Узи назначено – сиди в очереди, жди. У гинеколога была? Очень хорошо. Сейчас тебя к онкологу доставят. Не зачем, а пусть на родинку посмотрит.

Коллеги уважают Хана, и к его просьбам посмотреть пациентку относятся серьёзно. Меня исследуют, изучают, опрашивают – такой уж «отдых» лечащий врач назначил.

Зато всю субботу и часть воскресенья я действительно отдыхаю – до такой степени, что уже хочется выбежать на балкон и повыть. Увы, двери балконов предусмотрительно заперты, а сложенные возле сестринского поста детективы мне читать не хочется – в своих бы сложностях разобраться.

В понедельник идёт дождь, и можно наблюдать за каплями на окне. А во вторник сложности подстерегают меня со стороны больничной бюрократии.

Хан назвал неизвестную девочку Меланией. Так ему захотелось. Через час ожившая девочка смогла произнести «фыта», и ошибка выяснилась, но не исправлять же уже заполненную карту, я так и осталась Мэл. Со временем к выдуманному имени добавились и другие выдуманные детали, а потом история Мэл зажила сама по себе. Тонкости учёта Мэл-пациентки остались для меня тёмным лесом, а для Хана бюрократические шестерёнки не существовали вовсе – его дело спасать, а не формальностями интересоваться.

В больницу я больше не попадала, а на осмотры и анализы приезжает не Мэл, а Маргарита Рогальская – столичная жительница, у которой имеются все документы, включая медицинский полис. И медицинская карта гражданки Рогальской, оформленная по всем правилам, регулярно пополняется.

Многие врачи и сёстры знают меня как Мэл, а какое имя написано в карте, никого не волнует. И Хан, заполучив в очередной раз моё бессознательное тело, госпитализировал меня как Меланию Смирнову. Документы гражданки Рогальской предусмотрительно лежали в сумке, в отдельном пластиковом конверте, но не исправлять же уже заполненные бланки. Вот только страховая компания не нашла полиса гражданки Смирновой в своей базе.

Возможно, Мэл проскочила бы мимо отчётности невидимым фантомом, но злые силы десантирут на Хана вредную комиссию имени чьей-то непутёвой матери. Те же, а может, и другие вредные силы заклинивают тормоза у «нексии», в которой мчится на работу председатель комиссии – приятель Хана по институту. Перелом ноги отправляет председателя на домашний отдых, и предоставленная самой себе комиссия отрывает нарушения, которые непросто зарыть обратно. Наличие пациентки с фальшивым именем, выдуманными данными паспорта и несущесвующим полисом грозит неприятностями Хану и всей больнице, не говоря уже о вопросах правоохранительных органов к странной пациентке.

О неприятностях мне рассказывает крашеная барби среднего возраста, провожающая меня до склада с вещами. Презрительные гримасы медсестры подсказывают, что лично она выкинула бы меня-бродяжку на улицу без лишних проволочек. Предубеждения бывают настолько сильны, что человек не может разглядеть за ними тонкости мира.

Заполучив свою замечательную юбку, я извлекаю из её широкого пояса паспорт и пачку иностранных банкнот.

Барби вытаращивает глаза, увидев мой фокус. И чутьё подсказывает мне, что её главная эмоция – не изумление самим фокусом потайного кармана, а злость из-за своего недосмотра. Если бы она нашла деньги, я бы их наверняка не досчиталась.

Хан сидит в ординаторской и поначалу на моё появление никак не реагирует.

– Алексей Леонидович, мне сообщили, что произошла досадная оплошность, и счета за моё лечение ещё не оплачены. Это так?

Не всякий сходу перестроится на деловой тон с лёгкой озабоченностью. Хан даже не понял, что я к нему обращаюсь. Я чуть настойчивее продолжаю:

– Мне неудобно, что произошло такое недоразумение.

– Мэл, милая, ты ничего не должна.

– Я переоформлюсь как платная пациентка. Это снимет все вопросы к тому, кто я такая и на каких основниях заняла койку.

– Не выдумывай.

– Здесь наверняка есть ходячий валютный пункт. Наведи меня на нужного человека, и я отстану.

– Спроси Дилана. Он санитар в морге.

Выбравшись из своих глубоких размышлений, Хан протягивает мне несколько рецептов и строго наставляет:

– Лежать, спать. Телек не смотреть, газеты не читать. И обещай, что позвонишь. В конце недели.

– Обещаю.

Махнув рукой, доктор даёт указание и Барби:

– Клава, проводи, пожалуйста, уважаемую последовательницу Гаруна аль Рашида.[4] И прошу тебя, будь полюбезнее.

Барби, оказавшаяся обычной Клавкой, сносно изображает мой почётный караул – и на нашем пути до морга, и в поисках менялы, и в метании между комнатами с бюрократками. Неизвестная пациентка превращается в гражданку Григорьеву – провинциалку, получившую случайную бытовую травму. А внесённые в кассу наличные успокоят любую комиссию.

Денег не жаль – заработаю ещё. Жаль, что не вся сумма достанется врачам и сёстрам.

Распрощавшись со мной у выхода из корпуса, Клава-Барби ехидно комментирует стайке девушек-практиканток:

– Во, видали цаца. Думает, если у неё Рашид в дружках, то всё можно. А у самой ногти обгрызенные. Тьфу!

Я, полуобернувшись, через плечо припечатываю:

[4] Гарун аль Рашид (Харун ар-Рашид) – арабский халиф, один из главных персонажей сказок «Тысячи и одной ночи», в компании визиря инкогнито путешествующий по Багдаду.

– У тебя, Клавдия, гадина внутри сидит. Силы твои точит, кровь портит. Изведи её, или она тебя съест.

В холле воцаряется тишина. А злая ведьма покидает больницу в хорошем настроении.

39. Из огня да в полымя

Моя прекрасная нора… Как я скучала по этим блёклым обоям и пыльным занавескам! Сладостей побольше, мыслей поменьше, моя лучшая подружка – подушка. Так и буду жить!

Первые ночей проходят неспокойно, но я хотя бы урывками сплю. Потом становится хуже. Таблетки, выписанные Ханом, помогают на короткое время, слопать лошадиную дозу я боюсь, поэтому перехожу в режим чередования фаз болит-не болит. Таблеточка, сжевать что-нибудь, подремать, помучиться – и по новому кругу.

Я бы продержалась достаточно долго – если бы не осталась без связи. Чтобы заказать новый телефон, нужен старый телефон, а его нет. Хочешь, не хочешь – придётся расстаться с подущкой. Хотя бы на время.

Удвоив дозу обезболивающего, я отправляюсь на восточный базар. На задворках каждого уважающего себя мегаполиса обязательно есть такой – что по внешнему виду, что по национальному колориту продавцов. В небольшом ларьке меня снабжают очередным телефоном, на этот раз, скорее всего, криминальным. Поразительно, но полуподпольный сервис – на голову выше недавнего салона. Никаких пустых уговоров, полное понимание стремления клиентки к дешевизне. Все чётко и лаконично.

В просторном и пустом сквере я облюбовываю одну из мокрых лавочек и звоню отцу. Не жду ничего полезного, просто рисую мысленный крестик.

– Папа, здравствуй, это Маргарита.

– Неудачное время. Перезвони позже.

Недовольный голос звучит ровно так, как и ожидалось. Я будто вижу гримасу неприязни на лице отца.

– Один вопрос. Кто такой Френд?

Голоса мира становятся тише, словно чёрная дыра тишины в трубке высасывает живые звуки из моего окружения. С другого конца линии ко мне прилетает волна тревоги.

Отец что-то знает. Но не поделится со мной информацией.

– Ты видела его? Видела Френда?

Нетерпеливый какой. Моя встреча с его старым другом означает что-то очень важное. И он не спросил, как я узнала о существовании Френда. Догадался, что я покопалась в его архиве?

Отвечу спокойно, как будто совсем ничего не знаю:

– Думаю, да, видела. Кто он? И что всё это значит?

– Тебе пора возвращаться домой. Ты достаточно набегалась по притонам. Самостоятельность свою утвердила, да и дров наломала. Пришло время вернуться к нормальной жизни.

Может, у меня слуховые галлюцинации? Откуда столь неожиданные эффекты в восприятии реальности?

– Ключи у тебя есть. Не бери грязное барахло, купим всё новое. Приходи и проверь, чтобы Марья Ивановна не ленилась в моё отсутствие. Всё, мне некогда рассусоливать. Возвращайся.

Я рассматриваю трубку ещё несколько минут, пытаясь избавиться от ощущения, что меня пригласили в изощренную ловушку. Зачем отец зазывает меня домой? Чтобы скормить какому-нибудь чудовищу? Например, Френду?

Боль усиливается, и я отправляюсь в нору на такси. Но вылезаю на улице – чтобы не объяснять водителю хитросплетение дворовых проездов. И чтобы водитель не объяснил сыщикам, где высадил странную пассажирку.

Благодаря этой предусмотрительности я избегаю торжественной встречи у подъезда, где меня поджидает немолодой мужчина в длинном пальто и шляпе.

Френд удобно устроился на хлипкой кривой лавочке. На этот раз у него нет портфеля, зато есть массивная трость с блестящим набалдашником. Мне припоминается сразу несколько сюжетов из английской классики, где такие аксессуары использовались в качестве орудий убийства.

Может, это Френд напал на нас с Кириллом на даче? Но не стал пачкать изысканную вещь, а обошелся первым попавшимся предметом?

Я изучаю Френда из-за зарослей кустарника вокруг ларька. Мой преследователь кажется отстраненно-задумчивым, ни дать ни взять – профессор на прогулке. Однако я чувствую, что он опасен. Может, ошибаюсь? Может, он меня ждет, чтобы поговорить? Чтобы что-то объяснить, о чём-нибудь предупредить?

Неожиданно Френд поворачивает голову и смотрит прямо на меня. Точнее, на то место, за которым я стою.

А-а-а! Я пячусь и быстро бегу к арке, ведущей в соседний двор. Из-за угла я вижу, как Френд поднимается и мощным лёгким шагом направляется сюда же – словно притягивается к магниту, то есть ко мне. Приподняв длинную юбку, я несусь в сторону соседнего длинного дома – в двух крайних подъездах там нет домофонов. Забравшись за железную дверь, я пытаюсь тем же приёмом, что и раньше, избавиться от ощущения преследования. Не помогает. Только мир перед глазами кружится с опасной скоростью. Бедная моя голова…

Из подъезда я выскальзываю за спиной двух солидных женщин. Френда не видно. Вдоль самой стены дома, перебираясь через стоки водосточных труб, я быстро, но не торопясь, прохожу на соседний переулок. Как назло, вокруг нет прохожих. И машин нет. Сегодня вселенский день свободных улиц? Почему именно сегодня? Потому что мне позарез нужно смыться?

Я бодро шагаю в сторону метро и буквально через пару сотен метров догоняю Френда. Он стоит на остановке автобуса и вроде бы скучает в ожидании нужного транспорта.

Срочно назад! Бегом!

Поздно. Заметил.

Свернув в сторону и за угол дома, я бегу к детской песочнице в центре двора. Спасибо, дорогая Мэл, что ты вовремя замечаешь такие удобные места!

Растянувшись на мокрой земле за высоким заборчиком, изображающим борт грузовика, я сквозь щёлочку между досок вижу, как Френд вбегает во двор.

«Уходи, меня здесь уже нет, я убежала дальше. Торопись, я быстро удаляюсь от тебя. Тебе нужно бежать дальше, быстрее, не задерживаясь. Туда, я побежала туда».

Френд уходит из дворика со злобной гримасой на лице. Что-что, а мирным разговором наша встреча не закончится.

Кое-как поднявшись, я едва не падаю снова, потеряв равновесие. Насухо затолкав в себя ещё пару таблеток и кое-как отряхнув комочки грязи с одежды, я ловлю машину на дороге. Пятьдесят баксов – весомый аргумент, чтобы меня доставили до метро без лишних вопросов.

Куда теперь? Надо где-то отсидеться.

Например, в сизо. А что? Кормить будут, койку дадут. Читать книги и смотреть телек мне не рекомендуется. Буду изучать потолок и сочинять сказку о маленькой девочке, путешествующей по волшебному цветному миру.

Главное, чтобы Бирман меня сходу не придушил.

40. Кофе остывает

Я набираю номер дрожащим указательным пальцем. Сыщик отвечает быстро, словно только и ждал звонка:

– Бирман.

– Здравствуйте. Это Рита.

– Что, ещё труп? Не подождёшь? Я три недели без выходных.

– Нужно поговорить.

– Так говори.

– Лучше не по телефону.

Интонация Бирмана резко меняется – с пренебрежительной на ласково-внимательную:

– Ты хочешь встретиться?

– Только вы один.

– Я буду один. Где? Когда?

Что, если он посадит меня лет на двадцать – прежде, чем я рот открою? Бирман угадывает мои внутренние сомнения:

– Рита, я выслушаю всё, что ты скажешь. Очень внимательно.

– Через час. Крысино. Остановка автобуса. Три тройки.

– Хорошо. Я успею.

Теперь надо подумать. Через час вокруг будет много людей. Смогут ли сыщики перекрыть все входы-выходы? Смогут, конечно. Но здесь проходят десятки тысяч человек каждый день, за всеми не уследишь. У меня будет шанс затеряться в огромной толпе. Или это глупо?

Ау! Живые нейроны в мозге есть? Подключитесь, пожалуйста, к проблеме. Всех касается.

Тоннель под железной дорогой – ирреальный, но действующий портал между двумя сторонами одного города – выглядит, как обычно. Нет никаких признаков наплыва мужчин в форме или без. Может, на захват преступницы пришлют отряд женского спецназа?

В проходе к пригородным платформам стоит вагончик фастфуда, я покупаю булочку и стаканчик кофе. Еда – это то, о чём я вспоминаю тогда, когда есть не хочется.

Побродив вокруг, я пристраиваюсь к металлической, плохо покрашенной конструкции, приваренной прямо к торцу опрокинутого мини-магазинчика. Владельцы надеялись, что массивная реклама привлечет в их «бутик» толпу покупателей с баулами наличных. Но этим мечтам не суждено было сбыться. Парус рекламы перевернул всё заведение, и оно неприкаянно таращится на мир разбитым оконцем. Зато у бродяжек вроде меня есть удобный «столик» для перекуса.

Съесть булочку мне так и не удаётся. Я пытаюсь себя заставить, а организм сопротивляется. Но не пропадать же продукту – я крошу булочку воробушкам, смело прыгающим под ногами толпы. Запах кофе, поначалу манящий и аппетитный, вызвает неприятный спазм в животе. Что поделать, хотя бы ладони погрею.

Булочка кончается, кофе остывает. Пора осмотреться.

Подняв голову и сделав шаг в сторону, я напарываюсь на стальной взгляд. И сколько времени капитан стоял совсем рядом? Чего ждал?

Одним ловким движением Бирман застегивает на мне наручники и вежливо здоровается:

– Добрый день!

Если я сорвусь в приступ паники, то не успею ничего рассказать. Надо удержаться.

Металлические браслеты тускло отсвечивают в сером свете дня, и я машинально пробую пропихнуть руку через узкое отверстие – ничего не получается.

Бирман наклоняется к моему лицу и угрожает:

– Так не снимешь, даже не пытайся. А будешь дёргаться, я тебе шею сверну. Поняла?

Я мямлю что-то маловразумительное.

– Тебе плохо?

Не, мне нормально. От уголовной романтики голова чуток закружилась. Всю жизнь мечтала прогуляться в наручниках под конвоем.

– Идём. И не упирайся, хуже будет.

Крепко вцепившись в моё плечо, Бирман тащит меня прочь. Ключица отзывается болью, но моего меканья капитан не слышит. Мелькают кассы, киоски, магазины – и меня заталкивают на заднее сидение какой-то машины, под присмотр Влада. Бирман садится за руль, и машина срывается с места.

С чего я размечталась о спецназе? Бирман сцапал меня и голыми руками.

В машине тепло. Пахнет сигаретами, но это приятно. Мерное движение укачивает, однако засыпать нельзя. Я борюсь с сонливостью, чувствуя, что проигрываю.

Путь оказывается коротким. Или мне так кажется.

Нужно вылезти из машины? Под холодный ветер? Почему мир так жесток? Да-да, я вылезаю.

Придётся подчиняться указаниям мужчин, в чью власть я себя отдала. Сыщики меня подталкивают, ведут, везут на лифте, и, наконец, оставляют в тёмной комнате, на широком кожаном диване. Что это за место? Непонятно.

Потом разберусь. Сейчас важно сосредоточиться и ничего не пропустить.

Вдох, выдох, настроилась...

IV. Старая квартира

41-Б. Птичка в чужой норе

Вернувшись в комнату, Бирман хихикает и показывает друзьям на Риту, которая крепко спит, свернувшись комочком в углу дивана.

– Представляю вам нашу особую звезду. Рита Рогальская собственной персоной. Временно недоступна для вербального общения, так как восстанавливает ведовские силы.

Влад вполголоса восклицает:

– Ура! Птичка в клетке!

Бирман делает вид, что поправляет очки, и поднимает вверх указательный палец:

– Скорее, в норе. Но это наша нора, что немаловажно.

Влад с иронией откликается:

– Рискуешь, ловец птиц.

– А что делать? Особняку её подарить? Успеется ещё. Сначала я сам с ней потолкую. Вытрясу всё, а там видно будет.

Помолчав, капитан ехидно придумывает:

– В Сербского отвезу. Пусть Серго у психиатров её отнимает.

Колька предостерегает:

– Будь осторожен. Птичка больно клюётся.

– Она и на ногах-то не стоит.

Присев возле дивана, Бирман проверяет пульс на тонкой шее:

– Добегалась, зараза. Еле дышит.

Неудобное положение головы ведьмы капитана настораживает. Рита спит беспробудным сном, который наваливается из-за многодневной усталости. Но есть что-то ещё.

Сняв наручники, Бирман осторожно встряхивает пленницу, но она никак не реагирует.

– Грязная вся. И где её носило?

Не только грязная, но и бледная, похудевшая. И руки жалкие, в царапинах, ещё и ногти обгрызены под ноль.

Присмотревшись, Бирман тянется к шапке ведьмы:

– Сразу не заметил, а она хвост отрезала. Наверное, чтобы внешность изменить. И какого же цвета теперь пёрышки?

Стянув шапку, капитан замирает – за левым ухом ведьмы расползается полоса зелёнки вокруг едва поджившего шва.

– Чёрт… Она ещё и полудохлая.

Колька озвучивает вопрос, на который капитан как раз пытается найти ответ:

– Что будем делать?

Влад тянется к телефону:

– Спросим у Лельки.

Пока Влад объясняет тонкости ситуации сестре, Бирман разворачивает ведьму на спину и подпихивает под её голову подушку. Почувствовав что-то плотное под пальцами, он тяжело вздыхает:

– Тут, похоже, шина. Коль, помоги мне. Надо доходягу раздеть – и не доломать. Она нам ещё пригодится.

Под курткой и кофтой ведьмы действительно находится повязка, обхватывающая часть плеча и груди. А на сгибах локтей доходяги хорошо заметны следы недавних уколов. Худшие предположения подтверждаются? Нет, это не те следы. Рита была в больнице. Сбежала и оттуда? Зачем?

Подтвердив, что Лелька скоро будет, Влад вносит свою лепту в разоблачение ведьмы – расшнуровывает её разбитые ботинки:

– Крепко ей досталось. Хуже, чем журналисту.

Прикинув рукой траекторию удара, Бирман объясняет:

– Нет. Нападение было сбоку, но она успела среагировать, подалась назад и в сторону. Удар пришёлся вскользь по голове, затормозил о ключицу и сорвался. Скорее всего, она даже не упала.

– Ага. Она наподдала убийце и лёгкой танцующей походкой вынесла раненого бугая-журналиста к машине.

– Убийца мог нападать, не зная, на кого именно нападает. Если Рита для него важна, он мог оказать ей первую помощь и даже вытащить Весенина. А потом всё сжёг.

– И почему же этот чуткий убийца не отвёз Риту в безопасное место и не окружил заботой?

– Она сама не захотела. Может, он ей не нравится?

Влад машет рукой, показывая, что устал от шуточек приятеля. Стянув и повертев в руках ботинок ведьмы, он сетует:

– А обувка-то совсем плохая, дырявая. Журналюга мог бы подружке и новые сапожки купить. Не везёт ведьме на мужиков.

– Сама таких выбирает.

Влад стаскивает второй ботинок и тихо охает. Щиколотку ведьмы охватывает массивный браслет из толстых золотых пластинок в два ряда. Пластины скреплены колечками, к которым прицеплены разные фигурки и подвески.

Бирман улыбается:

– Личный золотой запас ведьмы. На килограмм не потянет, но в чёрный день выручит. Как думаете, Весенин о нём знает? Ставлю сто баксов, что нет.

Коля подтаскивает вверх длинную юбку ведьмы:

– Коленка разбита. Но выше колен чисто, синяков нет.

Капитан иронично делает вывод:

– На честь ведьмы никто не покушался.

– Ей не поговорить с тобой захотелось. Она сдалась.

Покачав головой, сыщик выводит:

– Два варианта. Или кто-то выгнал её из норы. И этого кого-то она боится больше, чем нас.

Влад и Колька молча соглашаются. Бирман добавляет:

– Или мы запасные зайцы в схватке лисы и волка.

Звонок входной двери оставляет это предположение без комментариев.

42-Б. Командирша

Лелька врывается в квартиру как сгусток энергии. Влад уменьшается в росте и размерах – побаивается старшей сестры с детства. Сестра – его главная воспитательница, она присутствовала на праздниках в детском саду наравне с родителями других детей, она ходила на разборки с его учительницами в школе, она ухитрялась защищать его перед старшими пацанами. Влад перерос сестрицу на полторы головы и два объема плеч, но при звуке её голоса неизменно занимает стойку «смирно», готовясь ответить за все оплошности.

Бирман невольно перенял отношение друга, поэтому ненавязчиво перемещается за его плечи. Колька прикидывается малозначащим предметом обстановки – он тут в углу стоит вместо фикуса.

Ещё до того, как друзья приступают к объяснениям, Лелька принимается командовать:

– Что замерли, как три барана? Кинули девочку и встали руки в боки. Ты, Серёга, бельё тащи. Простыню давай, подушку человеческую, и одеяло прихвати. Руки у девочки ледяные.

Капитан быстро уходит выполнять поручение.

Следующим под раздачу попадает Влад.

– А что вещи раскидали по всему полу? Ботинки посреди комнаты – это теперь модно? Ну-ка, сложи всё нормально, да не забудь пол протереть – тут, видишь, воды натекло.

Рассматривая голову пациентки, Лелька не забывает отдать и третье распоряжение:

– А ты, Коля, рысью в ванну. Тазик неси с тёплой водой. Надо руки-ноги ей обтереть. И полотенца у Бирмана добудь. Да, и чемоданчик мой подтащи.

К моменту, когда все поручения выполнены, Лелька успевает осмотреть неожиданную пациентку:

– И что вы меня вызвали? Ах, пожар, ах, женщина умирает! Ничего она не умирает. С раной всё в порядке, воспаления нет. Спит глубоко, так с сотрясением оно и к лучшему. Ключица зафиксирована хорошо. И нечего её трогать! Остальное по мелочи.

– Как ты думаешь, кто её лечил?

Лелька взглядом выражает невысокое мнение об умственных способностях брата:

– Святой Пантелеймон спустился с небес и говорит: «Дай-ка я тебя полечу, заблудшая душа».

Бирман поднимает голову к потолку и молитвенно складывает руки. Лелька хмурится и переключается:

– Между прочим, приметное бельишко на вашей птичке одето. Мейд ин франсе. И в ванне у неё не жидкое мыло имени масспрома прописано. Серёга, у тебя шампунь есть?

– Есть. Иногда я даже использую его, знаешь ли. Для поддержания чистоты волосяного покрова.

– Ты долго её прятать собираешься?

– Не знаю.

– Одежду ей купи. Что ей перед вами, лосями здоровыми, в трусах и майке бегать? И порывы свои мужские сдержите. Чтоб никакой ругани! И никаких вульгарных намёков! Я проверю. Если кто что лишнее ляпнет, не посмотрю, что большие, отделаю крапивой. Ясно?!

Чуть отодвинувшись, Лелька снова командует:

– Тэкс. Надо её хорошо уложить. Влад, бери птичку на руки. Дада, ты самый большой, тебе сподручнее. Серёга, ты застели всё, как следует. А ты, Коля, заправляй подушку.

Дождавшись, пока «младшие» выполнят её указания, Лелька засыпает их советами и подколками:

– Всё, клади обратно. Вот так. И одеялом укрой. Серёж, а что это ты принес? Это одеяло? Это подстилка для кошечки Муси в приюте. Одеяло – это такой прямоугольный, мягкий плоский

предмет, под ним обычно спят. Тебе в детском саду забыли объяснить?

Написав на отдельном листе список лекарств, Лелька вручает ее капитану:

– Вот это всё. По схеме. Месяц минимум. Режим постельный, но не строгий. Пусть встаёт, ходит, нагрузку повышает, но медленно. Кормить её кто будет?

Озадаченно почесав затылок, Бирман спихивает эту проблему в неопределённое будущее:

– Как-нибудь разберёмся.

Завершив миссию устройства птички, Лелька собирается обратно к своим маленьким пациентам. Капитан провожает командиршу, и она, предупреждая его просьбу, обещает:

– Я поспрашиваю. Но ты же знаешь, от меня толку нет.

– Ничего. Хорошо, что она нашла помощь.

Подхватив сумку, Леля медлит и участливо спрашивает:

– Что на тебя нашло?

– Не знаю.

– Будь осторожен.

Вслед закрытой двери капитан корчит недовольную гримасу. Достали все эти заботливые предупреждения. Осторожен он, осторожен. С разбега влетел в неприятности, как и обычно.

Ещё и планки падают. Нет бы диву прекрасную спас – себе на радость, врагам на зависть. Куда там. Битую беспризорницу подобрал. Из уголовного дела. Совсем рехнулся.

43-Б. Сумка ведьмы

Влад и Колька перемещаются в кухню, в явной надежде на подкрепление сил от щедрот капитана. Влад ставит чайник, Коля изучает, что питательного есть в холодильнике. Проверив, что ведьма по-прежнему крепко спит, Сергей ищет перчатки и притаскивает к кухонному столу сумку Риты – бесформенную джинсовую торбу:

– Посмотрим, что птичка в клювике принесла?

Поставив сумку на стул, он выкладывает на стол нехитрый скарб беглянки.

Косметичка с помадой – прописана в каждой женской сумке. Три набора одноразовых зубных щеток и пасты в комплекте с

мыльцем – подсказка, что Рита таскает с собой кучу разных мелочей на все случаи жизни.

В отдельной папке для тетрадей обнаруживается комплект всевозможных документов Риты: свидетельство о рождении, паспорт, аттестат, полисы, карточки.

– Унесла из норы, потому что не собиралась возвращаться. Может, нацелилась на дальние края?

В той же папке лежит обычная зёленая тетрадь в клетку, где крупным почерком в столбик выписано два десятка телефонов, каждый из которых обозначен шифром из нескольких букв. Выделяется только последняя запись, напротив неё стоят фамилия – Бирман.

В отдельном пакете сложены три футболки и пара комплектов белья. Под вещами лежит упаковка сушек-малюток.

Оглядев получившуюся свалку вещёй, Влад со смешком комментирует:

– Шмотки, документы, зубная щётка и сушки вместо сухарей. Набор арестанта. Не иначе, птичка в тюрьму собралась.

Бирман округляет глаза и с видом фокусника вытаскивает из сумки толстую книгу сказок в кожаном переплете:

– И о культурном досуге позаботилась.

Книга раскрывается там, где между страниц вложены фотографии.

– Памятка. Чтобы мы не забыли, как зелёное чудовище выглядит в нормальной жизни.

Троица сыщиков разглядывает снимки, и через пару минут капитан откладывает одну фотографию:

– А это не Рита.

Теперь проще разделить портреты на две линейки фото.

Изучив обе «галереи», Бирман делает вывод:

– Что-то мы потерялись. Если вот это Рита, то другая женщина – её мать? Сестра? Они похожи. Рита искала информацию о том, как её удочерили. Получается, она нашла родню?

Коля сумрачно добавляет:

– Теперь мы знаем, из-за чего разгромили студию фотографа. У Шкуркина ничего подобного не нашли. И тебе Рита принесла только свои фото. Вторую женщину мы не видели.

Влад вставляет свои рассуждения:

– Рита спрашивала знакомых о матери, каким-то образом заполучила эти снимки, и те, с кем она обсуждала тему удочерения, начали умирать. Хоть какой-то намек на логику.

Коля задумчиво крутит пальцами рук:

– Фотки могут быть уликой. По убийству Шкуркина.

Капитан уходит и через пару минут возвращается с настольной лампой. Включив свет, он кладёт рядом две фотографии, потом ещё две, внимательно присматривается к ним и подталкивает снимки друзьям:

– Вам не кажется, что в этой похожести есть что-то нарочитое? На Рите парик, вся эта краска старит её, ещё и разрез её глаз изменён подводкой. Её посадили так же, как другую женщину, её завернули в тряпки, которые похожи на платья этой другой. Из неё сделали плохую копию.

Влад и Коля увлекаются поиском отличий. И Сергей находит подтверждение своей версии:

– Другая женщина не умела позировать, она манерничала, кривилась, но не улыбалась. И натянутая улыбка Риты похожа на эту гримасу. Но форма губ отличается. У другой женщины рот шире, губы толще, да и подбородок круглее. Они не похожи, это подделка.

– Зачем кому-то внушать ведьме, что она похожа на другую женщину?

– Нет, не ведьме. Рита участвовала в съёмках, она не могла не понять, что её гримируют. Обманывали кого-то другого. А вот зачем…

Бирман снова перелистывает книгу и на предпоследней странице находит снимок мужчины. Вглядевшись, капитан кладёт фотографию в центр стола:

– Не уверен на сто процентов…

Мужчина на блёклом любительском снимке молод, силён, в нём нет ни усталости, ни сутулости, но это выражение лица...

Выдохнув, капитан жёстче добавляет:

– Да нет, уверен. Этого типа я видел тогда в подземке. Это он следит за Ритой. И сдаётся мне, что это и есть наш настоящий убийца.

Обсудив новый поворот дела, друзья распределяют, кто что делает. Влад и Коля уезжают восвояси. Сергей складывает вещи ведьмы обратно в сумку.

По дороге в комнату он случайно цепляется ногой за стопку книг, лежащую прямо на полу. Вот сколько лет ходил – и ни разу не натыкался, а тут на тебе – проявление демонических сил. Библиотека волнуется – почуяла чужую книгу в доме.

Нет, Сергей не верит в магию и суеверия. Но где-то в книжных полках точно живёт вредный дух.

Рита спит так, как её и положили. Странный поворот – не догнал, но поймал. А ещё утром прикидывал, какой болевой приём применить к этой заразе. Как теперь отделаться от иррационального чувства вины за наручники?

44. Мечты сбываются

Сумерки. Вечерние или утренние? Неясно.

Комната. Большая, но заставленная старой мебелью. Шкаф блокирован комодом, стол лежит на боку в уголу, между его ножек воткнута этажерка, заваленная книгами.

А я лежу на кожаном диване, который стоит прямо посередине комнаты.

Затхлый запах подсказывает, что в этом жилье давно не живут и редко убирают. Комнату недавно проветрили, но общей картины заброшенности это не меняет.

Потолки высокие, в центре потолка круг лепнины, из которого торчит дешёвый пластиковый светильник в одну лампочку. Окно большое, с двойной трёхстворчатой рамой, но стёкла предсказуемо затянуты серо-коричневой плёнкой грязи. Дверь широкая, крашеная белой краской, с простой железной ручкой.

Это сталинка. Я в какой-то квартире.

Выскользнув из-под нескольких одеял, я осторожно встаю и потягиваюсь. О! А из одежды на мне только трусы, майка и бандаж на плече. Хорошо живу. Сплю неизвестно где, раздевает неизвестно кто…

Хотя *кто*, я, наверное, знаю. Бирман заполучил свободный доступ к моему жалкому тельцу.

На небольшом квадратном столе у другой стены сложено содержимое моей сумки. Ничего удивительного. Сыщики наверняка исследовали каждую вещичку с особым вниманием.

На комоде сложены ещё книги. Примагнитившись, я перелистываю несколько томиков. Загадочно, но они все на немецком. И ладно бы, романы. Что-то про древнегерманские руны и миграции племён варваров. Ладно, картинки посмотрю…

Тьфу ты, забылась. Мне бы другое помещение найти.

Длинный узкий коридор ведёт от небольшой прихожей к ванной и туалету, а дальше сворачивает. Моим пристанищем стала первая от прихожей комната, есть ещё, как минимум, две. Вдоль коридора стоят и висят полки с книгами. Несколько стопок лежит прямо на полу.

Что за книжечки? Опять что-то на иностранном. И я даже не понимаю, что это за карямбалы. Издевательство какое-то.

В туалете на стене висит пустая газетница. Прискорбное упущение. В каждом интеллигентном туалете должны быть женский журнал, мужской журнал, справочник здоровья и расписание поездов Москва-Урюпинск.

В ванной на высокой полке сложен запас гигиенических принадлежностей – квартира обитаема, и в ней живёт кто-то очень старый. Судя по разным флаконам и принадлежностям, здесь есть ещё мужчина. И женщина – но не хозяйка.

В кухне никого нет. На столе лежит пачка сушек – сыщики забрали моё пропитание? Тут что, совсем нечего поесть? А как я выживать буду?

О боги! Вы посмотрите! На подоконнике сложена горка любовных романов! И десяток томов истории фантастики!

Если подумать, не так уж невероятно, что я убила Одоевского. Бирман сможет договориться с судьёй, чтобы я отбывала наказание прямо здесь?

А под шкафом ещё какие-то толстые книги. Пылища непролазная, но я хотя бы одну посмотрю… Справочник функций Бесселя. Запасливый какой дом. Если умрут все компьютеры, человечеству не придётся начинать вычисления с нуля.

Прихватив два романчика, я возвращаюсь к дивану и ныряю на ещё теплое место.

– Тебе лучше?

Подскочив от неожиданности, я оглядываюсь по сторонам. А надо смотреть прямо – Бирман сидит на табуретке рядом. Непонятно, как я его не заметила.

– Д-да, с-спасибо.

Капитан в упор рассматривает меня, но с каким настроением? Не понять. Я сажусь, поджав ноги, и натягиваю одеяло до подбородка. Начать выкладывать всё прямо сейчас или попросить вернуть мне одежду?

– Что ты взяла на кухне?

Я и оглядеться не успела, а подозрения уже понеслись?

Бирман сумрачно перечисляет:

– Нож? Вилка? Топорик для разделки мяса?

Он в уме? Думает, я нападу на него с топориком? Если так меня боится, мог бы припрятать всё острое.

Пожав плечами, я честно признаюсь:

– К-книжку в-взяла.

– Я пошутил.

Каменные у тебя шутки, капитан. Придавить могут.

Бирман отводит руку в сторону и одним движением подкатывает к дивану сервировочный столик:

– Ешь. Ложку сможешь удержать?

На столике стоит тарелка с овсянкой. От неё поднимается пар, вносящий в затхлый воздух божественный аромат еды. К каше полагается маленький бутерброд с ветчиной и стакан тёмно-бордового сока.

Я спускаю ноги на пол, пододвигаюсь к столику и зачёрпываю краем ложки немного кашки. Тёплая, не горячая. Овсянка как овсянка, на молоке, чуть сладкая.

У вселенского разума своеобразное чувство юмора. Иногда он преподносит такие подарки, что никаких нервов не хватит. Мужчина, презирающий меня, считающий меня преступницей, сварил для меня кашу – чтобы я поела, когда проснусь. Где тут логика? Почему он?

Я наклоняюсь над тарелкой и прячу лицо от пристального серого взгляда. Каша вкусная, обрадованный мозг нейтрализует избыток влаги в слёзных каналах, и я немного успокаиваюсь. Буду сосредотачиваться на позитиве. Мечта сбылась? Не так, не тогда, не с тем человеком, но ведь сбылась? Значит, надо радоваться.

Допив сок, я ставлю стакан на столик и тихо спрашиваю:

– Тебя как зовут?

В серых глазах мелькает беспокойство:

– Ты не помнишь? Я Бирман.

– Нет-нет, как тебя зовут по имени? Имя у тебя есть?

– Сергей Сергеевич.

Ещё один Серёжа? В квадрате? Да я запутаюсь! Так много имён в мире – вот, например, Жировит, Ондатрей, Светозар – красивые же имена. А кругом сплошь Серёжи.

Так, я не туда свернула. Сосредоточься, Рита, ты в диалоге с мужчиной.

– Знаю, это покажется… необычным. Ты исполнил моё желание. Давно загаданное, но сбывшееся только сейчас. Ты принёс мне завтрак.

– Сейчас вечер. Это ужин.

– Я исполню одно твоё желание. Не выигрыш в лотерею и не секс, а остальное – что хочешь.

Зря я это. Капитан вспоминает, где ближайшая психиатрическая клиника.

– Это что, игра какая-то?

– Вроде того. Но теперь у тебя есть желание.

Во взгляде Бирмана проявляется что-то вроде жалости:

– Тебе двадцать пять лет.

То есть прошло полжизни. Нам с Осинкой было по пятнадцать, когда мы придумывали сказочных принцев. Она пошла по простому пути: каждому кавалеру озвучивает, что завтрак в постель – обязательное условие её благосклонности. А я решила гордо ждать, пока оно как-нибудь само. И дождалась… Беготня, прятки, обвинения, наручники – и завтрак.

От взгляда этой «сказки» у меня мурашки в пятки убегают.

После неловкой паузы Бирман сдержанно сообщает:

– Это моя квартира.

Придётся принять, как есть. Его квартира. Ладно.

– Ты побудешь здесь какое-то время.

Ну-у, допустим. Кормить будет?

– Продукты я принесу, с бытовухой разберёмся.

Мне не только продукты потребуются.

– У тебя серьёзные травмы. Используй это время, чтобы поправиться. Уйдёшь – последствия будут плачевны. На тебе три убийства висит. Задержание может быть жёстким.

Он и впрямь думает, что я уйду из тёплой квартиры, от чистой постели и подоконника с книгами? Да он ещё выгонять меня будет, а я буду цепляться за косяк и орать на весь подъезд, что убивают.

Стоп. Что он только что сказал?

– *Три* убийства?!

– Да. Три убийства.

Так трудно дышать. Но надо выговорить одно-единственное имя. Неужели всё было напрасно? Мне надо было остаться рядом с ним, тогда я смогла бы помочь. Почему я не почувствовала, что случилась беда?

Я одними губами, неслышно спрашиваю:

– Кирилл?

Серые глаза насмешливо наблюдают, как я мучаюсь. Для Бирмана важно понять, что я знаю о третьем убийстве.

– Пожалуйста, скажи мне. Это Кирилл?

– Нет. Севастьян Боев.

Севка…

Высокий блондин с голубыми глазами, модник и дамский угодник. Сладкий обманщик. Моя первая и разнесчастная любовь. Счастье и слёзы, весёлые качели и крутые горки, тьма ночного города и рассветы у реки. Отвязный мажор и бездомная девчонка – мы понимали друг друга с полуслова. Но не смогли перебраться через баррикады социального неравенства.

Мы прощались на Курском вокзале сырой ноябрьской ночью. Он уезжал на две недели из Москвы и навсегда от меня. Мы плакали, но ничего не могли изменить. Он прижимал меня к себе и шептал что-то обнадёживающее. А я хотела разглядеть будущее, в котором мы были бы вместе. Но я ничего не увидела.

Севка женился на дочке ювелирного короля года через полтора после нашего расставания – к полному удовольствию семьи. Одно время счастливая пара охотно позировала перед камерами, а потом как-то исчезла. К тому времени я уже переболела всеми стадиями разлуки, и мне было всё равно…

– Рита!

О-ох… Ещё раз так руку дёрнет, я тут и помру.

– На, выпей ещё сока.

– Его убили так же, как других?

– Да. Та же поза. Те же детали. Перерезанное горло.

Услужливое воображение мгновенно рисует мне картину скорчившегося голубоглазого юноши.

– Чёрт возьми, ну его-то за что?! Ладно, Одоевский – его в ад без очереди взяли. Дорик – невелика потеря. Но Севка…

Стальной взгляд прячет ответ, который я и так знаю. Севку убили, потому что когда-то я его целовала.

Помолчав, я объясняю:

– У нас был роман. Всего одно лето. Мы расстались из-за его отца, он был категорически против наших отношений. Тогда казалось, что мир рухнул, а сейчас я понимаю, что мистер нефтяной барон был прав – у нас не было будущего. Во всяком случае, того будущего, в котором живут долго и счастливо.

После короткой паузы я добавляю:

– Я не видела Севу потом. Не собиралась встречаться. Ничего о нём не знаю. Мне незачем было его убивать.

Бирман спокойно, но веско констатирует:

– Рита, все эти убийства кто-то совершает из-за тебя.

Я внимательно изучаю рисунок паркета, сеть трещинок на рассохшейся двери, сложные завитки вышивки на салфетке, которой покрыта старая этажерка.

Что я могу сказать? Ответить вопросом на вопрос:

– Я уже не убийца?

– Это как посмотреть.

– Сергей, я позвонила тебе, потому что много чего узнала. Но я запуталась.

– Ты не запуталась. Ты по уши замоталась в чьи-то сети.

– Помоги мне.

Усмехнувшись – и свысока, и отстранённо – капитан риторически спрашивает:

– И надо было столько от меня бегать, чтобы мне же в руки свалиться?

Разведя руками, я тут же оправдываюсь:

– Ты не приглашал меня к себе домой.

В сером взгляде мелькают ехидные искорки, но где-то за дверью звучит приятная мелодичная трель, и капитан уходит.

В комнату вваливается Влад, а за ним и Коля с огромным пакетом. Коля вытряхивает на диван новую одежду – спортивные брюки, сине-белую полосатую кофту с длинными рукавами и толстовку ярко-жёлтого цвета. К этой цирковой униформе прилагаются тапочки в виде плюшевых зайчиков. У меня завтра премьера на манеже?

Три пары мужских глаз смотрят на меня и чего-то ждут.

– Отвернитесь. Я оденусь.

Ой, придумала. Во-первых, они уже всё видели, во-вторых, смотреть абсолютно не на что.

Коля удаляется с мантрой про макароны – видимо, в сторону кухни. Я кое-как натягиваю на себя одежду.

Влад обращается к Бирману:

– Ты её кормил?

Примерно таким тоном хозяин зоомагазина задает наводящие вопросы мальчику, принёсшему ему дохлого зверька.

– Кормил. И аппетит у неё хороший.

– Отлично. Тащи стакан воды.

Влад вынимает из сумки коробочки с лекарствами, и я торможу его порыв насыпать на столик порцию разных таблеток:

– Стоп-стоп. Я сначала прочитаю.

Во взгляде Влада проносится весёлое удивление: прикольная мартышка, ещё и разговаривает.

Проглотив три таблетки, я чувствую неудобную растопыренность желудка. Зато мозг радуется – теперь можно ещё поспать. А мысли думать он, вообще, собирается?

Влад уходит с мантрой про котлеты. Хорошая новость – в этом доме кормят всех. И не только кашей.

Бирман откатывает столик, собирает посуду и предупреждает:

– По коридору ходи осторожно. Смотри под ноги и по сторонам. Книги и полки иногда падают.

А в шкафу живёт бабайка. Я догадалась.

Надо будет ввернуть ему, что бред про желания – это всё от серьёзных травм. Сама не знаю, что болтаю.

45-Б. Городские новости

Бирман, измаявшийся сторожить ведьму, ёрзает от нетерпения, но даёт друзьям время на нехитрый ужин. Наконец, Влад отодвигает тарелку и открывает свой блокнот:

– Я нашёл больницу. И врача. Хорошо сидите? Тогда слушайте. Дежурный патруль нашёл женщину без сознания на остановке около больницы, она всего двести метров не дошла до приёмного отделения. Патрульные дотащили её до больницы, и оказалось, что там её знают. Угадаете, как птичку в больнице называют?

– Ну? Не томи, выкладывай.

– Мелания. Если на западный манер, то Мэлани. Или Мэл.

Бирман изумленно смотрит на друга:

– Мэл? Эта городская сумасшедшая?

– В карте Маргариты Рогальской последняя запись относится к февралю. Под каким именем птичка лечилась сейчас, мне выяснить не удалось. Но я прихватил с собой её фотку – и врачи, и медсёстры уверены, что она и есть Мэл.

– То есть нет ничего удивительного в том, как она раз за разом от нас сматывалась. А я-то не вполне верил в её уличную жизнь. Откуда её знают в больнице?

– В больнице есть врач – Семафоров Алексей Леонидович. Вся больница и за глаза, и в глаза называет его Ханом. Он лечащий врач Мэл, она всегда к нему обращается.

– У Риты с доктором близкие отношения?

– Нет. У доктора есть замужняя любовница, другие женщины его не интересуют.

– И часто у ведьмы проблемы со здоровьем?

– Пару раз в год она приезжает на обследования. Но обычно как Рита и по бесплатному полису.

Капитан качает головой и со злой ноткой констатирует:

– Не только нам эта ведьма морочит голову.

– Кстати, о ведьме. По больнице ходит суеверие, что Мэл обладает даром предвидения. Она мастерски угадывает, кого ждут неприятности, а кого – новые возможности. Пару лет назад она нагадала какой-то тихой поварихе необычную встречу, через неделю та познакомилась с иностранцем, а через пару месяцев вышла замуж.

– А без гадания Мэл иностранец прошёл бы мимо?

– Я так понял, что с подачи Мэл повариха первой решилась заговорить с неприметным хлюпиком, который снимал соседнюю квартиру. На русском борще и котлетах парня повело.

Кивнув на подоконник, Бирман скептически замечает:

– То-то ведьма любовной галиматьёй так заинтересовалась.

– Мэл может и плохое нагадать. В сравнении с этим все мои увещевания были как детское «агу-агу» против рычания тигра.

Бирман задумчиво болтает ложкой в остывшем чае, потом встаёт и раздраженно выплёскивает жидкость в раковину:

– А слабо было самой себе нагадать, что не надо на дачу соваться?

Влад неуверенно замечает:

– Семафоров – это алиби Риты на убийство Боева.

Заварив прямо в чашку свежий чай, Бирман пожимает плечами:

– Боев сопротивлялся. Рита не справилась бы с мужиком на полторы головы выше.

Повернувшись к Коле, капитан сумрачно приглашает:

– Мы укоренились. Выкладывай, что выяснил.

Колька, улыбнувшись, кивает:

– Ты ещё чашку поставь, чтобы не уронить ненароком.

Выдержав театральную паузу, Колька рассказывает:

– Олеся пришла в себя. К ней никого не подпускают, но из близких к телу источников известно, о чём она болтала с матерью. За Олесей ухаживал некий важный кавалер, но она его никому не показывала. Этот мужчина водил девицу по ресторанам и много расспрашивал о её нелёгкой жизни. Со своей стороны кавалер туманно намекал на сложности в жизни, но вместе с тем обсуждал своё желание обзавестись семьёй. Не исключено, что бутылку с ядом этот кавалер Олесе и подарил.

Влад перебивает:

– А его имя известно? Фото есть? Хоть какая-то конкретика?

– Звёздная мамаша заблокировала все подходы к дочери. А если нас допустят до беседы, мы ничего этого уже не услышим.

Бирман предполагает:

– Не так уж невероятно, что кавалера интересовала Рита. Несколько ужинов, несколько наводящих вопросов – и Олеся выложила историю романа подруги с Боевым.

Вздохнув, Колька вбрасывает:

– Есть ещё кое-что. Рита не убивала Одоевского.

Бирман поперхивается чаем и закашливается. Влад хлопает друга по спине, за что тот награждает его нецензурной репликой. Колька, довольный произведенным эффектом, продолжает:

– Спецы Особняка следили и за самим Одоевским, и за тем, что происходит вокруг его хором. Напротив входов висели камеры, записывающие всё подряд. Так вот. Вечером в день убийства к Одоевскому приходил сутулый мужчина крепкого телосложения. Своё лицо этот визитёр ненавязчиво, но хорошо спрятал – за шарфом. Он пробыл в гостях почти полтора часа и ушёл спокойно, без спешки. По экспертизам время смерти пришлось на последние десять-пятнадцать минут этого визита.

Влад и Сергей переглядываются, Колька добавляет:

– Кем бы Рита ни притворялась, добавить себе двадцать сантиметров роста и полцентнера веса она не могла. Она явилась только утром.

Бирман горько припечатывает:

– Значит, Лорд зажал эту информацию. И какого чёрта?

– Он очень хочет лично потолковать с Ритой. Логично, что убийцу трех человек будут искать активнее, чем какую-то свидетельницу.

– То есть, он её подставляет.

– Или защищает. Пока её ищут, убийца не будет рисковать с новым нападением.

Ругнувшись, капитан выбирается из-за стола:

– Ни черта не понимаю. Послушаем, что ведьма скажет.

Обернувшись уже из коридора, Бирман строго предупреждает:

– Только вы это… Не пугайте её.

Влад хихикает и машет рукой – иди, иди. Колька удручённо морщится и допивает чай.

46. Версии и догадки

Поздно ночью я просыпаюсь в ужасе – холодный лицехват пытается задушить меня своими скользкими щупальцами. Прохрипев что-то про помощь, я тщетно отбиваюсь от чудовища…

А это Бирман обтирает моё лицо мокрым полотенцем. Дикая процедура вытаскивает меня из сна, а заодно и доводит до состояния дрожащего желе.

Капитан невозмутимо объясняет:

– Прости, но иначе до тебя не добраться.

Псих недолеченный!

– Вставай. Расскажи нам, что собиралась.

Я не планировала встречать рассвет. Но кого это волнует?

В большой кухне тепло. Светящийся блин на высоком потолке похож на солнечный круг, в лучах которого заброшенность кухни превращается в милую пасторальность. Пыльные гобеленовые занавески отгораживают кухню от темноты внешнего мира, на столе красуется дулёвский сервиз с узором красных и жёлтых цветов.

В больших ладонях Влада маленькая чашечка смотрится особенно хрупкой, и подчеркнуто осторожное обращение верзилы с фарфором выдаёт, что в повседневной жизни он не пользуется столь изящными вещицами, а его редкое знакомство с ними уже заканчивалось кучками битых осколков. Коля, наоборот, держат свою чашку непринуждённо и уверенно. Выбор Сергея – толстая и объёмная керамическая кружка.

Для меня приготовлено центральное место за столом, но никаких чашек-кружек рядом нет. Я лучше постою, опираясь на длинную деревянную столешницу кухонной стенки.

Последний раз я выступала перед внимательной аудиторией в выпускном классе. Есть, отчего занервничать. Всё, что кажется мне логичным, сыщики могут признать ерундой. Но убегать некуда.

Вдох, выдох. Понеслась:

– Вернёмся на двадцать пять лет назад. Жили-были Маша и Женя Рогальские. Красивая любящая пара. Всё у них было хорошо, и многие уверены, что более дружной семьи они не видели.

Бирман неспешно чертит карандашом в блокноте непонятную фигурку. Скептический взгляд капитана подсказывает, что я выбрала не слишком интересное начало.

– Семья и правда была дружная. Но едва я стала интересоваться жизнью мамы, выяснилось, что у неё были связи на стороне. Роман мамы с Василием, мужем её коллеги по работе, разрешился тем, что после скандала Василий погиб. Разоблачение отношений мамы с Мурадом, гражданским мужем её начальницы, привело к исчез-

новению Мурада. Ещё один любовник мамы – Алексей, сын чиновницы из министерства, тоже исчез.

Атмосфера в кухне меняется, в воздухе повисает напряжённая тишина. Надо продолжать:

– Напрашивается подозрение, что в неприятностях маминых кавалеров виноват мой отец. Но был ещё один фанатик маминой красоты. Я не знаю, как его зовут и кто он, родители называли его попросту Френдом. У отца полно фотографий, где они с Френдом вдвоем или втроем с мамой. Я полагаю, что Френд тоже был любовником мамы, и это он защищал честь любимой, устраняя соперников.

Бирман нетерпеливо перебивает меня:

– Ты его видела?

– Да. Как и вы с Владом. Это тот тип, что за мной следит.

– Когда ты впервые заметила слежку?

– Я бы её вообще не заметила. Но когда вы погнались за мной в метро, ты сказал, что за мной следит мужчина в возрасте с портфелем. Я стала оглядываться и обнаружила его.

Внимательный взгляд Бирмана превращается в стальной:

– Ты слышала мой разговор с Владом?!

– Частично. Там было шумно.

– И где ты была?

– Там будка трансформаторная, я за неё спряталась.

– Ты была там всё время, пока мы разговаривали?

– Ну да.

После короткой паузы Влад с Колькой ржут в голос. Бирман хмурится, а потом вдруг улыбается:

– Ты чума, Ритка.

Ого! А улыбка у сыщика обаятельная и обезоруживающая. Я думала, ему лет сорок, но он намного моложе.

Бирман возвращает себе привычную серьёзность:

– Давай по порядку. Предположим, ты права: Френд любил твою мать и устранял соперников. Почему он ходит за тобой?

Хороший вопрос.

– Всё началось с той вечеринки, где Денис Шкуркин заявил о моём сходстве с матерью. Никто не придал этому значения, но в сплетни ещё и не такие глупости попадают. Френд услышал, что

я похожа на его дорогую Машу, и присмотрелся ко мне. А потом перенёс на меня эмоции, связанные с возлюбленной.

– На фотографиях в твоей книге – Маша?

– Да.

– Ты не похожа на неё.

– Денис не знал, что я – приёмный ребёнок, поэтому сходство казалось ему логичным. Делая свои злополучные портреты, он попросту подогнал мой образ так, чтобы я напоминала маму. Когда Денис чем-то увлечен, он трепется об этом направо и налево, Френд мог узнать, что сходство не только существует, но и документально подтверждено. Разгром студии и отравление фотографа – подсказка, что портреты имели значение…

Я останавливаюсь, Бирман протягивает мне свою кружку с нетронутым чаем и подбадривает:

– Сядь. И не спеши, а то запутаемся.

– Я думаю, Френд был одержим Машей. Увидев похожую женщину, он вернулся к тому, что проделывал раньше – избавился от моих любовников. А Осинка поплатилась за свой длинный язык. О моих свиданиях с Севой Боевым знали только она и Боев-старший. Обычно Осинка не выкладывает чужие секреты, но её можно разговорить псевдоумными беседами о любви и психологии.

Троица ментов обменивается многозначительными взглядами.

– Есть пара неувязок. Если убийца – Френд, и если он одержим мной, как когда-то Машей Рогальской, то почему он никак не обозначил свой интерес прямо ко мне? И зачем он так ловко подставил меня под обвинения в убийстве?

Колька выдаёт версию, которая не даёт мне покоя:

– Похожа или не похожа – вопрос субъективности. Может быть, Маша не приёмная, а твоя родная мать?

Я вздыхаю. Вот оно, самое главное.

– Слишком запутанно всё получается.

Бирман одаряет меня пристальным взглядом, словно собирается сказать нечто важное. Но моим главным собеседником становится Колька:

– И ты, и твои братья – точно приёмные?

– Братья считают, что мама не могла забеременеть. Но с ней самой они этого, естественно, не обсуждали. Если представить, что

отец не мог иметь детей, а у мамы были любовники, то нафантазировать можно всякого.

– Он не мог принять её детей?

– Не в детях дело. Он свято верил в её непорочность. К нему любовники матери приходили и прямо заявляли, что Маша ему изменяет, а он им не верил, потому что она – образец чистоты и совершенства. У неё не могло быть детей от других мужчин.

– А она хотела сохранить брак несмотря ни на что?

– У неё была спокойная, отлаженная жизнь. Идеальный муж выполнял все её прихоти, а связи на стороне не нарушали семейную идиллию. К тому же хитроумный план, если это был план, касался меня одной. Мама решила усыновить мальчиков, и отец сдался, как всегда сдавался. Когда мама притащила в дом ещё и девочку, никто не задумался, что это её дитя.

Влад с явным сомнением спрашивает:

– А Рогальский пузо беременной жены не заметил?

– Он четыре месяца провел в Хабаровске, в командировке. Как раз в тот год, когда я родилась. А мама в это время долго лечилась. Может, здесь всё и сходится.

– А любовник? Почему она не ушла к нему?

– Возможно, он был женат. Возможно, понятия не имел, что она забеременела. А она и не хотела уходить.

Колька мысленно раскладывает пасьянс из вероятностей. Я подкидываю в его «колоду» ещё одну карточку:

– В моем удочерении есть одна странность. Родители моих братьев известны, и это не асоциальные элементы, лишённые родительских прав, это интеллигентные пары, погибшие волею случая. Можете с Костей пообщаться, у него на этом месте пунктик, и я полагаю, что он развился не на пустом месте. Для отца происхождение детей имело значение, но моё происхождение неизвестно, и всё же Рогальский согласился взять меня в семью. Маме пришлось очень постараться, чтобы преодолеть его предрассудки.

– Пусть так. Но что это даёт сегодня? Предположим, кто-то замечает, что приёмная дочка похожа на неродную маму. Складывает один и один – получает два. Почему это вызвало столь мрачные последствия?

Я пожимаю плечами:

– Не знаю. Претендовать на имущественные права мифического папы я не могу. Адюльтеры с давно погибшей женщиной никому не интересны. Остаётся то, что Френд может быть моим отцом.

– Убивает кавалеров дочери, как когда-то убивал любовников матери? Как-то чересчур.

– Это объясняет, почему он за мной следит. И почему не подходит близко – потому что и сам не знает, что со мной делать. Непонятно только, зачем он меня подставляет.

– Подставляет ли? Про твою встречу с Одоевским знал персонал его заведения, подставу несложно было спланировать. Но убийца не мог быть уверенным, что именно ты найдёшь тело. Как не мог знать, что ты приедешь к Дорику сразу после него. А в убийстве Боева ты вовсе не понадобилась.

Бирман скептически замечает:

– Сценаристы мыльных опер корчатся в муках зависти. Но почему бы и нет – объясняет многое. Только ты, Рита, умолчала об одной подробности. Важной, если принять во внимание отношение твоего отца к наследственности. И ключевой, если верить в то, что Маша Рогальская была *любящей* матерью…

Он знает. Неужели ухитрился вытрясти из отца историю моего появления на свет? Отец охотно рассказывает о моём удочерении, но намертво молчит об обстоятельствах, потребовавших смены даты и места моего рождения. Бирман смог его разговорить? А уроки чёрной магии капитан не даёт? Я бы поучилась.

Я никогда ни с кем не обсуждала своё начало – и не думала, что придётся обсуждать. Рита-трусиха придумывает сто способов, как избежать запретной темы, но Рита-ведьма вскрывает потайной люк на дне сознания – плакать по шляпке поздно, тем более, что и шляпки у меня нет.

Вдох, выдох. Помчалась:

– Я родилась на путях железной дороги. Ну, может, не на шпалах, а в подсобке или старом вагоне. После родов меня завернули в мешковину и оставили под лавочкой на станции. Был январь, и мне крупно повезло, что одна глазастая пассажирка решила забрать потерянный кем-то тюк…

Наступившая тишина невыносима, и я тороплюсь заполнить её звуками своего голоса:

– Вы знаете, что такие истории случаются. Но сложно поверить, что мама могла так поступить с ребёнком. С любым ребёнком, не говоря уже о её собственном.

Адекватные женщины оставляют детей в роддоме. В крайнем случае, подбрасывают в больницы или соседям с детьми. Ни одна вменяемая мать не бросит младенца под лавку. И любые попытки найти родственную связь между мной и Машей Рогальской упираются в этот аргумент.

Мама любила и меня, и братьев. Для неё мы были родными – и она оберегала нас, волновалась о нас. Нам повезло вырасти в тепле и ласке. Да, мне пришлось вернуться в мир вокзальных лавок, но я хотя бы узнала, что есть и другие миры. Мысль о том, что мама могла сначала бросить, а потом спасти, причиняет боль.

Как и сочувственные взгляды трёх мужчин.

Иногда хочется, чтобы тебя хоть кто-нибудь пожалел. Но жалость трёх сыщиков – искренняя, добрая, сострадательная жалость – меня едва не добивает. Я забываю, как дышать.

К чёрту!

Повернувшись, я прячу кружку в раковину.

Сзади раздаётся спокойный голос Сергея, решающего проблему по принципу бритвы, которая норовит порезать тех, кто чересчур увлекается интеллектуальными орнаментами[5]:

– Если не погружаться в родственные связи, то подставляют тебя, птичка, по одной причине – ты раскопала старые истории с гибелью людей, а значит, вытащила на белый свет целую коллекцию скелетов.

– И ради этого убили трёх человек?

– Кто знает, сколько всего убили.

Бирман не боится найти кладбище. А я боюсь увидеть Френда – встретить тяжёлый взгляд усталого человека, который должен доделать важные дела – и эти дела заставляют его одержимо следовать за мной. Волнует ли вероятного убийцу обнаружение скелетов? Не уверена.

[5] Бритва Оккама – философский и научный принцип, по которому из множества решений следует выбирать наиболее простое.

Сергей косится на дремлющего Влада и распоряжается:

– Всем спать. Утро вечера мудренее. Ты, Ритка, отлежалась за день, а нам завтра снова на работу.

Отлежалась я. А ничего, что борьба с мокрым полотенцем лишила меня последних сил?

47. Бабушка Паша

Я просыпаюсь, потягиваюсь, лежу с закрытыми глазами, поворачиваюсь на один бок, перекатываюсь на другой, закутываюсь в одеяло. Неужели выспалась?

Серые облака, висящие над мутным городом, не позволяют хотя бы приблизительно сориентироваться во времени. Одевшись, я добираюсь до кухни – часы показывают, что я продрыхла бóльшую часть дня. Мозг решил, что имеет смысл не только отоспаться, но и забрать некоторое количество часов сна впрок.

Холодильник урчит, часы тикают, заигрывающая с ветерком занавеска шуршит – но других звуков в квартире нет. Я одна?

Часть квартиры я уже видела. Что здесь есть ещё?

Двустворчатые двери с фрамугой до потолка ведут в большую комнату с эркером – столовую. Центр пространства занимает овальный стол, накрытый белой скатертью с кружевом. В углу красуется старинный шкаф-витрина, заставленный вазами, фарфором и игрушками. Скатерть впитала много пыли, и в интерьер не вписывается столик у окна, заваленный какими-то запчастями, но это уже придирки.

Рассохшаяся старая дверь ведёт из столовой в смежную комнатку, где на детской кушетке спит Коля. Подоконник комнатки завален бумагами и инструментами, а табачный шлейф подсказывает, что здесь обитает курильщик.

Не квартира, а лабиринт. Выбравшись обратно в коридор, я заглядываю в последнюю комнату и нос к носу сталкиваюсь с маленькой старушкой, закутанной в шерстяную кофту. Сердито уставившись прямо на меня, бабушка молодым голосом выдаёт:

– Чего шастаешь, не спишь?

– Извините, я заблудилась.

– Не ври. Нос любопытный суёшь, куда ни попадя.

Бабушка шаркает мимо меня на кухню и оттуда кричит:

– Эй, Рита! Иди сюда.

Все старушки похожи – скучают в одиночестве доживания. И новый человек, оказавшийся в их микрокосмосе, не может быть проигнорирован, каким бы странным он ни казался.

– Суп достань. И погрей.

За обедом старушка выбалтывает мне много интересного.

Прасковья Сергеевна приходится Бирману родной прабабушкой. Я уточняю, сколько же ей в этом случае может быть лет, и она с гордостью заявляет, что девяносто два. Обалдеть.

Бабушка Паша считает меня «интересным экземпляром», поскольку обычно Серёжа «тащит с работы» только коллег-мужчин. А я и не коллега, и не мужчина, что удивительно.

Впрочем, на женщину я тоже не похожа. Подруги Серёжи – нежные, роскошно одетые, ухоженные, приятно пахнущие дивы – не участвуют в делах сыщика, а, наоборот, всячески отвлекают его от криминала и грязи.

А Бирман-то, оказывается, эстет. Кто бы мог подумать.

В именах и точном количестве див бабушка путается, и у меня складывается ощущение, что в прихожей, в большом платяном шкафу, возможно, живёт гарем эстета. Не буду туда заглядывать.

Отец Сергея был известным профессором, но он уже давно умер. Мама вышла замуж за границу, сестра нашла своё счастье с важным военным.

Серёжа и Владик подружились ещё со школьных времен. Учились они в разных школах, но жили по соседству. Именно Влад зазвал Сергея поработать в уголовном отделе. План был такой, что это только перекантоваться на год-другой, однако расследования затянули обоих.

Заполучив моё бессознательное тельце, сыщики позвали сестру Влада проверить, не нужно ли меня реанимировать. Лелечка большая умница – работает врачом-кардиологом в детской больнице и тащит на себе благотворительный фонд. Но, по мнению бабушки, слишком уж командует мальчиками.

Чаще всего у Серёжи околачивается Колька. Он живёт в двухкомнатной квартире с родителями и взрослой сестрой. Семейство не теряет надежды выдать девушку замуж за надёжного парня с жилплощадью, но в её мире такие не водятся…

Бабушка довольно уплетает суп, а я думаю, что кто-то из богинь судьбы очень постарался подкинуть мне ещё одну старушку. Паша очень неплохо держится и пока ещё, по минимуму, но может себя обслужить. Сергей в меру своего понимания старается позаботиться о бабушке. Однако этого недостаточно.

Паша отдаётся послеобеденной дремоте, а меня тянет на трудовые подвиги. Отпуск затянулся и я, похоже, соскучилась по работе. Удивительно, конечно, но руки сами тянутся сотворить серию пассов для изменения мира.

Кровать бабушки стоит в углу комнаты, бóльшую часть которой занимают книжные шкафы и стеллажи. Так сразу всю пыль мне не выгрести, однако начать можно с малого. Зажатое шиной плечо сковывает мои движения и побаливает, но я разгребаю хлам на прикроватном столике, протираю и раскладываю книги на подоконнике, выгребаю крошки и обрывки блистеров из-под кровати. В глубине подкроватного пространства теснятся корзины и коробки – эти раскопки пока отложим.

Плафоны бра и ночника освобождаются от трупиков насекомых, пустые коробочки из-под лекарств уезжают в мусорный пакет, два стула и табуретка теряют серый налёт многолетней грязи. Начало положено.

Паша просыпается, и я меняю бельё на её кровати. А главное ещё впереди. Поначалу бабушка стесняется своей немощности, но опыта мне не занимать, мои действия не причиняют ей неудобств, и она расслабляется, принимает мою заботу.

Модная стрижка, лёгкий массаж, тёплый душ, новая сорочка – и вуаля! – прям, приятно посмотреть на посвежевшую женщину. Морщинистое лицо сияет от удовольствия, блёклые глаза становятся яркими и рассыпаются озорными искорками.

Слопав на полдник пюрешку из протёртых морковки и яблока, довольная бабушка с некоторым сомнением, но разрешает мне покопаться в библиотеке. Уложив её в чистую постель, я глубоко вздыхаю и делаю шаг к стеллажам.

А-а-а! Погибель моя, я иду к тебе.

48. Библиотека

У каждого человека есть пристрастие – подчас хуже любых известных пороков. Не с точки зрения социальных последствий и утраты здоровья, а в смысле неспособности человека контролировать своё влечение.

Я люблю читать. Я читаю всё подряд с самого детства. Я заглатываю приключения и фантастику, энциклопедии по истории и искусству, сборники занимательных опытов, жизнеописания и мемуары – всё, что попадётся. Я обожаю магию превращения чёрных буковок в цветные миры. И я не могу устоять перед книгами, которых я не читала.

Книжная сокровищница, в которой я оказалась, захватывает дух. Шкафы, полки, этажерки, стеллажи – всюду, куда можно кинуть взгляд – стоят, лежат, громоздятся книги, тома, фолианты.

Оказавшись в окружении тысяч книг, я теряю всякое представление о реальности.

О боги! Вы посмотрите, что здесь есть…

Подлые разбойники похитили красавицу-блондинку. Вот же мерзавцы! Но она ведь сможет выбраться из ловушки?

Перед моим взглядом возникает белое пятно. Что за хрень? Скинув лист бумаги на пол, я скачу за убегающими разбойниками.

Какая-то неведомая сила пытается отнять у меня книгу. Прочь! А то мигом накостыляю!

На цыпочках приблизившись к хижине, где прячут украденную невесту, я готовлюсь к драке. Громкие посторонние голоса мешают мне разобраться, где засада, и я отправляю помеху в нецензурное путешествие. Неужели друзья рыцаря не помогут ему спасти блондинку из лап коварного злодея?

Книга вылетает из моих рук и захлопывается прямо перед моим носом. Я успеваю ухватить заветный томик и резко тяну его к себе.

Ой… Я же не в замке, вокруг не простираются леса старой доброй Англии, и ржут вокруг не доблестные рыцари. Сыщики – тоже своего рода рыцари, но не замка, и, разумеется, не Англии.

– А? Что? Где?

Вопросы, исполненные космического смысла.

Колька и Влад, хрюкая и всхлипывая, вываливаются в коридор. Сергей отнимает у меня книгу и описывает ею круг над моей головой, заклиная:

– Сим-сим, абракадабра, крибле-крабле-бумс! Сумасшедшая библиотека, отпусти нашу ведьму!

– Отдай!

Я вкладываю в своё требование максимум убедительности и раздражения. Бирман поднимает томик повыше и смеётся. Я вскакиваю с пола, и головокружение расставляет всё на свои места. Я просто зачиталась.

Сергей протягивает мне книгу:

– Пельмешки будешь? Настоящие, домашние. Одна соседка делает – пальчики оближешь.

– Да я любые слопаю. Что это сейчас было?

– Мы тебя потеряли.

Так здорово сидеть на старой кухне и слушать, как Влад с Колькой излагают историю моего загадочного исчезновения. Хочется хоть на время поверить, что я в этой весёлой компании не потому, что попала в криминальный переплёт, а потому что заехала поболтать с друзьями.

Влад улизнул из отдела пораньше. Ему пришлось довольно долго ждать, пока заспанный, но довольный Коля откроет ему дверь. Наскоро обсудив новости и выпив чаю, друзья отправились проверить, как там ведьма. И обнаружили, что меня нигде нет. Поорав на разные голоса «Рита», они не смогли найти меня в квартире. В комнату спящей бабушки детективы вошли только до середины – и за стеллажами меня не заметили. Никак не могли догадаться, что я сижу в закутке между шкафами прямо на полу.

Обнаружил меня спешно вызванный капитан. Сначала он пытался до меня дозваться, потом легонько достучаться. Выяснив, что я забавно ругаюсь, сыщики развлеклись, мешая мне читать. Осознав, что меня не так-то просто отвлечь, Бирман применил высшую магию (то есть забрал у меня книгу). И вот, я вернулась. Какой он молодец.

После ужина Влад и Колька уезжают, а Бирман теряет всю свою весёлость. Помариновав меня стальным взглядом, он тихо и сумрачно предупреждает:

– Знаю, это покажется… невероятным. Но здесь бывают… всякие случаи… Из-за книг… Они все, как бы это сказать… как одно существо…

Он точно трезв? Я не знаю, как он реагирует на алкоголь, может, внешне выглядит обычно, а нейроны пляшут канкан?

Глубоко вздохнув, капитан заканчивает фразу:

– Оно не любит, когда его тревожат.

Что за бред? Понятно, что разобрать все эти книги – немалый труд. Но прятаться за «существом», чтобы оправдать своё нежелание возиться?!

– Серёжа, я знаю, как такие фокусы работают. Я сама фокусница. Со мной не пройдёт.

Подойдя к подоконнику, я сталкиваю несколько книг на пол:

– Эй! Существо! На помойку хочешь? А в костёр?

Сергей растерянно тянется рукой ко мне, как будто хочет остановить.

Какая-то захламлённая библиотека будет мне случаи подстраивать? Да неужели.

Пнув книги ногой, я чуть повышаю голос:

– Цыц, тварь! Будешь баловаться – в макулатуру сдам.

Бирман ойкает, закрывает рот ладонью, а потом выдаёт:

– Ладно-ладно. Не бей её. Я пошутил.

Нелепые у тебя шутки, капитан. Раздражают.

Бирман собирает книги – и устраивает мне очередной допрос. Я так и не понимаю – зачем он пытался меня отвлечь, если планировал разговор о деле.

Вопросы капитана касаются Осинки и Диониса, моего отца и Кирилла, подробностей случившегося на даче и моих отношений с братьями. Сергей целеустремленно копает разные мелочи, надеясь выловить крохотный намёк, который приведёт его к Френду.

Ничего нового я не рассказываю. Может, он поспрашивает кого-нибудь ещё? Моего отца, например.

Бирман хмурит брови и молчит с минуту. Но всё же посвящает меня в проблемы расследования:

– Я бы поспрашивал. Но никто не знает, где он.

– Как это? Я же разговаривала с ним.

– После разговора с тобой он отменил своё участие в конференциях и не приехал на важный семинар. Его телефон не отвечает. Редакторы и издатели не в курсе, где он.

– Думаешь, с ним что-то случилось?

– Или он сам залёг на дно. Версия про Френда, конечно, интересная. Но любовников жены обычно убивают мужья. Хотя сложно не согласиться с версией Лорда, что Френд мог убить твоего отца, как нежелательного свидетеля.

Поразмыслив, я выдвигаю ещё один вариант:

– Может, Тернопольская что-нибудь знает?

– Наверняка знает. Но великая звезда, получив повестку, тяжёло заболела, и все попытки поговорить с ней блокируются охраной её мужа и справками о нежелательности стрессов. Она уже заявила, что собирается на лечение за границу, вместе с дочерью. Я и не надеюсь подобраться.

– А если натравить на неё Лорда? Ему всё нипочем.

– Хм, идея неплохая. Только это меня Лорд может натравить на кого угодно. В обратную сторону это не работает.

– Не знаю, что ещё предложить.

– Как насчёт ключа от квартиры?

Где деньги лежат? У меня нет такого ключа.

Сообразив, что капитан намерен обыскать мою нору, я прикидываю, есть ли у меня шансы на внезапную амнезию. Бирман молча показывает мне полотенце.

В общем-то, он прав – держать адрес в тайне не имеет никакого смысла. Вернувшись в комнату, я выковыриваю ключи из внутреннего кармана юбки. Всё-таки не дорабатывает капитан – сумку перетряхнул, а карманы не проверил. Но ехидничать на этот счёт я повременю.

Заполучив ключи, Бирман бесстрастно желает мне спокойной ночи. А я всё-таки дочитываю роман о приключениях прекрасной блондинки. Всё у неё вышло хорошо. Вот бы и мне так.

49. Наставления врача

Резкая потеря ориентации заставляет меня открыть глаза. Опять кто-то нападает? Нет, Бирман обходится встряхиванием моего хлипкого тельца.

– А-а-а… Э-э…

– Рита, я уезжаю. Слышишь? Но ребята заняты, некому приехать. Пожалуйста, побудь одна.

Я побуду. Перебью всю его посуду!

– А бабушка тоже уезжает?

– Нет. Но она ничего не знает. Не тревожь её.

– Ладно. Суп ещё остался, я её покормлю, не волнуйся.

– Рита, да проснись же, я не о супе. Обещай, что не выкинешь какой-нибудь фокус. Сиди дома и не вздумай смыться. Здесь ты в безопасности, ясно? Если что, звони сразу мне. Или Алисе, в прихожей телефон есть. А номер на обоях написан. Поняла?

– Ага. Иди уже.

– Будь умницей, птичка.

Сергей накидывает на меня одеяло и уходит.

Почему сыщики называют меня птичкой? Откуда это прозвище взялось? И это не в первый раз, прилипло уже. Ну что во мне от птички? И от какой именно птички?

Закопавшись в тёплую постель, я снова засыпаю. Приятно почувствовать себя маленькой девочкой, которую учат никому не открывать дверь.

Виновником моего второго пробуждения становится надрывный дверной звонок. Кто-то настойчиво теребит кнопку возле двери, заставляя устройство издавать душераздирающие звуки.

Сердцечный ритм резко ускоряется, остатки сна испаряются за доли секунды. Накинув кофту, я на цыпочках подкрадываюсь к двери и заглядываю в глазок.

Симптичная толстушка долбит по звонку прямо-таки с остервенением.

– Рита, немедленно открой! Я – Елена, сестра Влада.

Я открываю дверь, прикинув, что не смогу ничего сделать, если толстушка стукнет меня сумкой по голове. Гостья энергично протискивается мимо меня, скидывает пальто и сурово спрашивает:

– Где Бирман?

– Не знаю. Он утром уехал.

– Как бабушка?

– Не знаю, я только что проснулась.

– Половина первого, а она только проснулась.

Лелька направляется в комнату бабушки. Я слышу, как Прасковья Сергеевна радушно приветствует гостью, и между женщинами завязывается живой диалог об аритмии…

Я возвращаюсь на диван и погружаюсь в новую книгу, начинающуюся с подробностей расстановки войск Наполеона перед Ватерлоо. Биография императора изложена скучно, повествование скрашивают короткие вставки с описаниями любовных историй завоевателя мира. Больше всего я сочувствую Жозефине. Не расстанься с ней великий человек, глядишь, и дожил бы до седин на императорском троне…

Вернуться в начало двадцать первого века мне приходится после проведения Лелькой уверенного приема, в результате которого я оказываюсь на боку, с зажатой головой. Книга вываливается на пол, и её страницы складываются одна к одной, пряча от меня то место, до которого я дочитала.

– Что ж, давай полюбуемся на твою красоту. И что же вас, девок молодых, в грязь тянет. Одиноких парней столько пропадает, а вы норовите приключений огрести.

Ловко повернув меня на спину, Лелька расстёгивает мою кофту и быстро тыкает металлической пластинкой туда-сюда, продолжая наставлять меня на путь истинный:

– Сверстницы твои детей в школу водят, а ты всё босиком по городу бегаешь. Самой-то не надоело? Дружок есть у тебя?

Я киваю, но Лелька не ждёт моего ответа. Как она внутри меня что-то слышит, если беспрерывно говорит.

– Думаешь, парни на побитых птичек западают? Им здоровых девиц подавай, крепких, ладных. А у тебя синяки в поллица.

Я молчу, чувствуя себя не в своей тарелке. Лелька отпускает меня и выпрямляется, одарив неприветливым взглядом:

– Вот что, птичка, ты мальчиков не подводи. Бирман может из-за тебя здорово влипнуть. Не трепись, где была, даже когда всё закончится, ясно?

Хотя в последней фразе прозвучала вопросительная интонация, воспринимается она почти как угроза.

– Я никому не скажу.

– Здесь тебя никто и пальцем не тронет. Но и ты веди себя прилично, не смущай мальчиков. Тебе терять нечего, а они всё равно,

что дети малые. Обойдись без бабских штучек. Никаких распахнутых халатиков, клиентов в другом месте найдешь.

Лелькино презрительное «клиенты» недвусмысленно ставит на мне клеймо недостойного существа. Обидненько.

– Раз взялась, за бабушкой ухаживай. Думаешь, один раз сделала, можно сесть, ножки свесить? Нет уж, голубушка, такая работа никогда не кончается.

– Я знаю.

– И запомни, если что не так – будешь иметь дело со мной. Я в школе птенчиков не выхаживала, я их трупики препарировала. У меня кнопка сентиментальности не работает, так и знай.

Кнопка сентиментальности, конечно же, совсем не работает у врача, собирающего деньги на операции больным детям. Я вежливо благодарю:

– Спасибо, Елена. Не волнуйтесь, я буду умницей.

После отбытия Лельки я пытаюсь заснуть. Не получается. Организм требует хлеба и зрелищ. В качестве первого я скармливаю ему остатки супа, а в качестве второго заставляю смотреть двести двадцать третью серию какого-то телесериала.

Бабушка живо вникает во все перепетии судеб персонажей, и моя критика сюжета, а также ненормальных отношений между главными героями, даёт пищу для разговоров ещё на час.

Потом я возвращаюсь к жизнеописанию Наполеона, но после пары страниц меняю императора на завоевание далёких галактик. Но и фантастика не идёт.

В голове роятся мысли о Френде, отце, маме, любви, ненависти и убийствах. Коктейль получается мутный и непривлекательный. Плюнув на попытки мыслительной деятельности, я утаскиваю из комода бабушки клубок и крючок. Приодену забавного мишку, мёрзнущего в углу одной из витрин столовой, ему точно не хватает шарфика с кисточками.

50. Ценная птица

Хмурый и неразговорчивый Влад появляется вечером, после семи. Шмякнув на пол коридора несколько пакетов, он, не глядя на меня, распоряжается:

– Ужин за тобой.

Кое-как дотащив часть продуктов до кухни, я впадаю в ступор. Что делать с овощами, я примерно представляю, но большой кусок мяса вызывает панику. Потоптавшись возле стола, я неуверенно признаюсь:

– Влад, знаешь, есть одна проблема. Я не умею готовить.

– Что, совсем?

– Ну, могу картошку почистить.

Влад занимается мясом сам, не забыв ядовито высказаться:

– А как же путь к сердцу мужчины? Неужели Одоевский не учил своих нимф кратчайшей дороге?

– Одоевский нанимал кухарок. С опытом работы и возрастом старше сорока пяти.

Мощный удар молотка впечатывает шмат мяса в доску, и я подпрыгиваю.

– Ехидничаешь, птичка, а всё плохо. Утром Серёга мне звонил, сказал, смотается в твою нору на часок, для отчета. Он решил, что раз ты ему ключи отдала, то всё ценное ещё где-то припрятала. Смотался, герой. Который час с экспертами улики разгребает.

Несколько ударов по мясу вколачивают новость в мою голову.

Что такого криминального я оставила в норе?

– Ты бы хоть предупредила Серёгу, что там полквартиры твоей кровью заляпано.

– Да я не подумала.

– Это тебе свойственно. Бирман нашёл картину Одоевского и одно из орудий убийства. Вряд ли тебе хватило глупости всё это там оставить, но Лорд уже объявил тебя соучастницей убийств. Общая картинка такова: ты завлекала ротозеев, а твой напарник чики-брики и открывал дорогу к сокровищам.

– Значит, Френд всё-таки подставляет меня.

– Лорд объявил на тебя большую охоту. Кто поймает – получит внеочередное повышение в звании.

Какая я ценная птица. Бирман меня не сдаст, а остальные?

– Ну так отвезите меня куда надо.

Влад бросает тонкий кусок мяса на сковородку и, подождав пока громкое шипение прекратится, с горечью замечает:

– А ты бы на нашем месте так сделала?

– Нет. Но я не на вашем месте. Если так для вас лучше, я пойму. Посижу немного в тюрьме, подумаешь.

– Бирман прав – ты слабоумная.

А сам-то капитан семи пядей во лбу. Я ему всё дело на блюдечке принесла, ещё и ключи от улик вручила. Мог бы и деликатность проявить, эзотерик-самоучка.

Уставший Бирман прибывает, когда я расправляюсь со вторым куском мяса. И капитан явно горит желанием что-то спросить.

М-м-м, не буду я ничего говорить. У меня рот занят.

Я много разной еды перепробовала, но такой вкуснятины не припомню. Ум-ням-ням. Почему люди с таким потрясающим талантом к кулинарии ловят маньяков? Где совершенство мира? Нет его на нашем белом свете, а жаль.

Сергей отравляет моё блаженство:

– Где ноутбук? И где красная сумка, с которой ты была у Одоевского?

– У друга одного. Но я бы не хотела его впутывать. Если очень надо, я привезу всё сама.

– Слыхал, Влад, привезёт она. Иди, обжорка, книжку почитай, нам без тебя обсудить кое-что надо.

51. Четвёртый

Поиски другого конца у кольца – история, конечно, замысловатая, но как-то не увлекает. После отбивных с картошечкой и салатом моё брюшко намекает, что лучший друг обжорок – крепкий сон.

Широкая рука закрывает книгу, а потом и выдёргивает томик из моих рук. Я послушно закрываю глаза, но вспоминаю о полотенце. Придётся вынырнуть – и из космических глубин, и из приятной дремоты.

Судя по физиономии капитана, меня уже приговорили к казни. Это был ужин перед расстрелом?

Бирман усаживается перед диваном на табуретку и после паузы с лёгким сомнением выдаёт:

– Рита, может, это неприятно тебе, но надо дать шанс тем, кто ещё жив. Нужно предупредить всех твоих бывших и нынешних

сожителей, любовников, дружков о происходящем. Сколько их ещё осталось?

Надо срочно что-то придумать. Правда слишком уж…

Мои щёки заливает предательская краска стыда. И под пристальным стальным взглядом я тихо признаюсь:

– Не знаю.

Повисает тишина. Бирман наклоняется и бесцеремонно поднимает мою голову за подбородок, заставляя посмотреть ему в глаза:

– А скольких знаешь?

– Никого. Это были случайные связи.

– Вспоминай всё, что можешь. Их надо найти.

– Ничего не выйдет.

Где-то в родословной Бирмана скрывается инквизитор, с удовольствием подвергавший несчастных женщин испытаниям на прочность. С чего это я размечталась о расстреле? Капитан задушит меня и голыми руками. Потемневший взгляд явно прикидывает, как долго моё тельце будет трепыхаться в сжимающихся руках.

О-ох. Пронесло. Хорошо, что современные представления о правилах поведения накладывают ограничения на импульсивные проявления негодования.

А я решила, что он неплохо ко мне относится. Глупая. К стали во взгляде может добавляться металл в голосе:

– Вот что, Рита. Выкладывай свое грязное бельишко. Дочке Севы Боева – три года, и она уже сирота. Только потому, что её папаша не смог пройти мимо твоей юбки.

– Когда её папаша запал на мою юбку, её мамаша зажигала в ночных клубах Майами, так что не надо меня сироткой жалобить. Я и сама сиротка. И с Севкой рассталась задолго до его женитьбы. Может, его смерть не имеет ко мне никакого отношения. У Боевых и без меня заклятых друзей хватает.

– Рассказывай: где, когда, с кем. Я задолбался трупы твоих бывших разглядывать.

А зачем разглядывал? На это эксперты есть.

– Ладно, ладно. Я была в одном клубе. В закрытом клубе, для богатой публики. Там был маскарад. Все в костюмах и масках, никаких имен. И полная свобода выражения чувств.

– Я понял. Можно миловаться с кем хочешь.

Мы о морали? Или об уголовном деле?

– Я перебрала с выпивкой. Помню только обрывки. Я танцевала. Говорила с каким-то мужчиной. Он увёл меня, усадил в машину, по дороге я отключилась. На следующий день очнулась в пригородном отеле. Одна. Вот и всё.

– Ты же не пьёшь?

– После этого и не пью.

Не поверил? А это чистая правда.

– Я ничего не знаю о том мужчине. Возможно, он был не один. Возможно, меня сняли в порнофильме. Что угодно. У меня нет ни проблеска на этот счёт.

Покачав головой, Бирман выдаёт «фу-ух» и допытывается:

– Что за клуб, кто владельцы, где находится?

– Находился в Сумароковском проезде. Но здание сгорело, клуб закрыли. Про владельцев ничего не знаю.

– Кто ещё в тот вечер был в клубе?

– Не знаю.

– Сколько раз ты была в клубе?

– Один.

– Кто ещё знает о том, что ты там была?

– Только Осинка.

Бирман издаёт что-то вроде стона:

– Ну как же не поделиться с подругой впечатлениями?! Я нажралась в стельку, сыграла в подстилку и ничего не помню. Просто класс!

Спокойно, ведьма, спокойно. Он и сам не понял, что сказал.

Помолчав, я ровным тоном замечаю:

– Если я не знаю, Френд тем более не узнает.

– Осинка сдала все твои тайны. И если не самому Френду, то кому-то, кто поделился с ним всеми подробностями. Пока ты молчишь, Френд убивает. И убивает в порядке очерёдности. Четвёртый мужчина – четвёртый смертник.

– Я не молчу, я не знаю.

Привяжет к позорному столбу и грязью закидает?

Ещё одна бесполезная пауза, ещё один вопрос сыщика:

– А Раф Айратов?

Надо пройти по тонкому льду близко к правде:

– У меня с Рафом ничего не было. Он по доброте душевной здорово выручил меня. И я помогла ему в ответ. Никакого отношения к делу это не имеет, клянусь. Я даже не знала, что Дорик с ним знаком.

В стальных глазах мелькает опасный огонек. Бирман страдальчески шлёпает себя по лбу рукой и выдаёт кое-то интересное:

– Айтишника, работавшего на Рафа, убивают после скандального увольнения. Бывшая подруга айтишника копается на месте убийства и встречается с Рафом. Расстреливают одного из заместителей банкира. Срывается крупная сделка по продаже строительного холдинга – банк отказывается выступить гарантом. Продавца холдинга обвиняют в мошенничестве. И что, вся эта катавасия не имеет отношения к делу?

– К убийствам Френда – точно нет.

Бирман резко встаёт, табуретка падает, меня пугает громкий звук, и я вжимаюсь в спинку дивана.

– Если есть что-то, что мне лучше знать, выкладывай сейчас.

– М-мне нечего сказать.

– Врёшь.

Раскалённым железом клеймо поставит?

Капитан отворачивается и уходит.

Я прячусь в норку из одеял. С головой.

Не думать, ни о чём думать, ничего не вспоминать!

Красные брызги на щеке… Я смазала их перчаткой. Куда делись те перчатки? Я их уронила, и они сгорели вместе с клубом? Или Четвёртый сжёг их в камине? Нет, в камине он сжёг мои балетки. Они пропитались чем-то липким. Коньяком? Кровью?..

Я знаю, что такое «в стельку». Одоевский меня спаивал – учил расслабляться. А с Дориком я напивалась сама… Когда замаячила новая жизнь, я дала зарок, что ничего не испорчу. И я отказывалась от любого алкоголя.

Нельзя верить продажным тварям. Одоевский вдалбливал мне это каждый день. Но я согласилась выступить на вечеринке Жуи. Нимфа раскручивала папика, а я не понимала, что тварь не побрезгует любой добычей.

Что-то отупляющее подмешали в воду в моём стакане. Меня быстро повело, и это было странное состояние – не такое, как от вина или водки. Жуи меня тупо продала…

Кто лил коньяк на тело этой твари? Кто бросил зажигалку? Точно не Четвёртый. Но ствол у него был. И не только у него. Я не помню, с чего началась драка. Или я её не видела? Последнее, что осталось – как я оглядываюсь из машины на горящие окна…

Выбравшись из норки, я жадно глотаю воздух из форточки.

Душно как. Совсем нечем дышать.

В коридоре тихо. Бабушка посапывает в своей кровати. Бирман спит в маленькой комнате, за двумя дверями. Я проскальзываю в ванную. Тоненькая струйка воды никого не разбудит – умоюсь, успокоюсь.

Слезами горю не поможешь… Я не знаю, кто такой Четвёртый. Зато он знает, что пролил кровь из-за Ривки. Если он услышит о ней – он придёт. Тогда и поквитаемся.

На обратном пути я спотыкаюсь о стопку книг и едва не падаю. Рядом ведь нет никого? Но как будто кто-то есть. Дух библиотеки? Да ладно… Станцуем, дух?

В прихожей громоздится трёхстворчатый шкаф с большим зеркалом посередине. Включив маленький светильник на стене, я заглядываю в зеркальный мир – ты там, Ривка? Давно не виделись. Ты мне нужна, возвращайся.

Отойдя на свободный пятачок, я вскидываю руки и изгибаюсь в горделивой стойке.

Привет, байлаора, покажи, что помнишь.

А ты, красотка кабаре, зажги «Весь этот джаз».

Твой выход, тангера, давай любимое – Пьяццолу… [6]

Кляча ты, Рита. Какие танцы? Ужас ужасный.

Иди уже спать, хватит выдуриваться.

[6] Байолаора – танцовщица фламенко, тангера – исполнительница танго.
«Весь этот джаз» (All That Jazz) – композиция Д. Кантера и Ф.Эббома из бродвейского мюзикла «Чикаго».
Астор Пьяццола (1921-1992) – аргентинский композитор, создатель стиля танго нуэво.

52-Б. Козыри на руках

Невыспавшийся Бирман встречает Влада без энтузиазма:

– Кофе будешь? Я покрепче сварю, а то глаза слипаются. Что у нас по плану?

– Лорд совещание собирает.

– Опять? Шёл бы он… Задолбал.

– Птичка спит?

– Это единственное, что она умеет делать.

– Что это ты такой сердитый? Она тебя покусала?

Просыпав кофе, капитан ругается и выкладывает:

– Да если бы. Прикинь, Лорд прав насчет проблем Айратова. Рита и там свои ручки приложила. Только не с той стороны – она банкиру помогла. И, похоже, в этом не врёт. Лорд не зря бесится – она и здесь нас прокинула.

– Шустрая девочка. И знакомства у неё занимательные.

– Ума не приложу, что с ней делать.

Влад разводит руками, и подкалывает приятеля:

– А ты её не боишься?

Бирман выразительно фыркает и в тон отвечает:

– Разве не заметно? Весь трясусь от ужаса.

– То-то я смотрю, ты нервный такой. А, вообще, я серьёзно. Ты её ледяные глаза видел, когда она про лавочку рассказывала? У меня от её взгляда всё внутри замёрзло. Есть в ней что-то злое, тёмное.

– И что здесь удивительного? Помнишь, она сказала, что Одоевский был добр к ней? Если это добро, то зло я даже представлять себе не хочу.

– Главное, чтобы она это зло на наших шеях не представила.

– Пока она библиотеку дрессирует, мы вне опасности.

Влад кисло улыбается, давая понять, что в столь простые решения не верит. Бирман зевает и спрашивает:

– Кстати. Я мог пропустить, но, может, тебе попадалось – Рита училась танцевать?

– Нет. Не училась. А что?

– Да так. Приснилось.

Помолчав, Влад с лёгкой тревогой напоминает:

– Ситуация усложнилась. Лорд тебя живьем съёст.

– Лёвка что-то подозревает. Я заврался насчёт того, как нашёл Риткину нору. А у этой живой фрески особый нюх на враньё. Но деваться некуда, лучше я с ногами на табуретке ещё год посплю, чем подставлюсь на укрывательстве ведьмы.

– А ты с ней вместе спи. Диванчик разложишь, места хватит.

Поёжившись, капитан отметает эту идею:

– Стрёмно. Переломаю фигурантку. Или придавлю.

Влад всхлипывает куда-то в чашку:

– Ой, не могу, Серёга. То есть, в принципе, ты не против?

Бирман улыбается:

– В принципе – не знаю. Ту нахалку, что в первый раз к нам пришла, я бы поцелуем побаловал. Но как-то не сложилась тема: то у неё бланш под глазом, то мужик на прицепе. А заразу с зелёной головой я даже не знаю, к какому виду отнести. Инопланетное что-то.

Хихикнув, Влад выдаёт тайные планы сестры:

– У Лельки для тебя учительница есть. Вроде бы хорошенькая. Наверняка тебе её представят – не на новый год, так в день рождения.

– И зачем мне это счастье?

– Вручат в бантике и будь счастлив, как хочешь.

Состроив скептическую гримасу, Сергей отмахивается:

– Надо у Ритки спросить насчет счастья. Не зря же полгорода её предсказаниям верит. Пусть наколдует что-нибудь хорошее.

Кофе не очень-то помогает. Бодрый Влад рассказывает что-то про смотрины, но Сергей не улавливает, что к чему.

А ещё через полгорода по пробкам тащиться.

Бирман просит время для короткого доклада, и Лорд обещает выкроить хотя бы пару минут. Но во время совещания майор подчёркнуто игнорирует и Сергея, и Влада – нет на месте районных сыщиков никого, только стулья сами с собой разговаривают. Совещание затягивается, пяти минут не остаётся, и Лорд обещает, что следующий сбор команды обязательно начнётся с выступления капитана.

Влад и Сергей выбираются на улицу, и Сергей мрачно замечает:

– Ты пацак, я пацак, а мистер Власть у нас – чатланин.[7] Так вот войны и проигрываются.

Влад утешительно хлопает друга по плечу:

– Чёрт с ним, пусть он в банковских разборках ковыряется. Козыри у нас на руках.

– Слушай, есть у меня одна идейка. Всё равно нам Лорд ничего не даст делать. Мы у него как кость в горле – ни проглотить, ни выплюнуть. Давай сами в квартире Рогальского покопаемся?

– Да там Фенек уже копался. Сказал, что ничего интересного нет. Рогальский этот оказался плюшкиным, весь его кабинет завален старыми буклетами, рекламками, переписками. Прикинь, даже календари перекидные аккуратно сшивал и складировал.

– Поехали, сами глянем. Птичка нас на крупное дело навела. И мы знаем больше всех. Фенек мог что-нибудь и пропустить.

Влад кивает и направляется к машине друга.

53-Б. Фиаско и удача

Бирман с третьей попытки паркуется на узкое место возле жилконторы. Да, не ювелирно, ну и что? Влад старательно делает вид, что ничего не замечает. Не самая удобная гимнастика, но ему не впервой вылезать через водительское место.

Выйдя на нужную улицу, Сергей автоматически ищет магазин или какую-нибудь дверь с надписью «кофе». И первым замечает пожилого мужчину с тростью, неторопливо бредущего вдоль улицы с видом праздношатающегося пенсионера.

Толкнув Влада в бок, сыщик тихо шепчет:

– Я за кефиром пошел, а тут космические пираты.[8] Вон, на другой стороне Френд гуляет. Возьмем «дружочка»?

Влад остужает пыл друга:

– Давай посмотрим, что он делать будет. Он ведь к Рогальским идет. Пусть идёт себе. Где-то тут должны быть ребята Лорда.

– Логично. Зайди в магазин, будто за пивом, звякни Лорду. Спроси, что нам делать. А я пока за «дружочком» присмотрю.

[7] Кинофильм «Кин-дза-дза!», реж. Г. Данелия, «Мосфильм», 1986 г.
[8] Телефильм «Гостья из будущего», киностудия имени М. Горького, 1984 г.

Влад вразвалочку направляется ко входу в супермаркет и уже от дверей кричит:

– Какое брать?

– Какое в прошлый раз брали. И сигарет прихвати.

Остановившись неподалеку, Бирман зачитывается афишей о гастролях рок-группы. Но не слишком. Так, стоит человек, друга ждет, со скуки глазами по буквам скользит.

Френд неторопливо шагает в сторону дома Рогальских. Несколько его быстрых оглядок подтверждают, что он опасается хвостов. Значит, надо делать всё очень аккуратно.

Проходит несколько томительных минут. Френд доходит до подъезда и скрывается за тяжёлой дверью. Бирман меняет место наблюдения. Вроде как афиша надоела, и теперь он любуется воробушками на газоне. В глазах вынырнувшего из супермаркета Влада плещется недоумение:

– Ждём. Их величества сами приедут преступника арестовывать. Но мы здесь одни. Нет ни наблюдения, ни засады.

– Класс. А что так?

– Где-то в другом месте все сидят.

– Одну точку прикрыть нельзя? Что ещё сторожить?

Влад пожимает плечами. Через некоторое время оперативники замечают приближающуюся по противоположной стороне улицы парочку. Ладная крепкая женщина держит под руку светловолосого парня с остреньким носом. Парочка никуда не спешит и ничем не показывает, что знакома с мужчинами, потягивающими пиво. Бирман ехидно улыбается уголком рта:

– Аиша. Говорят, эта малышка самого Чарли на лопатки положила. И Федька Иванов, он же Фенек или человек-лиса. Секретное оружие Особняка. Без пяти минут чемпион. По стрельбе. Из лука. Лично я предпочел бы увидеть Гончаренко и Мерзлякова.

– Они тоже здесь.

Влад кивает в направлении дальнего конца улицы. У тротуара тормозит два автобуса. Из переулка выворачивает чёрный «мерседес» и медленно едет по правой полосе, словно подыскивая место для остановки.

Бирман метко сплёвывает на подставку урны:

– Как думаешь, мы ещё нужны или можем свалить?

– Останемся. Посмотрим, как мистер Власть сработает.

– Не пойму, что он собирается делать. Даст Френду выйти? И что дальше? Мы с тобой в качестве живого щита? Без оружия?

Влад небрежно водружает едва начатую бутылку поверх кучи мусора в урне:

– Не оглядывайся. Наш клиент изучает обстановку из окошка над подъездом.

– То есть психопат, но с мозгами. Опасный вариант.

– Всё, пропал.

– Знаешь, я на него посмотрел, и мне мысль одна пришла. Откуда все эти знакомые Рогальского знали, что Френд уехал в Америку? Скорее всего, от самого писателя. Зачем же ему мутить воду и выдавать двадцать разных историй вместо того, чтобы всем стройно соврать одинаково?

– Чтобы случайно не накрыли с враньем. Соврёшь о режиссере, обязательно найдется умник, знающий пофамильно всех маломальски значимых режиссеров. А так все думают, что сами чего-то напутали. Хотя тоже слишком сложно.

– Не был Френд ни в какой Америке. Исчез на несколько лет так, что ни слуху, ни духу, ни его самого никто не видел.

– Ёлки-палки… Думаешь, он сидел?

– Ага. Есть в нём что-то такое. Тёртый он калач. И вышел он незадолго до новой серии убийств. Фотографа бы потрясти, кто его надоумил сделать фотки Риты под мамашу? Не удивлюсь, если сам Рогальский. Думаю, и он, и Маша могли знать, что происходит.

– Бедная Ритка.

– Ей этого не говори.

– Опаньки, вот он, выходит.

Дверь подъезда открывается медленно – с рвущим душу скрипом, по одному градусу, тяжёло преодолевая радиус поворота.

Замедление времени компенсируется ускоренным развитием дальнейших событий. Френд с неожиданной грацией и ловкостью перебегает улицу и практически на ходу вскакивает в чуть притормозившую потрёпанную «девятку». Машина резко уходит вперёд – под визг тормозов и шуршание шин разворачивающегося «мерседеса». Обе машины скрываются из вида.

Переглянувшись, сыщики бегут следом. По другой стороне улицы несутся Фенек и Аиша. На ближайшем перекрестке в неловкой позе сидит женщина. Аиша бросается к раненой, выкрикивая

что-то в рацию. Прохожие останавливаются, образуя круг любопытных вокруг пострадавшей. А кто-то уже снимает картинку происшествия на мобильный.

Аиша кричит коллегам:

– Отскочила сама и упала.

Бирман с Владом останавливаются ещё через два двора. «Жигуль» с раскрытыми дверьми стоит в центре перепаханной колёсами клумбы. Возле развернутого поперёк дороги «мерседеса» в непринужденной позе стоит Слава Мерзляков – ещё один сотрудник Особняка:

– Перебежали на параллельную улицу, там вторая машина была приготовлена. Оторвутся немного и ту тоже бросят. Город перекрыт, но…

– Водителя рассмотрели?

– Большие чёрные очки особенно хорошо.

Бирман выдаёт пару выражений из морского лексикона.

Мерзляков кисло улыбается:

– С Лордом обсудишь. Вы как сюда попали?

– Так это мы на Френда наткнулись. Нехорошую квартирку решили навестить и – ух ты! – неожиданная встреча.

В рации Мерзлякова оживает голос Лорда. Из леса нецезурщины следует, что подозреваемые растворились в лабиринте мегаполиса.

В начавшейся суматохе Бирман отводит Влада в сторону и предлагает:

– Пока Лорд тут всё разгребает, пойдём, попытаемся понять, зачем Френд припёрся на квартиру к старому дружку. Займёмся тем, что и планировали. А Колька пока свежим взглядом поищет Френда в списках «чистых совестью».

Влад оглядывается на коллег из Особняка, хмурится и поворачивает обратно к дому Рогальского.

Осмотр затягивается. Влад почти сразу натыкается на конверт с фотографиями, о котором упоминала Рита. Разложив снимки на столе, сыщики разочарованно вздыхают. Ничего нового.

Следующей находкой становится кипа писем «для Джека», подписанных Машенькой. Изучение нескольких из них подтверждает – это письма Рогальскому от жены. Дат в письмах нет, равно как

и значимого содержания. Все они сводятся к общему знаменателю вроде «Люблю, целую».

Бумаги там, книги здесь, листочки на столе, комки под батареей. После двух обысков не так-то просто понять, какого порядка в кабинете придерживался сам Рогальский.

Через два часа Бирман, признаёт, что затея ничего не дала. И напоследок вытаскивает из дальнего угла аккуратно сброшюрованные листочки старых перекидных календарей. Перелистав первую попавшуюся ветхую книжечку с почти пустыми страницами, он натыкается на короткую запись: «День учителя. Мурад». На следующем листочке значится: «Крымский мост. Красиво».

Мурад. Было. Приключение на подоконнике.

Влад, посмотрев на ломкие листочки, восхищается:

– Везучий ты чёрт, Серёга.

Бросив копаться в стопках рукописей, Влад присоединяется к Сергею. Два сыщика внимательно перелистывают календари…

54. Семейный пасьянс

Ноги не гнутся. Руки трясутся. Танцевать я могу только партии деревянных кукол. Ничего. Приводить себя в порядок я умею.

День проходит, как обычно. Ближе к вечеру раздаётся звонок. Дребезжащий, словно скребущийся по железке звук изрядно меня пугает. Паша приводит меня в чувство, крикнув, что это телефон.

В прихожей, прямо на стене висит старый громоздкий аппарат с забавным кругляшом цифр. Сняв трубку, я слышу сосредоточенный голос Бирмана:

– Быстро. Историю про Мурада.

Я излагаю драму Софьи Руденко. Бирман чем-то шуршит в трубке, но не перебивает. Когда я умолкаю, он распоряжается:

– Я сегодня не приеду. Читай пока книжки, я потом тебе всё объясню. Бабушку покорми. Будь умницей.

Бирман не возвращается ни в эту ночь, ни в следующую.

А я погружаюсь в русскую классику. Высокий слог, обнаженные чувства, благородные идеалы – что ещё нужно, чтобы оторваться от действительности?

К полуночи третьего дня троица сыщиков вваливается в квартиру. Судя по грязным брюкам и ботинкам, мастера сыска обследовали котлован какой-то стройки. Бирман выглядит довольным, Влад чуточку навеселе, Колька добродушен, но что привело компанию в столь хорошее настроение, мне не объясняют.

Влад предлагает мне баночку пива, но нарывается на запрет капитана: «Инопланетянам не наливать!». Пожав плечами, Влад заботливо советует мне:

– Иди в кроватку и баиньки.

За три дня мужчины не наговорились, поэтому ещё долго и эмоционально обсуждают что-то на кухне.

А я как-то резко разочаровываюсь в страданиях обречённой русской интеллигенции. Можно мне книжку повеселее?

Утром я просыпаюсь первой – и обнаруживаю в соседних комнатах сонное царство. Будь я кровожадной злыдней, такого шанса не упустила бы. Но мной завладевает умиление.

В спящих мужчинах есть нечто трогательное. А спящие волевые мужчины затапливают женское сердце нежностью и тёплым желанием позаботиться. Видишь великана Влада, неуклюже скорчившегося на тонком матрасе прямо на полу, и руки сами тянутся подоткнуть ему под спину сбившееся одеяло. У Кольки, оккупировавшем детскую кушетку, замечаешь большую ссадину на ладони и думаешь, что надо бы её помазать зеленкой. А Серёжу, сладко дрыхнущего на древней раскладушке, хочется погладить по голове, как хорошего мальчика.

Нечто схожее я чувствовала, когда однажды в походных условиях выхаживала больного Энского. Прекрасная Елена смеялась, что это нерастраченный материнский инстинкт. Может, и так. Когда-нибудь проверим. Только самому Энскому до умопомрачения хотелось, чтобы это Ленка, а не я, поила его чаем и проверяла температуру прикосновением губ к горячему лбу.

На почве сентиментального помутнения мозгов меня тянет на свершения. Я готовлю обед. Настоящий обед – с закуской, супом, булочками, котлетами, салатом и компотом. Готовить изысканные яства я не умею. Но сделать что-то простое и сытное иногда могу.

Бабушке нравится мой суп, и она даже просит добавки. А вот трое мужчин лопают первое-второе-третье-десерт-пятое быстро

и молча. Но мне достаточно видеть, с каким аппетитом они уплетают шедевры моего кулинарного искусства.

Средневековые инквизиторы явно ошибались с методами перевоспитания ведьм. Испанские сапоги и железные гробики с шипами будят в нас одну только злость. И отзвуки тех древних проклятий все ещё витают над миром.

На самом деле ведьма безопасна в спокойном месте. В компании милой старушки и благородных мужчин. От такой жизни у ведьмы размягчаются мозги, и её заклинания теряют всякий смысл. Вместо того, чтобы думать о пакостях, ведьма изучает кулинарные рецепты, а также мается сомнениями: не предложить ли одному из сыщиков поменяться спальными местами. Всё же на диване намного удобнее. А ведьме не привыкать спать хоть на асфальте.

От досужих размышлений меня отвлекает Влад. Прикончив второй стакан компота, он отодвигает табуретку и расслабленно облокачивается на столешницу:

– Хорошо, что сегодня воскресенье.

Я дарю ему нежную улыбку и предлагаю ещё булочку, но вмешивается Коля:

– Рита, а родители тебе о бабушках-дедушках не рассказывали?

– Они все умерли, насколько я знаю. А что?

Коля вопросительно косится на Сергея, и тот кивком разрешает ему продолжить:

– Объясни ей.

Ой, спасибо, капитан. Ты где на Лорда насмотрелся? Один в один интонация. Только у него естественно получается, а у тебя смешно.

Колька сцепляет пальцы рук и выкладывает главную новость:

– Мы знаем, кто такой Френд.

Я медлю, но понимаю, что от меня ждут немедленного любопытства. Ладно, спрошу:

– И кто же?

– Сводный брат твоего отца. То есть твой сводный дядюшка.

Зря я думала, что ко всему готова. Сыщики явно удовлетворены моим очевидным изумлением.

– Я заинтригована. Папа никогда не говорил о брате.

Коля объясняет:

– Ещё бы. Эта история на большой роман тянет. Вкратце получается так. Твой дед Дмитрий Рогальский женился по большой любви на некоей Маше. По одним данным – Крошевой, по другим – Хаврошевой. Родившийся от этого брака сыночек Евгений – это твой папаша. Прожив в браке с десяток лет, Маша воспылала страстной любовью к инженеру Борису Симонову. А у Симонова имелись жена Галя и сыночек Гоша, он же Жора. Это и есть Френд. Но пацаны переделали свои имена на английский манер: Женя стал Джеком, а Георгий – Джоржем. Поэтому в письмах к твоей матери Френд подписывался как Джордж.

– Нас с Кириллом чуть не убили из-за этих писем?

– Нет. Мы нашли ещё несколько таких – бред про ангелов, время и познание света. Слушай дальше. Симонов был крупной шишкой, для него развод был крайне нежелателен. Рогальский не хотел отпускать Машу. Не знаю, как они договорились, но до окончания школы мальчики жили с Рогальским и Галей, но в огромной квартире Симонова. А Маша с возлюбленным ютились в маленькой квартирке, которую позже твой папаша и поменял на трехкомнатную. Такой вот переплёт.

Колька с торжеством смотрит на меня, но я пожимаю плечами:

– Лучше бы все вместе жили. Честнее как-то. Да и в быту проще. У одной секс, а другая пока посуду моет.

Влад с Бирманом дружно ржут.

– Что смеяться? Два отца любят одну женщину. Два ребёнка конкурируют за одну мать. Пацаны с детства травмированы такими пасьянсами. Выросли – и воспроизвели знакомый расклад.

Бирман фальшиво и не в рифму напевает:

– Если бы дети разведёных родителей за ножи хватались…

Влад между руладами приятеля вставляет:

– Мы отца твоего про семью расспрашивали, но он ни слова про Симоновых не сказал. Уверял, что у его родителей был счастливый брак. Знаешь, кто всю эту подноготную выдал?

– Ну?

– Галина Симонова. Она, между прочим, тебя помнит. И братцев твоих тоже. Маша, которая твоя мама, а не бабка, дружила с ней. И вас троих этой как бы свекрови иногда подкидывала. Галина сейчас в Коломне живет, в женском монастыре.

После паузы я подмечаю:

– Какое роковое имя в семье – Маша. Столько женщин на свете, а все Рогальские западают на Маш. Вы не знаете, а никого из прабабок так не звали?

– Мы, Риточка, не генеалогическая контора, мы убийства расследуем. Но… у Маши, которая бабка, родилась от Симонова девочка, которую тоже назвали Машей. Эта Маша умерла ещё маленькой. С этого всё и начало разваливаться.

Коля перехватывает у Влада эстафету рассказчика:

– Кстати, Рогальский и тебя Машей собирался сделать. Но твоя мать отстояла Маргариту. Мы думали, это в честь какой-нибудь известной женщины, но оказалось, что ей просто нравились маргаритки.

– Наше семейное сумасшествие передаётся по воздуху, не по крови или имени. А что там начало разваливаться?

– После смерти ребёнка у Маши, которая бабка, снесло крышу. И через пару лет она вдруг вернулась к Рогальскому. Однажды нарисовалась на пороге и сказала, что готова всё простить и начать сначала. Галя сразу выставила Рогальского и быстро-быстро обернулась – и мужа, и вещи его забрала. Симонова хватил инфаркт, потом второй. Ещё лет пять он протянул, но в итоге от сердечной недостаточности помер. Мальчики, кстати, так с Галей и остались. Но они уже взрослые были.

Колька быстро делает пару глотков компота и продолжает:

– И Рогальские недолго новым счастьем наслаждались. Маша начала пить. Сначала по-домашнему – настоечками набираться к вечеру. Потом хуже и хуже. Умерла она страшно, в пожаре. Был старый дом в деревне, и Маша по-пьяни что-то с газом напутала. Сгорело всё дотла. Старший Рогальский после этого уговаривал сына вернуться, вроде как семью восстановить, но тот наотрез отказался. Тогда твой дед сыночка проклял и в религию ударился. Он, Рит, только три года как умер – в Индии.

– Затейливая семейка. Бабку жалко. А папаша мой со своим предком, наверное, общался. Труд по Индии ведь наклепал – «Веды и межпланетные связи».

Бирман резко переходит к событиям более близкого прошлого:

– С гуру Рамакришнан твой папаша вряд ли общался. Зато был в курсе всех дел Френда. Он знал об убийствах. Он записывал

в календарях событие, имя жертвы и место убийства. Мы нашли отметки обо всех трёх случаях, что ты раскопала.

Я догадываюсь, что означает лёгкая заминка в его голосе, и спокойная безмятежность дня разлетается вдребезги.

– Есть ещё пять похожих записей. Последняя – убийство, за которое Френду дали пятнадцать лет. Оно никак не связано с твоей матерью. Потому что совершено аккурат на следующий день после её похорон. Френд по пустяковому поводу выломал из забора доску и разбил голову ни в чём не повинному парню. Ничего не напоминает?

– Но пятнадцать лет…

– Ещё не прошли. Примерное поведение, сотрудничество с органами, положительные характеристики. Он вышел около года назад.

В стальных глазах проносится сомнение. Бирман не решается озвучить то, что и без него понятно.

– Чтобы вы его поймали, я должна отсюда вылезти и стать приманкой…

– Мы должны быть уверены, что контролируем ситуацию.

Что тут скажешь? Лучше всего, конечно, быстро сделать ноги. Никто меня не найдет в каком-нибудь Перепутьевске. Но что-то меня держит. Глупое чувство благодарности? Или азарт рисковой игры со ставкой в собственную жизнь?

Я изображаю нечто вроде поклона:

– Познакомьтесь, товарищи офицеры, это Сыр. Вкусная приманка, за которой Френд придет хоть на край света.

Шаркнув ножкой и выпрямившись, я развожу руки в стороны и весело сама себе отвечаю:

– А это Повелители Пружинки, которая захлопывает Ловушку. Которая ловит Джорджа. Который хочет украсть Сыр. Который спрятан в доме, где живет Бирман.

Сергей кисло улыбается. Влад с Колькой отводят взгляды.

Ужин готовить не буду, даже не надейтесь.

55. Предсказания

Мужчины уезжают и возвращаются с месячным запасом продуктов. Забивая шкафы и холодильник, они, явно специально, говорят о другом деле. Как распределить ножевые ранения между тремя подозреваемыми, которые одновременно являются и жертвами? Бирман предлагает поделить примерно поровну, а Влад считает, что тот, кто упал первым, смог нанести меньше ударов, чем два его дружка. Как сыщики ухитряются переключаться и не путаться?

Ту же занимательную тему сыщики развивают и во время вечернего поглощения пельмешек. А я в этой беседе оказываюсь ничего не понимающим китайским болванчиком, причём со сломанным механизмом кивания.

Когда я встаю, чтобы убрать тарелки, Колька вдруг перестаёт воспринимать меня как предмет интерьера. Раскачиваясь на стуле, он спрашивает:

– Рит, а ты, правда, умеешь предсказывать будущее?

Умею. И в шары хрустальные умею смотреть – там прикольно свет преломляется. И в кофейной гуще могу увидеть гиппопотама. А ещё у меня реклама над головой сияет: «Ведьма Рита. Приворот-отворот. Заговор-выговор. Амулеты-талисманы. Бонусы-скидки. Глупости бесплатно».

В серьёзном взгляде Кольки нет ни крошки сомнения. Он верит в меня? В мои предсказания? Вот это я влипла…

Небрежно отмахнувшись, я отказываюсь от прорицаний:

– Болтают.

– Да ладно тебе. Расскажи, кого что ждёт?

– Не могу.

– Боишься, что мы тебя разоблачим?

– Да что там разоблачать. Любое предсказание – игра словами. Обещаешь всем подряд любовь – никто не отказывается. В каком-то проценте случаев срабатывает – вот все и верят.

– Так пообещай нам любовь. Что тебе стоит?

Хотела бы я знать, чего такие обещания стоят. А то раздаёшь кредиты направо-налево, а потом баланс не сходится. Как было бы просто – один кругляшок налево, другой направо. Но тонкая ткань вселенной устроена как-то иначе.

Передо мной сидят трое очень разных мужчин. Каждый по-своему красив, каждый достоин любви, каждый мечтает о счастье. Каких женщин они видят рядом с собой?

Образы обретают очертания, проявляются из тумана вероятностей. Что ж, умники, вы сами напросились.

Я ведьма. Я вижу, что вижу. Значит, так и будет.

Вдох, выдох. Загадочная улыбка. Начну с верзилы:

– Ты, Влад, встретишь Русалку. Своенравную морскую деву с длинными ногами. Тебе будет казаться, что такая девушка и не посмотрит в твою сторону. Но всё, что тебе нужно сделать – первый шаг… Приятели будут посмеиваться, что ты у милой под каблучком. Но никто не будет любить тебя так преданно и безоглядно. Не переставай говорить ей о любви и проживёшь с ней в согласии до старости…

Переборщила. Влад отшатывается только что не с ужасом. В его голосе прорываются откровенно панические нотки:

– От-откуда ты знаешь?

– Да так, пришло в голову. А что, ты её уже встретил?

Сергей и Коля пялятся на приятеля, переглядываются и сверлят меня недоумёнными взглядами. Влад порывается что-то сказать, но бросает на меня ещё один затравленный взгляд и передумывает.

Помолчав, Бирман и успокаивает, и подначивает друга:

– Выкладывай, не таись. Все свои. Поймём, а то и поможем.

Влад сминает в широких ладонях салфетку и очень тихо, смущённо признаётся:

– Я в бассейне плаваю, и туда ходит одна девушка. Очень красивая. Рита сказала «Русалка», меня как стукнуло: точно, Русалка и есть. Плавает она как богиня. Я её вижу – и забываю, как дышать. Но я никому об этом не говорил.

Бирман скептически улыбается:

– Так всего-то и надо – подойти да заговорить.

Коля хлопает в ладоши:

– Наш большой человек влюблён и страдает. Рита, а расскажи про меня? Мне тоже нужна красавица.

Покачав головой, я описываю девушку для очкарика:

– Твоя избранница будет Амазонкой. Сильной, смелой, гордой. Не поддавайся сразу её чарам, позволь ей самой завоевать тебя,

и она пойдет за тобой хоть на край света. Вы будете спорить и даже ссориться, но счастливы будете только вместе.

И снова я что-то угадала. Коля бледнеет, от его беззаботной улыбки не остаётся и следа, а в глазах мелькает недобрый огонёк.

Влад издевательски бросает:

– От ведьмы не скроешься. Да, Колян?

Зачем я поддалась на провокацию? Сейчас встревоженные сыщики сожгут меня на костре. В назидание всем остальным ведьмам-дурочкам – чтобы не болтали.

Коля горестно вздыхает и неожиданно сознаётся:

– Это Аиша.

Сергей удивляется:

– И как тебя угораздило? Говорят, она котлетки из мужчин на завтрак ест, а в обед косточки обгладывает.

– Она совсем не такая, она ранимая, чуткая. Мы по делу разговаривали. А потом она сама позвонила…

Я вытираю руки и отступаю к двери, но Бирман не даёт мне увильнуть мне от третьего пророчества:

– Стоять. А как же я? Наколдуешь мне любовь?

Взялась за саночки – тащи их до самого верха. Но образа для решительного капитана у меня нет. Мне мешает видение – суженая Сергея не встретит его, он останется на поляне в осеннем лесу.

Из рассохшейся форточки тянет горьким запахом дыма. Говорят, бабочки вызывают землятрясения. А птички? Тряхнёт из-за меня где-нибудь в Атлантике? Даже если нет, за одну попытку взмахнуть крылышками вселенная выставит мне круглый счёт.

Но это случится уже потом.

– Серёжа…. всё у тебя будет. Всё, что захочешь – любовь, деньги, власть. Запомни только одно… Однажды ты будешь бежать через лес. Через холодный лес с жёлтыми листьями. Ты будешь рваться вперёд, изо всех сил. Но… что бы там ни было, ты не успеешь… Не беги туда, остановись… Прошу тебя, заклинаю – тебе туда нельзя…

Я ещё шепчу нелепый запрет, но уже знаю, чувствую, что Бирман не воспринял его всерьёз. С весёлой улыбкой он скептически уточняет:

– И что же будет в том лесу?

Надо опустить стиснутые у груди руки. Всё напрасно.

– Я не знаю. Но это не бред, не прихоть. Поверь…

Нет, не поверит. В сером взгляде искрятся смешинки:

– Лесная пробежка. Какая скука. И прогноз погоды так себе. За что мне такая немилость? Может, есть варианты повеселее? Нельзя мне тоже деву-воительницу или богиню какую-нибудь?

Во взглядах Влада и Коли плещется тревога. Сергей разводит руками, обращаясь к друзьям:

– Э-эх, мужики, выходит, я один лишенец.

Повисает неловкая пауза. Хихикнув, капитан перескакивает в незаконченный подсчёт ножевых ранений.

Остаток вечера я сижу в роли мебели, разглядывая переливы темнеющего неба за окном. Меня немного подташнивает, а в голове бьётся трелями старая скрипичная мелодия.

Изредка я ловлю на себе стальной взгляд, и каждый раз чувствую холодную боль. Словно мокрые ветки касаются моего раскрасневшегося лица.

Пока сыщики прощаются, я успеваю перемыть посуду и протереть пыль с двух больших ваз. Когда Сергей возвращается в мягкий свет старой люстры, я сосредотачиваюсь на оттирании пригоревшей сковородки.

– Ты сама придумала про жёлтый лес?

Шварк-шварк. Шмырг-шмырг. Нет ничего важнее гладкой поверхности этой большой сковородки. Но я отвечаю:

– Это образ, фантазия. Я начинаю о чём-то думать – и складывается картинка. Я не знаю, откуда это берётся.

– Что случится в лесу?

– Там опасно. Для тебя.

– Я встречу костлявую тётку в капюшоне и с косой?

– Может быть.

Бирман разворачивает меня лицом к себе и встряхивает:

– Рит, ты художественно и с удивительной интуицией морочишь людям головы. Наверное, это просто психология, но ребята теперь уверены, что ты читаешь все их тайные мысли. Это круто, только не верь своим же выдумкам. Ты расстроилась, как будто я уже лежу в этом неведомом лесу. Не переживай то, чего ещё нет.

Я не переживаю. Я лишь отчаянно надеюсь, что Серёжа вспомнит мои слова – и на мгновение притормозит.

Капитан с улыбкой разлохмачивает мои короткие волосы:

– В мире миллионы вероятностей. Даже если я попаду в жёлтый лес, никто не знает, что и как там сложится. Пока я туда действительно не попаду.

Я чувствую напряжение смертельных ос, спящих где-то в ожидании полета. Капитан не остановится. Даже зная всё, даже вспомнив мои слова, он рванётся вперёд.

Как сместить мир в другую вероятность?..

56. Алиса в стране абсурда

Утром я снова остаюсь без присмотра. Мрачное наваждение вечера рассеивается, сидя на кухне и потягивая восхитительно вкусный чай, я представляю себя московской барыней, которой нечего делать. Осенний дождь размазывает краски мира в одну серую кляксу, и мысли текут лениво, медленно…

Мой взгляд притягивается за окно – и как раз в этот момент в дальнем конце двора показывается знакомая серебристая морда «мерседеса». Я могла бы читать книжку или валяться на диване, но нет, я загляделась на стойки ворот именно тогда, когда между ними проехала машина Лорда. Я не сплю? Это тот самый «мерседес»? Может ли такое быть?

Может, Рита, может. За «мерседесом» во двор въезжает и почти сразу останавливается внедорожник, из которого высыпаются крепкие ребята в штатском. Что за невезуха? Неужели Бирмана кто-то сдал? Или Лорд вычислил чересчур уж активную деятельность вокруг квартиры капитана?

Телефон Бирмана не отвечает. Под зеркалом в прихожей прямо к обоям приколот листок с цифрами и пометкой «Для экстренных случаев. Алиса». Подсказка для врачей бабушки – и для меня. Посомневавшись, я набираю номер. Отвечает женский голос среднего тембра – приятный, ласковый:

– На проводе.

Прикольно. Провода-то у неё давно нет.

– Алиса, здравствуйте, меня зовут Рита, я знакомая капитана Бирмана.

– Я знаю, *кто* ты.

Выделенное голосом «кто» ставит на мне знак прочтения. Бирман, очевидно, предупредил её обо мне.

– А-а, хорошо. Я в квартире бабушки.

– Я знаю, *где* ты.

Алиса не требует объяснений – лёгким изменением интонации подталкивает к сути. Как бы это покороче растолковать?

– Во дворе коллега Сергея, кажется, он собирается вломиться сюда. Убежать прямо сейчас у меня не получится, но и надёжно спрятаться я не смогу. Вы можете найти Сергея? Он что-нибудь придумает, чтобы я смогла незаметно выбраться.

Алиса с явной радостью почти поёт в трубку:

– Не волнуйся. Я недалеко, сама приеду. Люблю цирк.

В трубке пикают короткие гудки.

Схватив на кухне большой пакет из супермаркета, я бросаюсь в комнату. Одним движением смахнув в пакет все бумаги, фотки, схемы, я засовываю получившийся свёрток в платяной шкаф, под старые юбки, волочащиеся по нижней полке.

Прасковья Сергеевна спит. Это и к лучшему.

Ещё минутка есть? Не люблю неряшество, но ставки высоки – на полу перед кроватью бабушки остаётся свёрточек памперса для взрослых. Чайная заварка придаёт памперсу нужный цвет – любой нормальный человек отведёт глаза и непроизвольно поморщится.

Нырнув под кровать, я отодвигаю широкую плетёную корзину чуть в сторону. Просочившись за неё в самый дальний угол подкроватного пространства, я втаскиваю плетёнку обратно, оставив себе минимально возможный уголок пола. Придётся лежать на животе, прижавшись одним ухом к полу.

Две-три тревожные минуты – и я слышу, как что-то скребётся в замке входной двери. Дом наполняется топотом нескольких пар ног в грубых ботинках.

– Маргарита, сдавайся! Тебе некуда бежать!

Лорд пропускате вперёд своих бойцов, а уже потом начинает личный осмотр территории. Но беглый осмотр ничего не даёт.

– Маргарита! Где ты? Выходи, ведьма! Я тебя достану!

Войдя в комнату бабушки, детектив закашливается:

– Фу... Эй, кто-нибудь, уберите эту вонючку отсюда.

Запаха чайная заварка не даёт, но теперь никто из незваных гостей не сомневается в его наличии. Судя по воцарившейся тишине, среди людей в комнате нет человека «кто-нибудь». Свёрточек с коричнево-жёлтыми разводами остаётся лежать на своём месте. Фыркнув, Лорд начинает поиски заново.

Лабиринт мебели не сдаётся. Ведьма не находится.

Искатели возвращаются в бабушкину комнату. Лорд издаёт радостное восклицание и, насколько я могу судить, усаживается на кровать бабушки. Прасковья Сергеевна просыпается, охает и дребезжащим голосом возмущается:

– Ирод, поспать не дал. Пошто припёрся, старый хрен? Лежи уже, не ворочайся, по белу свету зазря не шастай. Скоро прибуду к тебе, на постоянное место жительства. А пока отвали, змей проклятый!

Супруг Паши покинул белый свет четыре десятилетия назад. Интересный, наверное, был змей – один-единственный на всю долгую жизнь бабушки.

Лорд хихикает:

– Маргарита! Опять твои игры? Думаешь, можно на одном трюке выезжать? Загримировалась ты здорово, но обдурить меня у тебя не получится. Ну-ка, снимай шмотье!

Надо мной началась какая-то возня.

Ну и фантазия у Лорда… Надо же додуматься! Мне бы и в голову ничего похожего не пришло. А ведь идея крутая, почти по сценарию Красной Шапочки, только вместо волка – маленькая ведьма Рита…

– Что здесь происходит?

Теперь я узнаю этот голос в любых обстоятельствах. Мягкие нотки заострились и стали наждачными – даже не видя Алисы, любой понял бы, что она балансирует на грани гневной истерики.

– Не волнуйтесь, мы из особого отдела. По нашим данным, здесь прячется преступница, обвиняемая в убийстве нескольких человек. Она замаскировалась под старуху.

Властный голос не успокаивает, а констатирует факты. И хочется поверить, согласиться. Но наждак в голосе Алисы трансформируется в кактус с острыми ядовитыми иголками:

– Что за чушь! Это моя бабушка! Прасковья Сергеевна Бирман. Ей недавно исполнилось девяносто два года. Ни о каких обвине-

ниях и речи быть не может. Постыдились бы престарелого и больного ветерана войны обвинять! Лучше бы настоящих преступников искали! Немедленно отойдите от бабушки!

Я не вижу, что делается прямо надо мной. Зато глохну от пронзительного визга Алисы. Как она это делает? Надо взять у неё мастер-класс по технике извлечения настолько невыносимого и режущего уши звука. Пригодится в жизни.

Короткая тишина – и «динь-дилинь» телефона звучит колокольным набатом. Это меня визгом контузило.

– Степан, милый мой, выручай. Я попала в страну абсурда!

Я не знаю, как выглядит Алиса, и не могу её мысленно себе представить. Но её эмоции настолько чётко передаются голосом, что хочется зааплодировать. Страх, негодование, беспомощность плюс вера в силы собеседника – Алиса явно знает, как заставить мужчину заволноваться.

– Я у бабушки. Здесь полно чужих людей. Они говорят, что какие особые. Но один из них залез к бабушке в постель!

Сильно сказано. И со смешным подтекстом. Лорд понял, в насколько двусмысленную ситуацию себя загнал?

Алиса трагически всхлипывает. Надо мной что-то шуршит, и Прасковья Сергеевна бодро вносит свою лепту в абсурд:

– Ой-ой! Это же молодой перчик. Хорошенький какой… Иди ко мне, милок, иди к тётушке. Расскажи свои напасти, а я уж пожалею, приголублю…

Я впечатываю лицо в паркетины. Только бы не засмеяться, не захрюкать. Сквозь призывы бабушки прорезаются отчаянные вопли Алисы:

– Какой ужас… Я не могу поверить… Он пытался её раздеть! Боже мой, Степанушка, помоги! Спаси нас! Я в шоке!

Всхлипы усиливаются. И разом заканчиваются – Алиса бархатно и вежливо обращается к Лорду:

– Мальчик, возьмите трубку, с вами хотят поговорить.

Бедный Лорд, как она его щёлкнула. Перенесёт ли самолюбие мистера Власть такое обращение?

Не знаю, кто и что говорит Лорду по телефону, но в конце разговора «мальчик» по-военному чеканит:

– Есть! Слушаюсь!

На кровати возникает какое-то шевеление. Алиса издаёт ехиидный смешок:

– Пашенька, отпусти его. Он больше не будет.

– Ну нет, милая. Ты иди, куда шла, по своим делам. А мне не мешай. Мы с хлопчиком сами разберёмся.

Бабушка явно наслаждается ситуацией. В череде однообразных дней – и вдруг такой праздник.

– Прасковья Сергеевна, прошу прощения. Я обознался.

Ого! Оказывается, Лорд умеет не только приказывать, но и просить. Хотела бы я хоть одним глазком взглянуть, что происходит.

Лорд встаёт с кровати бабушки, но не уходит. И его подчинённые остаются на своих местах. Минута, максимум две – и кто-нибудь догадается заглянуть под кровать. Все мои силы уходят на то, чтобы дышать максимально тихо.

Раздаётся дробный стук – в квартиру врывается ещё один отряд.

– В коридор! По одному!

Сестра Бирмана счастлива с военным. Значит, Алиса – та самая сестра, а явление спецназа – помощь полководца Степана.

Ну и суматоха… Бирман свернёт мне шею, как и обещал.

– Руки за голову, ноги на ширине плеч!

Дышать – это лишнее. Лучше дополнительно затаиться.

– Ребята, всё в порядке, мы из …

– Молчать!

Разборки занимают не меньше получаса. У меня затекает шея, по спине расползается боль, и все мысли сворачивают к случаям гибели спелеологов, застрявших в узких расщелинах.

Лорд объясняет что-то про ведьму, командир спецназа издевательски хихикает, Алиса гнёт своё: «Он домогался моей бабушки! Прямо у меня на глазах!» Бабушка лукаво бормочет: «Невиноватая я, он сам пришел».

Я тоже люблю цирк. Ещё бы его не только послушать, но и посмотреть. О боги, как же всё болит…

Всё стихает. Остаётся только мелодичный голос Алисы:

– Рита! Рита, где ты? Вылезай, уже можно.

Я не могу. Я превратилась в бревно и останусь там, где застряла.

Увидев мою ногу, Алиса тянет за неё и помогает мне выбраться. Постояв на четвереньках, я кое-как перебираюсь на стул. Попытка

сделать несколько упражнений приводит к одновременной боли в голове и плече, поэтому я восхищенно разглядываю Алису, повернувшись немного вбок.

Мы примерно одного роста и, наверное, одного возраста. Но за счёт гордой посадки головы на лебединой шее Алиса кажется выше, и в каждой детали её образа считывается: женщина обеспеченная и любящая себя.

Тонкий макияж незаметен, волосы уложены в сложную причёску, сумочка подобрана по цвету к идеально сидящему костюму. Мягкие линии кистей рук и длинных пальцев подчёркиваются идеальным маникюром – никаких наростов из акрила и лаков, ногти чуть поблёскивают, сохраняя здоровый розовый цвет.

Королевишна не откладывает на потом дела, касающиеся её внешнего вида и уверенности в себе. Не то что ведьма с кривой самострижкой и обгрызенными ногтями.

Алиса изучает меня с встречным любопытством и приветствует:

– Рада познакомиться, Рита.

Сестрица Бирмана доброжелательнее, чем можно было ожидать. Каких сказок обо мне Сергей ей наплёл?

– Спасибо за помощь. Мне нужно уходить.

Шаг, второй – я не разучилась передвигаться на своих двоих. И голову могу держать прямо. Надо поторопиться.

Закидывая свои вещи в сумку, я поддерживаю светски непринудлённый диалог с Алисой:

– Куда ты пойдешь?

– Есть пара идей.

– Можешь остаться здесь.

– Нет. Лорд вернется.

– Что ты собираешься делать?

– Искать убийцу.

– Что, серьёзно? Это опасно.

– Разберусь раз и навсегда. Достала меня эта жизнь в бегах. Может, это не очевидно, но я спать люблю и книжки читать.

– Бирман в курсе?

– Да. Я зачиталась случайно, он догадался.

– Я про поиски убийцы.

– А-а. Ладно, я ему позвоню.

– У тебя деньги есть?

Натянув юбку, я роюсь в одном из потайных карманов и показываю Алисе рулончик баксов:

– Может, мне Сергею денег оставить?

– Не вздумай.

Алиса дарит мне тёплую улыбку и заговорщицки подмигивает:

– Между нами, девочками, говоря, скряге Бирману только на пользу разорить свои закрома в пользу волшебной птички.

Покопавшись в своей сумке, королева протягивает мне изящную кожаную ключницу:

– Держи. Приходи сюда, когда хочешь. И если вдруг будет нужно. Ну, я имею в виду, если вдруг больше некуда будет идти. То есть нет, даже если и будет. Вот незадача, запуталась. Короче, ключи возьми.

– Спасибо. За всё спасибо.

Будь Алиса лет на двадцать постарше, я решила бы, что мир запоздало, но послал мне встречу с доброй феей-крёстной. Подобрать сказочную аналогию для сверстницы у меня сходу не получилось. Что ж, добрая королева, однажды я тебе пригожусь.

Напоследок я сердечно чмокаю морщинистую щеку бабушки Паши. Она улыбается и бормочет очередное воспоминание:

– Эх, Рита, а ведь мою бабку тоже ведьмой называли. Когда она помирать собралась, напутствие нам, внучкам, сделала. Семеро нас было. Собрала она всех и сказала, что и во тьму, и в свет дороги открыты. А вот на другую сторону спускаться нельзя, обратного хода не найти. Если только кто руку не протянет. Из семерых одна я выжила, да и мне не до того было. Может, тебе пригодится.

– Спасибо, бабушка. Пригодится.

– Ну, беги. И возвращайся.

Дороги открыты – куда угодно. Но мне нужен один путь – в ту реальность, где у меня есть свой дом. Я хочу возвращаться домой.

57-Б. Дорогая тётушка

Примчавшийся через весь город Бирман застаёт только Алису, задумчиво дымящую на кухне. Подобрав со стола пачку сигарет, Сергей тоже затягивается – поморщившись, но с удовольствием.

Алиса улыбается:

– Что, опять сорвался? Не забудь Владу бутылку отдать.

– Да я с этой ведьмой поседею раньше времени!

– Будет, что вспомнить.

– Где она пряталась?

– Под бабушкиной кроватью.

– Как она туда пролезла?

– Не знаю. Я попробовала – чуть шею не сломала. И памперс этот. Ты бы видел физиономию Лорда.

– Я бы посмотрел. Только он теперь меня со свету сживёт.

– Да брось, он сам вляпался, тебя тут не было.

– Серго – генеральский любимчик, у него большое будущее. Звания, награды, собственный отдел – ему и думать не надо, а уже всё есть. Но думать он умеет. Как и повелевать. Ты почувствовала его властные замашки?

– Ему потакают, а надо бы учить с людьми ладить. Он может как высоко вознестись, так и плохо кончить. А вот Рита мне понравилась. Милая такая, и голосок ручейком. Мы могли бы подружиться.

– Подружилась орхидея с чертополохом…

– Будешь вредничать, не расскажу, что про неё знаю.

– И что же?

– Сразу после окончания школы Рита сдала два вступительных экзамена на биофак. Блестяще сдала, на пятерки. Но на третий, самый легкий и пустяковый экзамен – не пришла. И документы забрала только в конце сентября. Думаю, с ней что-то случилось, что помешало.

– Неизвестно, где она тогда жила. Может статься, что и буквально на улице. Странно, что она вообще решилась сдавать эти экзамены.

– Знаешь, Бирман, я всё думаю: какие причудливые кольца вычерчивают наши жизни. Представляешь, как всё могло бы случиться? Ты писал бы диплом, а она как раз поступила бы на первый курс. И ты вёл бы у неё лабораторки. Или вы встретились бы на вечеринке. Не было бы никаких улиц и трупов. Ни у тебя, ни у неё…

– Алиса, вернись, пожалуйста, в настоящее. Я не поступал на биофак. И она не поступила, хотя не представляю, как ты это откопала. Топнула ножкой, и Степан пригнал спецназ к универу?

– Дурак ты, Серёжа. Нет бы «спасибо» сказал!

– Спасибо, дорогая тетушка.

– Не смей меня так называть!

– Хорошо, хорошо. Продолжай.

– Рита не раскололась насчёт своей работы?

– Нет. Но это уже неважно.

– Как знать. Она продемонстрировала тебе эту работу со всем блеском. Только ты ничего не понял.

– Так объясни.

– Ты упоминал, что она говорила от имени Марины Григорьевой. Так вот, она и есть Марина. У неё есть паспорт и диплом об окончании медучилища.

Бирман удивляется, красавица довольно улыбается и делает жест «позолоти ручку». Сыщик изображает, что надевает на неё наручники. Алиса смеётся и продолжает:

– Данные Марины Григорьевой с фотографией Риты есть в четырёх агентствах по найму персонала. Это агенства для богатых, они гарантируют профессионализм и чистоплотность своих сотрудников.

– Что она делает?

– Она сиделка. Присматривает за пожилыми. И занимается этим не меньше трёх-четырёх лет.

В серых глазах сыщика мелькает негодование:

– Хочешь сказать, что она помогает богатым… стать ещё богаче? Или избавиться от обузы?

Алиса кривится и отбривает:

– Выйди с работы, закрой за собой дверь. И не выдумывай ерунды. Никто у неё не умер. Наоборот, она справляется с самыми вредными и сварливыми бабками. У неё отличные рекомндации – Риночка спокойна, не болтлива, очень расторопна.

– Риночка, значит. Удобно, чёрт возьми. Живёт на всём готовом, устраивается и с питанием, и с проживанием. Ещё и деньги платят.

– Это тяжёлая и неблагодарная работа. Хотя зарабатывает твоя птичка, и правда, неплохо. Больше тебя точно.

– Но зачем ей чужое имя?

– Работодатели хотят человека с медицинским образованием, и она предъявляет им корочку. Документы наверняка подлинные, только чужие. Марина на четыре года старше, поэтому Рите прихо-

дится на работе выглядеть более взрослой. Не знаю, как у неё получается.

Сергей тушит сигарету, выходит из кухни и тут же возвращается, гордым жестом сбрасывая невидимый плащ:

– А я-то понять не мог, почему она здесь такая странная. Списал на битую голову, а это у неё привычка жить в чужих домах.

– Что странного?

– Её не видно и не слышно. Она ходит босиком – быстро и беззвучно. Чтобы поесть – приглашения ждёт. Одну тарелку возьмёт, потом сразу помоет, на место поставит. Всю одежду одной ровной стопкой за диван на табуретку сложила.

Алиса ехидничает:

– Аккуратная женщина! Вот это шок-контент!

Отмахнувшись, Сергей добавляет:

– Нос у неё любопытный – но она ни один ящик не перекопала. Даже в ванной ни один флакон не открыла. Мылом отмылась, а как и когда – не знаю, никто не заметил. Зубную щётку соизволила взять, но это я ей прямо в руки выдал. Не ведьма, а привидение.

– Она сама не своя до книг. И применила чёрную магию для усмирения библиотеки. Сам подумай. Переставила часть книг, два десятка томов вытащила, влезла в стеллажи с влажной тряпкой, старые закладки выкинула. Один беспредел хлеще другого. Я боялась, что на неё упадёт какая-нибудь «Реформация», если не шкаф целиком. Но нет, ни одного шевеления, наше вредное чудовище покорно сдалось. Ведьма она, без сомнений.

– Зараза она. Сиделка – это новый круг контактов. Нам с нуля проверять, с кем она общалась в роли Марины.

– Ты ведь думал, что она… содержанка?

– А как я мог додуматься, что она выберет больных старух?

– Она прячется, Серёжа. От людей, от обид, от чувств. Ты чего-то ещё про неё не раскопал.

– Я тебе и половины раскопанного не рассказал. И не расскажу. Такое не для ушей орхидеи. Да и неважно всё это сейчас. За ней убийца ходит. И мне его поймать надо – хорошо бы до того, как он до неё доберется.

– Будь осторожен. Если что, я бегать по больницам не буду. Так и знай, найму Риту тебе в сиделки. Пусть твоя ведьма тебя с ложечки кормит.

– И снова спасибо, дорогая тетушка!

Алиса, ни секунды не сомневаясь, наносит удар кулаком в солнечное сплетение Сергея. Удар не причиняет никакого вреда, племянник смеётся и увлекает тётушку в танец под попсовую музыку, доносящуюся с улицы.

V. Люди говорят

58. Отличные перспективы

Не уставая хвалить себя за предусмотрительность, я забираюсь в запасную нору, которая становится основной. Опасения, что моё отсутствие привело к эффекту «вас тут не стояло», не сбываются. Соседки лишь обсуждают мужское непостоянство, намекая на то, что меня выкинули из любовного гнездышка. Дурочки.

Энского никто из сыщиков не беспокоил, и я навещаю рыцаря. Он же сообщает Хану, что у меня всё хорошо.

С компа Энского, через интернет я звоню в три сомнительные агентства новостей, кормящихся за счет нездоровых сплетен. Совершенно бесплатно я выдаю им секрет – Несравненная Ривка вернулась, и скоро будет выступать, но где и когда – неизвестно.

Ривка не была знаменитостью, Ривка не была никем, её знали в очень узких кругах и давно. Но сплетники от жёлтой прессы – лучшая почва для начала брожения слухов. Кто-нибудь купится.

Отдохнув от этих тяжёлых забот денька три, я покупаю парик, белый халат и отправляюсь навестить Кирилла.

В палате Кирилла меня поджидает сюрприз. Мой любимый журналист удобно полулежит-полусидит на кровати с ноутбуком на коленях. А рядом с ним, вплотную, полусидит-полулежит Изабелла.

Крыса вонючая! Мартышка краснозадая! Свинота-метёлка!..

Мысленный перебор ругательств занимает у меня минуты две. Потом Кирилл меня замечает. Карие глаза расцветают радостью,

и желание немедленно придушить вероломную подружку притупляется.

Изабелла со страдающим видом встаёт с койки и лезет ко мне с приветственным чмоком. Неужели она не чувствует моей ревности? Мне кажется, я сияю аурой злости.

Кирилл делает жест рукой в сторону двери:

– Белла, оставь нас, пожалуйста.

Наконец-то свалила, червивка бессовестная.

Я обнимаю Кирилла, и он с тревогой и радостью одновременно выдыхает:

– Как ты?

– Нормально.

– Тебя тоже ранили.

Я показываю заживающий шов под париком и успокаиваю:

– Всё обошлось.

– Тебя больше не подозревают?

– Нет.

– Почему ты так долго не приходила?

– Долго объяснять. Не получалось.

Слова исчерпываются, мы просто сидим и смотрим друг на друга. Резкие черты некрасивого лица Кирилла заострились, сделав его более интересным – в нём появилось что-то от древнегреческих мыслителей.

Кирилл сворачивает все окна на экране ноутбука, и я улыбаюсь – не хочет показывать свой труд? Кажется, я буду подружкой писателя. Это обязывает? Потом подумаю.

– Пишешь?

– Да. Решил начать.

– Удачи.

– Спасибо.

– Скоро тебя выпишут?

– На следующей неделе.

– Хорошо.

Время проматывается, и мы прощаемся крепким поцелуем.

Белла не ушла, а терпеливо дожидается меня на лавочке в холле. Её распирает от новостей, и она спешит ими поделиться.

Ариадна, шокированная очередной драмой дочери, решила дать Олесе шанс. Как только Олеся встанет на ноги, её ждет сольный проект, запись диска, турне по десятку крупных городов и так далее, и тому подобное – Ариадна инвестирует свои связи и деньги в дочку.

Что ж, я рада. Или не рада. Честно говоря, конкретные суммы и условия контрактов подружки волнуют меня ещё меньше, чем тонкости летоисчисления календаря майя.

Белла захлёбывается экзальтацей:

– Ариадна предложила мне стать пресс-секретарем Олеси. Это такие перспективы! Кирилл сказал, что это даже круче, чем быть звездой. Со мной будут считаться больше, чем с самой Осинкой, а проблем от поклонников не будет. Ничего сложного нет, и Кирилл обещал мне помочь подготовить первые пресс-релизы. Он прелесть.

Что б у тебя язык отсох! Что б ты релизами этими подавилась!

Ревность превращается в наводнение, сносящее предохранительные дамбы воспитания. Если бы не слабость и не ограниченность в действиях одной руки, я бы Беллу ударила. Да что там, я бы ей вмазала так, чтобы она свалилась!

Иди уже, пресс-секретарь. Перспективы ждут.

Я тихо бреду по широкой аллее к остановке за воротами. Накрапывающий косой дождик забирается мне за шиворот, несмотря на поднятый воротник.

Если бы у Олеси были воля и талант, она бы пробилась наверх. Любой продюсер, любой композитор были бы рады сотрудничать с дочерью Тернопольской. Конечно, были бы скептики, кто ёрничал бы, что она продвигается за счёт матери, а были бы и те, кто помогал бы недооценённой девочке сказать маме «накоси-выкуси».

Но для продвижения надо двигаться, а этого Осинка никогда не хотела. И затея Ариадны не сделает Осинку счастливее, возможно, лишь обострит комплексы дочери, обречённой на сравнения со знаменитой звездой.

Но всё-таки мне немного завидно – у меня нет никого, кто бы меня двигал или задвигал.

А Белле не позавидуешь. Я понимаю её радость – она получит непыльную работу, вращение в высоких культурных сферах, при-

чём не в роли девочки из массовки, а на правах почти-почти равной. И это шанс найти богатого мужа. Белла мечтает о золотой клетке, в которой ей придётся угождать одному мужчине и ничего больше не делать. Вот только сначала Ариадна выжмет из неё все соки.

Что до моих собственных перспектив, то здесь полный туман. Я не вписалась в житейский поворот и торчу в канаве на обочине. А как выбраться на ровную дорогу – не имею никакого представления. Ещё и устала до чёртиков, хотя ничего не делала.

Поеду в нору, закажу еды на неделю и буду смотреть мультики.

59. Простая западня

– Эй, ведьма!

Чёрт… Может, он и вправду чёрт? Нет, он повыше уровнем – демон. Хотя конкретно сейчас это всё равно. Сейчас он начальник из Особняка, снова застукавший ведьму в белом халате.

Нельзя пренебрегать сотрясением, мне все это говорили, но в состоянии после сотрясения я не могла в полной мере усвоить эту информацию. Только так можно объяснить, почему я настолько сглупила.

Лорд стоит в центре аллеи – заслоняет собой половину и земли, и неба. Таким я его ещё не видела. Аура торжества власти только что не окружает его материальным облаком. Ни дать ни взять – эллинский царь, успешно завоевавший три-четыре соседних города-государства.

И я дождалась эпического сопровождения – на встречу со мной он взял вооружённую свиту. Несколько человек стоят справа и слева от него, а ещё двое или трое торчат где-то за моей спиной. Я чувствую их присутствие, но оглядываться как-то неудобно.

А если я дёрнусь, они выстрелят?

Наверное, надо что-то сказать. Поздороваться?

Серго вздыхает, жестом отпускает свиту, засовывает руки в карманы и подходит ко мне:

– Я надеялся, что ты не придёшь.

Как-то нелогично. Надеялся, но не верил и ждал.

– Есть такое древнее поверье – влюблённая ведьма теряет силу. Судя по тому, что я наблюдаю – с разумом точно есть проблемы.

Кивнув, я признаю справедливость этого вывода:

– Да уж… Согласна. Но не в любви дело.

Остановившись примерно в метре, Серго изучает мой вид и строго выговаривает:

– Цыплёнок совсем. Ты что с собой сделала?

И этот туда же, в птичник. У них что, клуб орнитологов?

– Зачем ты меня ждал? Есть что-то важное?

– Есть много вопросов, и мне нужны твои ответы.

– Слушай, я нездорова. Поторопилась с этой поездкой по городу, устала. Давай завтра всё обсудим?

– Нашла дурака.

Серго смеётся, делает пару шагов – и сокращает расстояние между нами до минимума.

Вообще, стоять с ним рядом приятно. Он выше и сильно шире в плечах, ощущаешь себя хрупкой, но защищённой. И он такой устойчивый, крепкий – хочется податься ему навстречу, опереться рукой на его грудь и почерпнуть его уверенности.

За такими мужчинами хорошо путешествовать в неизвестность. О дровах, шалашах и разной ерунде они позаботятся сами, а слабый пол может оставаться нежным украшением жизни.

Определённо, он силён физически – подхватит, если покачнёшься. И на руках удержит. И его властный чёрный взгляд не пугает – в нём бесятся весёлые огоньки. Из этих огоньков может вырасти стихия, в которой хочется утонуть.

Чертовски хорош. От природы смуглый, южной крови. Черты лица резкие, скульптурные, а губы тёмно-вишнёвые, заметные…

Серго обнимает меня за талию и, наклонившись к уху, иронично шепчет:

– Нет уж, Тёмная леди, так просто меня не соблазнить.

Тьфу ты, всё испортил.

Выпустив меня, Серго укоризненно командует:

– Отойди. Соблюдай приличия.

Да пожалуйста. Свернув чуть вбок, я обхожу его и ухожу по аллее к остановке. Несколько шагов – и Серго догоняет меня, перехватывает за запястье:

– Попытка к бегству – приговор на месте.

– Отстань уже.

– Поедем в Особняк.

Ещё не хватало, чтобы он увидел меня с зелёной головой.

– Нет. Ты не можешь меня задержать.

– Поговорим в моём кабинете.

Так просто и меня не соблазнить.

– Нет. Никакого кабинета. Отпусти.

– И не надейся, дорогая моя. Поймал – так не отпущу.

– Я не пойду.

– Упакуем и отнесём.

Серго ловким движением выворачивает мою правую руку назад. Я завожу за спину и левую руку – вряд ли Серго готов услышать мои объяснения насчет ключицы. А наручники для меня дело привычное, я ведьма бывалая, доводилось по городу в браслетах расхаживать.

О-ох… Программа дня составлена иначе. Заломив руку вверх, Серго не даёт мне сразу упасть – перехватывает за талию, а потом опускает на колени. Фу, какой грубый.

Толчок в спину, поддержка спереди за плечо (спасибо, что за здоровое) – и я лежу на мокром асфальте.

Вообще-то, это больно.

А выходка смешная. Я о соблазне и подумать не успела, а Серго удержаться не смог, руки распустил и уложил меня – буквально себе в ноги. Сам-то понимает, что делает? Может, глупые вступления пропустим, сразу в отеле спрячемся?

Надо голову повернуть. Рана почти зажила, но это не означает, что можно ездить головой по луже.

– Не шевелись. Я минутку сверху полюбуюсь.

Может, ещё и ботинком в лицо врежет? Это тебе, злая ведьма, послание с небес. Кто собирался Изабеллу лупить? Получите, распишитесь, попробуйте на себе.

Что он говорит? Ничего не понимаю.

Ко мне подползает плотный серый туман. Это плохо. Надо прогнать эту дрянь. Но я не могу пошевелиться. Туман обволакивает меня со всех сторон и утаскивает в тёмное и абсолютно пустое измерение…

60-Б. Далёкие и близкие голоса

Громкий марш застаёт Бирмана входящим в подъезд. Чертыхнувшись, капитан перекладывает пакеты в одну руку и выкапывает телефон из внутреннего кармана. В трубке нервничает Колька:

– Лорд птичку сцапал.

– Где?

– В больнице у журналиста. Вчера ещё.

– Проверенные грабли. И шишка на известном месте.

– Там что-то не по плану пошло. Лорд разозлился и уложил Риту на асфальт.

– Профилактика обострения гордынюшки. Мы её избаловали, а у Серго не закапризничаешь.

– Она потеряла сознание. Лорд её на руках в приёмный покой принёс, всех переполошил. Она очнулась, и он её забрал. Но в машину её на каталке перевозили.

– Куда он её увёз?

– В Особняк.

– Что он ей предъявит? Она уже не подозреваемая.

– А зачем ей что-то предъявлять? Она у него – и всё.

– Будем надеяться, до электродов дело не дойдет. А в остальном, пусть у Серго голова из-за неё болит. По крайней мере, и Френд до неё не доберется.

– Уверен?

– Нет.

– Что будем делать?

– Прыгнем выше головы.

Войдя в квартиру, Бирман, не раздеваясь, заходит к бабушке. Паша тихо спит, раскрыв рот и вытянув руки поверх одеяла. Разложив лекарства и разные мелочи на столике возле кровати, Сергей заглядывает на кухню, подцепляет яблоко и снова уходит.

Как закончит это дело – начнёт ремонт. Сколько можно откладывать? Давно пора разобраться.

Во дворе капитана настигает звонок Алисы с важной информацией: в филармонии состоится концерт органной музыки.

Да-да, он сходит на концерт. В парадной форме. Нет, никаких шуток, дорогая тётушка. Как пожелаешь.

Вырулив со двора, Сергей звонит Владу:

– Птичка попалась.

– Знаю.

– Может, это и к лучшему. Давай попробуем найти остальных покойников. В двух случаях мы дату и месяц знаем, так что есть шанс. Проверь архивы, вдруг есть подходящие трупы.

– Мы проверяли уже.

– Пройдись ещё разок. Особенно по тем делам, за которые кого-либо осудили. Ищи два признака – связанные руки и использование ножа. Возможно, свою технику монстр оттачивал годами и начинал совсем не с горла.

– А я собрался настрочить отчётов.

– С отчётами я тебе потом помогу.

На перекрёстке звонит не то Мымра Гавриловна, не то Грымсла Даниловна. Активная жизненная позиция этой дамы, печально известной всем местным властям, на этот раз вылилась в сбор денег для правления товарищества собственников жилья. Бирман как можно вежливее отправляет энтузиастку на прогулку в сад.

Надо закончить дело и добраться до всех этих домкомов. В парадной форме. И при оружии.

В охоте на кого бы то ни было многое зависит от везения. И Сергей не сразу верит удаче, когда случайно вылавливает крупинку важной информации в тонне пустяковых крупинок. Пересмотрев сводку ещё раз, он быстро запрашивает дополнительные данные и снова набирает Влада:

– Помнишь имя – Веня Маслов?

Влад задумывается и неуверенно вспоминает:

– Это из орбиты Тернопольских. Какой-то их контакт.

– Это один из дружков Олеси. Он загремел в наркологическую клинику – с белой горячкой. Ровно в день отравления подружки. Забрали его с платформы возле её дома. Повезло, что не бросили, мог бы окочуриться. Понимаешь? Веня был тем кавалером, с кем Осинка пила вино. И он тоже отравился.

– Жертв прибавляется, а ясности нет.

– Ясно, что кто-то перевёл Веню в частный стационар и полностью оплатил его пребывание там на следующие два месяца. Здоровье Маслова опасений не вызывает, на реабилитацию его засунули от чужих глаз подальше. И раньше, чем оплаченный срок не закончится, его не выпустят.

Влад молчит, потом озадаченно спрашивает:

– И каким боком это привязано к Френду?

– Может, и не привязано. Помнишь, с самого начала Ариадна уверенно сказала, что бутылку дочери подарила Ритка?

– Хочешь сказать, что отравления не связаны с убийствами?

– А должны быть связаны?

– Это возвращает нас в самое начало. Рита была знакома со всеми жертвами отравлений. У неё были мотивы и возможность подсунуть вино жертвам.

– Мда. Ты сказал то, что и мне пришло в голову. А я-то надеялся, что это только меня на ведьме заклинило.

– Возьмём на заметку, но Френд важнее.

– Кто знает, что тут важнее.

Начальство устраивает капитану выволочку. В мире полно преступлений, и Френд – не единственный убийца в городе. Надо работать комплексно, не увлекаясь лишь одним делом. Где капитана носит всё рабочее время? Почему отчёты не написаны?

На пороге кабинета Сергея настигает звонок родительницы. Через несколько границ и тысячи километров мама спешит обрадовать сына – Генрих сделал ей предложение.

Кто такой этот Генрих? Где мама их откапывает, Генрихов этих? Это будет его пятый отчим? Или уже шестой?

Вот закончит он дело и прогуляется до родины далёких предков. Может, даже и в форме? Такого цирка мамина дас дорф[9] наверняка ещё не видела.

Звонит мрачный Колька – Дионис очнулся. Но память фотографа полна белых пятен. Он не знает, как отравился и откуда взя-

[9] Das Dorf (нем.) – деревня.

лась злополучная бутылка. Он не помнит и фотографий Риты – обознаётся, решив, что на снимках Маша.

И откуда же Коля получил информацию о том, что в ведении Особняка? Амазонка рассказала? Скользкая история – все в одной команде, но передача данных идёт по частным каналам. И канал работает в обе стороны. Не окажись Рита начеку, у капитана, припрятавшего беглянку, были бы большие проблемы.

Амазонка решила, что Коля увёл её по ложному следу, устроила милому бойкот. Но раз Коля снова в деле, значит, помирились. Влюблённые женщины верят любой чуши.

Вот Ритка, например. Надо же было проявить чудеса смекалки и изворотливости, чтобы потом зайти в самую тупую ловушку, какую только можно придумать. Любовь так мозги искривляет? Было бы по кому сохнуть.

Смывшись с работы пораньше, Сергей заезжает к Мирончику. Мастер, вздыхая и охая, обходит машину капитана и печальным голосом эльфа, оплакивающим утерянный мир, сообщает, что сможет посмотреть машину не раньше, чем через неделю.

Мирончик любит торговаться, и Бирман это отлично знает. Машина ему нужна завтра утром, поэтому придётся потратить время на глупые споры.

Плюнуть и залезть под капот самому? По старой памяти?

Не-не. Дело закончит – сгоняет за новым пепелацем. Надо бы прикинуть, на что хватит имеющихся кэцэ.

Площадь возле станции метро – в мусоре, огнях, попрошайках, разодетых парочках – напоминает капитану далёкий-далёкий порт. К чему эта причуда сознания?

Снова звонит телефон. Удержавшись от швыряния мерзкого предмета в лужу, Сергей выслушивает Влада.

– Я нашёл. Ещё одну жертву из заметок Рогальского.

Торжественность заявления несколько противоречит его сути.

– Сослуживец Маши Рогальской был убит на своей даче. Руки связаны, горло перерезано. Но не одним ударом, а несколькими мелкими, короткими. В качестве орудия использовался обычный кухонный нож – короткое лезвие, всего сантиметров восемь.

– Кого подозревали?

– Брата, соседа, должника. Но до суда дело не дошло. Жена не то случайно погибла, не то с собой покончила. На неё и повесили.

– Жесть.

– Согласен. Ну, бывай, до завтра.

Не успевает Бирман прикончить холодную котлету, оставленную на ужин, как звонит Дора. Где-то в центре открылся новый ресторан, и Серёженька обязан пригласить её туда, срочно. Лучше завтра.

Увы, Серёженька сильно занят, поэтому красавице придётся подождать. (А куда она денется, будет ждать, как миленькая.)

Как-то это всё поднадоело. Дора думает, что он в банке работает. В кредитном отделе. Начальником. Если расколоться, что он простой сыщик, дива сбежит сразу или вытерпит вечер? Надо с Владом поспорить. Выигрыш верный.

Поздно вечером Сергей отметает сомнения и набирает Лёвку.

– Привет. Слышал, Серго задержал Риту. С ней всё в порядке?

– Ей досталось в драке на даче, но опасений нет. Она в Особняке, у нас отдельный блок есть для таких «гостей».

– А ты не мог бы сам проверить, как она?

– Я разговаривал с ней пару часов назад.

– Что она рассказала? Есть подвижки в деле?

– Понимаю, тебя разбирает любопытство, но придётся подождать пару дней. У нас небольшая заминка. Рита и Серго… как бы это сказать… нашли друг друга.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что ты подумал.

Серго повёлся на зелёную голову и несчастный взгляд?

Лёвка хихикает и объясняет:

– Мы крупно недооценили ведьму. У неё нет образования, но она начитана, эрудирована, блестяще разбирается в истории и литературе. Она знает латынь, говорит на немецком и поёт на французском.

О-ой. Выходит, что и капитан недооценил побитую птичку. Ловко она умеет пудрить мозги мужчинам. На немецком она знает два десятка фраз. А на каком языке поёт – и сама не понимает.

– Серго увлекается историей и всем давно надоел своими разговорами о великом прошлом. А Рита его слушает – внимательно, не перебивая. Если спрашивает о чём-нибудь, то понятно, что она вникала, а не таращилась с умным видом. И каждый её вопрос – виток обсуждения. Мне было интересно. А Серго оторваться не может.

Вот же вредина. Могла бы и с капитаном поговорить. Между прочим, он тоже много чего знает. И много где побывал – в отличие от кабинетного заседателя Лорда.

– Когда я уходил, они по Древнему Египту прогуливались. Он ей про Анубиса, она ему про Себека – и понеслось.

– Это здорово… А убийства мы будем расследовать?

– Приезжай. Есть одна идея.

– Использовать Риту как сыр в мышеловке?

– Это был первый план. Но теперь всё переиграло. Серго этот сыр никому не отдаст.

Рита опять в плюсе. Как она это делает? Дорик поверил в госпожу, Кирилл увидел фею, Сергей пожалел девчонку в беде, Серго нашёл интеллектуалку-собеседницу. Мужчины обалдевают, а что сама ведьма? Это природный инстинкт приспосабливаться? Или осознанная тактика выживания?

Да ну её, ведьму эту. Завтра рано вставать.

61. Птичка в клетке

Раскладка на асфальте мне не понравилась – ноль романтики, одежда грязная, в приёмном покое дико холодно. Но смотреть на мир из рук сильного мужчины – ничего так, приятно. Серго перепугался и таскал меня на руках весь день. Даже по секретному уровню Особняка сам нёс – если бы я не была циничной ведьмой, то нафантазировала бы семейный замок, трёх детей, десять тысяч книг, собаку и ещё что-нибудь.

Разместили меня в боксе, похожем на скромный гостиничный номер – с удобствами, но без шкафов и зеркал. Свет идёт от круглых светильников на стене, а с потолка пялится несколько камер. Одежду забрали, но выдали серую униформу и просторный халат на три размера больше, чем нужно. А вот горячим питанием не

обеспечили – магазинный лоток с гречкой и котлетой оказался едва тёплым. Ну да мне не привыкать.

Просыпаться с нелепым вопросом «Где я?» не пришлось. Хотя дать конкретный ответ на этот вопрос я бы затруднилась. Не тюрьма, не гостиница, не убежище – на лабораторию похоже, но думать об этом я не буду.

Серго является сразу после завтрака (опять лоток, опять чуть тёплый) и держится официально. Он задаёт мне вопросы, я стараюсь отвечать искренне, без ехидства. Но после того, как мужчина видел тебя бесполезным телом, дрожащей амёбой и сонной тетерей, сохранить деловой тон непросто.

Знаю ли я адрес капитана Бирмана? Нет, не знаю (чистая правда). Был ли капитан корректен во время следственных действий? Да, был корректен (не совсем поняла вопрос, но не подставлять же капитана). Рассказывал ли капитан о своём тёмном прошлом? Нет, не рассказывал (нельзя так издеваться над людьми, я умру от любопытства). Кто заставил меня скрываться от следствия? Никто не заставлял, сотрясение сказалось (нечего было меня тюрьмой запугивать).

Майор скучает, я приунываю. После очередного моего бестолкового ответа он бормочет «аквиля нон каптат мускас», я откликаюсь «фестина ленте».[10] Серго удивляется, я оправдываюсь – нет, я не знаю латынь, только несколько крылатых фраз. Конкретно про орла – это Пётр Первый на памятнике написал.[11] Да, я знаю, что такое Гангут, и да, я в курсе, что такое скампавея.[12]

Обсуждение победы над шведами перетекает к способам обороны русских крепостей, потом мы перескакиваем к амуниции древнегреческих героев, уплываем в Колхиду, топчемся в Кавказских войнах и уносимся в Китай.

Понятия не имею, как так вышло. Никогда раньше я не вела бесед на военные и политические темы. Я вообще никаких бесед не вела, а уж все эти войны – скучища смертная. Но Серго не плетёт

[10] Aquila non captat muscas (лат.) – Орел не ловит мух.
Festina lente (лат.) – Торопись медленно.
[11] Триумфальная арка в Петербурге в честь победы при Гангуте, 1714 год.
[12] Скампавéя – быстроходное судно русского флота в XVIII веке.

словесную вязь, не нагромождает умные слова, он рассказывает обо всём так просто и увлечённо, что поневоле заслушаешься. И он легко ориентируется в истории, науках, культуре – удивительно, сколько всего знает. К тому же с ним не чувствуешь себя дремучестью – достаточно сказать, что не знаешь какого-то события или явления, и он всё объясняет – не кичась, не красуясь, а донося суть так, чтобы всё было понятно.

Начитанность позволяет мне поверхностно скользить по разным темам, но я впервые понимаю, что такое настоящая образованность – не по корочке, не по вымученным ответам на экзаменах. В какой-то момент я завидую Серго. Хотелось бы мне быть такой же свободной – знать, где, что и как происходило, происходит и будет происходить.

Погрузившись в исторические дебри, Серго теряет свою властную ауру, но я принимаю его лидерство. Да, он повелитель, властитель, король – в этом его предназначение. Я могу спорить с ним, критиковать его, может, однажды я поцелую его и даже зайду дальше, но он всегда будет выше, значимее, сильнее.

Может, однажды он станет важным не только для отдела, а развернётся на поприще государственного управления? Умный и понятно говорящий лидер – то, от чего нормальные нации не отказываются. Наша не слишком показательна в этом смысле, но, может, все ещё впереди?

Я теряю счёт времени. День незаметно пролетает – но я готова слушать и слушать Серго, не отвлекаясь ни на что другое.

Увы, Серго нужен не только мне. Вечером его мобильник издаёт мелодию из старого мюзикла: «Ма-ма, первое слово…» Королева-мать волнуется о сыне, задержавшемся на работе. Серго бросает мне короткое «до завтра» и уходит.

Утро начинается сказочно. Серго приносит мне книги:

– Смотри, что раздобыл.

Энциклопедия вооружений и карты морских сражений подсказывают, что мне надо подтянуть тему двадцатого века. Культурные слои – это хорошо, но нынешняя геополитическая ситуация выросла из второй мировой.

Я готова. В двадцатом веке я чистый лист, на который Серго может записать всё, что ему заблагорассудится…

Мне нравится эта клетка. Не помню, когда ещё мне было так спокойно. Я всегда смеялась над женщинами, выбирающими тихие гавани, но я была неправа. Согласна на любую гавань, лишь бы там был Серго.

Я что, влюбляюсь? Нет, конечно, нет. Мне просто нравится болтать с майором. И придумывать, как его соблазнить.

Тьфу! Это всё сотрясение виновато!

62. Без электродов

Опачки, игрушечки-потягушечки! Как же сладко просыпаться, когда нет никаких забот и не нужно никуда торопиться! Еда приедет сама, времени не существует, и Серго обещал объяснить, почему верёвочное письмо так сложно прочитать.

Полежав так и сяк, я открываю глаза, подтягиваюсь, чтобы положить подушку повыше и сесть. И очень удивляюсь.

Возле кровати, на небольшом стульчике, расписанном под хохлому, сидит красивый юноша. В его огромных карих глазах светятся одновременно и любопытство, и опасение. Ровный овал лица и прямой тонкий нос кажутся неестественными – настолько идеальных людей не бывает. Шапка кудрявых волос дополняет впечатление, что юноша – пришелец из другого, лучшего мира.

Силы небесные, так это правда? Там, на другой стороне нас встретит лично Он? Даже если на грешной земле ты не зажигала свечки в домах с куполами? Сюр какой-то…

Проскочившая по плечу боль расставляет всё по своим местам. Никуда я с грешной земли не делась. И у меня не видение, а вполне реальный гость, пусть и смахивающий на образ с иконы.

– Здравствуй, Рита. Я – Лёвка. Ты, правда, ведьма?

Чистый голос Лёвки усиливает его нереальность.

– Правда. Сейчас порчу наведу, будешь знать.

– На меня не подействует.

– Не советую проверять. У меня голова болит, и заклятье может неправильно сработать. Поверь, с клювом в мире людей неудобно.

Левка заразительно смеётся, и я тоже улыбаюсь. Бирман упоминал психолога Особняка, но в своей ехидной манере – не дорос ещё Лёвка до тернового венца. И зачем же этому красавцу венец? Он одним своим видом может вдохновлять паству на добрые деяния.

Лёвка мягко берёт меня за руку – и меня укутывает тёплый кокон дружеского участия. Необычное ощущение – будто тебя обнимает нескольких ласковых рук, которые и пожалеют, и раны залечат. Утонув в этом новом опыте, я не сразу понимаю, что происходит. Лёвка делает для меня то же, что я пыталась сделать для Кирилла. Но, в отличие от неловкой ведьмы, он точно знает, что и почему делает.

Отдёрнув руку, я успеваю увидеть в бездонных глазах Лёвки отголосок своей боли.

– Не надо. Я справлюсь.

– Я могу помочь. Не бойся.

Я отрицательно качаю головой. Лёвка улыбается в ответ, принимая моё решение, но не понимая его. Отбросив все сомнения насчет уместности удовлетворения своего любопытства здесь и сейчас, я спрашиваю:

– Тебя этому учили?

– Нет, Рита. Нет никаких учителей. И формул с заклинаниями нет. Но кто-то что-то умеет. Я умею вызывать дружеские чувства. А вот что умеешь ты, пока только представляю по чужим рассказам.

– Ты прицепишь мне электроды на башку и будешь гонять, как подопытную крысу?

Левка смеётся:

– Нет. Это ничего не даст. Каждый человек – загадка генетики. Кто-то гениально поет, кто-то рисует, кто-то придумывает космические корабли. Мы с тобой умеем что-то своё. Но понять, что это, можем лишь в общении, в сравнении эмоций, в обмене опытом взаимодействий с людьми.

– Генетика не определяет, кем ты будешь. Я прошла школу уличного выживания. Это многому учит, знаешь ли.

– Но не всех. У тебя есть генетическая предрасположенность приспосабливаться к обстоятельствам и находить контакт с людьми.

Левка знает, что моё генеалогическое древо включает в себя всего одну женщину, да и ту безымянную и сумасшедшую? Занятно, что кто-то разделил мнение отца, считающего, что мои отклонения заложены в моём происхождении.

Карие глаза светятся дружелюбием, и я выспрашиваю:

– А есть другие? Такие как ты?

– Каждый человек уникален, и подчас сложно даже понять, что другой человек видит мир совсем иначе. Но схожие способности, несомненно, встречались раньше в истории. Понятнее всего это на примере Серго. Его харизме трудно противостоять, и понятно, что он не первый. Представь его верхом на коне под стенами какой-нибудь крепости.

– Он слишком упрямый. И немного безрассудный.

Во взгляде психолога возникает лёгкая зыбь беспокойства, словно я раскрыла важный государственный секрет.

Это всё интересно, но пора вернуться к насущным проблемам. Усевшись, я заворачиваюсь в халат и выясняю:

– Лёва, а просвети меня, к чему готовиться. Меня же в трёх убийствах подозревают. И, кажется, арестовали.

Через несколько минут я понимаю, почему вокруг дружелюбного и прекрасного Лёвки существует зона отчуждения. Хитроумная сеть словесных ловушек психолога грозит не то, что запутать маленькую птичку Риту, а прямо-таки удушить её на каждом повороте. Глядя в карие тарелки Лёвки хочется говорить правду и ничего, кроме правды, а ложь они вычисляют лучше любого детектора. И если бы я не читала учебники по психологии, я бы не поняла, что образец для иконы меня тестирует.

Допросы Бирмана – лёгкий обмен шуточками в сравнении с душевной беседой, где важна каждая интонационная деталь.

Неудивительно, что у Лёвки нет друзей. Он общается с Серго, но часть этого общения – работа, и у Серго полно других приятелей, с кем он может пошутить без риска препарирования его детских комплексов. Остальные коллеги предпочитают держаться от Лёвки подальше.

Выиграть слалом у профессионала я не смогу, а выдам ложь – значит, покажу и правду. Есть только один способ соврать – одеть маску и вжиться в роль так, чтобы подменить мимические движения и реакции тела.

Я тоже профи. Риночка, прошу на сцену! Представь, что ты сидишь у постели престарелого профессора с деменцией…

Проверив мой уровень тревожности, склонность к агрессии и способность заканчивать предложения, Лёвка скучнеет. Скомкав

тест на толерантность, психолог выдаёт серию мотивационных слоганов, после чего торопливо уходит.

Похоже, Риночка его не впечатлила. А вот профессор был в восторге и заявил семье, что готов на мне жениться. Старый придурок! Меня уволили в тот же день!

Когда уже придёт Серго? Сил нет ждать, истомилась.

А! Вот и он, мой милый учитель!

Ржёт, не переставая. Что смешного-то?

Лёвка понял, что я валяю дурочку, но не смог разобраться, какую технику использую. Раздражённый психолог послал Лорда на луну, экспертов – в болота растудыкинской области, а случайно попавшего под руку генерала – в галактику Улюль.

По Особняку уже ползут слухи, что ведьма, запертая на нижнем ярусе, навела на психолога порчу.

А Серго совсем недавно читал исследование, посвящённое галактическим столкновениям, и вот что интересно…

63. Адвокат

Я влипла. Я жду Серго и мысленно повторяю тысячу вопросов, которые нам надо обсудить. Я жду мужчину – ради беседы, и ничего кроме этой беседы в мою голову не лезет. Все попытки переключиться проваливаются.

Серго врывается ко мне в состоянии ярости и гнева. В первый момент я пугаюсь – чёрный взгляд прожигает меня молнией. Если бы я была менее толстокожей, могла бы и обжечься.

Вместо приветствия Серго сквозь зубы выплёвывает несколько нецензурных ругательств. Моего милого собеседника утащили гоблины, а вместо него мне подсунули злую карикатуру.

Карикатура не церемонится со мной. Крепко вцепившись в мою руку, Серго тащит меня по поворотам и ступенькам длинного коридора, а потом вталкивает в лифт. Я не успеваю ни рассмотреть, ни запомнить эту дорогу.

В лифте Серго поневоле оказывается рядом, лицом к лицу со мной. Я любуюсь резкими чертами его лица – реальность вот-вот изменится, но я успею запомнить его таким… демоном?

Лифт останавливается, Серго выталкивает меня в небольшой холл:

– Налюбовалась?

Да, мой дорогой демон. Но это только начало.

В крохотной каморке мне дают минуту на переодевание. Все мои вещи хаотично сложены в один пакет. И так всё грязное – после знакомства с асфальтом, так ещё и ботинки поставлены сверху. Отпечаток подошвы похож на модный принт? Что-то мне подсказывает, что нет.

Ещё один забег за Серго по холлам и коридорам – и я оказываюсь в просторной комнате с большим овальным столом в середине. Мне навстречу встаёт солидный пожилой господин с ухоженным лицом и красивыми нервными руками, которые подошли бы музыканту или художнику.

Серго хмуро кивает ему и выскакивает, не попрощавшись и громко хлопнув дверью. Через несколько секунд он возвращается и впихивает мне в руку свою визитку с рукописным номером на обороте. Пока я её разглядываю, он снова исчезает.

Солидный господин чуть склоняет голову:

– Уважаемая Маргарита Евгеньевна, позвольте представиться, я ваш адвокат, меня зовут Семён Моисеевич Финкельштейн.

Адвокат? Мой?! А я даже не золушка, я бродяжка…

Я думала, так бывает только в кино. Солидный адвокат вежливо называет меня госпожой и перечисляет номера законов, по которым моё задержание и пребывание в Особняке являются незаконными. Я объясняю, что моё пребывание в Особняке было вполне комфортным, но он и слушать ничего не хочет.

Семён Моисеевич уже подготовил официальную жалобу, если генералы Оосбняка не хотят неприятностей, у них есть один выход – немедленно меня отпустить. Что, собственно, они уже и сделали.

Большой «мерседес» адвоката внутри похож на уютную пещеру. Семён Моисеевич любезно развлекает меня байками про юристов, в которых я ничего не понимаю, но вежливо улыбаюсь синхронно с собеседником. Разговор, очевидно, состоится где-то ещё.

Адвокат привозит меня в свою контору – с заметным налетом финансовой состоятельности. В кабинете Семёна Моисеевича царит рококо. Не знаю, была ли вся эта позолота изначально запла-

нирована в маленьком домике, но выглядит она избыточной и неуместной.

Дав мне оглядеться и поставив передо мной чашечку кофе, адвокат приступает к объяснениям:

– Маргарита Евгеньевна, вы можете располагать мной и моими сотрудниками. Я готов оказать вам помощь по любым юридическим вопросам.

Я не слишком вежливо перебиваю его реверансы:

– Слушайте, давайте быстрее. Откуда вы взялись?

– Вы ведь знакомы с Рафаэлем Айратовым?

Раф нанял мне адвоката? С чего вдруг?

– Видите ли, некоторое время назад вы предоставили в распоряжение Рафаэля ряд документов. И даже не представляете, что тем самым сделали.

– И что же?

Адвокат колеблется, можно ли этакой «госпоже» доверить важную информацию, но потом решается:

– Вы спасли мою репутацию.

Лестно. Но в ответ я лишь пожимаю плечами. Экая ерунда. Да я таких репутаций по сто в день спасаю.

– Маргарита Евгеньевна, я знаю о сложных обстоятельствах, в которых вы оказались, и хочу предложить вам свою помощь и поддержку.

Кто-то вредный из подсознания вытаскивает калькулятор, на котором мелькают миллионные числа. Финкельштейн угадывает причину моего замешательства и разворачивает ко мне ладонь – как будто приглашает в волшебное царство:

– Считайте, что вы уже оплатили пожизненный абонемент.

Милейший Семён Моисеевич не представляет, на что подписывается. Но не отказываться же?

– Как вы узнали, где я?

– Этого я не могу сказать.

– А что вы знаете о моих обстоятельствах?

– Достаточно, Маргарита Евгеньевна. Вам угрожает серьёзная опасность. Я бы порекомендовал вам уехать на время. Лучше за границу – в Европу, например.

– Не уверена, что это решит проблему. Злодей умеет затаиваться и не торопится. Если я могу помочь следствию, то помогу. Раз я приманка – пусть Лорд и Бирман ловят убийцу.

– Это храбро, Маргарита Евгеньевна, но неразумно.

– А вы можете называть меня Ритой?

– Если вам так угодно, разумеется. Позволите задать вам несколько вопросов?

Что ж не позволить-то…

Семен Моисеевич не интересуется уголовным расследованием. Он углубляется в проблемы моего места жительства и образования.

Ответив на вопросы адвоката, я выхожу на чугунное крыльцо в стиле модерн. Крохотный переулок сплошь облеплен вывесками и рекламами медцентров, ксерокопий, страховых компаний и турфирм – крылечки, лестнички, входики и лесенки в полуподвалы образуют причудливый лабиринт. Тот, кто не хочет заблудиться в этом деловом мире, должен запастись надёжной нитью для спасения из цепких лап маленьких бизнесов.

Я стою в портале перехода на следующий уровень. Случайно нажав кнопку потайного хода, я разом проскочила несколько опасных мест. Игра продолжается. И жизнь тоже.

Чёрная вязь металла освещается розовым светом рано уходящего осеннего солнца. Кусочек ясного неба манит недостижимой лазурью. Ночью, наверное, будет холодно…

64-С. Факты и выводы

Майор Лордкипанидзе входит в аскетичный генеральский кабинет чётким, почти строевым шагом.

Хозяин кабинета Георгий Владимирович – высокий седой старик с добродушным выражением лица – кажется встроенным в массивный стол, который помнит события нескольких десятилетий. Между собой подчинённые называют генерала сокращённо – ГэВэ, а в других структурах его упоминают как Деда Мороза – внешнее добродушие обманчиво, суровый генерал нисколько не склонен к сантиментам.

Гибкость, умение расположить к себе и весёлый нрав присущи второму генералу Особняка – Павлу Алексеевичу. Друга и сорат-

ника Деда Мороза все называют попросту Пал Лексичем, и именно на нём держится взаимодействие Особняка с другими силовыми и властными структурами. Полный, но подвижиный Пал Лексеич не любит кабинеты и столы, он расположился в кресле.

Лорд докладывает о прибытии, но ГэВэ никак не реагирует. Он задумчиво читает полученную сводку, мысленно составляя и разрушая связи между происшествиями, событиями, преступлениями. Пал Лексеич движением пальцев подсказывает Серго, что старший генерал в ярости.

Проходит восемь томительных минут. Майор, стоявший по стойке «смирно», расслабляет мышцы левой ноги, перенося нагрузку на правую. Внешне это не заметно, но Георгий Владимирович поднимает голову и холодно констатирует:

– Я разочарован.

Фраза повисает в мучительной для Лорда тишине. Серго слышит многократное эхо – результат всего лишь его воображения.

Проходит ещё минут пять. ГэВэ отрывается от бумаг и равнодушно спрашивает:

– У тебя есть новая версия по делу об убийстве Одоевского?

Несмотря на ровный голос начальника, Лорд сразу понимает, какое слово в вопросе было ключевым, и честно отвечает:

– Нет.

– Я вчера выслушал версию Сергея Бирмана. Мотивы, расклады по времени, действующие лица – всё сходится. Логичная версия, нужно прорабатывать. Что думаешь?

Ничего не думает. О чём речь? Отчёты Бирмана лежат на его столе, но капитан формально строчит бумаги по одному шаблону, Лорд успел привыкнуть к тому, что ничего интересного в них по определению нет. А раз так, то можно и не утруждаться их изучением. Бирман оставил его в дураках? И каким образом капитан попал в кабинет ГэВэ для личного доклада?

Вслух Лорд соглашается с генералом:

– Неплохая версия.

ГэВэ поднимает брови и жёстко припечатывает:

– Ты не знаешь.

Майор молчит. Вдруг его ознакомят с ключевыми моментами новой версии? Но генерал перечисляет прегрешения подчинённого:

– Ты утаил от Бирмана результаты наружного наблюдения за Одоевским. Он подозревал Рогальскую и потерял время.

– Это была наша внутренняя информация.

– Внутри чего?

А то генерал не понимает. Плохо, что кто-то из своих нарушил приказ Лорда: о Рогальской ни слова.

ГэВэ задаёт очередной разгромный вопрос:

– Сколько трупов в деле?

Лорд физически ощущает, как проваливается в черную дыру неизвестности. Кого-то убили, пока он обхаживал ведьму?

– Три.

– Глаза протри.

Грубый ответ выдаёт гнев ГэВэ. Лорд мысленно ругается – из кабинета майор может выйти участковым в селе за Уралом.

Генерал переходит к моральному битью подчиненного:

– Вот факт: районные ребята – втроём! – делали свою работу. Бегали по городу, изучали улики, разговаривали с людьми, рыли архивы, копались в старых делах, сопоставляли факты. Нашли ещё одного потерпевшего. Определили первую серию из четырёх жертв. Указали ещё трёх возможных жертв. Установили круг подозреваемых. Придумали план поимки убийцы. Отработали всё, что можно и нельзя!

Осознав, что именно он прозевал, Лорд зажмуривается. Участковые очень неплохо живут, если разобраться.

ГэВэ вперивает тяжёлый взгляд в надежду особого отдела:

– Второй факт: мои сотрудники ничего не нашли и ничего не придумали. По указке своего начальника они следили непонятно за кем и делали неизвестно что. А сам начальник – мой ученик, которого я лично продвигал и поддерживал – на глазах подчинённых вломился в дом к престарелой женщине и начал стаскивать с неё одежду.

Лорд вставляет «но я… это…», генерал продолжает тираду:

– Мне позвонил Тролев и сказал, что его люди сняли тебя с полуголой старушки. Никогда, ни разу в жизни я не чувствовал себя таким дураком. Ты опозорил не только себя, ты превратил весь Особняк в цирк-шапито.

Майор быстро вставляет:

– Это недоразумение. И откуда мне было знать, что эта баба спецназ вызовет?

– Ты должен был знать. Пролистал бы личное дело, задумался, кого гнобишь. А на месте бабы я бы тебе психушку вызвал… Какой же стыд!

– Бирман меня подставил.

– Он работал. И собрал сложнейшее дело.

Наподдать бы этому любимчику фортуны.

ГэВэ отвлекает майора от этой назойливой мысли:

– Чем ты занимался?

– Допрашивал Рогальскую.

– Для этого надо было волочить её в Особняк? На руках? И читать ей занимательные лекции?

Крыть нечем, и Лорд отмалчивается.

ГэВэ переходит к следующему пункту разноса:

– Как о Рогальской прознал старый Финка?

– Кто?

– Семён Финкельштейн. С какой стати этот мерзкий крючкотвор не поленился притащить свою бороду сюда?

– Он на Айратова работает. Думаю, с этим и связано.

– Ты думаешь?! Нет, ты, правда, умеешь это делать?

ГэВэ умолкает, наступает душная тишина. Пал Лексеич вынимает своё объёмное тело из кресла и перемещается к окну. Движение снижает напряженность.

Ровным, идеально спокойным голосом ГэВэ резюмирует:

– Вывод: пока ты сказки про богов девушкам рассказывал, другие сыщики сложили по крупинкам большое дело.

Лорд расслабляется. Это всё уже понятно. Накажут-то как? Куда-то сошлют?

Генерал сдержанно распоряжается:

– По уму и награда. Ты работаешь на Бирмана. И про погоны забудь, в его подчинении ты рядовой. Отправит сортир мыть – пойдёшь и помоешь. А если Бирман хоть одно нарекание сделает, в Дальнолесинск поедешь…

В соседнем здании работает перфоратор, через квартал трамвай тяжёло перебирается через хитросплетение стрелок, две вороны, облюбовав тополь во дворе, обсуждают обеденное меню.

Генерал углубляется в изучение листка с цифрами, потом поднимает голову и безразлично бросает:

– Что стоишь? ОВД «Хрипаново» ждёт.

Выйдя в коридор, Серго потягивается и боксирует воздух. Всё не так уж плохо. И вместе с тем – хуже некуда.

Пал Лексеич вываливается следом и утешает:

– Высоко летать – больно падать. Ссылка недалёкая.

Лорд пожимает плечами, готовясь к новой порции разносов.

Пал Лексеич тревожится о другом:

– Я поговорил с твоей ведьмой. Да-да, и не смотри на меня так. Я не ем на завтрак хорошеньких девушек.

– Не такая уж она и хорошенькая.

– Как скажешь. Но это она навела Бирмана на версию со старыми убийствами. Почему ты не расспросил её?

– Мы о другом говорили. Не о деле.

Сложив руки на животе, генерал проникновенно советует:

– Я понимаю, почему тебя на ней заклинило. И я не буду убеждать тебя держаться подальше. Закрути с ней роман, познай её во всех смыслах, но, мальчик мой, переболей этой напастью раз и навсегда, да побыстрее.

– Я заинтригован. О чём это ты?

– Со временем ты захочешь подчинить её. Если тебе это удастся, ты будешь разочарован. Если нет – тебе приспичит стереть её в порошок. Оба варианта сулят проблемы. Поэтому и говорю – переболей и брось.

– Мне придётся делать сальто по приказам Бирмана. Ты пытаешься отвлечь меня от этой гнусности? Спасибо за попытку. Но я в порядке. А Маргарита интересует меня как объект исследований. И только.

Вслед воспитаннику Пал Лексеич грустно вздыхает. Молодые – такие глупые…

Вернувшись в кабинет, Пал Лексеич деликатно вбрасывает:

– Не перегнём палку? У Бирмана репутация та ещё. Одно его вторжение чего стоит. И с делами такого уровня он не работал.

– Надо его к нам забрать. Нечего ему в районе делать. Слишком хорош, чтобы поножовщину разгребать. Да и против Серго не каждый попереть может.

– Ты же не Бирмана забрал, ты Серго к нему отправил.

– Лексеич, ну ты же сам всё видишь. Привык пацан, что ты за ним ходишь и все его огрехи замазываешь. Пусть на жизнь посмотрит, поучится уму-разуму.

– Оплошал пацан, согласен. Ну и ты пойми тоже. Любовь у мальчишки, а ты его в ссылку.

– Любовь – это в бульварном романе дамам порыдать. А если заело – завалил на лавку, и всех страданий на пять минут.

Пал Лексеич тяжело вздыхает. Переубедить ГэВэ невозможно, как и решить проблему Серго лавками. Но вслух он ограничивается просьбой:

– Может, ты и прав. Но давай вернём его.

– Дело раскроет – вернём.

Пал Лексеич кивает и переходит к другим вопросам.

65-Б. Земляные работы

Пригнанная техника справиляется с закопанным бетонным кубом лишь с третьего захода. Потом требуются усилия работяглюдей с перфораторами и молотками.

Осень, привыкшая к запустению дач во время своего владычества, недовольно поливает и рабочих, и сыщиков мелким холодным дождём. Яркие полосатые ленточки затмевают мягкие краски отмирающей листвы, и ветерок стремился сорвать их, утащить и пристроить в неподходящее место. Выглянувшее после полудня солнце чуть согревает землю, но измотанные люди этого не замечают. Обидевшись, светило снова прячется.

К трём часам внутри кубика обнаруживается полость. Полураскопанный и развороченный с одного угла склеп начинают вскрывать осторожнее. И бетон выдаёт свою страшную тайну. Наступающий сумрак озаряется вспышками и громкими возгласами.

За первой находкой следуют другие. Бережно упакованные мумии в чистоте и сухости отправляются в город. Мокрые и грязные люди остаются подводить итоги. После короткого совещания

бетонную могилу закрывают и немного прикапывают. Эксперты уезжают в город.

Отойдя в сторону от котлована, Бирман садится на вывороченное из земли бревно, наплевав на чистые брюки. Рядом приземляется Лорд, протянув коллеге пачку сигарет. Капитан медлит, но вытряхивает сигарету и затягивается.

Помолчав, Бирман глухо подсчитывает:

– Трое. Только трое. Значит, где-то есть ещё.

– Тот, с обручальным кольцом, похоже, счастливый семьянин. Первый из тех, о ком разузнала Маргарита. Жена, возможно, опознает – хотя бы кольцо, на нём гравировка есть. А в середине неизвестный. Скорее всего – первая жертва по времени. Но перерезанное горло, связанные руки – тот же почерк...

– Как тебя насчет этого склепа осенило? Я осматривал здесь всё после пожара, но до такого не додумался.

– Мы в прошлом году из одного склепа восемь трупов достали. По аналогии решил и здесь проверить.

– Я как-то ребятам брякнул для красного словца: «Кто знает, скольких всего убили». Так и оказалось.

Серго разводит руками:

– Детей жалко. Рогальские сюда каждое лето приезжали с детьми. Вот представь, Маргарита, малышка такая, играет здесь в куличики или куколки. А внизу, в бетоне трупы лежат, скалятся. И знающий об этом папаша нотации дочке читает: «не так встала, не то сказала».

– Да с папашей всё ясно. Я никак не решу, какое место мадам Рогальской отвести. Неужели она могла позволить хоронить своих любовников на даче? И не замечала, что любовники исчезают? Странная дама.

– И ещё одна смерть в огне. На пустой трассе машина слетает с дороги и взрывается. Так взрывается, словно это бензовоз был, по меньшей мере. А скорость была не больше десяти-пятнадцати километров в час. Расследования не было – слухи пошли о самоубийстве, на них аварию и списали.

Помолчав, Бирман переспрашивает:

– Думаешь, её убили?

– Совпадения мне не нравятся. Бабка – Маша Рогальская – взорвалась в доме и сгорела. Мать – Маша Рогальская – взорвалась в машине и сгорела. И дочка – условная Маша, опять же Рогальская – могла бы взорваться и сгореть на этой грёбаной даче.

– Слушай, а ведь точно…

– У нас, Серёга, не одна серия получается, а несколько параллельных. Смотри. Есть мужчины – аккуратно упакованные жертвы с перерезанным горлом. Есть две – и потенциально три – Маши, сгоревших в огне. Есть два эпизода с битой по башке: дело, из-за которого сел Френд, плюс нападение на Весенина. И два случая использования яда, хотя и не смертельных. С мотивами вообще полная неразбериха. Если с любовниками матери Маргариты ещё хоть что-то понятно, то с остальными какая-то надуманность получается.

– Френду было двенадцать-тринадцать, когда его папаша связался с красивой тридцатилетней женщиной. Озабоченный пасынок и привлекательная мачеха – сам понимаешь, тут могут быть мотивы. Опять же повторяющиеся имена. Заклинило Джорджа на «мамочке», он на автомате на новую Машу переключился.

Лорд выдыхает дым и парирует:

– А остальное? Любитель крови? Отравитель? Что-то в этом не сходится.

– А ты не можешь достать Тернопольскую? По своим каналам?

– Пробовал уже. Муж для неё целый «бункер» отстроил, с ходу не взять. Думаешь, она тоже в деле?

– Подгонка Риты под мать могла направить чьё-то помешательство на очередной объект, и Ариадна постаралась, чтобы о сходстве все услышали.

– И кому это было нужно? Рогальскому?

Бирман свободной рукой рисует на коленке два круга:

– Может, и ему. Я себе отношения этой парочки братанов никак не представлю. Ладно, один убивает, а другой? Знает, что проблема перестала существовать? Или знаниями дело не ограничивается? Может, в ход идут и провокации, и подговаривание, и прямое указание на жертву?

Лорд кивает и добавляет:

– Рогальский испытывает тёплые чувства к Галине Симоновой. Он оплатил ей три операции и регулярно переводит деньги в мона-

стырь. А на могилу матери даже памятник не поставил. Смешно, но за её могилой Галина ухаживала – пока ноги держали.

– Ритка это хорошо сформулировала. Глаза округлила и выдала: «Занимательная семейка».

Серго медлит и спрашивает:

– Адвокат не сказал, где она живёт?

– Он не уполномочен отвечать на такие вопросы.

– И ты не знаешь?

Поморщившись, капитан отшучивается:

– Нора ведьмы – сакральное знание. Простой смертный не достоин быть хранителем таких тайн.

– И за что она так с нами?

– А про нас она не думает. На своей волне несётся.

Вздохнув, Лорд сообщает воздуху:

– Я сказал ей, чтобы никуда не выходила.

Бирман передразнивает Риту:

– «Да-да, Серёжа, я смотрю кино». Только сериала, что она пересказала, в программе нет. Его ещё и не сняли, сериал этот.

Лорд отбрасывает окурок и сразу прикуривает новую сигарету.

– Изворотливая лиса. Знаешь, что ещё Лёвка на неё отрыл? Только утром мне хвастался.

– Ну?

– Ведьма наша на платном заочном учится. На психолога. Слабенько учится – на трояки, а двоек там и не ставят. Нехитрый способ купить диплом в рассрочку.

– Вот ведь… партизанка. Давно учится?

– Три года. Скоро выйдет в дамки. Смешно, но она могла с Лёвкой и без трупов пересечься. Он по разным институтам с выпускниками-психологами любит знакомиться, братьев по разуму ищет. Так что мы могли бы не над трупом Одоевского встретиться, а у Лёвки.

Бирман пожимает плечами:

– Может, тогда она была бы совсем другой.

Лорд пытается изобразить колечко дыма, но получается крохотная грозовая тучка. Довольный и этим, он задаёт вопрос, который всем в команде уже проел мозги и печёнки:

– Как нам найти Джека и поймать Джорджа?

– Самое очевидное – кто-то изображает страстного любовника Риты и подставляется. Остальные берут убийцу с поличным.

– О! Чур, я буду страстным любовником!

– Думаешь, похороны с почестями того стоят?

– М-мм, интересный вопрос. А тебе Маргарита нравится?

– В каком смысле?

– В самом прямом.

– Нравится.

– Жаль. Значит, друзьями нам не быть.

Бирман удивляется, молчит и ехидно ухмыляется:

– Можем, как благородные враги, морды друг другу набить.

Лорд, выпускает струйку дыма в быстро темнеющее небо и качает головой:

– Я серьёзно.

– У Ритки роман с журналистом. Она Весенину жизнь спасла, и чуть что летит к нему, забыв про всё на свете. Если это не любовь, то я уж и не знаю, что тогда любовь.

Лорд не соглашается:

– Журналист ей не пара.

– Это ей решать.

– Он ей изменяет. Пока не физически, но и это недалеко.

Стальной взгляд иронично скользит по чёрному бархату, и Лорд торопится объяснить:

– Всё банально. В кухне злится повариха, плачет у станка ткачиха. У постели пострадавшего героя сидят доступные девицы и хором рассказывают ему, какой он славный и хороший. С одной стороны – несчастная Олеся, с другой – деловая Изабелла. Только больная голова не дает журналисту попользоваться обеими.

– Не суди о других по себе. Предположим, ты и Ритка составите романтический дуэт. Ты не будешь ей изменять?

– Может, и не буду.

– А-а. Сильно сказано. Но сомнения одолевают.

Бирман отправляет в небо ровное колечко дыма:

– Ты ту славную блондиночку уже поимел?

– С виду аппетитная, а на деле закомплексованная дура.

– Так и помог бы девочке расцвести.

– Много чести. Кстати, ты тоже на монаха не похож. Тут к тебе такая фифа заходила, я чуть слюной не захлебнулся.

Бирман ржёт, едва удержавшись от фамильярного похлопывания собеседника по плечу:

– Ставлю двадцать баксов на то, что Дора тебя спасла. Дыхание рот в рот и всё такое.

Лорд отвечает нарочитым возмущением:

– Думаешь, я охочусь на чужой территории?

– Думаю, да. Честно говоря, я на это даже рассчитывал. Ты решил мою проблему мирного расставания. Никаких слёз, оплеух и грустных разговоров – только вечное женское чувство вины.

– Ну ты хорёк! Ты меня использовал!

– Сказал нехороший парень, соблазнивший мою девушку в моём же доме.

– Хороша девушка, я и подумать ничего не успел, а она уже в ширинку лезет. И настырная такая, прилипчивая. Только что не изнасиловала, а теперь я ей кругом должен.

– Поэтому я и хотел от неё избавиться.

– А теперь мне избавляться?

Улыбнувшись, капитан разводит руками. Лорд щёлкает пальцами, и огонёк окурка, описав широкую дугу, скрывается в траве. Из-за обгорелых бревен выныривает Мерзляков. Он коротко машет к себе рукой, показывая, что пора возвращаться. Лорд машет в ответ и с заминкой спрашивает:

– Как думаешь, где Маргариту носит? Она ведь и Весенину не звонит, вся в каких-то делах.

– Где бы ни носило, лишь бы не осенило идеей «Поймаю дядюшку сама». В этом смысле она совершенно без башни. Уверена, что для решения проблем достаточно заявления о том, что она ведьма.

– Лёвка считает, что у неё есть ахиллесова пята.

– Ей и без пяты по голове досталось.

Бирман делает торопливую затяжку и придавливает брошенный окурок каблуком. Встав и протянув руку собеседнику, он по-приятельски предлагает:

– Поехали, темнеет уже. А в остальном – давай доведём дело до конца. Ритку найдем. Френда поймаем. Закатим вечеринку – не над трупами. Тяпнем по рюмашке, тогда и поболтаем насчёт ведьмочки и её слабостей.

Лорд хватается за протянутую руку и легко вскакивает:

– Замётано, Серёга.

Сыщики направляются к машинам, переключившись на обсуждение позорного поражения футбольной сборной.

66. Звёздная откровенность

Простым сыщикам сложно иметь дело со звёздами. У ведьмы свои пути. Потусовавшись среди фанаток Тернопольской, я узнаю, где и с кем она бывает.

Я подкарауливаю Ариадну у квартиры одного из её протеже.

Вышедшая из подъезда звезда, сплошь закутанная в чёрную вуаль, не готова к встрече с подругой дочери. Но машинальные оглядки в поисках охранников не помогают – охранников-то и нет.

– Здравствуйте, Ариадна Сергеевна! Можно вас на два слова?

Прораб, обсуждающий строительство фундамента дома с заказчиком, примерно столько же внимания обращает на муравья, ползающего под его ногами. Ладно, ещё одна попытка:

– Ариадна Сергеевна, один короткий разговор, и я вас больше не побеспокою. Поговорите со мной приватно, без огласки, или я начну перетирать грязь с журналистами.

Ноль эмоций. Звёзды шествуют по планете, не оглядываясь на чернь.

– Вы ведь знаете, я смогу пройти кордоны вокруг Осинки. Расспрошу её о том, о сём. Беседы скажутся на её самочувствии, как думаете?

Я вовсе не уверена, что этим можно пронять Ариадну. В конце концов, кто она и кто я? Но в Ариадне чувствуется какая-то настороженность. Понять бы, чего она боится.

– Садись в машину. У тебя пятнадцать минут.

Я вольготно устроиваюсь на заднем сидении лимузина и, подождав, пока звезда расправит все свои накидки, вуали и шали, спрашиваю в лоб:

– Ариадна, вы ведь были знакомы с моим дядюшкой? Джоржем. Или Френдом.

Великая звезда вздыхает – и на глазах увядает, стареет.

– Откуда ты о нем узнала?

– Сыщики рассказали. Они много семейных историй откопали. Про деда с бабкой, про папашу и его сводного братца. Про маму.

– Чего ты хочешь от меня?

– Расскажите мне о Френде.

– Он был грубым мужланом, необузданным, неотёсанным. Полная противоположность твоему отцу.

– Почему был? Он жив-здоров, гуляет по Москве. Вполне себе бодрый дядька и бегает быстро. Он ведь любил мою мать, да?

– Такая любовь мужчины – проклятие для женщины. Он её изводил, преследовал, руки распускал, потом всё же добился своего: она с ним Женечке изменила. Но ему всё мало было.

Не понимаю я тебя, мама. Ушла бы от обоих.

Ариадна трагически вздыхает:

– Она убегала от него, когда погибла. Они за городом домик сняли да поругались. Видно, она разволновалась, вот с управлением и не справилась. А может, и не хотела справляться…

– Что думал отец?

– Не знаю. У них с Френдом особенные отношения были. Они всем делились, всё друг другу рассказывали, с полуслова друг друга понимали. Но после смерти Маши Френд уехал в Америку, там какими-то подрядами занялся, да так и не вернулся.

– Он не уехал. Он в случайной драке человека убил и сел.

– Туда ему и дорога… А как же он гуляет по Москве?

– Вышел.

Великая звезда морщит лицо, словно съела что-то кислое. Наверное, в её двадцать это выглядело мило. Но сейчас она кажется состарившимся грибом. История Рогальских и Френда её явно угнетает. Чего она боится?

Я меняю тему:

– Ты ведь знала, что мама и отцу, и Френду изменяет?

– А почему бы и нет? Она мстила Жене за сломанную жизнь.

– То есть?

– Женя не хотел детей. Активно противился даже разговорам на эту тему. И уговорил Машу сделать аборт. Они ещё в институте учились, и он уболтал её, что нужно сначала на ноги встать, а уже потом о детях думать. Маша, бедная, из-за аборта чуть богу душу не отдала. А когда глаза открыла, ей первым делом сказали, что детей у неё никогда не будет.

– Почему отец не хотел детей?

– У него пунктик всегда был насчет наследственности. В роду была нервная болезнь, сумасшествие. Он не хотел, чтобы это передалось детям. Он консультировался, у профессоров чем-то таким интересовался. Они ему в один голос отвечали, что это лотерея. А после несчастья с Машей он успокоился, пока она вас, грязных котят, не начала в дом тащить.

Ариадна откровенна как никогда. С чего это она мне всё так открыто выкладывает? В больнице у Осинки, да и раньше она была царственно неприступна. В хитроумном реалити-квесте я нажала на потайную кнопку и получила кучу подсказок? Подозрительно это. Вдруг в уплату потребуют склянку с магическим скиллом? А у меня никаких склянок нет.

Пока нефть идёт, надо качать:

– А ты никогда не крутила с Френдом или с моим отцом?

– Да кто они такие, чтобы крутить со мной? Ты, девочка, не забывайся. Я всегда была звездой, а не подстилкой для плебеев! Посмели бы они подойти ко мне со своими грязными мыслями!

Я улыбаюсь, уловив в этом возмущении интонации обиженной женщины. Френд и папаша посмели не подойти, хотя Ариадна, я уверена, раздала на обоих направлениях немало авансов.

Сместим тему беседы:

– Почему вы с мамой дружили?

– Не знаю. Нет, правда, не могу этого объяснить даже себе. Надо же с кем-то дружить, я с ней и дружила. Больше ни с кем не получалось.

– Осинка в больнице много тебе разболтала? И о моих приключениях тоже?

– Моя дочь всегда была откровенна со мной.

О, чудо! Ариадна обратно молодеет.

В отповеди звезды плещутся все оттенки презрения:

– Я знаю, что ты шлюха. Конечно, приличному мальчику, которого ты взяла в оборот, об этом неведомо. Но я могу помочь ему кое-что узнать. Ты поняла?

Угроза. Явная и неприкрытая. Но из-за чего? Осинка знает что-то важное? Ткнув пальцев в небо, я попала в крохотную мишень?

– Я поняла, Ариадна Сергеевна.

Выбравшись из машины, я прихожу к логичному выводу: если Осинка и раньше выкладывала мои тайны своей матери, то предположение Бирмана о том, что Френд был ухажером Осинки ради информации обо мне – чушь полная. Ариадна могла рассказать всё моему папаше, а папаша мог выболтать всё Френду.

Но тогда кто и почему отравил Осинку?

67. Возвращение Ривки

Серый забор меня не бесит. А вот соседки-дурочки – очень даже. Шумят каждый день – ни поспать, ни подумать.

Вот и сейчас – бурно выясняют отношения. Стоят друг напротив друга и остервенело матерятся, выплёвывают нелепые конструкции из простых слов. Не нора, а филологический конкурс на замысловатое использование ненормативной лексики.

Кто-то из девочек взял мои чёрные очки, и я прошу обеих вернуть мои вещи. В концерт вплетается свежая сюжетная струя: дурочки считают, что всяким неприличным девкам не место в их добропорядочной компании. А где они неприличных девок видели? Если только в зеркале.

Мой вброс насчёт Ривки пролетел мимо – никаких слухов по столице не бродит. Возьму на вооружение приём папаши – любую ересь можно списать на заграницу.

Я придумываю Ривке историю покруче. Талантливая танцовщица работала в труппе Тернопольской, но поссорилась с Олесей из-за кавалера и была выкинута на улицу. Заокеанский продюсер предложил Ривке место в ревю, и она несколько лет танцевала за границей. Теперь же вернулась – и никакая Тернопольская ей ничего не сделает.

А распростанить эту «новость» можно через редакцию Кирилла. Никто и не заметит. И почему я сразу постеснялась пойти простым путём?

Старина Сэм относится к воскрешению Ривки без энтузиазма, но по-доброму. Толстый уроженец Кавказских гор, называющий себя то армянским евреем, то азербайджанским хохлом, выглядит уставшим. Сказываются возраст и надоевшая ноша в виде боль-

шого ресторана. Я не объясняю Сэму причин, по которым хочу воскресить Ривку, но он и не спрашивает – предлагает попробовать.

Я люблю Сэма и помогла бы ему, даже если бы он наотрез отказался. Но он соглашается – и я прыгаю в тёмный омут:

– Ты помнишь, я жила у Одоевского?

– Марго, детка, да я не помню, где вчера очки оставил.

– Одоевского убили, уверена, ты знаешь. Я видела его архив.

Чёрные глаза старика смотрят на меня со смесью страха и мольбы. Я быстро добавляю:

– Карины там нет. Ничего про неё нет.

На мгновение лицо Сэма выражает живую радость, облегчение. Но, прежде чем я успеваю продолжить, Сэм глухо спрашивает:

– А Сандра?

– Сандра есть.

Сэм поникает головой, и я бросаю ему спасательный круг:

– На снимках только она, одна, мужчин нет. И в том, как её сняли, есть подсказка – она ни в чём не виновата. Её куда-то заманили и подлили ей что-то одурманивающее.

Тяжело вздохнув, Сэм горько выдыхает:

– Это всё из-за меня.

– Слушай внимательно. Я уничтожила сервер, где всё хранилось. Но файлы могли остаться, с этим ничего не поделать. Чтобы защитить Сандру, нужно изменить реальность.

В чёрных глазах плещется отцовское отчаяние:

– Марго, милая… Мы все будем опозорены.

– Слева, под грудью, у Сандры есть родимое пятно, небольшое, но приметное. Его нужно удалить. Это займет какое-то время – так и потяни его. Пусть Карина свадьбу сыграет, она старшая. А Сандру стереги пуще глаза, жених не должен увидеть её тело до свадьбы..

Сэм издаёт полувздох, полустон. Я не отступлюсь:

– Детских фоток голышом у девочек нет. На снимках Сандра сильно накрашена, можно даже сказать, что это грим. А где грим – там подделка. И лишнее пятно на теле – будет тому доказательством. Если какая-то мерзость всплывёт, ты скажешь, что это фальшивка, а Сандра – чиста и непорочна. И стой на своём!

Несчастный отец всё ещё не верит, что спасение возможно.

– Никто ничего не заподозрит. Сандра промолчит, а уж после свадьбы любое обвинение против неё семья мужа похоронит. Засыплет землёй все болтающие рты…

Сэм молчит, обдумывает план, соглашается с ним – и исполняет несколько быстрых движений. Я затрудняюсь расшифровать этот язык тела.

– Ты играешь с огнём, Марго. Будь осторожна.

– Я осторожна.

Бедный Сэм, его хватит инфаркт, если я посвящу его в свои «осторожные» планы.

С костюмом всё просто. Жёлтое дизайнерское безумие готово шокировать мирных посетителей ночных клубов. Топ костюма состоит из трёх кусков кожи и кучи шнурков, за счёт хитроумной конструкции топ визуально увеличивает грудь размера на полтора. Раньше я этого стеснялась, но теперь это безусловный плюс.

Несмотря на приличный для модного прикида возраст, жёлтая дрянь смотрится актуальной и агрессивной. К коже прилагаются свободные полупрозрачные штаны-шаровары. Штаны великоваты и плохо на мне сидят, но смотреть на штаны мужчины не будут.

Интересно, что подумает Кирилл, если увидит меня во всём блеске этой вульгарности?

Снять повязку с ключицы Хан пока не разрешает. Но на время танца её можно заменить плотной лентой телесного цвета.

Покупка шевелюры занимает больше времени, чем я планировала. Нурядицы сказались на моей внешности и физической форме – в большинстве париков я выгляжу как больная после трудных процедур. Отчасти, так оно и есть, но мне-то нужен другой эффект. Приходится разориться на длинные платиновые локоны, за которыми моего лица почти не видно.

С разбега я покупаю ещё и шифоновую юбку – разумеется, насыщенного жёлтого цвета. В подвале торгового комплекса теснятся всевозможные бытовые услуги, и маленькая вьетнамка из ателье по подшиву брюк превращает юбку в пелерину.

Скрюченная иностранка работает в каморке без солнечного света по двенадцать часов, за копейки. Я оставляю ей щедрые чаевые и, уходя, вижу, как к ней подбегают дети лет по семь. Улыбки

детишек вызывают ответную нежную улыбку матери, и я радуюсь вместе с ними.

Тоскливое чувство одиночества сменяется надеждой.

У меня будет дом. У меня будут дети. Я пройду сквозь все бури и однажды, раскинув руки, станцую танец над всем миром!

Хорошо воображать себя танцующей чертовкой. На практике всё вовсе не так радужно. Дыхание перехватывает, мышцы болят, я теряю равновесие в самых простых движениях. Ещё и голова периодически кружится. Я не выдерживаю тренировок, которые сама себе расписала. И попытка усилить нагрузку приводит к сонному провалу на двенадцать часов.

Возвращение Ривки грозит обернуться обмороком прямо в зале.

Нет, я не собираюсь сдаваться. Просто ною.

Бирман обзывает меня слабоумной. А если бы сам подумал пять минут, то согласился бы, что знать адрес моей норы никому не нужно. И ему тоже. Тот ещё собственник – заявил, что теперь он руководитель группы, и я должна обсуждать дело только с ним и ни с кем больше.

Серго дуется – где и когда я болтала с Бирманом? Водила ли я его в древнеримские бани? Бирман – безнравственный тип, от него надо держаться подальше. А вот он, хороший демон, приготовил мне подарок – книгу с кельтскими легендами. Я могу забрать её в любое время – из квартиры Бирмана.

Что они на пару курят? Ничего не понимаю.

Энскому надоедают мои недомолвки, он вспоминает хакерское детство и гуляет по сетям – изучает, что со мной творится. Хорошо, что отвлёкся от работы, приятно, что побеспокоился обо мне. Но зачем же атаковать Особняк? Ни первая, ни вторая атаки не проходят, однако рыцаря это только раззадоривает.

Не дай бог кто-нибудь узнает, что переполох админов – тоже из-за меня…

Первое возвращение Несравненной Ривки проходит лучше ожидаемого. Отдохнувший и откормленный мясной диетой организм выдаёт всё, что от него требуется. Арт-директор уныло смиряется с бесцеремонным вторжением хозяина ресторана в утверждённую программу. Но, по-честному, я не порчу эту посредственную программу. Я делаю её модным представлением, о котором все говорят.

VI. Пируэты

68. Танцовщица

Я напрасно ограничивала себя в удовольствии танцевать. Эта простая мысль подгрызает меня, лишь постепенно сглаживаясь.

С каждым выходом я чувствую себя всё увереннее. Перестав строго следить за тем, в каком порядке переставлять ноги и в каком такте взмахивать руками, я обретаю лёгкость и свободу движений. Слабая боль в мышцах кажется привычной, дело идёт на лад. Неделя, другая – и я уже могу выступать каждый день.

Сэм разрешает мне делать всё, что угодно. Слухи о чуде в клубе сулят ему неплохие барыши. Я объясняю, что всё это ненадолго, но он меня не слышит.

Балетоманы и любители бурлеска, поклонники горячих латиноамериканских танцев и фанаты стриптиза ругают меня на все лады – я всё делаю неправильно, у меня нет техники, я вообще танцевать не умею. Но критиканы приходят снова и снова – чтобы увидеть танец без правил.

Несравненная Ривка нравится всем. Не может не нравиться.

А если бы я не отвлекалась на мысли о неизвестном герое моего пьяного приключения, всё было бы ещё круче.

Очередным вечером меня тянет на хулиганство. Вместо приятных мелодий с простыми попсовыми ритмами я выбираю дьвольскую музыку скрипок в электронной обработке.

Пора испробовать, как далеко простирается моя власть над толпой. Заставить посетителей ресторана забыть о еде? Это несложно.

Я могу больше, но не хочу попасть в беду. Сначала хорошо бы проверить, не приведёт ли шаг вправо, пируэт влево к забитию камнями на месте.

Эх, позвали бы меня на настоящий шабаш ведьм. Я бы там так сплясала…

Скрипки – это прекрасно, но для контроля над толпой – всё-таки не лучший выбор. Часть публики остаётся в недоумении – что это они видят и слышат? Спрыгнув с площадки, изображающей сцену, я делаю круг по залу. Тут вот острожней надо быть – никаких взмахов ногами, только улыбки.

А за одним из столиков сидит… Лёвка. Только смотрит он не на меня. Смотрит он на… Френда, который из самого угла наблюдает за моми пируэтами.

Хорошая я охотница. Вместо кабанчика из кустов выперло здоровенного медведя.

Взобравшись на площадку, я раскланиваюсь и смываюсь в подсобку. Я была несправедлива к арт-директору – и от червяков бывает своя польза. Пусть бормочет, что хочет, лишь бы привёл ко мне юношу, похожего на икону.

Лёвка втискивается в маленькое помещение с задумчивым видом. Я выпаливаю случайные пять вопросов из тысячи:

– Как ты здесь оказался? Ты его видел? Ты один или с ребятами? Тебе понравилось, как я танцую? Вы его ловить будете?

Лёвке требуется время сосредоточиться на происходящем. Внимательно оглядев мой костюм и подсобку, он задаёт собственный вопрос:

– Ты куда сейчас пойдешь?

– Я комнату сняла. Туда и пойду. Ты мне не ответил.

Крепко сжав мои плечи, Лёвка медленно объясняет:

– Мы сейчас выйдем в зал. И ты будешь громко говорить, что завтра выступать не будешь. Следующее твоё выступление – послезавтра. Повтори это несколько раз всем, кто поинтересуется. Френд должен это услышать. Но не встречайся с ним взглядом. Не отворачивайся, не увёртывайся, постарайся не заметить его. И не бойся, я буду рядом.

– Мы заманим его в ловушку? А давай его выследим?

– Даже не думай. Тебе нельзя к нему приближаться. И от меня в слежке проку нет. Мы назначим ему место и время встречи. А там пусть опытные бойцы потолкуют с ним по душам.

Выйдя в зал и любезно отвечая на приветствия, я объясняю Сэму, что следующий мой выход – через день. Френд стоит вполоборота ко мне всего в полутора метрах. Он точно всё слышит. Не может не слышать. И не сможет не придти.

Я не замечаю его. Только чувствую, как он отдаляется.

Лёвка провожает убийцу – и у меня сжимается сердце, когда кудрявый ангел выходит из зала. Но он быстро возвращается – Френд уехал на такси, и Лёвка успел записать номер машины.

Теперь надо как-то вменяемо объяснить Сэму, что в его заведении планируется операция по задержанию серийного убийцы. А Сэм ничего не понимает, понимать не хочет, и задерживать никого не собирается.

Я переодеваюсь, собираюсь вернуться в коммуналку, но тут выясняется, что у Лёвки сто своих мыслей – что же ему со мной делать.

– Френд должен следить за тобой. Или за твоей норой. Если я позвоню Серго, он примчится и заберёт тебя в Особняк. Шума будет – как от салюта. Посадить тебя в одно из наших убежищ – не вариант, если Френд знает, где твоя нора. Не вернёшься в нору – всполошится, и поминай как звали.

– Я вернусь – и не всполошится.

– Одну твою нору он уже разгромил.

– Потому что меня в ней не было.

Лёвка отметает этот довод изящным жестом руки:

– Может, изобразить, что ты осела у кого-то из мужчин? К себе не могу позвать. И к Нине Андреевне не рискну сунуться. Отправить тебя к Бирману? У него места много, только он сам тебе шею свернёт – от радости встречи.

– За что мне шею сворачивать?

– Лорд набег на его квартиру организовал – думал, что ты у него прячешься.

– А не логичнее Лорду шею свернуть?

– Ты шею Лорда видела? Сравни со своей.

Надо будет присмотреться.

– Слушай, Лёвка, я распрекрасно обходилась всё это время. И я осторожна, меня непросто выследить. Я вернусь к себе, потому что мне нужно хорошо выспаться. Я вам нужна бодрая и полная сил, а не соня с клюющим носом. Танцевать-то мне в любом случае придётся.

Улыбнувшись, Лёвка выдаёт:

– А знаешь, как я тебя нашёл? До меня слухи дошли о твоих танцах. Я всякой чертовщиной интересуюсь, вот и решил своими глазами взглянуть.

– Тебе понравилось?

– Да. Нет. Не знаю. Я бы хотел посмотреть ещё. Почувствовать реакцию разной публики, с разной музыкой, в разных залах. Понять, насколько важно, устала ты или нет. Проверить, будешь ли ты сильнее с живым оркестром или, например, под вокал.

– Ясно. Электроды на башку. И в лабиринт.

– Ну что ты заладила про электроды. Глупость какая-то. Просто наблюдения.

– А чтобы получить кашку, мне надо будет лапкой нажать на кнопку? Или носиком?

– Да ну тебя.

Мы препираемся ещё с четверть часа. А потом я провожу для Лёвки пешую экскурсию по ночному городу. Более экстремальную, чем мои обычные прогулки, но Лёвочка сам на это напросился. Пусть посмотрит на реальную жизнь.

Когда за ним приезжает такси, психолог бросается к машине так, словно это космический корабль, причаливший к необитаемому астероиду после двадцати лет тщетных надежд.

69. Курица и негоцианты

Планировалось, что я прибуду к Бирману вся из себя этакая-растакая и этим сделаю ему приятный сюрприз. Но, едва я отхожу от вестибюля метро на то расстояние, когда уже не повернёшь обратно, начинается дождь. К сталинке, в которой обитает капитан, приплетается не сказочная дива, а мокрая курица. С пластиковой коробкой торта в руках.

Бирман открывает дверь, я радостно улыбаюсь, но натыкаюсь на непроницаемый стальной взгляд. Капитан пропускает меня в прихожую, я протягиваю ему торт, он перехватывает его снизу, но не удостаивает меня ни словом.

Из коридора в прихожую протискиваются Влад и... Серго?

Это он? Вот этот ломатый парень в коротких джинсах и дырявой растянутой футболке? До такого уровня сюрпризов мне ещё расти и расти.

Троица с напряжением разглядывает меня, и я не выдерживаю:

– Здравствуйте.

Серго вытаскивает из заднего кармана пачку сложенных купюр. Выбрав стодолларовую бумажку, он протягивает её капитану:

– Ваши сто баксов, пожалуйста.

Бирман кривит уголок рта и обращается к Владу:

– Думаешь, это можно считать телом?

Влад выхватывает купюру и убирает её в карман рубашки:

– Можно. Тело. Нетипично, что само ходит и говорит. Но это поправимо. Дадим ему по башке и скажем, что так и было.

Я перевожу взгляд с одного сыщика на другого, но никто не собирается мне ничего объяснять. Ну и сидите одни со своими загадками. Сделав широкий шаг назад, я прощаюсь:

– Я, пожалуй, пойду. Извините, что побеспокоила.

Серго и Влад одновременно вопят: «Держи её!». Бирман ловко ставит мне подножку и, перехватив за талию, усаживает меня на маленькую скамеечку.

Серго вздыхает и снисходит до пояснений:

– Вчера девушку одну зарезали. Мы сегодня в морг на опознание ездили – думали, это ты. А потом поспорили. Я проиграл, поскольку твоё тело мы нашли.

Я напоминаю и Лорду, и Бирману:

– Я же вам звонила. Специально автомат нашла.

Капитан сумрачно парирует:

– Неделю назад? Мы не знали, что и думать.

– А с чего вы взяли, что меня зарезали?

– Не догадываешься? Где искать девушку, за которой охотится серийный убийца и которая не дает о себе знать? Мы каждый день сводки по всем моргам города и области проверяем.

Нда… Неловко вышло. Я не привыкла предупреждать других людей о своих планах.

– Простите. Я не подумала.

– Мы поняли. Раздевайся, вон те тапочки-зайчики возьми и иди в ванную, в конце коридора. Ты вся мокрая. Я тебе принесу что-нибудь переодеться.

Что за детский сад? Это мои зайчики, я их и возьму.

А-а, чёрт! Я же ничего не знаю – ни тапочек, ни коридора никогда не видела. Мне нужно быть очень внимательной.

Важные дела мира вершатся на отдельно взятых кухнях.

Бирман усаживает меня в угол, в то время как он сам, Влад и Серго располагаются с другой стороны стола – барьером, перегораживающим выход.

Выдержав паузу, я выпаливаю самое главное:

– Френд будет на шоу в ресторане «Андурит». Завтра.

Лорд роняет ложечку на пол, раздаётся жалостливое «дзынь-ляля». Влад сокрушенно качает головой. В стальных глазах повисает горький упрёк.

Опомнившись, Серго уточняет:

– Ты его лично пригласила? Или билет по почте послала?

– Ни то, ни другое. Я договаривалась с Сэмом, а Френд рядом стоял и слушал.

– Ты не обозналась? Близко его видела?

– Немного дальше, чем тебя.

Вскочив, Лорд сжигает меня парой чёрных молний:

– Идиотка! Тебе жить надоело? Зачем ты к нему полезла?

Бирман бесстрастно замечает:

– Там много людей было? А если бы Френд прямо там на кого-нибудь напал? Ты же обещала, что будешь сидеть в норе…

Влад молчит, но его сдвинутые брови красноречиво осуждают мою выходку.

Я пытаюсь оправдаться:

– Я никуда не лезла. Я не знала, что он придёт. Мне не нужна слава. Я хотела, чтобы меня вспомнили…

Помолчу лучше. Пусть громы несутся над моей бедной головой.

Безответственность, глупость, безрассудность...

Толстые волчьи морды так и клацают зубами. А если курочка ка-ак прыгнет, как вцепится в одну из морд?

Да, знаю, ничего не выйдет.

Подтащив сумку поближе, я начинаю выкладывать на стол рисунки и фотографии.

Влад берёт в руки рекламку с изображением пены жёлтых кружев с торчащей из неё ногой. Поворачивая её так и эдак, он пытается понять, где верх, а где низ. Все, кто видят эту рекламку, занимаются именно этим. Сэму сказали, что это ловкий маркетинговый ход, но мне кажется, что косорукость дизайнера.

Я указываю пальцем на крупно написанные цифры:

– Представление в клубе начинается в семь. Интересные номера идут с полдевятого и ещё примерно час-полтора.

Бирман протыкает меня стальным взглядом, но прислушивается. Лорд умолкает, однако не садится, а нависает над столом тёмной, властной тучей.

А у меня есть план территории:

– Публика подтягивается в восемь-девять. Ресторан – отдельное здание, стоящее в небольшом скверике. С двух сторон – высокие заборы НИИ и завода. У одного забора сверху штыри с зазубринами, у другого – колючая проволока. Угол между заборами глухой, в него выходят двери кухни и запасного выхода. Это вот здесь.

Всё, товарищи сыщики, успокоились? Вникайте:

– Ещё один забор – ряд бетонных плит, за ними обычная улица. Забор высокий, плиты установлены на стойках, и дырки внизу заложены. Так что перемахнуть через него непросто, хотя возможно. Со стороны проспекта идёт заборчик решеткой и невысокий. Вот здесь въезд на вип-парковку, влезает десять машин, остальные – паркуются, где хотят, вдоль дороги.

Разложив на столе выклянченный у Сэма чертеж, я перехожу к внутренним помещениям:

– В здании два этажа. Есть подвал, но в нём только трубы и провода. На чердаке пусто. Почти весь первый этаж – зал ресторана. Рядом кухня. Есть ещё небольшой зал и кабинеты на втором этаже. Плюс офис Сэма. Две лестницы, разные кладовки – вот, собственно, и всё.

Приглядевшись к плану, Лорд скептически спрашивает:

– И как мы этот цирк перекроем?

Ткнув пальцем в кухню, он обращается к Владу и Бирману:

– Особенно вот это мне нравится. Примерно как в сапёра играть. Только подсказки с циферками не открываются.

Я вытаскиваю наверх фото, стыренные из большого альбома «Наш ресторан»:

– Как и что вы будете перекрывать – дело ваше. Мне кажется, что нужно освободить вот этот проезд со стоянки, иногда его тоже забивают машинами. И хорошо бы проследить за всеми машинами на противоположной стороне проспекта. Посетители часто там их бросают, и это хорошее место, чтобы ждать кого-то выскочившего из ресторана.

Бирман изображает рукой разворот автомобиля на проспекте и пожимает плечами. Я продолжаю:

– Если про людей, то вот тут, у выхода, пройти группе сложно, прямо здесь кусты растут, а дальше бордюр посередине проезжей части до перекрёстка. Если посетители будут выбегать, здесь куча-мала будет.

Лорд раздражённо откликается:

– Ратунку! Пришла курица и учит негоциантов вести бизнес.

Умей человечество концентрировать такие всплески в полезную энергию, на одной этой фразе столица могла бы сиять иллюминацией целый месяц.

Внимательнее всех меня слушает Влад:

– Покажи, где будешь ты?

Я показываю, и верзила жестом перечёркивает подсобку:

– Нет, всю эту зону надо совсем закрыть.

– Почему? Если он сюда зайдет, ему уж никак не сбежать.

– Птичка, он не хочет сбежать. Он хочет достать тебя. Перерезав тебе горло, он с чувством выполненного долга сдастся. Или взорвётся. Или откроет стрельбу, чтобы мы его пристрелили. Тебе это будет уже всё равно.

– Если бы он хотел меня убить, давно бы убил. Я не знаю, что ему от меня надо, но это точно не про горло.

Бирман с Владом переглядываются. Я настораживаюсь:

– Вы что-то знаете?

Капитан медленно подбирает слова:

– Рит, мы полагаем, что его цель… вступить с тобой… в сексуальные отношения.

Что-то внутри меня быстренько ускользает куда-то в пятки. И затаивается там, мелко дрожа.

Но я не поддаюсь панике:

– Что, если я… как бы это сказать… вступлю в отношения?

Лорда клинит, и он пламенно высказывается на тему ограниченности моего интеллекта. А я не имела в виду, что побегу навстречу психопату с розовыми сердечками. Я просто хочу понять – если Френд сцапает меня, сколько времени у меня будет.

Серго разносит меня как распоследнюю идиотку. Вот зря я очаровывалась его способностью ясно и понятно говорить. С той же ясностью он и меня катком утюжит. Бирман и Влад пытаются его остановить, но где там, он выговаривается без оглядки.

Как мне всю эту бригаду обойти?

Однажды в заштатном баре Осинка нарвалась на подростков, которые окружили её в углу. И она просто распахнула свою кофточку. Пока пацаны пялились на её топлесс, она их обошла и благополучно улизнула.

Но мне такой способ не подойдёт…

В дверях кухни возникает бабушка Паша и скрипучим голосом перекрывает рокот мужского баритона:

– Ой, Серёжа, у меня бяда.

Серго затыкается – и даже слегка вздрагивает.

– Ой-ой, потеряла я глаза.

Я ловлю себя на внимательном разглядывании безмятежных серых глаз Прасковьи Сергеевны. И я не одинока – Лорд и Влад занимаются тем же. Бирман со вздохом спрашивает:

– И куда ты их дела?

– Спала и потеряла.

– Опять спала в очках? И как сны? Лучше видно?

– И не говори. Прямо плазма!

Мне представляются сине-красные шары, летающие в супернавороченном реакторе. Способность к абстрактному мышлению стала основой развития человечества. Буквальность его погубит.

Бирман уводит бабушку в её комнату и раздражённо зовёт друзей на помощь:

– Мужики, тут кровать подвинуть надо. Так не достану.

Серго и Влад отправляются на спасение «глаз».

Влад на мгновение загораживает дверной проём комнаты, и за его спиной я проскользываю в коридор. Пробравшись в прихожую, снимаю с крючка мокрую куртку и выхожу за дверь.

Надоели! Я стараюсь помочь, а они меня унижают и руганью поливают. И Лёвка хорош, обещал первым приехать, и где он?

Грубияны бессердечные! Я не идиотка!

Проклятье… Всё-таки есть проблемы с умишком…

70-Л. Объяснения Лёвки

Левка входит в квартиру Бирмана и с любопытством оглядывается. Кусочки старых миров составляют логичную мозаику, но сам хозяин квартиры в неё не вписывается. И мрачное лицо капитана отражает антонимы слов «радушие» и «гостеприимство».

Аккуратно повесив плащ на вешалку и поставив ботинки на полочку для обуви, Лёвка проходит по длинному коридору и обнаруживает остальных сыщиков, сидящих за столом вокруг нераспакованного торта.

– Рита ушла?

Серго кривится:

– У нас тут бабушка очки потеряла.

Других объяснений психолог, очевидно, не дождётся.

Лёвка усаживается к столу и снимает крышку с торта:

– Наполеон. Рита его любит. Что вы ей наговорили?

Серго зло и коротко бросает:

– Ничего.

– Ясненько. Это ты громче всех орал, что она идиотка. Она успела что-то рассказать, или вы сразу её отпрессовали?

Бирман, хмурясь, выясняет:

– Ты из-за неё нас собрал? Знал, что она придёт?

– Да. Только она меня вчера так умотала, что я днём прилёг вздремнуть, а проснулся только час назад. Еле-еле в себя пришёл. Из-за этого и опоздал.

Серго прищуривается и с лёгким нажимом уточняет:

– Что значит «умотала»?

Лёвка смеётся и признаётся:

– Я с ней весь вечер и полночи провёл. Фантастический опыт. Никогда ничего подобного не испытывал.

В полной тишине довольный собой психолог по-хозяйски наливает себе чаю и отрезает большой кусок торта.

– Ты что, нашу птичку… того?..

В вопросе Влада выплёскиваются угрожающие нотки. Через секунду Бирман успевает среагировать и вцепляется в Лорда:

– Серго! Стой! Это разводка!

Лёвка невозмутимо откусывает торт и запивает его чаем. Лорд высвобождается из захвата Бирмана и грубо бросает:

– Однажды ты довыделываешься.

Разлохмаченный мистер Власть плюхается обратно на стул, и Бирман горько упрекает психолога:

– Развлекаешься. А Рита сказала, что видела Френда.

– Так я его тоже видел. Чокнутый мужик.

После очередной паузы Лорд упавшим голосом, почти шёпотом, выговаривает:

– Ну ладно, простительно Маргарите, глупой курице. Но ты-то, психолог грёбаный, ты-то что о себе вообразил? Куда ты попёрся, кретин?! На какой рожон?

Лёвка упрямо встряхивает копной волос:

– Я понял, почему Рита ушла. Мне тоже пора.

– Разбежался. Это ты ей всё о деле выложил?

– Более-менее. Должна же она знать, что происходит.

Снова вскочив, Лорд экспрессивно припечатывает:

– Лёвка, мы её в морге искали! Думали, всё, хана ведьмочке! Какого чёрта ты молчал?! Неужели сложно было написать «кстати, ребята, у Маргариты все в порядке»?! Мы с Серёгой ночей не спим, киоск с сигаретами на углу озолотили. А ты, гадёныш, за нашей спиной тайны следствия ей выбалтываешь!

Левка поднимает взгляд и удивляется:

– А ты что, живёшь здесь? Почему?

– Бирман пустил, вот и живу. Отвяжись.

Капитан вставляет свой вопрос:

– Как ты Риту нашел?

– По танцам.

Лорд с размаху садится на табуретку:

– По каким танцам, Лёвочка?!

– Я даже не знаю, как это назвать. Просто танцы. Девушка выходит и танцует под красивую музыку.

– И причём здесь Рита?

– Она и танцует. Это очень… необычно.

– Лёва, не нервируй меня. Объясни всё толком!

– Так я же объясняю. Рита не собиралась ловить Френда. То, что он её нашел, шокировало её ничуть не меньше, чем вас.

Кивнув капитану, Лёвка добавляет:

– Между прочим, это ты подкинул ей идею найти какого-то старого знакомого. И весь этот танцевальный марафон она затеяла ради встречи с ним. Она думала, что он услышит о возвращении Несравненной Ривки, и появится. Но вместо знакомого объявился Френд.

Бирман издаёт стон и прячет голову в ладонях.

Лорд скатывает бумажную салфетку в шарик:

– Ещё раз. Ривка – это кто?

– Не тупи. Ривка – это сама Рита. Несколько лет назад она в клубах под этим именем танцевала.

Выпрямившись, капитан уточняет:

– Значит, после того, как эта зараза ушла с адвокатом, она танцами занималась?

– Всю последнюю неделю точно.

Лорд кладёт бумажный шарик на метательную конструкцию из собственных пальцев и запускает снаряд в сторону Лёвки. Тот пытается уклониться, и шарик застревает в кудрявом локоне – словно жемчужина.

Капитан косится на Серго и спрашивает:

– Ты знаешь, где Риту найти?

– Допустим. Что мне за это будет?

– Бить не будем.

Холодный огонёк в стальном взгляде подсказывает психологу, что в некоторых шутках собственно шутки нет вовсе.

– Ладно. Рита сидит в подъезде, на подоконнике третьего этажа. Она так торопилась, что убежала в тапочках. Вы не заметили, что её ботинки в прихожей остались? А на улице не месяц май.

Серго облегченно восклицает:

– Господи, спасибо, что ты лишил эту курицу остатков мозгов.

Сорвавшись с места, Лорд уносится искать ведьму в подъезде.

Бирман опускает голову, молитвенно складывает руки у груди и грустно просит:

– Господи, а никак нельзя вернуть хотя бы часть мозгов этому обалдевшему мужчине?

Встряхнув кисти рук, капитан делает несколько вращательных движений правым кулаком – как будто разминает руку перед поединком. И со спокойной интонацией бросает психологу ещё один вопрос:

– Так чем же вы с Риткой занимались вчера вечером?

Лёвка осознаёт, что остался один между двух районных сыщиков. В кухне резко становится как-то неуютно.

Отломив кусочек торта, психолог рассказывает:

– Я не хотел Ритку одну в нору отпускать. Ну и… проводил. А она потащила меня по самым гнилым местам – через рельсы, притоны, свалки, стройки. Я такой заряд адреналина получил, что мне лет на пять хватит. Как будто попал в параллельный мир.

Покачав головой, Бирман жёстко упрекает:

– Позвонил бы ещё ночью. Почти сутки прозевали.

Лёвка начинает оправдываться, но капитан его уже не слушает:

– Влад, собирай всех. Боевая тревога.

71. Шум в подъезде

Лёвка ушёл, а ко мне никто не пришёл. Что они там, чай сели пить? Без меня? Вот уйду, замёрзну, заболею – и они пожалеют!

Нет, конечно, но надо же на что-то отвлекаться.

Спускающийся по лестнице Серго с мягкой улыбкой кается:

– Госпожа Сердитка, позвольте принести вам свои извинения.

И как у него получается? Только что был молнией, а теперь – бархатная подушечка.

– Прости. Пойми, у меня нервы сдали. Я сегодня утром в морге передрейфил. Сразу понял, что это не ты, но всё равно.

Небрежно бросив мои ботинки в угол подоконника, Лорд стаскивает с моих ног плюшевых зверушек. Я мычу что-то вроде «ойну что ты-не надо-я сама», но он только сдержанно усмехается.

Тёплые прикосновения сильных мужских пальцев к моим замёрзшим щиколоткам оказываются… волнующими. Мягкие движения и успокаивают, и… возбуждают. В том самом смысле. По нервам проносится чувственный импульс – желание изведать

с властным красавцем нечто, выходящее за рамки благопристойных отношений. Очень далеко выходящее…

Дожила ты, Рита. Уже и на подоконнике от снятых тапочек голову теряешь. А говорили тебе – не бегай с сотрясением мозга по городу. Раньше я таких порывов в себе не замечала. Господи, хоть бы он ничего не понял.

Серго улыбается чему-то загадочному. Понял…

Подержав обе мои щиколотки в обхвате своих рук, властный красавец убирает руки и чуть высокомерно бросает:

– Купи себе новые сапоги. В этих нельзя ходить – простудишься в этой рвани. Немногим лучше, чем в плюшевых зайцах по улице шастать. Холодно и сыро.

– Я забегалась совсем. А ты почему здесь?

– Меня в ссылку отправили – я теперь на Бирмана работаю. Временно, конечно. Но маман меня загрызла, пришлось ещё и из дома уйти.

– Зря ты так. Мамы – они все такие.

Серго закатывает глаза и обещает:

– Я тебя как-нибудь познакомлю. Посмотрим, что ты тогда скажешь. Если дракон тебя не сожрёт.

Пока я перевариваю эту информацию, Лорд стаскивает с меня куртку:

– Цыплёнок. И почему ты себя не бережёшь?

Он понимает, что раздевает меня? Нет, мне нравится, что он деликатен, что он заботится обо мне. Но куда это нас заведет? Я действительно интересую его? Как женщина? У такого мужчины должно быть подружек в избытке. Или он не шутил, объявляя себя охотником за ведьмами? И что тогда обещает мне этот расклад?

Мысли уплывают. Слишком заманчиво оказаться хрупкой женщиной в уверенных мужских руках. Вот бы сейчас сбежать вдвоем куда-нибудь на тёплые острова. В прохладное бунгало у синего океана. Сорвать одежду и…

Рита, тормози!! Срочно тормози!

А ну-ка, быстро очухалась и выкинула глупости из головы! Это властная аура на тебя действует. Нельзя поддаваться. И это нехорошо – твой сердечный друг болеет, а ты фантазируешь невесть что в объятиях другого мужчины…

Серго, почувствовав перемену моего настроения, возвращается к разговору, который мы не закончили в Особняке. Заслушавшись его, я забываю о своих… сомнениях. Назовём это так.

Гипокауст[13] – отличный пример разрухи в головах, когда гибель цивилизации повлекла за собой и забвение технологий, которыми успешно пользовались веками…

В больших древнеримских термах для мужчин и женщин были разные помещения, общие купания считались неприличными …

Римские женщины пользовались некоторыми правами, но главенство мужчин стало основой империи…

Здесь есть, с чем поспорить. Именно женщины обеспечивали стабильность домашнего хозяйства, то есть управляли немалыми поместьями и состояниями. Пока мужчины воевали и заседали по сенатам, женщины развивали реальную экономику.

Серго не соглашается. Отдельные примеры женской предприимчивости – не характеризуют общество в целом. Опять же надо различать знать и чернь. Женщины занимали то положение, которое могли занять, но обычно подчинялись мужчинам во всём. Патриархальность – это стабильность империй.

Экий мужской шовинизм. Будем бороться.

Серго уносится в рассуждения о несовершенстве женской натуры, я отбиваюсь ядовитыми замечаниями о мужских пороках – спор разгорается. Мой оппонент легко цитирует общеизвестные источники, чем я похвастаться не могу. Зато могу говорить от лица женщин, как самовыбранная представительница прекрасной половины человечества.

Серго ходит туда-сюда по лестничной площадке, и я соскакиваю с подоконника – ломаю ровные линии его шагов и рассуждений. Да, он выше и сильнее – но я останавливаю его одним указательным пальцем. Думает, если я маленькая, то сдамся его напору? Ни за что!

Слово за слово – и от галантности спорщика не остаётся и следа. Сверкнув чёрным взглядом, шовинист переходит на личности и заявляет, что я в силу недостатка образованности не могу знать, что чувствовали и хотели женщины две тысячи лет назад. Я парирую: ему-то это тем более не понять – в силу мужской узколобости.

[13] Гипокауст – система отопления зданий в Древней Греции и Древнем Риме.

А заодно напоминаю имена Корнелии, Сервилии, Эвнои и Тертуллы[14] – чтобы он не думал, будто я совсем дремучая.

Браки? Пережиток. Браки по выбору семьи? Средневековье! Сколько женщину силком замуж не выдавай, любовь не отменить. Веками женщины обманывали мужей-недоумков, отдаваясь любимым мужчинам по своему выбору. А заодно и о генофонде заботились – рожая детей от достойных мужчин.

Серго, размахивая руками, припечатывает, что это только моё ви́дение мира. Определяющееся тем, что я шлюха…

Ни на мгновение не задумавшись, я влепляю мистеру Власть отличную оплеуху…

О-ой… Что это было?

Между мной и Серго втискивается захлёбывающийся смехом Лёвка. Сквозь полурыдания он напоминает, что мы, во-первых, не одни на белом свете, во-вторых, собрались не на заседание исторического кружка.

Оглядевшись, я обнаруживаю, что на лестнице собрались и другие зрители. Бирман и Влад прячут улыбки, но по физиономиям сыщиков понятно, что оба веселятся от души.

Что смешного-то?

Серго потирает щёку, гордо выпрямился, хватает с подоконника злополучных зайчиков и уходит вверх по лестнице.

А мне теперь в носках по подъезду бегать? Нет, я уже стою на площадке в носках, но это ещё не повод лишать меня тапочек.

Я пытаюсь привлечь внимание сыщиков к этой проблеме:

– И куда он попёрся с моими пушистиками?

Лёвка всхлипывает, вцепляется обеими руками в подоконник и заходится нечленораздельными звуками. Бирман с Владом ржут, сгибаясь в три погибели, и хлопая друг друга по плечам.

Ничего не понимаю.

Пролётом выше открывается дверь одной из квартир, оттуда высовывается небритый мужчина с замечанием:

– Чё орёте? Пошли вон! Наркоманы проклятые!

Бирман и Влад переглядываются, но не спорят. Капитан сгребает мои ботинки и куртку с подоконника и кивает приятелю:

– Забери её.

[14] Жена и любовницы Цезаря

Влад уносит меня как маленькую девочку – на одной руке. Казалось бы, тоже красивый мужчина, и выше, и сильнее всех остальных, и держит меня бережно. А у меня никакой реакции. Гормоны-феромоны толкают меня к Серго. Вот где это прописано? В каких скрижалях судьбы?

В кухню – временный штаб операции – меня не пускают. Место ведьмы – в дальнем углу столовой, в пыльном и поломанном кресле. Бирман приносит мне чашку чая, блюдце с куском торта и несколько книг в красивых суперобложках:

– Посиди полчасика, пока мы все обсудим. Это последние переводы. Англия, Германия, Япония. Ты наверняка не читала. А есть кое-что интересное.

Во втором часу ночи, когда капитан отнимает у меня сагу о сложных взаимоотношениях двух японских кланов, я догадываюсь, что он и не планировал никаких полчасиков. Вручив мне большой сверток с бельем, Бирман объясняет:

– Когда я устраивался в уголовку, никто не предупредил меня, что придётся ещё и гостиничным бизнесом заниматься. Бесплатно и на дому. Я бы, наверное, передумал блистательную карьеру начинать.

– Мне здесь ночевать?

– Надо было бы тебя в нору отправить, под присмотром. Но мы так издёргались, что не готовы тебя отпустить. Занимай детскую кровать. И имей в виду – ботинки твои я выкинул. Так что без глупостей.

– Я могу в чужих уйти. Или босиком.

– Птичка, я не сомневаюсь, что ты можешь хоть нагишом уйти. Но не ерепенься. Завтра тяжёлый день, тебе нужно как следует выспаться. Так ложись и спи.

Легко сказать. Я честно пытаюсь заснуть. Но слышу мужские голоса, всевозможные звонки, шаги по коридору и перекрывающие всё властные распоряжения Лорда.

Вернусь-ка я в уютный мир синдзю и сэппуку[15].

[15] Ритуальные японские самоубийства

72-Л. Шарф с узором

Умчавшиеся в разные концы города сыщики оставляют Лёвку «охранять» ведьму, решив, что в более важных вопросах проку от психолога нет. Лёвка пытается отказаться от «миссии», но его никто не слушает. И приходится три раза объяснять сестре, что он выполняет важное правительственное задание и не может вернуться домой немедленно.

Побродив по квартире, Лёвка дремлет в кресле в столовой.

После полудня возвращается Бирман – переодеться и перекусить.

– Спит? – коротко спрашивает он у психолога, вышедшего в прихожую.

– Ага. Книжкой прикрылась и дрыхнет.

Подождав, пока Бирман уничтожит содержимое кастрюльки из холодильника, Лёвка приступает к расспросам:

– Серёга, а как ты узнал, что она запоем читает и ничего вокруг не замечает? Ты ведь с умыслом ей книжек принес?

– Решил её занять чем-нибудь на время.

– Забавно, как люди палятся на мелкой ерунде.

Бирман пожимает плечами, и психолог ступает на зыбкую почву:

– В ванной отдельный стаканчик есть. Голубой, с полосками. Чья там зубная щётка?

Удивившись, Сергей спокойно, но твёрдо отрезает:

– Чья-то.

Лёвка улыбается, опускает голову и пальцами по столу выбивает сложный ритм. Капитан с иронией добавляет:

– Иногда ко мне приходят женщины.

Покачав головой, Лёвка декоративно недоумевает:

– Неужели элегантная теледива, чувствительная к слову «деньги», выбрала ерундовый пластиковый стаканчик и дешёвую щётку?

Хихикнув, Сергей ехидничает:

– Она сюда приходит не зубы чистить.

Лёвка щёлкает пальцами и кивает, как будто услышал именно то, что и рассчитывал. Капитан усмехается:

– На чём ты пытаешься меня поймать? На том, что я неверен Доре? Да, неверен.

Лёвка удерживается от вопроса, где Бирман находит столько времени и сил, чтобы ещё и от Доры ускользать. Интересно другое:

– В столовой, в витрине мишка сидит. Это чей?

Бирман одаривает психолога настороженным взглядом. Но отвечает:

– Это любимая игрушка Алисы. А что?

– Алиса – это та фурия, что натравила на Лорда спецназовцев? Скажи, она вяжет на досуге крючком? Шарфики? Таким замысловатым узором?

– Вязать – вяжет. А про узоры – я не в курсе.

По небрежному ответу Лёвка догадывается, что Бирман не понимает, куда он клонит. И взвешенно сообщает:

– На медведе шарфик намотан. Весёлый такой, с рельефной вязкой, полосатый.

Сергей невозмутимо пожимает плечами, но прочитать его мысли несложно: «Чокнутый этот Лёвка, и вечно лезет не в свои дела. Мало ли какая придурь взбрела в голову девочкам? К чему эти рукодельные тонкости? Лучше бы преступника искал». Похоже, капитан не присматривается к тому, что делается в витринах его квартиры.

Улыбнувшись про себя, Лёвка гнёт своё:

– У Риты есть длинный жёлтый шарф с таким же узором и такими же кисточками.

Бирман озадачивается. Он помнит шарф, но не может сказать наверняка, какой у него узор. Посомневавшись, он отказывается признавать, что имеет хоть какое-то отношение ко всей этой вязальной моде:

– Я без понятия, о чём ты. Шарфы какие-то. Я тебе дам телефон Алиски, обсуди это с ней.

Не признается. И Алиса защитит брата любой ценой. То есть расскажет генералу Тролеву, что Особняк опять её обижает. Стычка силовых и военных структур из-за шарфика на игрушке – пожалуй, это будет слишком.

– Рита была здесь. До того, как попала в Особняк.

Капитан закатывает глаза и разводит руками. А взгляд всё-таки отводит. И от его расслабленности не остаётся и следа.

– Ты использовал друга и его влюблённость в Аишу, чтобы выведовать новости из Особняка. Но и Коля невзначай выдал мне, что у тебя гостит некая больная родственница.

Бирман не удивляется и не возмущается – не видит проблемы? Или принял всё, как есть?

Лёвка растекается объяснениями:

– Люди редко мне лгут. А если лгут, я об этом знаю. Многие инстинктивно уходят от прямых ответов, чтобы откровенно не врать, но и правды не говорить. И по тому, как именно скрытничают, понятно, где собака зарыта. Не вини Колю – я умею подмечать оговорки, недомолвки, нестыковки в чужих рассказах.

Издав «фу-ух», Бирман снисходительно отбивается:

– Ты погнался за миражом. Бабушка Паша не гостит, а живёт здесь. Обеспечить ей комфорт не так-то просто, и я жалуюсь друзьям на её болячки и капризы. Знаю, что надоедаю, но иногда надо выговориться.

Лёвка кивает, но продолжает объяснения:

– Я сложил один и один, получил «Рита», и подсказал Серго, где, вероятно, она прячется. Я, правда, настроился, что мы приедем к тебе вдвоём – и обсудим всё тихо. Серго с этим согласился, но сделал всё по-своему, и получилось много шума из ничего.

– Меня здесь даже не было. И на его месте, я бы спросил себя – кто этот парень, что подкинул мне такую лажу.

Улыбнувшись, Лёвка не сдаётся:

– Он собрался за полчаса, и мне ничего не сказал. Как ты увернулся? Почему именно в этот день ты перепрятал Риту?

Сергей строит утомлённую мину и перечёркивает бредни психолога:

– Я не прятал Риту.

Абсолютно честно сказал.

Лёвка мысленно ставит себе тройку. Очевидно, что он поторопился сделать неверные выводы из досье капитана.

А если пустить пробный шар в другую сторону?

– Мы играем чужими жизнями. Это нехорошо. Коля и Аиша ссорятся – из-за того, что ты оказался в курсе дел Лорда, из-за того, что Лорд проверил в твою квартиру. Коля влюблен и готов на всё, но теперь девушка его мечты и слышать ничего о нём не хочет.

– Разберутся и без нас.

Логично, хотя и бессердечно.

Капитан отвлекается на телефон, и через минуту, не отрываясь от чтения сообщений, спрашивает:

– А ты у Риты не спросил, где она пряталась?

– Она сказала, что сидела в норе, но я не ждал, что она будет откровенна. Я надеялся, что она проболтается на мелких деталях – воспомнит то, что не видела, случайно бросит замечание о том, чего знать не должна.

– Я поставлю на Риту. Ты её не поймаешь.

– Она проболталась и мне, и Серго о куче разных мелочей… – Тяжело вздохнув, Лёвка признаёт поражение. – Но она не выдала тебя. Не сделала ни одной ошибки.

– Выдавать было нечего.

– Я так и решил…

Хихикнув, Бирман прикладывает ладонь ко лбу, показывая, что другого результата и быть не могло. Лёвка продолжает:

– Ты меня предупредил, что с ней всё не так, как кажется. Но я всё равно попался. Я знаю, что в ванной её щётка, что она связала шарф для мишки, что чистая полка с книгами – её рук дело. И всё равно, я сижу и сомневаюсь. В себе, в тебе, в мире – но не в ней.

Поднявшись, Сергей напоминает:

– Некогда, Лёвка, теории разводить. У нас шоу на носу.

– Послушай ещё. Я понял, в чём её слабость. Интенсивное восприятие компенсируется таким же отдыхом. Рита полностью отключается, когда спит – она ничего не слышит, не видит и не чувствует. Во сне с ней можно сделать что угодно. Это опасно, поэтому никто и не знает, где у неё нора.

– Опасно для неё – быть сыром в наших мышеловках. Давай спасем её от монстра. А в остальном потом разберемся.

Короткая передышка закончена. Бирман застревает в разговорах по телефону, люди приезжают и уезжают, книги падают, бабушка Паша теряет очки.

Лёвка забирается обратно в кресло и размышляет – как его занесло в этот переплёт? Не наступил ли он случайно в кроличью нору?[16] В городе есть кролики? А норы?

[16] Отсылка к «Приключениям Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэррола

Нор нет, но есть канализационные люки. Вдруг Лёвочка оступился и лежит башкой вниз в колодце? Не окажется ли всё случившееся сном?

Устроился, называется, на тихую кабинетную работу…

73. Приготовления

По моей щеке что-то ползёт. Медленно, невесомо, уверенно.

Для муравья слишком большое. Для слизняка – сухое.

Сбросив насекомое на пол, я отползаю на другой край кровати. Тихий смех Лёвки проясняет картину мира – это он водит пальцами по моей щеке. Мне пора просыпаться.

Бирмана нет, он куда-то уехал. Приезжает Гончаренко с большим свертком. Внутри лежит мой костюм – в виде ловца снов, со спутанной шнуровкой. Завёрнутый в газету комок волос выглядит ещё хуже – мочалкой. Отчаянно махнув рукой, Гончаренко мямлит, что он старался и уматывает куда-то дальше.

Появляется крепкая восточная красавица – с большими фирменными пакетами. Одарив меня нелюбезным взглядом, она, тем не менее, по-мужски уверенно протягивает мне руку:

– Я Аиша. Выйду на замену, если потребуется.

Амазонка умеет танцевать? И спасёт шоу, если я упаду со сцены? Хорошо бы порепетировать… Или это не о том?

Аиша привезла мне толстое чёрное пальто и новую обувь. Бирман не шутил про ботинки. Вместо них мне достаются элегантные сапожки – зимние, с мехом внутри, на невысоком, но тонком каблуке. Видимо, пока я валялась в отключке, сыщики измерили меня вдоль и поперёк – и пальто, и сапожки подходят по размеру. Спасибо… Вот только новой обувью я часто стираю ноги. В кровь. Для полноты ощущений мне, танцовщице, только этого и не хватает…

Приезжает Лелька. Посмотрев на мой шов, она обсуждает мировые проблемы с бабушкой, а потом мобилизует меня разогреть и подать для Паши обед из трёх блюд. Мне же нечего больше делать.

Нет, я не буду ничего есть. Сладкого чаю выпью – и всё.

Лёвка развлекает меня беседой насчет субъективности восприятия реальности. Я слушаю вполуха и не отвечаю, мучаясь ощущением попадания в зону вне времени. Каждый тик-так старого будильника кажется ударом маятника гигантской невидимой башни над городом. А между ударами я проживаю небольшую жизнь. В один из ударов время отрывается с привязи и совершает огромные скачки, не оставляя ни мгновения для осмысления происходящего…

Пора собираться. Я оккупирую ванную и трачу два часа на купания-одевания-причёсывания, игнорируя все стуки и просьбы из-за двери.

Когда я в полном «боевом» облачении вылезаю, меня встречает высокий элегантный красавец, и я… теряю дар речи. На чемпионате по сюрпризам мне не пройти даже квалификацию.

Тёмные джинсы, тёмная рубашка-поло, лёгкая небритость, короткая стрижка, белая цепочка на шее, очки в тонкой серебристой оправе... Этот стильный мужчина вышел с обложки модного журнала?

Эй, Мойры, вы узелки перепутали? Полагается же золушкам впечатлять мужчин переодеваниями…

Рядом с Серёжей я выгляжу нелепо и вульгарно. С пелериной я похожа на клоуна в пышном воротнике. Без неё – на отвязную нимфу.

Как было бы здорово, если бы мы с капитаном сходили поужинать – без мыслей об убийствах. Я бы надела красивое платье с летящей юбкой и яркое ожерелье. Мы бы так классно смотрелись вместе. Посидели бы как обычная парочка, потанцевали бы, поговорили, поехали бы…

Стоп, Рита. Какая парочка?! Куда это ты поехала?!

Вопросительный серый взгляд ждёт моей реакции, и я показываю большой палец вверх. Да, хорош. Одобряю.

Перегрелась я в лучах стресса. Надо выкинуть всё ненужное из головы.

Рассмотрев меня, Бирман хмыкает:

– В кои-то веки собрался в злачное место, но оттянуться не получится. Рядом с тобой надо быть достаточно трезвым, чтобы драться.

– Драться? Я думала, вы его арестуете?

– Это комплимент был.

Капитан тоже нервничает. Но его выдержку не сравнить с моей, меня уже трясёт, а он лишь улыбается кончиком губ. Всё-таки есть в Бирмане какая-то тайная тёмная сила.

Около подъезда стоит ярко-жёлтая фантастическая машина. Я ничего не перепутала? Может, кто-то из физиков случайно поменял местами альтернативные вселенные? Мы поедем или полетим?

– Круто. Как это называется?

– «Ламборджини». Одолжил на время у Алиски. Нужна приметная машина, а Лорд свою уже засветил.

– Алиса – она кто, вообще? Богиня?

– В двух словах не объяснить.

– А в четырёх?

– Потом, всё потом. Поехали, птичка.

74. Большой концерт

Я не замечаю дороги до клуба. Казалось бы, еду по улицам одного из самых дорогих городов мира на феерической машине. Рядом – интересный мужчина. Где-то неподалеку следует охрана. И еду не куда-нибудь, а в ночной ресторан. Все прожигательницы жизни умирают от зависти. А мне хочется бросить всё и слинять по-тихому в далёкий провинциальный городок.

В подробности оперативных планов меня не посвящают – знать устройство мышеловки сыру необязательно. И явление второго сказочного мужчины меня снова шокирует.

Серго выбрал стиль светского бездельника – светлые брюки и шёлковая рубашка «а ля рюс» навыпуск дополняются круглыми золотыми очками. Но больше всего меня изумляет его серьга. Золотое колечко аккуратно охватывает мочку левого уха майора – и превращает его в фараона-бунтаря. Отпад…

И опять же, почему я воткнута в неприличное недоразумение? Подошло бы обтягивающее платье с умеренным декольте. И сумочка-конвертик. И лодочки на шпильке…

Тьфу! Я ведьма. Я выхожу на охоту. Не за мужчинами.

За злодеями.

Вечер идёт своим чередом. Френда нет.

За пару номеров до своего выхода я понимаю, что волнуюсь всерьёз – пальцы сводит, живот крутит. С чего бы это? А с того, что мне не плевать на мнение тех, кто увидит мой танец. Впервые в сознательной жизни. До этого в школе был спектакль, где я была третьей ромашкой справа во втором ряду. Мама пришла на представление, и я волновалась, что забуду слова песни, которую все двадцать ромашек пели хором.

Я уже стою за кулисами, когда на мои плечи ложатся тёплые руки, и мягкий голос Лёвки предупреждает:

– Не волнуйся. Я поменял музыку. Не думай больше не о чем. Иди и танцуй. Станцуй для меня. То, что ты слышишь. То, что ты чувствуешь.

Эксперимент? Сейчас? Я должна импровизировать, когда все силы уходят на контроль за нервой системой? За что ты так со мной, Лёвка?

Спорить поздно. Я делаю три шага вперёд и оказываюсь перед собравшейся публикой. Ранящие душу звуки плывут над залом – страстные и страдающие, холодные и обжигающие, тихие и заполняющие собой мир.

Выбор Лёвки меня ошеломляет. Мы же в клубе, а не в соборе. Здесь люди пожрать собрались, а не о вечном поплакать. И эта музыка не нуждается в танце. Она прекрасна сама по себе.

Вдох, выдох… Полетела.

Столетия битв за жизнь и счастье. Возвышения и падения. Экстаз и предельное отчаяние. Богиня Времени сокрушает всё. Рассыпаются в пыль руины городов, разносится ветром прах старых библиотек, забываются судьбы, погибает любовь, и босоногая богиня смеется над надеждами людей…

Приходит новое мгновение, и богиня возрождает всё снова: великие цивилизации, гениальные книги, мудрых магов и вечную любовь. Нескончаемый рисунок колец и спиралей сплетается в ткань мироздания, а богиня всё танцует и танцует…

Я замираю. Последний звук тает где-то в зале.

Лёвка улыбается. Неземной улыбкой ангела.

Чудак, убери это выражение с лица! Если толпа с большим крестом и терновым венком из-за угла подтянется, мне роль любой из Маш при твоём теле совсем не улыбается.

Лорд торжественно протягивает мне букет тёмно-красных роз. Раскрывшиеся чашечки цветов ещё хранят волшебный аромат, но процесс разрушения уже запущен.

– Спасибо, Серго, но… можно я их отдам кому-нибудь? Не обижайся, но я срезанные цветы не люблю. Они мёртвые.

Чёрные бархатные глаза изумляются:

– Да ты что, они свежие, я специально заказал.

– Всё равно.

Я не додумалась предупредить, что не надо дарить мне цветов. А с другой стороны, если бы никто и не планировал дарить мне цветов, как бы это выглядело? Как разводка на то, что я хочу, чтобы мне подарили цветы. От которых я всё равно отказалась бы. Замкнутый круг.

Интересно, видел ли Бирман мой танец? Куда он подевался?

После короткой неразберихи сыр в компании кавалера с серьгой занимает столик в центре зала. И углубляется в тонкости средневековых традиций целомудрия. Вероятно, мой костюм навевает Лорду столь специфичную тематику. Разглядывая мою грудь, мистер Власть изрекает банальности о чувстве достоинства у женщины. И мы даже начинаем спорить насчёт догматов о соблюдении нравственной чистоты, но тут я отвлекаюсь.

Толстый лысый мужчина, развалившийся у барной стойки, пристально рассматривает меня. Вспомнит? Узнает? Подойдёт?

Да, да, да. Мужчина сползает с высокого табурета и направляется прямо ко мне. Судя по его движениям, он успел хорошо поднабраться. Небрежно прихватив тяжёлый стул от соседнего столика, он усаживается напротив меня так, как если бы Лорда рядом не существовало.

Я чувствую, как по залу распространяется напряжение.

– Деточка моя, я к тебе.

Я быстро накрываю руку Серго своей ладонью. Не вмешивайся, майор, это зверь, да не тот.

Расставляла я ловушку для кабана, а через неё проломился медведь. Перестроила всё под медведя – выбежал кабан. Охота – это не моё, мне не на ту добычу везёт.

В мутных глазах «кабана» плещутся похоть и желание побузить. Икнув, мужчина переходит к откровениям:

– Детка, ты помнишь дядю Геру? Сладкая моя девочка… Нехорошо ты ушла. Я по тебе скучал.

С хрипловатой интонацией, почему-то считающейся завлекательной, я провоцирую Геру выложить больше:

– Не-а, дядь. Ты напутал. Не знакомы мы.

– Курочка моя нежная. Пойдём со мной. Потанцуй для меня. Только для меня. Я всё тебе отдам. Как тогда…

– Когда, дядь? Не помню. Расскажи.

Гера заполняет пробел в моей памяти:

– Ну как же… Тогда. Мы веселились. Очень хорошо веселились. Ты танцевала. Я танцевал. Я заплатил… Я всех прогнал… – Хрюкнув и шмыгнув носом, Гера добавляет. – Я хочу тебя. Пойдем, курочка. Дядя Гера сделает тебе хорошо.

Я вонзаю длинные накладные ногти в дёрнувшуюся руку Лорда. Почему сыщики решили, что Серго будет выслушивать эти откровения? Бирману было бы проще – его сложно удивить моим «весёлым» прошлым.

– Дядь, ты пьян. А я не одна. Иди, куда шёл.

Гера вытаскивает из кармана пачку денег и бросает её на стол перед Лордом:

– Хочу её. Куплю. Сейчас.

К моему ужасу Серго с непроницаемым лицом выдаёт:

– Миллион.

– Ха, всего-то. Идём, курочка. Потанцуем.

– Евро... – добавляет Серго, и Герочка начинает истерически смеяться. Вытерев слёзы, он наклоняется и доверительно делился:

– Молокосос… Знаешь, что за эту бабу отдать можно?

– И что же?

– Я за неё двух человек положил… И тебя, телёнка, положу.

Проклятие… Гера хохочет, по моей спине сползает холодный пот, а Серго обменивается с кем-то из сыщиков взглядами и жестами пальцев.

В любом безупречном плане есть изъян. Если план срабатывает, это не значит, что изъяна нет. Он просто не проявился. В моем плане воскрешения Ривки дыр было – как звёзд на куполе планетария. И они начали проявляться…

Успокоившись и повернувшись ко мне, Гера вскидывает руку, как будто собирается меня застрелить:

– Всех разгоню. Ты моя. Будешь танцевать.

Официантка приносит бутылку и разливает вино в большие бокалы на тонкой ножке. Зачем Гера заказал ещё и вина? Он уже набрался чем-то крепким. И какие танцы, какие любовные утехи, если его так развезло?

Гера пододвигает мне бокал с вином, я кладу руку на ножку, но не отрываю бокал от стола. В голосе пьяницы проскакивают агрессивные нотки:

– Давай, курочка. Заведи нас. Попробуй нашей крови…

Серго включает свою властность на новый уровень:

– Гера, вам пора уходить. Вставайте и уходите. Идите домой. Вам пора спать. Слышите? Идите домой и ложитесь спать.

Ого! Такого мистера Власть я ещё не видела. Потрясающе. Лично мне захотелось немедленно выполнить все его установки. Причём маршем и с выкрикиванием приветственных лозунгов.

Гера неловко встаёт, покачивается, делает несколько шагов в сторону и отчаянным броском возвращается:

– Курочка… Без курочки не пойду…

Сокрушенно покачав головой, Серго спрашивает у меня:

– И часто к тебе так цепляются?

Ой-ой. Он ещё ничего не понял? Кто кого здесь ловит? Бирман промолчал о моём позоре? И что, мне теперь самой предупреждать Геру об угрозе со стороны Френда?

Может, они подерутся? Звук гонга – бум! Матч века – Гера против Френда, в левом углу убийца-стрелок, в правом углу – убийца с мачете. Один толстый и пьяный, другой старый и медленный – ставки примерно равны. Укокошат друг друга – курочке радость, сыщикам награды…

Вспомнив о Френде, я осторожно оглядываю зал. Может, он здесь? Яркие платья, костюмы, блеск драгоценностей расплываются пятнами, в которых я не могу сориентироваться. Кто из этих разряженных людей на моей стороне?

Бирман стоит у барной стойки и одной рукой обнимает Аишу. Стальной взгляд запрашивает у меня сводку происшкствий по городу за день. Хотя капитан наверняка всё слышал.

Я поворачиваюсь чуть боком и показываю на уровне стула три пальца, потом, поправляя прическу, резко провожу ребром ладони по своему горлу. Потом показываю четыре пальца и направляю указательный палец на Геру.

Сергей поворачиает ладонь правой руки вверх и качает руку тоже вверх. Встать. Нужно встать. Две руки складываются в лодочку, которая крутится влево-вправо. Танцы? Боже, он хочет, чтобы я прикоснулась к этому уроду? Два пальца вместе показывают на входную арку. Выйти. Вместе с Герой.

О'кей. Пару раз плюнуть. Я ещё и драконов ловить умею…

Я протягиваю к дяде Гере руку:

– Пойдем-ка, милый мой, станцуем. Обними-ка свою курочку и напомни, как у нас всё было.

Лорд удерживает меня – крепко сжимает мои пальцы в своей ладони. Подмигнув, я показываю ему взглядом на бар:

– Я сейчас вернусь.

Гера лихо опрокидывает в себя вино из моего бокала. Вцепившись в моё плечо, он рывком вытаскивает меня из-за стола и прижимает к своему мешковатому телу. Алкоголь танцам не помощник – он не только не ведёт меня в череде уверенных па, он попросту висит на мне, не в силах скоординировать свои перемещёния. Единственное, что у него отлично получаетеся – ущипнуть мою пятую точку.

Мне приходится приложить немало сил, чтобы подвинуть Геру к выходу. Окончательно окосевший дядя делает две попытки втравить нас в неприятности, задевая по дороге другие пары. К счастью, сопляки в этих парах не считают нужным ввязываться в скандал.

Едва мы переступаем порог зала, как Герочка оказывается повержен на пол со стиснутыми в наручниках руками за спиной. Я не успеваю и ахнуть. Несколько крепких ребят в безукоризненных костюмах уносят Геру в служебные помещёния. На сцене голосит певица, люди ужинают и обсуждают свои проблемы. Никто ничего не замечает.

Ко мне подходит Гончаренко. Хоть какое-то утешение – на нём помятый костюм, явно знавший лучшие времена. Не весь особый отдел перевоплотился в киношных красавцев.

Григорий Семенович отрицательно качает головой:

– Нет. Френд не показывался.

– Можно я выйду на пару минут? Подышу свежим воздухом.

– Давай, умничка. Только не одна. Ребят возьми.

Кивнув, я вырываюсь из затхлого мирка – в холодную ячейку каменного лабиринта. Прыжок из одного отсека в другой ничего не изменит, но, может, ветер остудит мои пылающие щёки…

75. Дурные истории

Выскочив на улицу, я резко вдыхаю холодного воздуха, но это не помогает. И осенний ветер не может остудить моё горящее лицо. Был бы снег – я бы бросилась в сугроб. Днём я наотрез отказалась от обеда, а зря, было бы лучше, если бы меня вывернуло.

Ещё полчаса назад я не могла объяснить себе, зачем так фанатично разыскиваю Геру. Теперь поняла – не осталось мучительной неизвестности. Но придётся пережить мучительный стыд.

Свернув за угол аккуратного здания, я присаживаюсь на лавочку, куда выбегают повара с кухни – скоротать минутку-другую. Почти сразу передо мной возникает высокая фигура Бирмана:

– Тебе плохо?

Мне замечательно. В моей биографии всё меньше белых пятен. И всё больше грязных клякс.

Махнув рукой, я пытаюсь избавиться от сыщика:

– Тебе надоело любоваться трупами моих бывших? Иди, полюбуйся, это мой бывший – живой, и даже прыткий. Предупреди его, что конец света не за горами.

– Да пропади он пропадом. Ты всё переврала.

На мои колени ложатся копии из новостных лент.

– Я, грешным делом, думал о пьяной оргии. Ну, напились, ну, перешли границы. Бывает. Но чтобы и тут ты мне два трупа подсунула…

Надо же, сколько броских заголовков. «Убийство в клубе во время вечеринки». «После перестрелки притон выгорел дотла». «После пожара найдено тело криминального авторитета». «Скан-

дальную стриптизёршу убили вместе с покровителем». «Мотивом убийства послужил конфликт между криминальными группировками». «Боссы мафии подрались из-за танцовщицы». «Кровавый передел влияния или случайная ссора».

Как можно спокойнее я отрицаю свою причастность к ссоре:

– Пьяницы перебрали лишнего и подрались.

– Ривка бросила клич, что уедет с победителем. Но её потом так и не нашли. В прессу твой псевдоним не попал, однако в протоколах он на каждой странице.

Ривку не искали. Зачем? Смерть босса всем была на руку. Криминальные круги перераспределили активы покойника. А менты списали на покойника десяток глухарей. Откровения танцовщицы никого не интересовали.

Капитан продолжает объяснения:

– Документов у тебя не спрашивали, фотографии мутные, неразборчивые, да и макияжа на тебе килограмм. Из особых примет – жёлтый костюм да голая грудь.

– Я не была голой.

– Поздно прикрываться.

А я не прикрываюсь. Я в том же костюме.

Из кухни вываливается Сэм и семенит ко мне, трагически всплёскивая руками и качая головой:

– Убытки!! Разорение! Одного убивца им мало, завтра будут другого ловить. Как я буду концы с концами сводить? Как хорошим людям объясню, почему они не могут поужинать у меня?

Менее тактичный человек сказал бы: «Ну, ты и свинья, Марго!». И добавил бы ещё что-нибудь непечатное. Люблю Сэма.

– Прости, я и сама в шоке.

– У меня свадьба дочери на носу! А тут такое! Что скажут!!

Сэм горестно возводит руки к небу, отчего его живот колыхается волнами, и я улыбаюсь, но с горчинкой.

Куда бы мне стального капитана спровадить?

– Сергей Сергеевич, вы постойте здесь, мне пару слов надо Сэму сказать. Мы отойдём на пару метров.

Бирман превращается в сфинкса, готовящегося засыпать меня кучей головоломных вопросов. Взяв Сэма под руку, я энергично оттаскиваю его в сторону и шёпотом ныряю в опасный омут:

– Твой идиот-лабух прямо сейчас втюхивает шмаль кому-нибудь из оперов. Герои за другой добычей приехали, но и от того, что само в руки идёт, не откажутся.

Сэм брезгливо и горько жалуется:

– Уродец! Я что, мало плачу́? Недостаточно прикармливаю? Так бездарно и такое дерьмо. Скажи, Марго, отчего так живём?

– Боимся жить лучше. У тебя пять детей и шесть внуков. Сыновья, считай, пристроены. Дочек замуж отдашь – зачем тебе этот ресторан? Слух был, корсаковские евреи барыжили за разумные деньги. Так почему не отдал?

– Что я делать буду?

– Домой поедешь, сосватаешь себе жену. Повдовел – и хватит, очнись. Новая жена – новые мечты, новые силы. За океан слетаешь, брата повидаешь. Отдохнёшь, сил наберешься, а потом вернёшься и новый ресторан откроешь. Лучше этого. Бабла у тебя хватит, куража ещё в избытке. И не стыдно будет внукам подарить, когда на покой соберёшься.

Сэм запускает руки в некогда роскошную, но порядком поредевшую шевелюру и всклокочивает её:

– Ладно, скажу. Я с евреями договорился. Но пока молчок.

Я обнимаю его и чмокаю в обвисшую толстую щеку. Сэм прижимает меня к себе, потом выпускает и с чувством выдыхает:

– А насчет того дельца с Одоевским – всё будет хорошо. Я сделал, как ты сказала. И пусть менты этот грёбаный сарай хоть сожгут! Корсаковские всё равно будут что-то новое строить.

– Вот и славно.

– Ты особенная, Марго. Дай Бог тебе счастья!

Я улыбаюсь, и Сэм, махнув рукой, бодро семенит обратно в ресторан.

Бирман вцепляется в моё плечо и оттаскивает меня подальше от ресторана, под деревья. Развернув меня к себе и встряхнув, он выдёргивает откуда-то из парика тонкий проводок и зло припечатывает:

– Спасибо за наводку.

Ой-ой, на меня всё-таки повесили микрофон?

– Слабоумная! Тебя давно должны были кокнуть. Убийства, наркотики, шантаж… Что ещё, ведьма? В этом городе есть хоть одна дурная история, в которую ты не влипла?

– Ты неправильно понял.

– Что тут понимать.

– Сэм ненавидит наркотики. Он выгонит идиота.

Злой взгляд подсказывает, что я могу лепетать любую чушь, капитан всё равно мне не поверит.

– Что за дельце с Одоевским?

– Это не имеет отношения к делу.

– Сэм разрешил тебе сжечь ресторан. За красивые глаза?

– Это не шантаж. Я подсказала, как защититься.

– Сынок твоего любовничка разгромил и офис, и квартиру последней мачехи. Там война идёт – без компромиссов. Наследники сбились с ног своё сокровище разыскивать. Не знают, бедолаги, что ты первая до шляпной коробки добралась.

– Я взяла деньги. Про архив не знала.

– Врёшь. Всё ты знала. Кто ещё в теме, что архив у тебя?

– Так он не у меня, он за океаном. И никто не в теме. Я и Сэму сказала, что видела только несколько роликов.

– А он, по-твоему, дурак? Что за защиту ты ему подсказала?

– Не скажу.

Сильные пальцы сжимаются на моём плече. Хорошо, что не на горле, но синяки точно останутся.

– И с чего ты так добра к Сэму?

Сколько издёвки в слове «добра»… Бирман считает меня распоследней дрянью? А я не сама по себе такая, меня приличные люди до злого колдовства довели.

Под непроницаемым стальным взглядом я колеблюсь, но рассказываю:

– Сэм кормил меня, когда я из дома ушла. Я приходила, он ставил передо мной тарелку, и не объедков каких-нибудь – всего самого вкусного. Ты не думай, я стеснительная была, не злоупотребляла его добротой. Может, раза три в неделю приходила. Он всегда помогал – и ничего взамен не хотел.

Ничего глупее сыщик не слышал.

– Я отработать просилась, но он отказывался. Тут, правда, момент тонкий есть – я светлая, русская. Если бы в его масть была, он бы меня на кухню взял бы.

Зря я это. Добавлю к перечню смертных грехов ещё и национализм. Хотя это не моя придурь, а общественная.

– Та девчонка, которой я букет отдала, сюда за каким-то дебилом увязалась, а тот её бросил. Сэм её на дороге подобрал. Вот увидишь, он ей здесь мужа найдет, да так дело представит, будто чище невесты свет не видывал…

Бирман сплёвывает в сторону:

– Домохозяйки плачут в три ручья.

Я пожимаю плечами. Холодная осенняя погода не располагает к полемике. Особенно, если в качестве защиты от сырости и ветра использовать три кожаных треугольничка и километр болтающихся шнурочков.

– Хреновая сказочка, ведьма. Не верю.

Да мне-то что. Спасибо, что приютил, накормил и выслушал. Я из картонного мира вывалилась, выговорилась – и новую жизнь начну. Доброе не забуду, а злое спишу. Я тебе ещё пригожусь, капитан.

Отстранившись, Бирман, хмурясь, угрожает:

– Ещё что дикое узнаю… Шею сверну.

– Тело кремируй, пепел развей по ветру. За городом.

Сергей делает шаг назад, и с полминуты стоит, уставившись куда-то вдаль. Я задела что-то личное?

В тихом наставлении капитана упрёк смешивается с печалью:

– Не шути так больше.

А я ведь не шутила.

Звонит телефон. Хоть иногда это бывает кстати.

76. Поцелуй

Бирман выслушивает короткое сообщение, бросает «во дворе», крепко обнимает меня за талию и вталкивает поглубже в тень, за деревья. Прислонив меня к толстому стволу старого ясеня, он зажимает мой рот ладонью и тихо шепчет:

– Молчи.

Замерев, я стараюсь не трястись. Через пару минут от ресторана в разные стороны расходятся оперативники, проверяющие буквально каждый куст и каждую трещину в асфальте. Дождавшись, пока до нас дойдет Малышев, Бирман тихо командует:

– Быстро возвращаемся, бегом.

С этим он тащит меня за руку к ресторану.

У бокового крыльца стоят три омоновца в пуленепробиваемых жилетах, касках и с автоматами в руках. Они расступаются, пропуская нас внутрь, после чего снова выстраиваются в стенку.

Пробежав через кухню, Сергей заворачивает к лестнице, ведущей на второй этаж. Навстречу нам спускается Лорд:

– Расслабьтесь, всё чисто.

– Чёрт…

– С днём рождения поздравишь?

Голос выдаёт, что мистер Власть испытывает сильное чувство, но я не могу понять, какое именно. Волнуется? Да, пожалуй, но не только.

Бирман кивает головой и непринужденно отвечает:

– Поздравляю.

– Как, по-твоему, стоит она того, а?

– Выходит, что стоит.

Лорд смеётся – и превращается в весёлого парнишку:

– Не знаешь? Лёвка должен мне двадцать баксов.

– Гадёныш твой Лёвка.

– Блюдёт свой маленький гешефт.

Серго сбегает по ступенькам, в пару широких шагов преодолевает разделяющее нас расстояние и… впивается в меня жёстким поцелуем.

Я… теряюсь. Один из лётчиков-испытателей утверждал, что «растерянность – это ощущения на скорости три Маха»[17]. Уверена, этому мужественному парню не приходилось переживать поцелуи, когда тело в три раза больше по массе неожиданно впечатывает свои губы в ваш мягкий ротик.

[17] Число Маха в воздухоплавании – отношение скорости летательного аппарата к скорости звука.

Раз, два – мозг замедленно соображает, что происходит. Три, четыре – автоматические попытки оттолкнуть незваного кавалера ни к чему не приводят. Пять… К чёрту!

Целуемся!

Может, от природы я не огонёк, но теорию изучила во всех подробностях, да и в практике поднаторела.

Нежно обняв голову Серго, я расслабляюсь и заставляю его подтянуть меня к себе ещё ближе. Манящий поцелуй – дело несложное. Немного ласки здесь, чуть-чуть проведём кончиком языка там, нижней губкой спустимся ниже…

Фу! Неприятный сюрприз – мало того, что Лорд курит, он ещё и горькой зубной пастой пользуется. Надо будет ему намекнуть, что девушки не любят таких экспериментов со своими вкусовыми пупырышками.

Лорд умеет подчинять себе других людей, а вот контролировать реакции своего тела пока не научился. Затеянная провокация оборачивается против него – теперь он хочет меня в простом первобытном смысле. Я делаю едва уловимое движение бедрами и чуть прикусываю его губу – почувствуй, наглец, власть женщины…

Отлетев в сторону, я успеваю уцепиться за перила и замедляю падение, но всё равно больно ударяюсь о ступеньки и остаюсь полулежать на лестнице.

– Ведьма!

Перекошенное лицо наглеца пылает от гнева и возбуждения. Надеюсь, урок пойдёт ему впрок: набрасываться на девушек без спроса – плохая идея.

А Бирман улыбается – многозначительно, одним уголком рта. Тот ещё джентльмен. Хоть бы заступился, что ли.

Лорд нервно лезет в карман и бросает капитану что-то металлическое. Тот ловко перехватывает звякнувший предмет в воздухе. Ключи?

– Отвези её туда, откуда взял. Охрана на месте.

Два сыщика обмениваются крепким рукопожатием, и Лорд удаляется. Вот молодцы…

Бирман протягивает мне руку, и я встаю, пытаясь расправить запутанные верёвки костюма.

– Ушиблась?

– Да. Но пара синяков общий баланс не изменят.

– Если так дальше пойдет, вы с Серго переубиваете друг друга. Зачем ты его дразнишь?

– Он первый начал.

– Ты ему нравишься, глупая. А как за тобой ухаживать, он понятия не имеет.

– Я не глупая. Это он дебил. За мной очень просто ухаживать. Как за любой другой девушкой.

– Ох, ведьма. Ты не любая девушка, в том-то и дело.

– Мило. И с чего ты решил замолвить словечко за Лорда?

– Ему только что очень повезло.

К нам подходит Аиша. Сергей одним резким движением стягивает с меня парик – и деликатно, бережно пристраивает его на голову коллеги. Аиша скупо обещает:

– Не волнуйся, я буду острожна с твоим имуществом.

– Если имуществом ты назвала этот волосяной кошмар, то мне на него плевать.

Бирман тащит меня к гардеробной, где возбужденные гости торопятся разобрать верхнюю одежду. Отдельные слова и фразы, долетающие до моих ушей, никак не проясняют, что произошло. Зато старомодное чёрное пальто нам отдают без очереди. Дожила ты, Рита, до вип-обслуживания по высшему разряду – просочилась вперёд богачей и банкиров. Радуйся, такие моменты могут и не повториться.

Вслед за Бирманом, под прикрытием вооруженных омоновцев я бегу до серебристого «мерседеса».

Объяснения будут. Когда-нибудь. Может быть.

77. Рассвет над городом

Бирман уверенно управляет машиной, держась за руль одной левой рукой. Правой он вытаскивает из-за уха сигарету и ловко прикуривает её. Покосившись на меня, он сбивчиво оправдывается:

– Одну стрельнул. Больше не буду.

– Что случилось-то?

– Твой Герочка скоропостижно скончался.

Скончался?.. И этот тоже?..

Я осмысливаю новость несколько минут. Ещё несколько всматриваюсь в капитана – может, это замысловатая шутка? Слишком уж легко, слишком поверхностно было сказано.

Нет, не шутка. Ещё один человек заплатил жизнью за роскошь пообниматься со мной. Я выманила лысого толстяка на свет из неизвестности. Предъявила счёт и заставила оплатить по самой высокой ставке.

Я восстанавливалась, тренировалась, танцевала – ради того, чтобы монстр свёл счёты с Герой? Френд сделал меня инструментом убийства. И проводником своей одержимости.

– Рита? Ты поняла?

Что тут не понять? Капитан не боится с вестницей смерти по ночному городу рассекать? Я же роковая ведьма, посмотрю поласковее – и милый дядюшка нанесёт удар из-за моей спины.

От тревожной мысли перехватывает дыхание. Кирилл. Я словно наяву вижу его несимметричные черты лица и карий взгляд, наполненный любовью. Его не выписывают – чтобы было проще охранять. Но могут ли два охранника спасти журналиста, если команда сыщиков не спасла Геру?

Надо постараться, чтобы голос звучал спокойно:

– Кирилл в больнице?

– Нет. В Особняке. Я его видел, с ним всё хорошо.

Я смотрю в тёмное окно, за которым мелькают картинки ночной жизни. Яркие витрины, рекламки, подсветки и уличные фонари скадываются в мельтешащую мозаику, и я пытаюсь найти в ней подсказку, намёк на то, что сулит мне будущее. Ничем не хуже, чем гадать на кофейной гуще. В плавающих огоньках можно увидеть намного больше, чем в грязной кляксе. Но я ничего не вижу.

– Ничего не хочешь спросить?

Я пожимаю плечами. Я хочу спросить. Почему женщина, которая меня родила, бросила меня так жестоко? Почему мужчина, которого я называла отцом, отказался от меня так спокойно? У тебя есть ответы, Бирман? Вряд ли они хоть у кого-то есть. А остальное… буду я знать, не буду – какая разница.

Не дождавшись ответа, Сергей рассказывает:

– Вам за столик принесли вино. То самое. Отравленное. Мы зациклились на приходе Френда, и никто не задумался, как и откуда

появилось это вино. Я решил, что это выбор Геры. А Гера, наверное, думал, что это ваш заказ.

Очень просто. Но кто это придумал? Френд? Не сходится.

– Официантка по имени Фаина устроилась к Сэму неделю назад. После того, как она разлила вино за вашим столиком, она незаметно ушла. На работу она устроилась по фальшивым документам, но её пальчики у нас остались. Будем искать.

Если бы я разливала смерть по красивым бокалам на тонкой ножке… Это было бы сладостное ощущение – знать, что властвуешь над чужой жизнью. И я бы довела дело до конца – поднесла бы Френду терпкую отраву.

– Френд может знать или не знать, что ты не пьёшь. А вот Лорду точно повезло. Он всё время держал бокал в руке и собирался пригубить отраву. Не хотел пить, но опасался, что это будет выглядеть подозрительно. Смертельную дозу он вряд ли бы хватанул, но серьёзно отравиться мог.

Я закрываю глаза и представляю себе лицо Френда.

Я – ведьма. Я – суккуб, поглощающий жизни. Я желаю тебе зла, дядюшка. Желаю боли, страдания ужаса. Ты празднуешь очередную победу. Но я достану тебя. Я тоже монстр – и ты не сможешь удержать то, что разбудил.

Ты ищешь ангела мира и надежды? Не удивляйся, когда найдёшь меня. Ты жаждешь прикосновения прекрасной волшебницы? Не корчись, когда я коснусь тебя. Ты ищешь свет? Я покажу тебе дорогу. В пустоту, где ты останешься совсем один …

Машина резко тормозит. Но впереди и по бокам нет машин. Сергей вглядывается в меня, я смотрю в окно.

– Рита, тебе плохо?

Почему он всё время задаёт мне этот вопрос?

– Нет. Просто задумалась.

– Ты голодная вторые сутки. Хочешь поесть? Заедем в Мак, слопаем по бургеру. Или пирожок какой-нибудь.

– Ты ешь. Я не хочу. Меня вывернет.

– Слушай, так нельзя. Не расстраивайся. Гера своё получил. Сам же признался, что это он ту старую драку затеял. Судьба его нашла: что посеял, то и пожинать пришлось.

– Хорошенькая судьба – полуголая девица, танцующая по ночным клубам.

– Лучше так, чем толстая баба, жрущая попкорн у телека. Не думай об этом.

Помолчав, капитан снова разгоняет машину и предлагает:

– Хочешь, отвезу тебя в Особняк, к Кириллу?

– Нет. Он ничего не знает. А я не смогу быть феей.

Может, я и смогу потом, когда избавлюсь от зловещёй тени Френда за спиной.

Я буду рассказывать Кириллу сказки о страшных чудовищах. Он будет подсказывать мне, как спасти героев. Мы будем прижиматься друг к другу под одеялом и смеяться над моими страхами. И я забуду об убийствах, скитаниях по улице, суровых сыщиках.

Смогу ли я забыть? Хочу ли забывать? Не знаю…

– Ритка, ты чудесная фея.

– Спасибо за утешение. Но всё не так. Сам знаешь.

В стальном взгляде рассыпаются грустные смешинки:

– В этом деле я каждые два дня думаю, что наконец-то всё знаю. А потом ты вытаскиваешь из своей волшебной шляпки очередного толстого кролика.

– Всё, кроликов больше нет. Правда.

– Не верю.

– Что ты хочешь знать? Спрашивай.

– Почему ты не пришла на вступительный экзамен на биофак?

Э-э-э… Средства массовой информации внушили мне неверное представление о том, что знают о человеке следственные органы. Можно узнать, где человек учился или не учится. Но куда не поступил? Они что, проверяли все вузы страны?

Моё изумление веселит Сергея. Я поправляю пальто, устраиваюсь поудобнее и выкладываю:

– Я заболела. Я ещё перед вторым экзаменом под дождем вымокла насквозь и замёрзла. А ночевала в парке, в домике брошенном. Согреться негде было, костры жечь я боялась, да и не умела. В общем, простудилась, а потом с пневмонией свалилась. Хан меня тогда спас.

– Откуда у тебя документы Марины Григорьевой?

Вот это плохо. Кто меня за язык тянул? Кроликов, оказывается, давно всех выловили. А я тут сижу с умным видом, думаю, что в тельняшке.

Капитан улыбается – понимает, умник, что этого кролика я ему отдавать не собиралась.

– Знаю я, птичка, знаю про твои успехи на ниве ухода за старушками. Нанимателей твоих могу перечислить. И агентства, где твое резюме есть. Так кто такая Марина?

– Она нимфой была у Одоевского. Потом в неприятности влипла. Мы как-то встретились, и она меня развела: хочу завязать, но не на что, кто бы деньгами пособил, только у неё ничего не осталось, разве что паспорт и диплом. Я ей за документы заплатила. И ещё пару раз приплачивала, пока она не пропала. Оказалось, что она замуж вышла. За Пашу Лыбина. Теперь она Марианна Лыбина.

– Машка Лыба? Ну и связи у тебя, птичка…

– Она меня не узнаёт.

– Ну и славно. Я уже напрягся, что и она как-нибудь странно умерла. Приготовился очередное дело и сводки изучать.

Машина делает крутой вираж, выезжая по пандусу на кольцо. Сергей приоткрывает окно, выбрасывает окурок и впускает внутрь тёплого салона порыв влажного ветра. Не захотел мусорить в чужой машине – намусорил в огромном городе. Так живём.

– Поройся в бардачке. У Серго должны быть ещё сигареты.

Я протягиваю ему только начатую пачку. Капитан ловко прикуривает сигарету одной рукой.

Так он курить не бросит. Но на этот счёт я помолчу.

– Едем дальше, птичка? Кто такой Энский?

Бирман собрал всё, что можно обо мне найти. В его списках наверняка есть фамилия Вяземский. Никто не сказал ему, что это и есть Энский? Наверное, сработал принцип «это же и так все знают». Забавно.

– Энский – мой хороший друг. Благородный рыцарь и основа мира. Реалист и программист.

– А точнее идентифицировать его личность нельзя?

– Ты и так выпотрошил мою жизнь наизнанку. Хватит и того, что есть. Энского я тебе не отдам.

– Если этот секретный кролик – программист, зачем тебя понесло к Дорику? Хороший человек не мог купить тебе комп?

– Он продиктовал мне, что спросить в магазине. А Дорик одно время работал на отца. Я надеялась вытрясти из него контакты друзей папаши.

– Ох, и врушка ты, птичка.

Сергей одной рукой выкручивает руль, и машина легко разворачивается, почти не снижая скорости. Промчавшись до следующего перекрестка, капитан повторяет маневр. На такой скорости мы должны были уехать за сотый километр.

– А куда мы едем?

– Да так, туда-сюда катаемся. Тачка у Серго классная. Давно я за рулем таких красоток не сидел. Сейчас бы на автобан и втопить двести.

Хладнокровный капитан любит перехватить адреналина на бешеной скорости? Как это сочетается?

– Хочешь, садись за руль?

– Нет уж, спасибо. Катайся сам. Я водить не умею.

Сергей бросает на меня ироничный взгляд:

– Я тебя потом научу.

Вот это ляпнул. Вообще не задумался.

– У меня не получаются всякие «потом». Я думаю, что всё спланировано, всё предусмотрено, всё устроено. Но кто-то вмешивается, и вся моя жизнь летит вверх тормашками. И так летит, что мне до конца жизни не отмыться.

– Такова жизнь. И незачем посвящать её мочалке.

Заметив мой недоумевающий и чуть обиженный взгляд, капитан пускается в объяснения:

– Ладно, слушай. Думаешь, ты одна такая на белом свете? Я тебе свой сюжетец для драмы расскажу.

Это о тёмном прошлом? Я вся – одно большое ухо.

– Я в школе был ботаником. Правильным мальчиком, сосредоточенным на себе и своих любимых растениях. Я и поступать собирался на биофак университета. Да-да, я знаю, могла бы быть другая история, но у меня тоже не сложилось.

Сергей сворачивает на широкий проспект и мчится по левой полосе к большому кольцу.

– В выпускном классе я познакомился с девочкой из соседнего подъезда. Мы учились в разных школах, но пересекались – то в метро, то во дворе. Однажды она со мной заговорила, и мы стали

иногда гулять вместе. Она мне нравилась – но влюбиться я не успел…

Воображение рисует мне серию ужасов, которые могли случиться с девочкой.

Капитан ехидно усмехается, неторопливо затягивается и размеренно продолжает:

– Оставалось две недели до выпускных. Был такой красивый май, и уже тепло по вечерам. Девочка решила прогуляться от метро до дома вдоль линии метро – по парку.

Невинная малышка, пьяный дебил, кусты, крики, боль…

И что сказать? Что мне жаль? Тупые фразы ранят больше, чем жёсткая констатация фактов. Утешение – это не по моей части. Хотя теперь ясно, почему Сергей был так шокирован моим ночным вояжем через парк.

Или история не закончена? Что, если девочка умерла? А Серёжа нашёл её тело? Разодранное, изломанное, окровавленное тело, брошенное на кучу листьев, словно ненужный хлам…

Сергей автоматически прикуривает новую сигурету, уже не замечая этого. Я улавливаю нервное веселье капитана и недоумеваю – как он может смеяться над трагедией?

Нет, не над трагедией. Это он надо мной смеётся.

– Выкини розовую сказку из своей лохматой головки. Ночью мать девочки привезла её в больницу с заявлением, что крошку избили и изнасиловали. У девочки было несколько синяков и следы сексуального контакта, но жизни пострадавшей ничего не угрожало, и утром мать забрала её домой. Примерно в это же время меня менты повязали. Девочка заявила, что насильник – я.

А-а… э-э…

Сергей кривит уголок рта:

– В отделении меня избили – и я подписал чистосердечное. А мать пострадавшей пришла к моей матушке и простой расклад нарисовала – или деньги, или я ухожу на зону по подлой статье, с клеймом на всю жизнь.

Вот это жесть…

– Мама заплатила. И купила показания двух собачников, которые подтвердили, что я весь вечер с ними гулял. И дала взятку прокурору района. Я не сел, но клеймо всё равно заполучил. Меня ещё несколько лет при нападениях на женщин таскали по допросам.

В глубине серых глаз прячется осколок боли от несбывшихся надежд. Неловко думать о хладнокровном сыщике как о тихом мальчике, увлеченном биологией. И ещё более неловко понимать, что его жизнь оказалась сломанной из-за чьих-то лживых слов.

– Ты стал сыщиком, чтобы бороться за справедливость?

Серёжа смеётся. Стряхнув пепел с сигареты за окно, он уже серьёзнее отвечает:

– Я ненавидел ментов. Даже на улице, увидев форму, обходил их стороной. После армии я в автосервисе гайки крутил, потом много чего перепробовал: золото искал, в тёплых морях плавал, тачки перегонял.

Обалдеть. А что молчал-то?

– Однажды Влад в дерьмо вляпался. Ради того, чтобы его вытащить, мне пришлось в мента поиграть. Получилось неплохо, вот я и заигрался.

А диплом о высшем юридическом случайно на дороге нашёл?

– Я, Рит, сыщик не по призванию. Просто так сложилось. Легли бы карты иначе – оказался бы на другой стороне.

Нет, не оказался бы.

Я задумчиво изучаю строгий профиль капитана:

– Значит, ты не воин света и не идейный борец за лучший мир. Ты странник – искатель сокровищ и приключений.

– Я всё ещё немного ботаник. Но это между нами.

– Завидую. Ты столько всего успел. И мир посмотрел. А я моря никогда не видела.

– Я тебе потом покажу.

Окурок выполняет быстрый старт, набирает приличную сторость и скрыыается за окном в глубокой темноте ночи.

Забрав пачку, я мотаю головой в ответ на автоматический жест капитана, тянущегося к сигарете:

– Вот что, ботаник, хватит друг друга изводить. Поехали в Мак. Меня утешит десяток наггетсов. Ещё картошка по-деревенски, большой стакан колы и игрушка.

– Зачем игрушка?

– Они прикольные.

– А-а, понял. Кроликов ещё целый заповедник…

Мы сидим в роскошной машине – в центре гигантских каменных колец жестокого города. Мы уплетаем безумно вкусный фастфуд – пищу настоящих богов мегаполисов. Мы – в центре необъятного мира, и мы – на самом его краю. Мы веселимся и дурачимся, рассказывая друг другу смешные истории.

Странно быть настолько рядом и так бесконечно далеко.

Где-то за домами в город крадётся мутный рассвет. В квартирках просыпаются люди. Одеваются, спешат по своим делам. Мужчины целуют сонных женщин, женщины склоняются к детским кроваткам, дети закутываются в одеяла и отказываются идти в детский сад. Город медленно стряхивает с себя ночные кошмары, надеясь, что день будет счастливее и радостнее.

Мы счастливы, но с первым лучом солнца волшебство момента исчезнет навсегда.

На стекле появляются крохотные капли. Город плачет…

78. Другая девушка

Что за… Провались… Где я?

На детской кроватке. В курточке спортивного костюма, натянутой прямо на голое тело. А жёлтый ужас комком сложен на стуле рядом.

Я что, уснула в машине? Бирман принёс меня, переодел и уложил под одеяло? И я всё это проспала? Да какого ж чёрта…

На кухне сидит растрёпанный Лорд в джинсах и свободно болтающейся рубахе. Хмуро поглядев на меня, он кивает на плиту:

– Обедать будешь? Яичница. Чуть подгорела.

Поковыряв лопаткой шкурки на сковородке, я восстанавливаю картину мира:

– Где все?

– Бирман в отдел почапал, его начальство на ковёр вызвало. Лёвка домой поехал. Остальные – в Особняке, совещание через час. Сейчас Гончаренко приедет, я свалю. Ты есть будешь? Нет? Тогда я сам доем.

– У тебя красные глаза. Ты совсем не спал?

– Некогда спать. Надо всё сначала начинать.

– Я буду танцевать ещё. И Сэм разрешит.

– Мы создали у Френда впечатление, что охотимся за тобой. И он чувствовал себя в безопасности. Но теперь он знает, что ты на нашей стороне, и понимает, что из охотника стал добычей.

– Я рискну, если это поможет его поймать.

– Хватит уже твоих безумных идей. Мы перевезём тебя в другое место. Пока всё не кончится, поживёшь под охраной. Хоть по ночам с мужиками гулять не будешь.

Включив чайник, я устраиваюсь за столом и парирую:

– Разве это гулянки? Это следственные действия.

– Лёвку ты умотала. С Бирманом тебя укачало. Кто следующий?

– Ты? Только пешком я нагулялась, на машине накаталась. Придумай что-нибудь оригинальное.

– Большая кровать с балдахином подойдет?

– Балдахин – это такая штукенция сверху, с верёвками? Подойдет. Затяну тебя в шнурочки покрепче и… отшлепаю.

Лорд поперхивается, закашливается и выплёскивает часть кофе из чашки. Горячая жидкость попадает на его рубашку и джинсы, он вскакивает – и проливает остатки кофе в свою тарелку.

Поставив чашку на стол, Серго вытирает лицо и одежду салфетками, а потом сердито выговаривает:

– Маргарита, ты хоть что-нибудь воспринимаешь серьёзно? Не маленькая уже, да и жизнью битая. Откуда в тебе столько наплевательства на всё и всех? Хоть немного задумайся о последствиях своих поступков…

Воспитательная речь Лорда воспринимается как жужжание мухи, долбящейся в окно в знойный день. Где они, мухи? Попрятались в щёлки-норки до весны. Хорошо быть мухой. Или не очень?..

Педагогический монолог Серго и мои занимательные размышления о жизни в виде мухи прерывает звонок домашнего телефона. Уверенная, что звонят бабушке, я снимаю трубку:

– Да.

– Привет, Машенька. Рад тебя слышать.

Ноги становятся ватными, в глазах всё расплывается.

Это ошиблись номером… Ошиблись…

– Не забыла меня? Порядком лет прошло.

Как он узнал этот номер? Он знает, что я здесь? На что он пойдёт, чтобы заполучить меня?

– Не молчи, Машенька. Я вернулся. К тебе вернулся, за тобой. А ты забыла дорогу к свету. Опять за старое взялась.

Чёткая дикция и правильный выговор слов Френда создают ощущение, что он вещает по радио сводку погоды. Но в интонации проскальзывает и угроза.

– Пойдём к свету, Машенька. Я тебе помогу. А ты поможешь мне. Ты мне очень нужна.

Я медленно съезжаю спиной по стене и сажусь на пол. Сердце выскакивает из груди, голосовые связки парализует.

Я хочу быть спокойной и уверенной, но вместо слов издаю нечленораздельное сипение. Френд смеётся:

– Обрадовалась? Слышу, слышу, дыхание перехватило. Свидимся скоро, Машенька. Знаю, чёрные псы пасут тебя, мне не подойти. А так хочу в щечку чмокнуть. Приходи ко мне сама, а? Что мне сделать, чтобы ты пришла?

Вышедший в коридор Лорд в долю секунды понимает, что разговор важен. Он плюхается рядом со мной и пытается втиснуть свое ухо параллельно с моим. Одновременно он очень быстро набирает что-то на своём мобильнике.

Присутствие Серго придаёт мне сил:

– Приглашай, Джордж. Где и когда мы встретимся?

– Я ещё не всё приготовил.

– Раз ты не готов, зачем позвонил?

– Прости, Машенька. Виноват я. Опростоволосился. Поймёшь дурака?

Серго делает жест пальцами, но я его не понимаю. Сосредоточившись на разговоре, я спрашиваю:

– Расскажи, чем провинился. А я подумаю, стоит ли тебя, дурака, прощать?

Лорд чуть отодвигается и энергично трясёт головой. Я говорю что-то не то или не так? А что так? Я пожимаю плечами.

Френд после паузы глухо возмущается:

– Строгая ты, Маша. Вечно расспросы. Нет бы, простила, да и всё. Зачем тебе знать? Я ничего такого и не делал.

– Короче, Джоджик. Что натворил? Выкладывай, времени на пустую болтовню нет.

Лорд закатывает глаза. Френд объясняет:

– Обманулся я. Шарфик твой жёлтый заприметил. Думал, ты куда-то пошла. Поцеловал тебя, а это не ты.

– Ты целовал другую девушку?!

Прозвучало ли в моих словах достаточно возмущения? Я изображаю, что что-то пишу. Лорд протягивает мне мобильник. Идиот. Я повторяю жест.

– А-а, Машенька, ревнуешь? Ничуть не изменилась. Не расстраивайся, свет моей души, я сразу понял, что ошибся. Она не встанет между нами. Я о ней позаботился.

Чёрные бархатные глаза отражают мой собственный ужас.

– Что ты с ней сделал?

Странные звуки в трубке, вероятно, означают смех.

Я срываюсь на крик:

– Где она?!

– Воровка она. Красивую вещь у тебя украла. Я меточку ей свою на память оставил, да и отпустил.

– Обойдись без меточек! И нечего к другим женщинам приставать! Сам говоришь – приходи, а у самого ничего не готово. И что звонить без дела? Приходи сам, я уж расстараюсь, тебе встречу организую.

– Вокруг тебя чёрных псов много. Один, слышу, даже в трубку сопит. Районный вертухай уехал, значит это бугай из начальников. Я сам расстараюсь, Машенька. Не переживай.

– Когда ждать твоего звонка?

– Всё время жди, Маша. Каждую минутку. До встречи, мой ненаглядный свет.

Короткие гудки отдаются в моём теле ломотой. Лорд уже орёт что-то в мобильник. Оторвав от его уха трубку, я с отчаянием объясняю:

– Шарф. Мой шарф. Кто-то из девочек его взял.

Лорд начинает тотальный обыск двора и всех подъездов. Увы, быстро проверить каждую квартиру невозможно, да и не факт,что Френд сидел где-то рядом с биноклем. В квартиру Бирмана набиваются какие-то мужчины, все они спорят, кричат, размахивают руками. Затем все исчезают, остаются только грустный Лёвка и невыспавшийся Федя Иванов.

Прокручиваются стрелки часов, и я еду в машине – под вой сирен, в мерцающем синем свете беды. Многомиллионному городу такое не в диковинку: подумаешь, что-то ещё стряслось, сирена – всего один голос в хоре звуков жизни. Раньше мне казалось, что это может быть круто – пронестись через весь каменный лабиринт, чтобы все уступали путь. Теперь я чувствую, как вопли сирены отрезают драгоценные кусочки времени, а тех, что останется, может и не хватить.

Кристину находят быстро – во дворе соседнего с коммуналкой дома, в дальнем углу отсека для мусорных баков. Девушка лежит за баками, без сознания, в крови, и её увозят ещё до нашего прибытия.

Я не понимаю, зачем меня привезли на место преступления, но послушно стою там, где мне указали. Меня бдительно стерегут три бронированных гиганта, в тяжёлой амуниции они чем-то похожи на трансформеров. Я хотела спецназ – это, по-видимому, он и есть. Главного трансформера все называют Чарли, но мне неудобно уточнять, имя это или прозвище.

Каждый метр пространства в трёх дворах вокруг занят. Люди в форме и без суетятся, что-то измеряют, копаются в мусоре, чертят схемы и собирают в пакеты окурки.

Моё участие в этой суете не требуется, меня снова сажают в машину и везут дальше.

Часы отматывают ещё один отрезок времени, и я оказываюсь в больнице. Зачем? Почему? Не понимаю ни я, ни мои сопровождающие. Сыр переместили из точки А в пункт Б, потому что кто-то где-то так сказал.

Я стою в длинном больничном коридоре, ожидая неизвестно чего. Я сижу на стуле возле рентгена, объясняя каждому подходящему, что я не пациентка. Я стою в другом коридоре. А вокруг снуют люди в халатах, менты, санитарки, мужчины в пальто. Бедлам – кажется, это так называется.

В холле, у открытого окна совещаются Лорд, Гончаренко и Глеб Каслинский – ещё один умник из команды Особняка. Каслинский курит, несмотря на замечания пробегающих мимо людей в халатах. Лорд что-то пишет в телефоне.

Подойдя примерно на метр, я тихо спрашиваю, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Что он с ней сделал?

Серго отводит взгляд в сторону. Неужели всё так плохо?

Каслинский сквозь сжатые зубы зло бурчит:

– Подобрал камень и проломил голову.

Ты заплатишь за это, Френд. Ты мне за всё заплатишь. Даже если ты купил мне билет в ад, тебя я заберу с собой. Ты думаешь, что выйдешь победителем? Но я – дитя тьмы, я достану тебя даже с того света.

Отвечая самой себе, я произношу вслух:

– Хорошо.

Тихий голос Лёвки холодно казнит меня где-то сзади:

– Хорошо? Объясни, что во всём этом хорошего?

Обернувшись, я объясняю:

– Кровь. Страсть. Злость.

Ого! Оказывается, карие глаза умеют гневаться.

Лёвка ничего больше не говорит. Обходит меня так, словно вокруг силовое поле, и уходит. Каслинский не сдерживается:

– Может, пойдёшь, потолкуешь с дядюшкой?

– Пойду. Дорогу подскажете?

Серго крепко вцепляется в мою руку выше локтя:

– Прекратите! Я запрещаю!

Он запрещает, а у меня синяки останутся.

Несколько оборотов стрелки – и я стою в центре полемики Лорда и Чарли. Трансформер считает, что меня надо отправить на Дельту Павлина. Хорошая идея – каких-то двадцать световых лет, и я в системе, где светило похоже на Солнце. Там есть планеты? Меня возьмут в число колонистов?

Увы, всё куда прозаичнее. Павлин – это какой-то Павлинов, а Дельта – бронированная комната, куда меня закинут и запрут. А я-то размечталась: галактические путешествия, встречи с инопланетянами…

Серго настаивает на Особняке.

Мнение Риты Рогальской никого не интересует. Задача Риты – стоять в уголке и не высовываться. В полемику не вступать, советы не давать, молитвы вспоминать.

Молитв я много знаю. А в царя на троне в облаках не верю.

79. Подарок для Маши

Бесконечный больничный коридор кажется мне похожим на ленту Мёбиуса: куда ни пойдешь, придёшь в исходную точку. Я полирую спиной безликую стенку в каком-то коридоре и терпеливо жду, когда большие мальчики вспомнят о том, что потеряли сыр.

Возле меня тормозит невысокая женщина:

– Рита?

Я пытаюсь уцепиться за стенку покрепче.

Какой безумный взгляд… Не весёлое пьяное безумство, не наркотическое отсутствие, не депрессивная апатия – пустой взгляд навсегда ушедших в никуда мозгов.

Сунув мне какой-то предмет в руку, женщина шепчет:

– Тихо!

Через секунду она исчезает за поворотом коридора.

Трубка вибрирует, но звонка я не слышу. Я шлёпаю по зелёной кнопке и подношу телефон к уху, зная, чей голос услышу.

– Маша, дорогая моя. Как я рад. Могу с тобой говорить.

– Ты всё приготовил?

– Ты любишь Сашу?

Перед моим мысленным взором возникает улыбающееся лицо брата. Нет, не может же быть, чтобы Френд мог…

Нельзя поддаваться эмоциям. Я должна быть сильной.

– Разумеется, я люблю Сашу.

– Сашенька-красавчик, Сашенька-умница, Сашенька-молодец. Ты всё ему прощала, всё для него делала.

– Не тяни время. Выкладывай, в чём дело.

– Какая ты суровая, Маша.

– Не хочешь – не говори.

– Я подарочек припас. Тебе. И твоему Сашеньке.

– Устала от твоих загадок. Давай конкретнее.

В трубке раздаётся сдавленный стон, оканчивающийся резко оборванным всхлипом.

– Хорошая девочка. Волосы длинные. Кожа нежная.

Я сжимаю кулак, и длинные ногти впиваются в ладонь. Боль придаёт уверенности. Я должна победить.

– Я же сказала, чтобы ты не трогал других баб!

– А-а, голубушка, ревнуешь?

– Что это за девочка? Где ты её взял? Ты сказал, что ждёшь встречи со мной, а сам занимаешься чёрти чем.

– Я хочу встречи. Ты придёшь ко мне. Одна. Без свиты.

– Да ты задолбал! Сколько можно? Скажи куда, и я приду.

Девочка всхипывает, что-то мычит, Френд глухо и механически смеётся:

– Сладкая малышка. Красивые глаза. Крепкие ножки.

– Если я узнаю, что ты хоть пальцем тронул другую женщину, тебе не поздоровится!

– Ты же любишь Сашу. Так забери его подарочек. Я отдам девочку тебе. Если ты придёшь одна.

Господи… Саша, девочка… Это Анютка?

Расширив ногтями ранку на ладони, я подношу руку к лицу и вдыхаю еле уловимый запах крови. В голове проясняется. Нельзя паниковать, нельзя сомневаться.

– Я же сказала, что приду. И зачем мне глупые подарки, я хочу поговорить с тобой. О свете и чудесах.

Френд молчит, потом объясняет:

– Железка до дачи, третья станция от вокзала. Иди по шоссе в сторону от центра. Замечу хоть одного чёрного пса рядом – не видать Саше подарочка. До встречи, мой ненагладный свет…

Короткие гудки отрезают меня от собеседника.

Чёрт тебя возьми, мама! Неужели ты не могла прикончить его ещё тогда? Отравила бы по-тихому и похоронила на даче в бетоне. Никто бы и не догадался.

О чём ты думала? Почему оставила мне такое «наследство»?

Тебе наплевать на наши проблемы? Ну хоть словечко за меня замолви – там, наверху.

Ты наверху? Или я спускаюсь в ад – следом за тобой?

80. Побег из больницы

В больнице должен быть бесплатный телефон-автомат.

Поспрашивав пациентов, я нахожу один такой. Разговор можно продолжать не больше пяти минут. Этого хватит.

Теперь сосредоточься ведьма – представь себе голубой квадратик, на котором Энский вывел нужные тебе цифры.

Ромка отвечает сразу.

– Это Рита. Мне нужна твоя помощь.

– Бить будут?

– Возможно. Но покатаешься на отличной тачке.

Коротко объяснив Ромке задачу, я направляюсь в ближайшую ординаторскую и утаскиваю первый попавшийся белый халат и белую же шапочку. Второй кражей становится чья-то ярко-оранжевая куртка. Не вещица, а мечта! И сидит на мне неплохо.

Хорошо, что владелец куртки ничего значимого в карманах не носит. Дай Бог здоровья этому доброму человеку!

Где все? Заняты пережёвыванием версий и причинно-следственных связей? Может никто ничего и не заметит?

Мне нужен первый этаж. Но не основной вестибюль, в котором торчит пара трансформеров. И не суета запасного входа, где толпятся ординаторы. Я не я, если в торце очередного мёбиусного коридора нет дверки, за которую персонал выбегает перекурить в тёплые денёчки.

Проклятие… Из неведомого измерения выныривает Бирман. Судя по хмурому взгляду, капитан подозревает, что я неспроста нацелилась на прогулку к двери. Прекрасно, что хоть у кого-то мозги на месте. Но мне это лишние хлопоты.

Бирман грубо вцепляется в мой локоть (ладно, пусть и на этом локте синяки будут):

– Куда собралась?

– Во двор, воздухом подышать.

– Я с тобой.

– Хорошо.

Сергей толкает дверь, и мы оказываемся на заднем дворе. Я молча сажусь на ступеньки крыльца. Бирман облокачивается на столбик перил внизу, перегородив мне дорогу. Будет тренировать стальной взгляд?

– Ты разбила коленку.

– Споткнулась. Плевать.

– Мы в больнице. Хоть зелёнкой помажь.

– Само пройдёт.

– Чего ты ждешь?

– Метеоритного дождя.

– Рита, я не идиот. Ты что-то задумала.

– Я устала.

Бирман считает трещинки и щербинки на старых каменных ступенях. Я изучаю кучу жухлых осенних листьев, скопившихся в уголке между стеной и крыльцом. Время уходит.

Наконец, Сергей, словно нехотя, предлагает:

– Отвезти тебя домой?

Домой. Интересно, какой дом он имеет в виду. Пустую съёмную комнату с бумажной ленточкой, утыканной печатями? Разгромленное им самим жилище Кирилла? Может, подразумевается квартира отца?

Я качаю головой. Нет у меня никакого дома.

Прочитав мои мысли, Бирман предлагает:

– Хочешь, поживи у меня.

Прости, Серёжа, но ничего уже не изменить.

Или Френд. Или я. Или мы оба – покойники.

У меня нет выбора. Да и был ли он хоть когда-нибудь?

К подъезду подкатывает мотоцикл. Парень в лёгкой синей курточке, из-под которой торчит белый халат, разворачивает железного коня и стягивает с головы шлем. Оставив шлем болтаться на ручке мотоцикла, медик вбегает в здание, не обращая внимания на скопление людей и машин возле приёмного покоя.

Помолчав ещё минуты три, я встаю, одёргиваю чужую куртку, и сообщаю капитану:

– Мне нужно уединиться. В помещении с кафельными стенами, где на двери нарисована девочка.

– И что ты вытворишь, если я скажу «нельзя»? Иди. Но я подожду тебя у двери, поняла? Давай без глупостей.

Прости, капитан, но у меня другие планы.

За дверью с девочкой меня ждёт Ромка. Обняв меня и покружив, он восторженно, хотя и тихо, восклицает:

– Скажи, что я самый крутой в этом чумовом городе!

Я прикладываю палец к губам и соглашаюсь. Протянув ему связку ключей Лорда, я показываю на машину через окно:

– Вон тот «мерседес». Гони куда хочешь и как хочешь, у него спецномера, гайцы тормозить не будут. Но это ненадолго. Перехват будет жёстким, успей смотаться.

Ромка восхищенно присвистывает и подмигивает в ответ. Натянув на себя оранжевую куртку, он проникновенно желает:

– Удачи!

– Не рискуй слишком уж.

Терпения Бирмана хватает на три минуты. Недолго думая, он вламывается в туалет и застаёт Ромку стоящим на внешнем карнизе окна. Я едва успеваю затаиться в углу дальней кабинки.

Ромка – лучший трейсер столицы, а может, и всего мира. Он красиво и легко выпрыгивает вниз – жаль, что я этого не вижу.

Бирман не рискует повторить трюк – и убегает с нецензурным криком. Я знаю, капитан, знаю, что ты обо мне думаешь, но зачем же орать об этом на всю округу?

Выбравшись из кабинки и выглянув в окно, я вижу, как Ромка вприпрыжку скачет к «мерседесу» и быстро уезжает. Эту бы энергию в мирных целях…

Капитан несётся за набирающим скорость «мерсом», но проигрывает сотням лошадиных сил. Остановившись, он несколько раз подпрыгивает, размахивая руками. И забегает обратно в корпус с парадного входа.

Я выхожу во двор, надеваю оставленный Ромкой шлем и неторопливо усаживаюсь в широкое седло железного коня. Я ведь справлюсь? До этого я управляла мотоциклом два раза в жизни.

Вдох, выдох. Подножка, передача, зажигание, сцепление…

Понеслась…

Я еду, Френд. Пора выяснить наши отношения.

VII. Путь к свету

81. Найди женщину

Метро, станция, экалатор, площадь, автобусы, переход к электричкам. Френд где-то рядом?

Выбрав место чуть в стороне от шума, я звоню капитану.

– Бирман.

Одно слово – и все оттенки негативных эмоций: злость, раздражение, досада.

– Привет. Это Рита. Не ругайся только, времени мало.

Капитан мгновенно собирается, в голосе остаётся только холодная сосредоточенность:

– Объясни, что случилось.

– Мне дали телефон. Френд позвонил. У него Анютка. Девушка, в которую влюблен Саша. Он угрожает, что убьет её.

– Почему не сказала?

– Чтобы дать шанс Анютке.

– Не лезь сама. Мы всё сделаем.

– Нет. Вы не успеете. Френду нужна я. Если его план сорвётся, он убьёт Анютку и снова спрячется. Мама умела держать его на расстоянии. Значит, и я смогу. У вас будет время.

– Мы возьмём его, когда он придёт за тобой.

– Но он не скажет, где Анютка.

– Скажет. Это не твоя забота.

– Мы не знаем, где отец. И не знаем, что в его голове творится. Если он подыгрывает Френду, то спрячет все следы. И тогда Анютка обречена.

– Ритка, остановись. Пожалуйста.

– Френд потащит меня за город. С большой вероятностью – в том же направлении, где наша дача. У него есть машина – или она в угоне, или её позаимствовали из какого-то гаража у пенсионера. По той же схеме, как при побеге из квартиры. Я не думаю, что логово монстра где-то далеко. Ищи пустующий дом, как-то связанный с моим отцом.

– Не вмешивайся, прошу тебя.

– Я дитя монстров. Производное от ужаса. Я вмешаюсь.

– Ты не понимаешь…

– Да слушай же! Надо найти ту женщину, Фаину. Она явно из сферы эзотерики и космических струн. Около тридцати–тридцати пяти, средний рост, чуть полноватая, карие глаза, крашеная блондинка, но с тёмными корнями волос, неопрятная. Походка неровная, ковыляющая. Одета дёшево, но все вещи новые. Она знает секреты Джека и Джорджа. Но будь осторожен – она настоящая сумасшедшая. Не исключено, что и на учёте состоит.

– Подумай хотя бы десять секунд!

– Я уже подумала, пока ехала. Френд выкинул Кристину, значит и Анютку убивать не так уж хочет. Я смогу заговорить его, отвлечь. На несколько часов точно. А там как пойдёт.

– Он сделает с тобой всё, что захочет.

– Я боюсь. Но мне не привыкать. Лучше я, чем Анютка.

Бирман чем-то шуршит и размеренно советует:

– Рита, я слышу шум уличный. Посмотри вокруг, зайди в любой магазин и купи нож, ножницы, вилку, шило, длинный гвоздь, зажигалку, баллончик – всё, что можно использовать как оружие. Спрячь в одежде, на себе, чтобы не быть совсем с голыми руками.

– Ладно. Я попробую.

– Как только подвернётся возможность – не думай, не сомневайся – покалечь, убей зверя. Любая острая железка – в горло, в глаз. Бей со всей силы. Найдёшь что-нибудь тяжёлое – бей по голове, по коленям, по рукам, куда придётся. Дотянешься – бей ногой в пах. И не убегай сразу – добивай, пока не перестанет шевелиться. Бей, как только можешь бить.

– Хорошо. Всё, я пошла.

– Подожди ещё минутку.

– Увидимся. Береги себя.

– Птичка, не уходи…

Отбой. Чему быть, того не миновать.

По шоссе снуют машины. Люди толпятся на многочисленных остановках, теснясь и перетекая с места на место. Бóльшую часть крайнего ряда проезжей части занимают маршрутки и хаотично припаркованные машины.

Я направляюсь пешком в сторону от центра. Не торопясь, но и не разевая рот по сторонам. Основная толкучка остаётся позади. Аккуратная дорожка с низенькими заборчиками по бокам ведёт

пешеходов вдоль жилых пятиэтажек к забору какого-то института. Едва я миную половину этого пути, сбоку, за маленьким газончиком, тормозит старый и грязный «жигуль». Окно плавно опускается, дядюшка душевно мне улыбается и показывает рукой, что надо завернуть в проезд между домами.

Машина скрывается в проезде, я следую за ней и оказываюсь перед лабиринтом гаражей. Десяток шагов. Ещё двадцать. Ещё пятьдесят. Ну? Когда уже?

Френд нападает сзади, из щели между гаражами. Связав мои руки за спиной, он затыкает мой рот какой-то тряпкой. Я не сопротивляюсь. Болезненный удар под коленку – и вместо гордой ведьмы в ногах дядюшки валяется беспомощная жертва.

Место жертвы – в багажнике. А в процессе погрузки Френд быстро, но тщательно обыскивает меня. Телефон улетает в сторону. Как и прочие запасы полезных мелочей. Но пакет с тряпками плюхается мне на ноги. Дядюшка считает, что барахло мне понадобится? Настраивает на позитив.

Крышка захлопывается и отрезает меня от мира.

Я тебе покажу свет, Френд. Обещаю.

82-Б. Охотники на монстров

Эмоциональный, но бесполезный обмен ругательствами сходит на «нет», Бирман разводит руки в стороны и делает два шага назад, натыкаясь на Гончаренко, который в свою очередь пятится. Лорд складывает кулак и показывает капитану неприличный жест.

Каслинский шумно вздыхает и расслабляется – удерживать никого не придётся. Лёвка, стоявший боком между капитаном и майором, запрокидывает голову и закрывает глаза – но его картинное страдание никого не впечатляет.

Капитан разлохмачивает волосы, снова их приглаживает и призывает команду к рациональному «разбору полётов». Майор медлит, но потом делает короткий взмах рукой – разрешает команде выполнять указания Бирмана.

Оперативный штаб – в Особняке. Сбор – через два часа.

Просмотр записей с камер наблюдения и опрос персонала больницы не дают существенных подсказок. Никто из врачей клиники не ездит на мотоциклах. Никому в клинике не по карману дорогая модель «бмв», пусть и заляпанная грязью до малоузнаваемости. Владелец мотоцикла за час до появления байкера в больнице написал заявление об угоне. И мотоцикл обнаруживают аккуратно припаркованным у одной из ближайших станций метро.

«Мерседес» Лорда блокируют в Химках. Внутри сидит пара недорослей, приметивших, что некий мужчина оставил машину незакрытой. Мужчина был с бородой и в очках, описать его внешность недоросли не могут.

На поиски человека, способного выпрыгнуть из окна и не переломать ноги, нужно время. И поиски прыгуна вторичны – он вряд ли подскажет, куда направилась безумная ведьма.

Знакомые Лорда из патрульно-постовой службы пригоняют «мерс» к Особняку, но невредимая машина вызывает у Серго раздражение. Лучше бы авто было побито, а невредимая Маргаритой сидела внутри.

Телефон, с которого Рита позвонила Бирману, зарегистрирован на Евгения Рогальского. Телефон находят во дворе жилого дома на Лязговском шоссе, и Гончаренко садится пробивать номера из памяти телефона. Бóльшая часть номеров оказывается телефонами редакций, издательств и клубов любителей зеленых человечков. Остальные принадлежат знакомым Рогальского, которые уже есть в деле.

Несколько лихачей, остановленных на Лязговском и двух соседних шоссе, не имеют к делу никакого отношения.

Александр Рогальский, услышав, что Анютка похищена, впадает в истерику. Немного успокоившись, он обещает вылететь в столицу так быстро, как сможет. Положив трубку, Федя Иванов грустно заявляет, что пусть кто-нибудь другой сообщает младшему Рогальскому то, что пропала ещё и его сестра.

Телефон похищенной девушки заблокирован. В общежитии, где живёт Анютка, ничего не знают о том, что одна из девушек пропала. Но комендантша решительно подключается к поискам. Две соседки Анютки, всхлипывая и трясясь, рассказывают, что

подружка и раньше иногда не приходила ночевать, поэтому они решили, что она осталась у кавалера. Нет, они не видели никого подозрительного. И не слышали, чтобы Анютка разговаривала с кем-либо посторонним.

В надежде найти ниточки к Фаине сыщики перебирают ещё раз всё, что знают о женщинах в окружении Рогальского.

Уборщица в квартире выпадает из списка подозреваемых. Почтенная дама, разменявшая шестой десяток лет, отличается редкостным флегматизмом и не подходит под Фаину ни по возрасту, ни по приметам.

Литературная агентша Рогальского – Жанна Гвоздикова – кажется неплохой кандидаткой на роль Фаины. Сорокалетняя разведённая женщина, без детей, владеющая загородным домиком, подходит по многим пунктам. Но у Жанны есть жених, а за городом живет её вреднющий папаша-алкоголик.

Есть ещё некая Серафима – корректор книг Рогальского. Но это бледное, хлипкое, боязливое существо так истово оплакивет все печали мира, что у него нет времени как-либо в этот мир интегрироваться.

Отпечатки Фаины с пальчиками всех этих дам не совпадают.

Тема женщины заходит в тупик.

Контакты Френда собраны в отдельную пухлую папку. Те, кто отбывал срок вместе с Георгием Симоновым, дали ему не слишком лестные оценки. По общему мнению, Джордж был психом и изрядно доставал всех бредом про поиски света. Вместе с тем, за скептическими отзывами угадывается осторожность: у Френда сложилась репутация человека, с которым лучше не связываться.

Знакомые психопата из времени до отсидки бесполезны – оперативные разработки не принесли достоверных данных о контактах Френда хоть с кем-либо из старых знакомых. Если не считать Евгения Рогальского…

Обитатели города расползаются из офисов по домам: к ужинам и телепередачам. В Особняке начинается очередной мозговой штурм. Перебирание командой уже известных фактов и событий не приносит новых идей.

В двенадцатом часу Лорд, зевнув, констатирует:

– Ничего не понимаю. Совсем ничего.

Выбравшись из кресла и сделав несколько энергичных движений, он сдержанно распоряжается:

– Давайте-ка прервёмся. Лёвка – домой, спать. Гончаренко – аналогично. Бирман, и ты отправляйся, третьи сутки на ногах. Остальным – перерыв сорок минут – проветриться, перекусить. Потом возвращаетесь и проверяете всё ещё раз.

Уставшая команда потягивается, переглядывается. Лорд с раздражением поясняет:

– Я к маман смотаюсь. Туда-обратно. Она раз пятнадцать уже звонила, все нервы истрепала. Если что придумаете – звоните.

Бирман краешком рта улыбается. Ссылка или нет – Лорд забрал командование на себя. Отодвинув стул, он спрашивает:

– Слушай, Серго, мне далеко до дома. Здесь есть, где голову прислонить? Мне пары часов хватит.

Лорд ехидно усмехается:

– А-а, меняю диван на диван. Устраивайся в моём кабинете. Подушка и плед – на верхней полке в шкафу.

– Отлично. Спасибо.

Рукопожатия, короткие «пока» – и сыщики расходятся.

83-Б. Плохое и худшее

Бирман просыпается в три часа ночи.

Как ты там, неугомонная ведьма? Дай бог сил.

Озарений во сне на капитана не снизошло. Короткая разминка – и мысли возвращаются в замкнутый круг. Новых идей нет.

Команда клюёт носом. За последние три месяца с жалобами в правоохранительные органы обращались тысячи дачников и жителей Подмосковья. Но найти в этом завале возможную ниточку не удаётся.

Отправив всех отдыхать, Сергей открывает ноутбук Лорда. Подсмотренный пароль даёт капитану возможность проникнуть в секреты Особняка, но он отправляется в блуждания по интернету.

Возвращается Гончаренко, и Сергей разворачивает экран:

– Смотрите. Пользователь с ником Rogalsky изредка писал на форуме клуба двадцать пятого чувства. Чаще всего его комментировали три поклонницы с никами Aelita, Mirabel и Kassiopea. Подписи Аэлита и Кассиопея встречаются ещё на десятке разных сайтов в контексте обсуждения идей Рогальского – космические струны, мировое информационное пространство и всё подобное. Есть у нас кто-нибудь по информационным технологиям? Нужно найти женщин за этими никами.

– Вытащим Бориса Юрова. Он отработает.

Через полчаса невидимые спецы Юрова начинают присылать тонны данных: IP-адреса, провайдеры, сети, прокси-сервера, пользователи…

Аэлита и ещё тринадцать ников оказываются виртуальным клонами одной реальной женщины.

Гончаренко уезжает по установленному адресу проживания Агриппины Николаевны Горловой. Но в квартире находится только старенькая мама Агриппины. Вникнув, что предрассветный гость – не грабитель, она рассказывает, что дочка отправилась в путешествие с женихом.

Кто жених? Джек Кройсант. Очень вежлиый мужчина. Влюбился в Гриппочку с первого взгляда. И Гриппочка поехала знакомиться с родителями жениха. Куда? На родину жениха, в Англию. Чем дочка занималась? В большой фирме работала на важной должности, дома продавала богатым людям. Зарабатывала очень хорошо – вон и телевизор новый купили, и холодильник. На ремонт собирались накопить. Дача? Нет, дачи у них нет. Да и зачем Гриппочке дача, когда жених нашёлся…

Разбуженная директор большой фирмы подтверждает, что Горлова работала у неё пять лет назад. Звёзд с неба не хватала. Попалась на переманивании клиентов, после чего ей предложили уйти по собственному желанию. Возможных клиентов Горловой директор не знает, но список клиентов пятилетней давности обещает подготовить.

Приехавший Лёвка бубнит что-то своё про важность выбора имени ребенку. Ник «Аэлита» прямо-таки кричит о комплексах и вытекающих из этого проблемах. Бирман делится с психологом своими знаниями ненормативной лексики. Лёвка невозмутимо поправляет какое-то падежное окончание в ругани капитана – и только вмешательство Каслинского спасает психолога от болевого приёма.

Каслинский нагружает Юрова новой задачей – проверить, где в сети Горлова могла рекламировать себя и набирать клиентов. А заодно вычислить, откуда она выходила в сеть.

Особняк снова наполняется людьми – и напряжением гонки, в которой преступник оторвался далеко вперёд.

Не глядя на телефон, капитан отвечат на звонок:

– Бирман.

– Меня зовут Нина Андреевна. Мой сын сейчас живёт с вами.

Не совсем так. Точнее, совсем не так:

– Да, Серго живёт в моей квартире.

– Вы понимаете, какую ответственность на себя взяли?

Не-а, не понимает. Серго – умный офицер, раскрывший много заковыристых дел. Он давно тащит ответственность не только за себя, но и за отдел, за город, за весь мир…

– Вы же взрослый мужчина, как вам не стыдно забивать голову мальчика сказками о ведьмах?! Что за мерзавку вы ему подсунули?

Бирман улыбается. Строгая Нина Андреевна только что вкатила ему прививку от властности Лорда. Что бы ни делал Серго, его тёзке достаточно будет вспомнить «мальчика». Лёвка был прав.

– Я могу понять, что у вас есть потребности. Удовлетворяйте их с кем хотите. Но не провоцируйте моего сына на контакты с неприличными женщинами!

Ха! Зачем Серго помощь капитана? Очень даже приличные женщины слетаются к нему сами. А «мальчик» не всегда утруждается узнать имя подружки на один раз.

– Я требую, чтобы вы оградили моего ребенка от неподобающего общения!

Всё уже свершилось. Серго втрескался в Риту со всем пылом мужчины, который впервые в жизни услышал даже не отказ, а

неопределённое «не сейчас». Ведьма ещё не понимает, какую власть получила. А если поймёт, Серго придётся выбирать: мама или возлюбленная.

Выбор кажется очевидным, но капитану не хочется думать о птичке в клетке. Лучше представлять, как серебряные глаза вспыхивают детским восторгом при виде накатывающихся на берег волн…

Как ты там, птичка? Забери мою удачу. Выиграй.

В трубке раздаётся нервный всхлип:

– Передайте Сергуше, что он должен немедленно вернуться домой. Я его очень жду. Нельзя игнорировать родную мать. Нельзя оставлять меня без связи. Я уже немолода, со мной может что-нибудь случиться, мне может понадобиться его помощь. Он никогда не простит себе, если не успеет к больной матери…

Острое чувство уже случившейся беды заставляет Бирмана перебить эти нудные сетования:

– Серго не приезжал к вам?

– Нет, и это грустно. Молодые должны возвращать свои долги…

Уронив трубку, Бирман бросается искать Лорда, отчаянно надеясь, что ошибается. Серебристый «мерседес» майора аккуратно поставлен на стоянку, но самого Серго нигде нет.

84. Домик в деревне

Поездка в багажнике оказывается непростым аттракционом, и светлая мысль прикинуть, куда именно меня везут, испаряется бесследно на втором или третьем лежачем полицейском.

Я болтаюсь по днищу багажника, царапаясь о рассыпанные мелкие железки. Пытаясь удержаться от ударов головой, я тщетно упираюсь ногами и раздираю колени. Машина подпрыгивает, я подпрыгиваю вместе с ней, а затем всей тушкой падаю обратно. Руки быстро затекают, и я перестаю чувствовать – есть ли ещё в конце моих конечностей растопырки, именуемые пальцами.

Но всё, даже самое плохое, когда-либо заканчивается. Крышка багажника открывается, и я вижу ярко-синее небо. Пронзительно чистое и глубокое осеннее небо. Красота, что и говорить.

Резиденция маньяка – огромный недостроенный дом с большущей ямой рядом. Махину давно забросили, но размах замысла все

ещё поражает воображение. Увы, нарядный фасад потерял лоск, часть окон разбита, размеченные тропинки заросли травой.

Френд тащит меня внутрь дома, заставляет подняться по недостроенной лестнице и вталкивает в большую комнату, окно которой наглухо заколочено фанерным щитом.

– Машенька, побудь здесь, я должен уладить дела.

Голос звучит лелейно, и я лихорадочно вспоминаю все эти чёртовы учебники по распознаванию типов личностей, поведенческих мотивов и прочей лабуде. Что-то же должно мне помочь? Как понять, где у этого психопата включаются тормоза? А даже если тормозов нет, какой-то резервный стоп-кран в психике должен остаться? Мне нужно продержаться хотя бы пару дней.

Тупые сценаристы. Глупые сказочники. Во всех ваших идеях нет ни грамма реальности. Где?! Где белые рояли в углах моей темницы? Где случайно оброненные преступниками ножи, чтобы освободить руки? Где хотя бы железные пластины или осколки стекла? Почему здесь нет выставки огнестрельного оружия или хотя бы пары образцов самурайских мечей?

Зря я не в полной мере реализовала идею Бирмана о припрятывании чего-либо опасного. Френд меня обыскал, но ведь не так тотально.

О! Зря ругалась. Вон в углу, за картонками, валяется что-то. Посмотрим. Достать предмет руками, связанными за спиной, получается не с первого раза. А когда получается, я минут десять вдохновенно вспоминаю все известные мне ругательства.

Нет, это не гаечный ключ, не вилка – это розовый кукольный чепчик с красным бантиком. Если загробный мир существует, и я скоро туда попаду, то никому не поздоровится. Я этим шутникам такое устрою…

Немного поорав и исчерпав запас обидных обзывалок, я укладываюсь прямо на пол и пытаюсь отключиться. Ничего не выходит. Организм, взбудораженный происходящим, отказывается игнорировать сигналы опасности. Выберусь из этой передряги, пойду на курсы аутотренинга. Буду денно и нощно тренироваться, чтобы научиться засыпать по команде мозгов, а заодно и просыпаться в нужный момент.

Ладно, Рита, заснуть не удастся. Давай, думай. Учебники – учебниками, и кое-как вымученные экзамены – всего лишь игра условностей, где и экзаменаторы, и студенты разыгрывают известные роли. Теперь у тебя не практический семинар и не экскурсия в центр реабилитации. Думай, ведьма.

Что я знаю? Что Френд чокнут на маме. Он уверен, что я – это воскресшая она. При этом явное умопомрачение на женщине не останавливает психа от жестокого обращения с этой женщиной. А ещё Френд – убийца мужчин, которых так или иначе считает обидчиками своей прекрасной волшебницы.

Зачем он похитил меня? Если бы дело было только во влечении, он легко мог получить все, напав на меня в моей же норе. Когда он начал слежку, я о его существовании и не подозревала. Значит, есть что-то, что я должна сделать или сказать? Что??

Мамочка, дорогая моя, там, на небесах, очнись от радостного забытия, пошли мне знание о том, как мне надо себя вести, чтобы выиграть время?

Лёвка, светоч ты наш, пошли мне светлую мысль. Ты должен разбираться в хитроумных завихах мозгов. Чего этому уроду от меня надо?

Как хочется, чтобы кто-нибудь помог. Брось, Рита, глупости придумывать. Передача мыслей на расстояние – явление недоказанное. Равно как и общение с душами умерших. Думай сама.

В ответ сама собой всплывает умная мысль. Многие маньяки следуют ритуалам. Френд не мог изнасиловать и убить меня в моей собственной квартире, потому что это было бы неправильно. Это не согласовывалась с тем, что он придумал в качестве обязательного сценария «путешествия к свету».

Свет. В письмах Джорджа часто встречалось что-то про «подари свет». Он умолял об этом прекрасную волшебницу, называл её светом своей души и разными прочими слащавыми глупостями. Значит ли это, что волшебница должна «подарить свет» по доброй воле? Кажется, где-то говорилось про достойную награду. Секс становился наградой за какие-то дела? Какие? Убийство любовников? Мама знала про убийства? И провоцировала их, соблазняя глупых мужчин на подоконниках и в рабочих кабинетах? Нет, не верю. Она забыться хотела, убежать от реальности.

В любом случае, моя единственная надежда – затянуть процесс «дарения света» настолько, насколько хватит сил. Где-то в городе команда умных охотников за монстром идет по следу, и чем спокойнее я буду, тем больше шансов, что им хватит времени найти меня и Анютку. Живыми.

В маленький круглый глазок от выпавшего из фанеры сучка́ я вижу, как на землю опускается тьма. Постепенно и неотвратимо планета поворачивается другим боком к светилу, отдавая эту сторону богам и богиням ночи. Наконец, в затхлой и неподвижной темноте остаётся овальный кусочек чистой и глубокой темноты – окошко в далёкий космос. Из космоса мне подмигивает маленькая звёздочка.

Где-то там, далеко-далеко, под светом звёзд расцветают неведомые сады. Суетятся люди в непонятных городах. Возможно, где-то там есть другая девушка, которая смотрит сквозь дырочку на наше солнце и мысленно просит о помощи. Держись, милая, держись, сестричка. Кто-нибудь поможет. Кто-нибудь услышит.

Время идёт медленно. Нет, я не тороплю события, но чем дольше я буду ждать в напряжении, тем меньше шансов, что я дождусь следующего акта своей трагедии в адекватной форме. Не хотелось бы трое суток провести в нервотрепке, чтобы потом в критический момент взять и вырубиться.

Шум. Машина. Приближается. Кто-то приехал.

85-Д. Разговоры, разговорчики

Джек пролистывает распечатку новой книги. Относительность миров и множественные вселенные – в меру разумности, но и загадок достаточно, хорошая книга получилась. А следующую надо написать про параллельные миры. Несколько цитат из Хокинга, несколько – из Кинга, а основная часть – история одного безумца.[18] Славный получится коктейль.

– Джек, я Машкиного хахаля привез.

Джек морщится. Как некстати Джордж прервал его как раз тогда, когда он погрузился в идею ещё одной книги. Потом Джек

[18] Стивен Хокинг (1942-2018) – британский физик и писатель.
Стивен Кинг (1947) – американский писатель.

вникает в суть сказанного братом – и идея выскальзывает из головы, он переключается в реальность:

– Которого хахаля?

– Чёрного пса. Из памятника архитектуры.

– А другой?

– В памятнике сидит. Приклеился.

– Где журналист?

– Не знаю. Из больницы выписался, домой не доехал. Есть мысль, что он у бабы осел. Вертихвостка вокруг него увивалась, та, что к дочке звезды липла, да и Маше зубы заговаривала.

– Завтра разузнай всё толком.

– Не дрейфь, возьмём всех. Машенька спит?

– Я не проверял. Но в её комнате тихо.

– Ты с хахалем где разбираться будешь?

– Затащи его в дом и оставь у лестницы. Я сейчас же и займусь. Потом все приберёшь и поедешь за остальными. Сделаешь всё хорошо – завтра расскажешь Машеньке про свет.

– Джек… ты правда хочешь?..

– Ты достоин награды, мой друг. Настоящей награды. Маша должна подарить тебе свет. Ты же так долго ждал.

Джордж трясётся, словно в лихорадке:

– Боже мой, Джек…

– Эта Маша особая. Волшебный свет специально для тебя.

– Джек, брат мой, я всё для тебя сделаю. И Машенька будет моя… Мой свет…

Джек спускается в большое помещёние, запланированное под парадный вестибюль. Здесь хорошо бы смотрелись бархатные платья и бриллианты в блеске хрустальных люстр. Здесь были бы к месту и надменные крестьянские рожи. Здесь могли бы разыгрываться драмы с летящими вниз по лестнице беременными красавицами. Здесь… какая разница, что могло бы быть?

В тусклом круге света от болтающейся на проводе лампочки, на каменном полу лежит беспомощная жертва чужого безумия. Джордж чётко выполнил все указания брата. Руки пленника зафиксированы сзади наручниками. Щиколотки связаны прочным шнуром. Шея перехвачена веревкой со скользящей петлей, а конец

веревки закреплен на массивном столбе, который должен был бы поддерживать перила.

Пленник невозмутимо изучает своего палача. И для того, чтобы оторваться от этого чёрного взгляда, Джеку требуется усилие.

Хороший выбор. Отличная добыча. Предвкушение жестокого зрелища разливается по клеточкам тела радостью, нетерпением и одновременно нежеланием ускорить волнующий момент. Наконец-то ему попалась достойная жертва. И сегодня всё будет сделано на высшем уровне. Так, как давно не получалось.

Главное – не торопиться, не подгонять себя. Главное – насладиться ритуалом сполна.

Пленник чуть поворачивается и непринужденным светским тоном спокойно спрашивает:

– Ты позволишь Маргарите увидеть моё убийство?

В вопросе таится пожелание, посыл на то, что Маргарита просто-таки обязана увидеть это убийство. Джек не собирается следовать чужим установкам, но мысль-то отличная. Грязная девица, скулящая при виде крови любовничка, корчащегося в смертных муках. Отличное дополнение к картинке.

– Позволю. Тебе будет проще помереть в её компании?

– Мне всё равно, в чьей компании помирать.

– Тогда зачем тебе её присутствие?

– Чтобы превратить её в ведьму.

Джек смеётся. Как же эти мелкие и мерзкие людишки глупы. Даже этот крепкий дурачок, взявшийся разгадывать чужие мысли, по уровню мышления не ушел дальше глупых подстилок, верящих, что по космосу носятся гигантские летающие тарелки.

– Ведьм не существует.

Ответный тихий смех пленника неприятно режет уши. Вот дебил, что он себе позволяет? Джек подталкивает свою жертву ногой, смех прекращается, но в голосе остаётся насмешка:

– Я проиграл одному хорошему человеку двадцать баксов. Ты не веришь во всё то, о чем пишешь. Ты нашёл хорошие и лёгкие деньги. Да и двери в высокие сферы приоткрыл.

– Завидно?

– Немного. У тебя есть чему поучиться.

Джека радует похвала. Не зря, значит, этот пёс добился многого. Умеет быть умным, когда надо. Сразу понял, кто здесь сильнее, и признал свою неполноценность.

И в чёрном взгляде проносится смирение, пленник размеренным спокойным баритоном объясняет:

– Я не верю в магию через заклинания и пентаграммы. Но я верю в показания датчиков и измерительных систем. Я прогнал Маргариту через несколько тестов. Сугубо физиологических. И у неё есть несколько необычных показателей. Выбивающихся не только за пределы всех норм, а за пределы представлений о том, что такое вообще может быть. И показатели эти объективны, потому что получены несколько раз. И потому что во время исследования Маргарита спала, об экспериментах со своими реакциями она даже не подозревает.

Джек снисходительно фыркает. Нашёлся идиот:

– Тесты – ерунда. И она мне не дочь.

– Да, кровного родства нет. Ты не устаешь об этом твердить. Но загвоздка в том, что кем бы мы ни были по сочетанию генов, мы ещё умеем учиться. Маргарита провела рядом с тобой всё детство, всю ту пору, когда дети впитывают в себя шаблоны поведения, стереотипы реакций, варианты проявления эмоций. А она очень наблюдательна.

– И что?

– Разве ты не видишь, что она на тебя похожа? Она многому научилась у тебя. Ты создал её такой, какая она есть. Ведьмой.

– Дурацкие бредни.

– Зря ты отрицаешь очевидное.

Джек нетерпеливо перебивает пленника, торопясь выговорить накопленную за долгие годы злость:

– Маша ошиблась с этим выродком. Мальчики выросли никчемными, но хотя бы нормальными. А эта подзаборная гадина не могла не вырасти в такое же отродье, что произвело её на свет. Я предупреждал Машу, уговаривал, угрожал даже. Но ей хотелось девочку. Я не смог ей отказать. Но надо было утопить эту жалкую мерзавку, пока она была маленькой.

Внимательный чёрный взгляд обещает, что пленник выслушает всё, и Джека прорывает:

– Столько Машиных сил – и всё попусту. Выросла шлюха – невоспитанная, вульгарная, пошлая. Никакой скромности, ни одной попытки соблюсти приличия, сплошное выставление себя напоказ. Развратная потаскушка. Ни вкуса, ни чувства такта, ни хотя бы благодарности к матери. Червивая падаль с гнилого дерева…

Беспомощный пленник спокойно слушает длинные гневные тирады. Иногда он пытается кивнуть в знак согласия, и это провоцирует Джека на новые и новые разглагольствования о дурном происхождении приемной дочери и её распущенности.

Исчерпав ругательства и немного разрядив гневный запал, Джек останавливается. После паузы пленник мягко и доброжелательно замечает:

– Мой светлый друг разбогатеет. Я снова в проигрыше. Значит, ты хотел её. Ты выгнал её, потому что заметил, что она выросла в красивую женщину.

Джек приосанивается и горделиво отвергает мерзкое предположение:

– Я любил и люблю одну-единственную женщину в жизни. И я сохраню ей верность до гробовой доски. Никому не изгадить светлого воспоминания о моей дорогой Маше. Никаким проституткам не соблазнить меня грубым телесным развратом.

– Надеюсь, твоей дорогой Маше икнулось на том свете.

Писатель ударяет распростёртого на полу мужчину ногой в живот. Пленник стонет и торопливо извиняется:

– Прости, перешёл черту. Джордж так огрел меня по башке, что я плохо соображаю.

В сказанном чувствуется лёгкая небрежность. Но Джек не обращает на неё внимания, его радует спокойная констатация пленником собственной беспомощности. Это очень хорошо, когда жертва понимает, что она жертва. Джек не любит, когда его планы срываются из-за глупого и бесполезного сопротивления.

Пленник ловит взгляд Джека и продолжает беседу:

– Я атеист. И материалист. Но поскольку мне самому от рождения доступно многое из того, чему другие безрезультатно учатся годами, я на досуге разными экстраординарными способностями интересуюсь. Исключительно с точки зрения психологии и физио-

логии. Так вот у тебя, Джек, несомненно, есть дар убеждать и очаровывать людей. Ты экстраординарен в своем таланте.

Писатель довольно улыбается. Приятно знать, что другие заметили твою уникальность и готовы прямо заявить о ней.

– Конечно, я экстраординарен. Я с самого детства знал о своей исключительности. И с малолетства готовился к великой судьбе…

Джек припоминает один случай из детства, потом другой, третий. Внимательный слушатель изредка поддакивает ему и соглашается со всеми выводами Джека о мелочности и глупости остального человечества. Когда темы детских обид и непонимания в школьном коллективе исчерпываются, пленник переводит разговор на обсуждение Джорджа:

– Я восхищен результатами твоей работы с Джоржем – добиться столь фанатичной и рабской преданности непросто. А ты ещё совсем ребенком имел дело со сводным братом, старше и сильнее, да ещё и играл на его поле. Твои успехи впечатляют.

– Джордж – глупый и тупой. Весь в своего идиота-папашу. Даже внешне похож. И, поверь, мне ничего не стоило внушить ему, что он мне по жизни всё должен. Чувство вины – мощная кнопка. А он был виноват, потому что переспал с моей матерью. А ещё он был виноват перед отцом, потому что переспал с его женой. И даже перед перед собственной матерью он был виноват, потому что предал её любовь, связавшись с той, кто разрушила их семью.

– Как ты узнал об этом?

– Застукал их вместе. Случайно оказался там, где меня не должно было быть.

– Ясно. И ты сделал из брата козла отпущения.

– Да.

Джек доверительно рассказывает пленнику о проделках с вынужденным родственником. Как Джорджа наказывали за хулиганство брата, как били за чужие выходки, как…

Беседа с чёрным псом Джеку нравится. Как приятно иметь дело с таким разумным человеком. С понимающим человеком. Ведь даже по вопросам понятно, что пленник сочувствует ему, разделяет его собственное негодование и видит корни проблем.

– Скажи, а как твоя жена относилась к Джорджу? Рядом с тобой он выглядит низкопробной и грязной скотиной. Наверняка он вызывал у неё отвращение. Как она его терпела?

– Нет, она не терпела. Сначала ещё пыталась притворяться. Ради меня. Но потом избегать его стала.

– Джордж ухаживал за ней. Ты ведь знаешь о его одержимости светлыми волшебницами?

– Для Маши это было мерзко, отвратительно. Ухаживания раздражали её. Но она никогда не опускалась до грубости. Она спокойно отвергала все его притязания.

– Я прочитал много книг по истории. Эффектные женщины редко довольствуются одним сексуальным партнером. Они получают столько предложений, что рано или поздно принимают одно из них. А многим по определению время от времени необходимо разнообразие на сексуальной кухне.

– Чушь. Любой женщине нужен один-единственный любимый. И никакого разнообразия им не требуется. Да и о каком разнообразии может идти речь?

– Ну, приедается одна и та же рожа, тянет поцеловать какую-нибудь другую и сравнить впечатления. Ты не замечал, Маша никогда не проявляла интереса к другим мужчинам?

– Она никогда! Слышишь? Никогда! Даже не смотрела на других мужчин! Она любила меня! Только меня! И она даже не могла дотронуться до других мужчин. Когда её даже случайно задевали, её это всегда шокировало!

– Откуда же столько разговоров о её приключениях?

– Мерзкие люди не могли простить ей чистоты и невинности и поэтому наговаривали на неё.

Легкое сомнение, облачком пронёсшееся по лицу пленника, вызывает раздражение Джека, и он бросается доказывать клеветническую породу человечества. На примерах из жизни его верной жены Маши, которую столько раз пытались оболгать и замазать в грязи никчемные ничтожества, не достойные даже лизать след от её обуви…

Джек говорит. Вспоминает, перескакивает с одной истории на другую. Делится тем, что никогда никому не рассказывал. Выкладывает подробности убийств, описывает собственные эмоции.

Пленник с интересом и пониманием слушает излияния Джека. А потом вдруг закрывает глаза. На две-три секунды. Веки несколько раз вздрагивают и открывается. Взгляд чёрных глаз остаётся спокойным, но Джек вдруг понимает, что пленнику потребовалось

слишком много сил, чтобы выполнить одно простое движение. Запекшаяся на чёрных волосах кровь напоминает, что нужно сделать. Магия пленника разрушается…

Жёлтый круг от тусклой лампочки давно потерялся в мягких лучах дневного света, падающих в зал сквозь провалы окон. Где-то за окном поблескивает одинокий солнечный луч, случайно прорвавшийся сквозь тёмную облачную массу.

Время! Поганый пёс держит его на крючке разговоров и тянет время! Специально заводит разговоры обо всём подряд. И Джек ведётся на эту игру – разливается соловьем, балаболит, будто лекцию читает. Будто других дел нет.

Циферблат старых, ещё советских часов бесстрастно демонстрирует Джеку, что намеченное «на рассвете» вот-вот превратится в «после обеда».

– Мразь! Дебил!

Чёрный взгляд отвечает грустным удовлетворением.

Пока Джек ругается, пленник медленно и ровно дышит, стараясь не обращать внимания на боль.

Жаль, что не удалось продержаться дольше, но, может, этого хватит ребятам, чтобы найти логово монстров? И хорошо бы, чтобы кого-нибудь осенило: монстров – двое. Давайте, мужики, действуйте.

Девчонки, а вы держитесь. А ты, Маргарита, ещё и думай. Ты можешь заморочить им головы не хуже меня. Включи свое колдовство и разберись с ними. Выкини цивилизацию из головы. Будь ведьмой.

Джек поднимается до середины лестницы и громко кричит:

– Джордж! Где тебя носит? Ты мне нужен!

Через несколько долгих минут на площадке второго этажа показывается массивная фигура Френда. А за Френдом идёт ведьма в элегантном жёлтом платье, куда более уместном на приёме иностранного посла. Ведьма осторожно наступает босыми ногами на холодный пол, её руки заведены за спину, и, по всей видимости, связаны.

Жива. И более-менее в порядке.

Измученный чёрный взгляд встречает острый ледяной – взгляд инфернальной сущности, жаждущей испить крови и идущей на за-

пах этой крови. Что-то первобытное внутри кричит от ужаса, мелко дрожит и требует немедленно сделать ноги.

Какая там цивилизация… Это возврат туда, где одна клетка обнаружила, что можно подзакусить соседкой. И оказалось, что это весьма приятно.

Эх, Маргарита. Ты что, загрызть папашу собралась?

Папашу не жалко, но что, если кровь придётся тебе по вкусу? Ты представляешь, какая будет с тобой морока? Выгуливать тебя по ночам, прятать от солнечных лучей, обкрадывать станции переливания крови и ни в коем случае не держать поблизости осиновых деревяшек. Хлопот не оберёшься…

Спустившийся к пленнику Джордж отлично знает, как и что делать. Натренировался за свою долгую жизнь. Заранее приготовленный железный прут коротко свистит в воздухе. Звук, с которым металл врезался в живую плоть, хруст ломающейся кости и короткий стон пленника звучат в голове убийцы волшебной музыкой. Не удержавшись, Джордж наносит по беспомощной жертве ещё и несколько ударов ногами. Пленник не издаёт ни звука, но Джек не сразу понимает, что чёрный пёс потерял сознание.

Коротко поблагодарив брата и сделав несколько дыхательных упражнений, эксперт по индивидуальной настройке космических струн успокаивается. Ничего. Не так уж важно, часом раньше, парой часов позже. Надо ненадолго переключиться, подумать над книгой. А Джордж пока всё приготовит.

86. Переступить черту

Глазок в фанере возвещает мне о занимающемся рассвете. Я, правда, не сразу понимаю, что означает порозовевшая овальная дырочка.

Неподалеку разговаривают мужчины.

Отец говорит много и громко. О Маше, о Джордже, о своём детстве. Многословные монологи льются нескончаемой чередой слов. Собеседник отца вставляет в разговор короткие фразы и вопросы, но слишком тихо. Я не могу узнать его по голосу. Но вряд ли Френд.

Отец излагает свои бесценные мысли так, словно выступает перед большой аудиторией. Он не пленник, и он знает о моём похищении.

Монстров двое, и это всё усложняет. Я могла бы тянуть время с дорогим дядюшкой. Но как сражаться с отцом? Разговаривать со мной он не будет. Никаких вариантов «похода к свету» можно даже и не рассматривать. Тогда что?

Я слышу тихие шаги в коридоре и быстро укладываюсь на пол в нелепой беспомощной позе. В комнату втискивается благостный дядюшка, в его голосе плещется детский восторг:

– Машенька, ты знаешь, что мне сказал Джек? Что я достоин награды, и ты проведёшь меня в свет. Ты понимаешь? После всех этих лет, после стольких неудач, после всех разочарований мы сможем обрести истинный свет. Я уже всё приготовил, ещё немного, и мы пойдем в свет.

Мрак. То есть главный здесь не Джордж, а Джек? Он отлично знает, что я не Маша, поэтому и пообещал меня братцу в качестве награды. Но за что? За какие заслуги?

Френд присаживается и распутывает верёвки на моих руках. Я сажусь и прикидываю, смогу ли я нейтрализовать Френда чисто физически. Придётся ждать момента, сейчас он следит за каждым моим движением.

Нейтрализовать… Ты, Рита, лапы свои сначала реанимируй. Пальцы на правой руке синие, ссадины на запястьях нарывают.

– Я принес твоё платье, Машенька. Всё должно быть, как следует, правильно. Ты ведь помнишь это платье, да?

Конечно, помню. Я всё помню. Всю историю человеческой цивилизации. Все-все платья мира.

Чистая жёлтая материя колышется перед моим носом.

– Давай, помогу. Чтобы тебе не мучиться с молнией.

Отказаться невозможно, Френд настроен слишком решительно. И мои руки выламывает болью, которую едва можно вынести. Я терпеливо переживаю и раздевание, и одевание. Помогает мысленное упражнение по тренировке памяти – я вспоминаю всю ненормативную лексику из запаса Кузьки Кронштейна.

Заботливый Френд показывает мне, что получилось, в овальном зеркальце. Трындец здравому смыслу, но платье мне идёт. Оно мне

даже нравится. Единственный минус – мама, оказывается, была на пару размеров потолще.

Раздражённый голос отца продолжает что-то бубнить. Кроме меня, Френда, Анютки и отца в доме есть кто-то ещё. Третий монстр?

Ладно, один, допустим, двое. Но всемирный конгресс маньяков? Или это слёт убийц по обмену опытом? Я не подписывалась на конференцию «Современное убийство – здоровое и экологичное». За что мне такие «милости» от провидения?

Беда ещё и в том, что старлетка, вышедшая на замену приме в пьесе про психопатов, не знает слов. На каком языке мама общалась с Джорджем? На высоком литературном? На грязном арго? Как она его называла? Ломала язык обо все эти жёсткие двойные «д-ж»?

– Джошик, скажи, а с кем это Джек разговаривает?

– Ну как с кем, Машенька? Это же твой последний бугай. Крепкий, чёрт. И с норовом мужик, сразу видно. Джек очень доволен. Раньше ты предпочитала хлюпиков, и всё было неинтересно. А этот ему нравится. Вон сколько времени он с ним толкует. Но ты не волнуйся, мы всё равно с ним быстро разберемся.

Мой бугай? Кирилл?.. Они добрались до журналиста…

Я вам покажу бугая! Я вас в капусту покрошу!

– Мы наведем порядок в твоей жизни. Эти два менты очень тебе надоели, да? Докучливые такие, никак не понимают, что ты ими не интересуешься.

Два мента?! Надо полагать, это Бирман и… Лорд? Подразумевается, что я с обоими успела? Оля-ля! Нет, я, конечно, симпатичная и глазом моргну – многих мужиков заинтересовать сумею. Но это в обычной жизни. А сейчас у меня зелёнка через полголовы просвечивает…

Два мента… не подведите меня, мальчики. Думайте, работайте, ищите. Пусть вам повезёт.

Эй, бабки-дедки покойные! А ну-ка не спать! Где вы там, в райских кущах или на адских сковородках? Вылезли из своих иных миров и все помогаем. Вашу кашу разгребаю, так что можете и пособить внучке. Может, по крови и не родной, зато по духу – точно вашей.

Френда зацикливает на ласковом повторении:

– Машенька… Ты такая светлая… Волшебница моя…

Меня осеняет. Глубоко вздохнув и убедившись, что руки по-прежнему плохо слушаются, я пускаю пробный шар:

– Джошик, ты так много сделал для Джека, он мог бы разрешить тебе больше свободы. Почему он должен решать, чего ты достоин? Ты всегда был достоин самого лучшего.

Стоп, ведьма, не торопись, не пугай его. Осторожней.

– Ты всегда был умным, добрым, милым. Ты всегда заботился обо мне. Ты всегда был достоин света. Но ты слишком редко получал награду.

Серые глаза Френда вспыхивают старой, затаённой, глубоко спрятанной обидой:

– Ты сама говорила, что без его разрешения нельзя. Но теперь он разрешил мне. Он всё понял, понимаешь?

Аллес капут. Какая несчастливая звезда прибила меня, сиротинушку, к этому дурдому?

Торопиться нельзя, надо уговаривать:

– Он понял, что ты дорос до того уровня света, когда уже не нужны разрешения. Он ничего не может с этим сделать. И он боится, что весь свет достанется тебе одному. Ты пережил так много несчастий, ты долго был одинок. Твои страдания привели тебя к свету. Ты боролся, ты был мужественным и верным. А что делал он? Ничего. За что награждать его?

Есть контакт. Попала. Теперь говори. Говори, заговаривай.

Эй, кто там, на небесах есть вменяемый? Можно мне глоток воды? Нет? Тогда хоть немного времени дайте.

Вокруг становится темно и тихо. Я концентрируюсь на внушении безумному дядюшке того, что нужно мне.

– Он никогда не понимал меня, как ты…

– Он не ценит, как много ты для него делаешь…

– Он отнял меня у тебя… Он стоит у тебя на пути…

– Ты обещал, что спасёшь меня… Ты клялся, что мы убежим…

– Теперь пришло время… Ты должен освободиться от его власти… Мы должны избавиться от его контроля…

– Ты не сможешь, но я смогу… Мы избавимся от него…

– Ты можешь помочь мне… Ты должен помочь мне…

– Я сделаю всё сама… Я уничтожу его власть…

– Ты совсем немного поможешь мне…

– И мы пойдём вместе к свету…

Свет пробивается сквозь щели в фанере, в комнате почти светло. Бубниловка отца смолкает, где-то что-то происходит.

Громкий крик отца, зовущий Джорджа, заставляет меня вздрогнуть. Горло и губы саднит от сухости, в уголке рта я чувствую трещинку. Попытка сглотнуть насухо оказывается резко болезненной. Но просьба дать мне попить остаётся безответной.

Френд снова обматывает мои руки верёвкой, и я выхожу вслед за ним на лестничную площадку.

Мать вашу…

На каменных плитах внизу лежит Серго…

Связанный, с разбитой головой…

Чёрт, мистер Власть, ты-то как вляпался? Вспомни, как ты ругал Лёвку, а сам? Самому мозгов не хватило на помощь позвать? Бирман знает? Пал Лексеич? Кто-то из твоих ребят?

Это ты заставлял говорить Джека? Всё время? А я зомбировала Джорджа. Отличная магия для двоих. Синхронный танец вслепую. Спасибо, партнёр.

Френд наносит зверский удар по ноге беспомощной жертвы. Но я спокойна. Да, рана страшная. Да, перелом. Плохой перелом. Да, кровь. Но я многое видела в этой жизни. Я могу представить себе, что сейчас чувствует Лорд, но это не заставит меня испугаться.

Я ведьма. С раннего детства, годами я впитывала семейную страсть к смерти и крови. Пришла пора попробовать свои силы.

Отец поднимается по лестнице, невозмутимо и молча проходит мимо меня, скрывается в одной из комнат. И я чирикаю дядюшке:

– Ты ведь не позволишь отнять у тебя торжество? Это ведь ты всё сделал и всё подготовил. Почему он должен пользоваться плодами твоих трудов? Он отнимет у тебя свет.

Френд поднимает железку, относит её в угол, аккуратно прислоняет к стене.

– Дай мне освободить тебя. Ты достоин свободы. И света. Позволь мне дать тебе такой свет, как никогда раньше. Я сделаю тебя счастливым.

Дядюшка поднимается по лестнице и подходит ко мне вплотную. А я его целую. Дотягиваюсь пересохшими губами и чмокаю его в обвисшую щеку. В рейтинге всех моих поцелуев этот сразу занимает последнее место. Или первое, если считать с самых мерзких.

– Я всё сделаю сама. И мы будем свободны. Совсем свободны от него. У нас будет столько света, сколько мы захотим. Ты сможешь быть как он. Сможешь быть лучше него. Ты всегда был лучше.

Френд исчезает – на минуту, не больше. Потом что-то больно впивается в одно из моих запястий. Верёвки соскальзывают. Руки дядюшки сжимают что-то холодное и скользкое в моих почти бесчувственных пальцах.

Получилось? А если я попробую напасть на Френда прямо сейчас, шансы есть?

Дядюшка, словно услышав эти мысли, выкручивает мои пальцы на другой руке:

– Пойдём, моя дорогая волшебница. Станем свободными.

Ладно, будем решать задачи по мере поступления. Начнём с того, кто менее псих, но более убийца.

Можно ли быть убийцей более или менее? Убиваешь один раз, значит, становишься убийцей. Это как с девственностью. Лишиться её можно лишь однажды. Даже если зашить потом нужное место, можно обмануть глупого мужчину, но не свой мозг.

Френд решительно подталкивает меня, и я вхожу первой в «кабинет» отца. Джек удобно полулежит в дряхлом кресле и держит на коленях толстую пачку листов. Ещё одна книга?

Я покрепче сжимаю рукоятку за спиной. Спокойно, Рита. У тебя есть шанс выиграть переход на следующий уровень. Только будь самой плохой девочкой на свете.

– Зачем ты её привёл?

– Я думал, ты хочешь поговорить с ней.

Я смотрю на дядюшку, а он с нежным выражением на лице любуется гордым профилем друга и брата. Прощается? Запоминает? Кто их разберёт, психов этих.

Джек складывает рукопись в аккуратную стопку, удовлетворенно откидывается на спинку кресла и негромко высказывается на мой счёт:

– Генетика – первопричина наших поступков и характеров. Мать, бросающая ребенка в мусор, по определению генетически дефектна. Таких надо сразу стерилизовать. И потомство их тоже. Как ни посмотри, а воспитание не способно изменить базовой генетической программы…

Бла-бла-бла. Трынди, папочка, сколько хочешь.

Я делаю несколько маленьких шагов вперёд – словно Френд подтолкнул меня сзади.

Я не уверена в себе. Смелые рассуждения, которые я излагала дядюшке, были всего лишь словами. Таким же бла-бла, как и длинные речи Джека. Смогу ли я сделать то, о чём так легко толковала? Как это делают? Вдруг я промахнусь? Вдруг окажусь недостаточно сильной? А если всё получится, я останусь один на один с жаждущим света безумцем. Что я буду делать тогда?

Ещё несколько шажочков, вроде бы по инерции. Между мной и отцом остаётся жалкая пара метров. Тихо, Рита, не торопись. Пусть Джек говорит. Он любит говорить.

– Джордж, как ты считаешь, может, следует дать Машеньке возможность побыть наедине с любимым? В последний раз?

Они так издевались и над мамой? Нет, конечно, нет. Мама ничего не знала. Она хорошая была, мама. И любила меня. Единственный человек, кто меня любил. Просто так, бескорыстно. Только потому, что я есть.

Я люблю тебя, мама. И я выплачу твои долги.

Топчась на месте, я всё-таки продвигаясь вперёд.

– Думаю, тебе, наша новая Маша, будет интересно посмотреть, как твои любовники расстанутся с жизнью. И я дам тебе попробовать их крови. У крови очень специфический вкус. Тебе понравится. Ты ведь тоже монстр.

Точно подмечено.

Джек сидит передо мной так спокойно, расслабленно, с таким покровительственным выражением лица, словно рассуждает не об убийстах, а о своих дурацких книгах.

Попробуем твоей крови, да?

Я делаю последний шаг. Переступаю невидимую черту.

И всаживаю нож в горло отца. Глубоко, сильно.

Да, смогла. Нет, рука не дрогнула.

87. Подари мне свет

Облако крови, в котором я оказываюсь, нисколько меня не пугает. Папаша издаёт неприятный хрип и обмякает в кресле. Окативший меня фонтан красной жижи быстро иссякает, образовав на полу липкую лужу. Острый резкий запах наполняет лёгкие, грозя вывернуть наизнанку не только пустой желудок, но и всю меня с ног до головы.

Аккуратно переступив на сухое место, я едва не падаю, поскользнувшись мокрой ногой на гладкой поверхности.

Френд смеётся. Радостно – и бесчеловечно.

Смейся, псих, смейся. Ты следующий.

Шагнув ко мне, Френд выворачивает нож из моей руки:

– Машенька, дорогая моя, ты всё-таки выбрала. Выбрала одного из нас. Ты выбрала меня…

Тэкс. А как мне потребовать корону?

О, нет… снова верёвка. И снова стянутые запястья. Хорошо хоть, теперь не за спиной.

Мамуля, напомни мне в моём светлом будущем, чтобы я не повторяла твоих глупых ошибок. Никаких треугольников. Никаких выборов. Никаких клятв мужчинам. Явись передо мной призраком и напомни.

Френд бесцеремонно хватает меня за руку повыше локтя (там и без того полно синяков) и тащит обратно к лестнице. Прокатит попытка высокомерно покапризничать?

– Джошик, ты мне многое обещал.

Нет, тут не до капризов. Не съехать бы башкой вниз по этой чёртовой лестнице. Пересчитывая щиколотками края каменного идиотизма, я вслед за дядюшкой оказываюсь на первом этаже.

Так, Рита, сосредоточься. Ты на новом уровне. Квест надо начинать сначала. Чего хочет Френд? Сходить к свету. А потом прикончить светлую волшебницу. Значит, нужно держать Френда на расстоянии, сколько хватит мозгов, а потом по максимуму растянуть процесс «дарения света». И если уж помирать, то медленно-медленно…

Может, напомнить про Анютку? Нет, нельзя. Это слишком очевидная кнопка. И ещё одна жертва. Мы отвлеклись, забылись, пусть всё так и остаётся.

Пока я лихорадочно размышляю, что делать дальше, Френд переходит к действиям и с размаху ударяет распростертую на полу жертву ногой в спину.

– Оставь его! Он нам больше не нужен.

Ответные слова дядюшки проясняют мне сценарий игры, где я делаю ставки вслепую:

– Ну как же не нужен, Машенька? Я всё сделаю, как надо. Я ещё лучше всё сделаю. Джек слишком торопился, а мы не будем спешить. И всё получится хорошо.

Бедная моя голова. Не осилить мне этой логики.

Весь этот цирк был из-за того, что Джорджу очень хотелось убивать, а Джек не разрешал – на правах сильного забирал всех жертв себе? Джорджу доставались только зачистки несчастных Маш? А хотелось тоже ножичком помахать?

– Я всё для тебя сделаю, Машенька.

Очнувшийся Серго из-под полуприкрытых век пытается оценить ситуацию. Он видит меня, но не видит Френда, который пинает его сзади. Я показываю поверженному демону два пальца, потом качаю головой и оставляю только один.

Вслух я протяжно и певуче пытаюсь отвлечь монстра:

– Джошик! Дорогой! Не будем спешить. Давай сделаем всё красиво. И я что-то проголодалась. Может, мы пообедаем?

Серго едва заметно улыбается. И как он может? На нём живого места нет.

– Машенька, ну что ты о мирском, о глупом. Надо довести дело до конца.

Френд обходит жертву по кругу:

– Я лучше Джека. Намного лучше.

Новый удар прямо по сломанной ноге демона заставляет меня вздрогнуть. Нет, Серго! Не сопротивляйся боли, потеряй сознание. Так проще.

Можно ли в этом безумном сценарии обойти один акт? Как мне отвлечь Френда от искалеченного Серго? Требуется поэма про волшебный свет? Почему бы нам не пойти к этому проклятому свету? Если свет – награда, давайте уже вручим её. Главное – убийство пропустим.

Как бы это поласковее сказать? Или приглашение должно быть в площадно-грубом стиле? Может, в восточно-приторном?

Вдох, выдох. А-а-а!

– Джошик, милый, ну зачем ты тратишь силы? Мы наконец-то вдовоём. Никто нам не помешает. Докажи мне, что ты мужчина.

Мимо. Никакой реакции. Что ещё можно придумать?

– Ты слышишь? Я хочу тебя. Давай будем вместе. Сейчас. Погрузимся в нашу страсть, как давно мечтали.

Серго издаёт протестующий стон и открывает глаза. Чёрный бархат полон ужаса, и я показываю ему рукой – лежи, дурак, не дёргайся. Ведьма тебя прикроет.

Других вариантов нет. Ну, по крайней мере, я их не вижу.

Стянутые веревками запястья и стеклянные глаза безумца не располагают к психологическим этюдам. Но я всё же нахожу нужные слова:

– Брось его! Идём в свет! Прямо сейчас! Я хочу подарить тебе свет. Мы этого так долго ждали! Ты вернулся ко мне! Мы освободились! Так зачем ты тратишь время на глупости? Подари мне свет!

Френд поворачивается ко мне, и в глубине его безумного взгляда зажигатся огонёк понимания. К моей иррациональной радости, он всё же не начинает поход к свету прямо перед демоном. Тащит меня по коридору в одну из комнат.

Я больно ударяюсь ногами, когда монстр толкает меня на жёсткую и узкую кровать. Терпи, ведьма, это только начало. Поёрзав, я устраиваюсь так, чтобы не потянуть спину, и поднимаю связанные запястья за голову. Френд сопит и возится с брюками, дрожа от нетерпения…

Где-то я читала, что милосердное сознание отключается, если не может вынести происходящего. Было бы славно провалиться в чёрное небытие, лишь бы не ощущать мерзких движений чужого тела. Но сознание фиксирует каждый грубый вдох, каждое невыносимое прикосновение.

Так и не нашедший дороги к самому себе, Павел Васильевич Одоевский приходит мне на помощь. Циник и распутник, тщетно всю жизнь искавший свою чистую и прекрасную женщину-мечту. Романтик, продававший любовь, но веривший, что его драгоценная половинка вот-вот встретится ему за следующим перекрестком времени. Я переношусь в лиловую спальню со множеством подушечек. В ушах раздаётся фальшиво-спокойный голос моего

наставника: «Расслабься. Не сопротивляйся. Береги ноги, не давай затекать рукам. Демонстрируй покорность, но не будь рабыней. Закрой глаза, отключи обоняние. Полностью сосредоточься на себе. Сумеешь убрать чувства – справишься. Представь, что это только игра. Что ты в ином месте и других обстоятельствах…»

Иное место? Роскошный загородный дом, мягкий ковер на полу, запах дерева… и сквозняк, пробирающийся по полу. Фу, не то. Зелёный шумящий лес, охапки душистых трав, лёгкий тёплый ветерок… и муравейник под пятой точкой. Нет, едем дальше. Дворец султана, нежные шёлковые покрывала, восточные сладости… и заунывные звуки зурны. Опять не попала... Нет, иное место мне не поможет. Надо думать об обстоятельствах.

Мама. Чего ждала эта уставшая женщина? Искалеченная, опустошенная, зависимая от чужой воли, ненавидящая мир, но так и не рискнувшая разрушить всё ради иной вероятности. Чего она хотела? Власти? Страсти? Смерти?..

Френд резко встряхивает меня:

– Иди со мной! Подари мне свет!

А? Так это настолько смешно? Притворяться я умею…

Нет, что-то не ладится.

Монстр влепляет мне тяжёлую оплеуху с яростным воплем, полным ужаса и надрывной боли:

– Ты не она! Ты не Маша!

Заметил, наконец. Я торжествующе хриплю:

– Я тьма. Я зло. Я твоя погибель.

Сползая с кровати, Френд едва не падает. Запутавшись в штанах, он отскакивает к двери и бормочет:

– Ты заблудилась. Ты испортилась. Надо всё исправить. Надо вернуть. Ты придёшь, и мы пойдём в свет. Как раньше …

Странно всё же слышать патетические слова о свете от трясущегося сумасшедшего.

– Я должен сделать. Должен позаботиться. Ты очистишься. Ты вернешься. Как прежде…

Нет, мерзавец. Ничего уже не будет как прежде.

88. Беги, Анютка!

Френд уходит. Я поворачиваюсь на бок, и меня рвёт какой-то слизью. Несколько минут я лежу и мысленно купалаюсь в ванне со льдом. Не помогает. Но в глубине сознания обнаруживается узкий тоннель, по которому быстро-быстро ползёт маленькая девочка. Беглянка кричит, взрывая воображаемым звуком мою черепную коробку: «Ритка, время уходит! Ты успеешь что-то сделать. Пока он ушёл, у тебя есть время».

Я осторожно слезаю с кровати, вспоминаю, где у меня ноги, и подхожу к письменному столу. Может, попадётся что-нибудь вроде ножниц или хотя бы карандаша? Серёжа советовал мне воткнуть что-нибудь острое монстру в глаз. Интересно, спорит ли он с Владом на обнаружение моего трупа? Ставки выросли.

Осмотрев пару комнат, я не нахожу ничего, что можно использовать как оружие. В помещении, которое планировалось как библиотека или бильярдная, на подставке у камина болтаются железные инструменты для выгребания золы, и один из аксессуаров напоминает маленькое копье. Оно оказывается тяжелее, чем я думала, но всё равно – вполне мне по силам.

Надо найти Анютку. Кричать громко я побаиваюсь, да и сомневаюсь, что Анюта ответит. В конце коридора я обнаруживаю запертую кладовку и с третьего удара сношу железкой хлипкий замочек. Внутри темно. Я угадываю, что в углу этой темноты едва дышит живой комочек. Схватив Анютку за руку, я вытаскиваю её в коридор. Девушка всхлипывает, но глаз не открывает.

– Анютка, это я, Рита. Сними с меня верёвку.

Разлепив глаза, Анютка тут же зажмуривается. Медленно привыкнув к свету, она дёргает верёвку на моих руках и беспомощно ковыряет пальчиком узлы. Меча под рукой нет, а время утекает.

– К чёрту. Брось. Идём со мной.

Мы проходим по длинной кишке нижнего коридора – ура! – один из боковых аппендиксов заканчивается дверью. Я выталкиваю Анютку на улицу и, прижав к стене, проговариваю номер телефона:

– Запомни. Восемь, девятьсот шестнадцать… повторяй за мной. Восемь, девятьсот шестнадцать… Повтори!

Анютка лепечет цифры, сбивается, запинается.

– Ещё раз! Соберись! Восемь, девятьсот шестнадцать…

Мантра-квантра, как вбить цифры в эту тупую башку?!

С пятой или шестой попытки Анютка справляется, и я меняю пластинку:

– Беги вот туда, за калитку и чуть левее, через лес. Найдёшь тропинку и беги до дороги. Там должна быть дорога. Останови любую машину. Проси телефон и звони Бирману. Поняла? Не ноль два, не скорая. Первым делом – Бирману. Скажи, я здесь. И Лорд здесь. Капитан знает, что делать.

Полные ужаса глаза Анютки озаряются проблеском мысли:

– Бежим вместе.

Бедная девочка, она боится и леса, и того, что может ждать её на дороге. Но выбора нет. Я успокаиваю:

– Нас вдвоём он догонит. У тебя одной есть шанс. Я его отвлеку, а ты беги. Беги, и тогда всё будет хорошо. Повтори ещё раз: восемь, девятьсот шестнадцать…

Решительно столкнув девушку со ступенек, я приказываю:

– Всё, пошла. Беги! Изо всех сил!

Анютка послушно бросается бежать. Хорошая девочка. Ещё и спортсменка. Бегать – это то, что она отлично умеет делать. Если я сама не выберусь, буду помирать с мыслью, что хотя бы её выручила…

Теперь Серго. Лежит, не двигается. И я не слышу его дыхания…

Серго чувствует моё присутствие и приоткрывает глаза. Я пытаюсь внушить ему надежду:

– Держись, осталось недолго. Помощь уже близко.

Бескровные губы делают усилие, но выговаривают один слог:

– Ты…

– Молчи. Рогальский мёртв, но Френд вернется. Я выпустила Анютку. Она позовёт на помощь. Продержись ещё немного.

Снять наручники я не могу. Распутать верёвку на ногах не получается. Мои нелепые попытки освободить Серго только причиняют ему лишнюю боль.

– Прости. Я попробую найти аптечку.

Серго снова пытается что-то сказать, но получается только сдавленный стон.

– Тише, тише. У тебя сломана нога. Твой шанс – лежать спокойно и не тратить силы. Всё будет хорошо.

– У…хо…ди.

В чёрном взгляде отражается спокойная обречённость, но я отрицательно качаю головой:

– Нет. Мы спасёмся вместе. Береги силы.

Я осторожно убираю волосы с его лба и повторяю:

– Держись. Тогда и у меня будет смысл держаться.

Приложив руку к холодной щеке, я забираю кусочек боли Серго. Самый невыносимый, самый острый кусочек, который грозит остановить сердце очередным уколом.

Заклинания не нужны. Всё случается само собой.

Серго порывисто вздыхает и повторяет:

– Уходи.

Я улыбаюсь и встаю. Я ведьма. Если уж мне суждено умереть сегодня, я это сделаю. Нет – значит, нет.

Я жду Френда в коридоре. Никаких иллюзий я не питаю – драку я проиграю. Но чем больше времени потратит на меня монстр, тем больше шансов у Анютки добраться до дороги.

Господи или кто там есть наверху, помогите бедной девочке добежать благополучно. Пошлите ей на дороге доброго человека. Дайте девочке шанс выжить. Если уж нужна жертва, я вам вполне подойду. Ещё и представление устрою. Вы же любите ритуальные битвы и реки крови. Обещаю, всё будет, по высшему разряду.

Драка с Френдом заканчивается для меня быстро и бесславно. Мой замах железкой пропадает даром, я лишь зацепляю руку монстра, чем привожу его в исступление. А вот его подсечка срабатывает на все сто: я неуклюже падаю.

Помнится, одной моей части тела хотелось приключений. Надеюсь, эта её тяга к экстриму удовлетворена. Непонятно, за что пострадали ребра – мощный удар ногой сокрушил парочку из них.

Дыши, Рита. Дыши мелко, не вдыхай глубоко. Когда ты выберешься из этой переделки, ты пойдёшь на курсы по боевому размахиванию ногами. И будешь тренироваться сутками, без всякого нытья и увиливания. Ясно?

Френда моё сопротивление веселит. Но ещё один удар со спины отбрасывает меня почти на метр. Тихо, Рита, затаись, пусть подой-

дёт, пусть окажется рядом. Выжидай. Прикрой глаза, но цельсь, как следует. Вот так.

Я со всей силы вонзаю каминный аксессуар в ногу монстра, с внутренней стороны бедра – так высоко, как могу дотянуться. Почти сразу я огребаю удар по несчастной ключице, но не отпускаю железку, продолжая загонять её в ногу врага.

Френд стряхивает меня с железки и выдёргивает её из ноги с тяжёлым кряхтением. Брючина начинает быстро пропитываться кровью – хоть что-то.

Монстр нацеливает окровавленную железку мне в глаз, но я не отклоняюсь. Тебе, Френд, пороху не хватит убить меня этой штукой.

В злобном глухом голосе нет ничего человеческого:

– Ты – зло. Ты – тьма. Ты сгубила свою душу. Я верну тебя в свет. Я спасу тебя от мрака. И мы снова будем вместе. Ты будешь любить только меня.

Вот же завихи у людей. Главное, чтоб любили только его.

Беги, Анютка! Беги, пока этот псих не вспомнил о тебе…

89-Б. Против правил

Что Паша скажет Нине? Как нанесёт смертельный удар любимой женщине? Наплевать, что сам не сможет пережить. Но она, отдавшая всю свою жизнь сыну, не может, не должна услышать, что с сыном случилась беда…

Пал Лексеич пытается вникнуть в доклад капитана, но не может ничего понять. Блестящий ум генерала парализован мыслями о воспитаннике, оказавшемся в ловушке психопата. Он знал, что, подталкивая Серго к выбору карьеры в силовой структуре, навязывает ему и риски, связанные с этой карьерой. Но он всегда подстраховывал мальчика, он был уверен, что никаких опасных инцидентов быть не может.

Случилось…

Капитан кажется спокойным. Собран, потому что предстоит адская работа? Или не волнуется за друга?

Серго торопился домой. Измотанный расследованием, загруженный мыслями о похищенных женщинах, раздражённый необходимостью отвлекаться на капризы матери, он пропустил прими-

тивную засаду. С двух сторон от дорожки к подъезду растут кусты, за ними в темноте легко спрятаться. Судя по поломанным веткам, на Серго напали сзади, после чего его вытащили к машине и увезли. Да, он был вооружён, но потерял сознание, применить оружие не успел. Нападение стало неожиданностью для всех. Мотивы психопата неясны – возможно, он надеется, что сможет торговаться с Особняком. Да, теперь у психопата есть огнестрельное оружие, команда будет это учитывать…

Как так вышло, что правильный Серго подружился с этим неудобным авантюристом? И почему Бирман, ставший центром расследования с самого начала, стоит здесь, а Серго оказался в заложниках?

Всё возможное уже сделано. Город под контролем, сотрудники не только особого отдела работают в режиме чрезвычайной ситуации. Взаимосвязи между жертвами, убийцами, свидетелями, сообщниками уже не кажутся сплошной головоломкой. Из мозаики фактов складывается почти полная картинка безумства…

Почти – равно ничего, пока нет последних, самых важных кусочков мозаики. А когда они будут – всё решится в ключевой момент, в отчаянное мгновение между «до» и «потом». Кому повезёт в смертельной игре вероятностей? Серго отряхнёт пыль с брюк и выйдет, улыбаясь, на солнечный свет? Нина ничего не узнает – и мир заживёт дальше, как будто ничего и не произошло. Или… мрачные люди измарают бумагу бесполезными объяснениями?

Капитан ждёт распоряжений генерала. Бесстрастный, отчаянный и везучий. К нему сошлись все ниточки. Он первым назвал и увидел убийцу. Его отправили под гнев генерала – и он пришёл, зная, что может потерять всё.

Поразмышляв, Пал Лексеич отдаёт приказ – капитан Сергей Бирман возглавляет операцию. Все отделы и службы Особняка работают на капитана. Все оперативники, следователи, эксперты подчиняются приказам капитана, как если бы это были команды самого генерала. Да, и спецподразделения…

Господи, что он скажет Нине?

Усевшись в кресло, Бирман поводит плечами. Ещё утром сидеть за столом Серго казалось ему нормальным. А сейчас он чувствует себя не на своём месте. Он прикрыл ребят Особняка и подставился

под вероятное наказание – ему-то нечего терять. А генерал в отчаянии спихнул на него вообще всё.

Это невозможно. Это против правил. Ещё вчера этого не могло быть. Но вчера осталось во вчера, а сегодня Бирману предстоит доказать, что генералы не ошибаются. В другом раскладе он был бы доволен собой – ему и не снился такой взлёт. Но в этой реальности неумолимые часы отсчитывают кусочки времени, каждый из которых может стоить жизни Ритке, Серго и Анютке.

Что делать-то?!

Начать с начала. Схема с фотографиями, стрелками, схемами и кружочками выглядит как план боевых действий. Среди моря данных должна быть подсказка. Ему повезёт.

Обсуждение не клеится. Всё пройдено сто раз. К чему повторяться? Каслинский грызёт карандаш, Мерзляков переводит блокнот на мелкие клочки бумаги, Иванов с безукоризненной точностью бросает дротики в круглую мишень дартса.

Появление Лёвки никого не радует. Психолог не может скрыть своего шока, и карие блюдца заражают команду безнадёжностью.

Но говорит Лёвка размеренно-профессионально:

– Вам не только Френда брать придётся.

Бирман делает приглашающей жест, и Лёвка объясняет:

– Исчезновение Евгения Рогальского – его собственная идея. Мы поторопились, записав его в покойники. Импульсивность, необузданность, склонность к погромам и разрушениям – это, несомненно, Джордж. Нападение на даче – Джордж. Спонтанное убийство, за которое его осудили – Джордж. Вероятно, и на Серго напал тоже он.

Тяжёлая пауза затягивается, Лёвка делает над собой усилие и продолжает:

– Но убийства любовников Марии Рогальской, а затем и близких друзей Маргариты – это другой сценарий. Аккуратность к деталям, неторопливость, чёткое планирование, избавление от тел – это почерк Джека. Рогальский использовал сводного брата для слежки и соучастия. Но главной злой силой являлся он сам.

Бирман ловит себя на желании произнести «аминь». Но Лёвка ещё не закончил:

– Рита нужна Джеку, чтобы быть приманкой и, возможно, наградой для Джорджа. Помните, она говорила, что во взгляде Френда сквозила одержимость? Есть множество свидетельств того, что Джордж был увлечен Машей. И мы знаем, что некий заказчик оплатил фотографии, на которых Риту сделали очень похожей на Машу. Кому это было нужно? Только самому Рогальскому. Он сфокусировал манию брата на приёмной дочери.

Толкование Лёвки проясняет тонкости формирования союза двух монстров, но не приближает к знанию того, где эти самые монстры засели в данный момент.

И Бирман не придумывает ничего нового:

– Самое главное сейчас – место. Надо прочесать все контакты Горловой и найти клиента, вручившего ей ключи от своего дома. Дом должен быть за городом, по одному из трёх шоссе, ближайших к месту захвата ведьмы. И место должно быть достаточно уединенным, чтобы не привлекать внимания. Трясите всех друзей, знакомых, родственников Горловой – кому-нибудь она проговорилась.

Команда отправляется продолжать поиски, Сергей нагоняет Лёвку в коридоре:

– Время? Сколько ещё у нас есть?

Лёвка качает головой, нервно стиснув руки:

– Нисколько. Джек и Джордж раздобыли всё для любимой игры. Один хочет убивать, другой – пойти к свету. Не исключено, что всё уже кончено. На рассвете.

– Нет. Не верю. Серго не даст так просто себя убить. Да и Ритка… она что-нибудь придумает. Они живы, Лёвка.

– Надеюсь. Очень надеюсь. Иначе и мне не жить.

Бирман отводит взгляд, но вполголоса обещает:

– Не болтай глупостей. Я найду их.

– Я не верю в небеса, но… да поможет тебе Бог.

Влад и Колька перелопачивают материалы по делу. На краю стола стоит тарелка с бутербродом – напоминание о царящей в Особняке суматохе. Влад пытался подкормить друга, но Сергей ушёл, забыв про тарелку.

Колька грустно замечает:

– Крепко Серёга в деле этом увяз. Не влип бы с ведьмой, отдыхали бы мы сейчас на дачке какой. На природе…

– Холод собачий для красоты на природе. А Серёга с этим делом и погоны поменяет, и работу покруче найдет. Ты много генералов в нашем ОВД видел? А так, чтобы они Серёгу по плечу хлопали? То-то и оно.

– Если все плохо обернётся, Серёга главным стрелочником будет. Для этого его генерал и выдвинул.

Влад качает головой:

– Глеб сказал, что для Лексеича Серго всё равно, что сын. Генерал не об ударах думает. Он за сына переживает.

Колька нетерпеливо перебивает его:

– Слушай, Влад, смотри, в записной книжке Рогальского отметочка есть. Рядом с данными на Дорика. Если память меня не подводит, это домашний телефон Горловой. Глянь, как интересно написано «помощь в выписке».

Денисов размышляет:

– Рогальский приватизировал квартиру на себя, но Рита тогда ещё несовершеннолетняя была, она может оспорить приватизацию. Он не выписывал её, но, видимо, искал способы избавиться от жилицы.

– Смотри ещё: продажа квартиры, агенство недвижимости, продажа срочная, решение квартирных проблем.

– Надо бы проверить, может, он успел квартиру на продажу выставить? Срубит денег, от дочки руками брата избавится и улетит за бугор, а там станет Джеком Кройсантом. Ещё и книжку настрочит о том, как он лично боролся с вселенской тьмой. Деньжат загребёт, по телеку выступит…

– Пойдем, добавим штрих к полотну. Если не успеем ничего другого, хоть с самолета этого урода снимем.

Влад нетерпеливо и веско возражает:

– Успеем, Колька. Должны успеть.

Приехавший в Особняк Александр Рогальский первым делом начинает качать права. По привычке. Обычно это работает.

К моменту, когда он добирается до Бирмана, ему успевают объяснить, что подобные приёмы здесь не пройдут. Он начинает разговор с почти спокойного наезда на сестру:

– Зачем Рита втянула Анюту в свои криминальные игры?

Бирман изучает красивое лицо Саши, но отказывается от порыва испортить его здесь и сейчас.

– Ваш отец похитил Анюту и заманил Риту в ловушку.

До Саши доходит смысл сказанного, и он переспрашивает:

– Отец?!

– Рассказывай всё, что знаешь, о продаже квартиры.

– Ничего не знаю.

– Вспоминай. Агриппину Горлову знаешь?

– Нет.

– Думай. Невысокая, некрасивая фанатичка, обожающая мистику и книги твоего отца. Риелторша. Представлялась Аэлитой.

– Не знаю.

– А имя Джек Кройсант тебе что-нибудь говорит?

– Отец иногда называл себя Джеком. Но он очень гордится своей фамилией, его уговаривали под псевдонимом писать, он отказался наотрез.

– Кройсант – это рогалик, на английский манер. Гордиться фамилией Джек не передумал. Он не говорил о загородных поездках к друзьям? Может, на экскурсии? На рыбалку?

– Нет. Он на даче любил с цветочками ковыряться.

– Ага. Там знатные цветочки росли…

– Этой осенью я у него большой букет жёлтых цветов в вазе напольной видел. Они как раз в сентябре цветут, шары такие махровые. Я ещё удивился, что у нас таких нет. Но он сказал, что это от поклонницы.

– А бирки с указанием точного места, где цветочки выросли, на букете почему-то не оказалось… Толку от тебя… нет.

Презрительные нотки в замечании сыщика заставляют Сашу огрызнуться:

– А почему от меня должен быть толк? Я всего лишь родственник, брат.

Бирман усмехается и парирует:

– Ты брат? А где ты был, когда папаша сестру из дома выкинул? Ты хоть раз поинтересовался, где она живёт, на что? Она даже школу не закончила, ребёнок совсем. Что ты мне здесь пальцы гнёшь? Ты бы понты раскидывал, когда она от пневмонии умирала. На лавочке в парке.

Саша опускает глаза, съёживается и пытается оправдаться:

– Я в армии был. Я ничего не знал.

Капитан улавливает в этом знакомые интонации. Иногда Рита точно так же смотрит в пол и мямлит «не знаю, извините». Значит, старшим мальчишкам тоже доставались выволочки от отца.

Сергей завершает бестолковый обмен словами:

– Сядь в холле, никому не мешай. Думай. Но не вздумай уйти. Запишу в сообщники к папашке.

Всё бесполезно? Концов не найти? Надо искать.

Как ты там, птичка? Не бойся быть злой. Защищайся.

90-Б. Мозаика

Капитан Бирман сидит перед командой лучших сыщиков города. Предполагается, что он этой командой ещё и руководит. Как его угораздило?

Доска на стене пополняется сведениями, контактами, стрелками и кружками.

Зоя Фёдорова подтверждает предположение Влада:

– Я связалась с Тарасом Кулебякой, директором агентства недвижимости. Прошедшим летом Джек консультировался с ним насчет продажи дачи и покупки какого-нибудь загородного домика поприличнее. Но подобранные варианты рассматривать не стал, две назначенные встречи пропустил. А недавно позвонил и предложил Кулебяке купить его квартиру.

Бирман кивает:

– В дальние края собрался. Давайте дальше.

Федя Иванов развеивает туман вокруг отравительницы:

– Дина Штайн заявила, что женщину по имени Агриппина Горлова она не знает. Но она узнала женщину на фотографии. На презентации последней книги Рогальского Аэлита объявила себя председательницей фан-клуба писателя. Штайн уверена, что Женечку агрессивность этой женщины напрягала. А Сэм подтвердил, что Горлова и есть Фаина.

– Согласуется со словами Риты о том, что Горлова сумасшедшая. На учете не состояла, если и обращалась к врачам, то в коммерческие клиники. Быстро не найдём, но можно попробовать. Проверь разрекламированные сети – а вдруг?

Гончаренко добавляет несколько мазков к портрету монстра:

– Гражданка Подвалова очень любит рассказывать о неземной любви Рогальского к умершей жене. И она выболтала нечто интересное. В конце лета Рогальский сказал ей, что устал от холостяцкого образа жизни. Однако в следующей беседе заявил, что она его неправильно поняла. В его планах что-то изменилось.

Сергей предполагает:

– Понял, что Горлова сумасшедшая, и решил её использовать, а потом избавиться от нее. Или испугался, что был слишком откровенен. Дальше.

Майор Каслинский меряет капитана скептическим взглядом. Сергей в гражданской одежде, но отчётливо ощущает на плечах погоны. Недоверие майора вполне объяснимо, но не скажется ли это на работе?

Дотошный профессионал, знающий, как из-за маленького гвоздя проигрываются войны, не собирается срывать дело из-за помрачения в генеральских умах:

– Семён Орехов подал мне одну идею. Рогальский – один из учредителей Темпорального фонда. Это говорильня для облегчения карманов богатых дураков. Членов фонда кормят лапшой о разработках машины времени и межгалактического корабля. Единственная заметная деятельность фонда – печать красивых буклетов. Остальные деньги учредители кладут себе в карманы. А чтобы благодетели не сомневались, раз в год их собирают в красивом зале, кормят-поят, вливают им в уши пафосные речи и убеждают, что вот-вот стартует миссия на Марс. Мероприятие называется Темпоральный бал. Рогальский притаскивал на этот бал многих знакомых. Последний бал был в сентябре. Надо проверить списки приглашенных.

Сергей уважительно просит:

– Отличная мысль, Глеб Львович. Займитесь, пожалуйста.

Все понимают, что каждая деталь приближает развязку. Но пока команда проигрывает.

Выйдя во внутренний двор Особняка, Бирман торопливо затягивается. Богини удачи разлюбили лихого гонщика? Древние идолы отвернулись от упрямого старателя? Прекрасные океаниды забыли отчаянного пирата?

Как ты, птичка? Мне повезёт. Я найду тебя. Не отчаивайся.

Зазвонивший телефон хочется выкинуть. В лужу возле лавки. Но Сергей привычно отвечает:

– Бирман.

– Здравствуйте, Сергей Сергеевич, это Семён Моисеевич Финкельштейн беспокоит. Вы просили меня связаться с вами, поскольку я являюсь адвокатом Маргариты Евгеньевны Рогальской.

– Рита попала в беду.

– Простите, что перебиваю, но я в курсе дела. Я уже узнал о неприятной ситуации, в которую попала моя клиентка, и счёл своим долгом навести кое-какие справки. Возможно, вам будет интересно узнать то, что удалось мне найти.

– Семён Моисеевич, умоляю, давайте быстрее.

– Вас интересует некая Агриппина Горлова. Запишите три фамилии: Горюнова, Крамольская, Брошкина. Это нотариусы, с которыми она работала. Если поднять сделки с недвижимостью за последнее время, можно определить круг клиентов госпожи Горловой. Понимаете?

– Спасибо огромное, я сейчас же этим займусь.

– Удачи, я буду ждать хороших новостей.

Горюнова Эмма Дормидонтовна сообщает, что не работала с Гриппочкой. Нахлебалась с одной-единственной сделкой, проведённой этой «бестолковой, тупой, непонятливой коровой».

Крамольская Радия Первомаевна приезжает в Особняк с пачкой бумаг и яростными заявлениями о собственной добропорядочности. Из бумаг следует, что за несколько лет Горлова участвовала лишь в десятке мелких сделок. Сама Горлова хвасталась нотариусу, что провела пару жирных сделок, которые не чета всякой ерунде. Но что это за сделки, Крамольская не знает.

Брошкина Нателла Сулеймановна оказывается в заграничной турпоездке. Её помощница теряется и предлагает офицерам приехать в офис и посмотреть всё необходимое в компьютере. Приезжает вежливый паренёк, который проводит в конторе не больше получаса и отказывается остаться на чай с тортиком.

Борису Юрову не до тортиков. Он открывает доступ ко всем компам конторы, и, пока он возвращается в Особняк, сканирование дисков показывает, что фамилия Горлова встречается в доверенно-

стях всего три раза. Доверенности были оформлены, но сделки не состоялись.

Бирман курит очередную сигарету и пялится на экран компьютера, бесполезно отсчитывая секунды. Восемьсот три... великая и ужасная Ирина, ты так хотела править миром… восемьсот четыре… да здравствуют Каролинги!.. восемьсот шесть… есть ли жизнь в созвездии Кита?.. восемьсот девять… интересно, а Софи Жермен была ведьмой?..[19]

И почему он, Серёжа Бирман, не родился магом? Взмахнул бы волшебной палочкой и остановил бы время.

…восемьсот двадцать два… и миллионы мартышек долбят по кнопкам…[20]

Озарение приходит внезапно. Уронив окурок, Бирман бросается в соседний кабинет:

– Есть! Нашёл! Горлова работала по сделке Драко Митрича. И некий Дмитрич был гостем на балу Темпорального фонда. Он так и записан, в одно слово, без имени и фамилии, без пояснений. И он внесен в список под предпоследним номером, вместе с двумя гостями Рогальского. Все эти митричи – один человек. Надо искать его самого и все, что у него за душой есть. В нотариальных документах речь о каком-то доме.

Драко Митрич живёт в Праге. Он подтверждает, что давно знаком с Евгением Рогальским и является страстным поклонником его творчества. Разумеется, он доверился рекомендации кумира, поэтому поручил Агриппине Горловой продажу своего загородного имения.

Горлова стала седьмым риелтором, взявшимся за эту непосильную задачу. К участку нет подъездной дороги, верхние этажи

[19] В 803 году скончалась византийская императрица Ирина, ослепившая сына в ходе борьбы за власть.
В 804 году родился Людовик II Немецкий, внук Карла Великого.
NGC 806-1 – спиральная галактика в созвездии Кит.
809 – одно из простых чисел Жермен. Софи Жермен – француженка, женщина-математик XVIII-XIX веков, внесшая вклад в механику, теорию чисел и дифференциальную геометрию.
[20] RFC-822 – формат почтового сообщения Internet

большого дома стоят без отделки, к дому не подведены ни газ, ни вода – но жадный Митрич хочет получить миллионов пять евро. А российские богачи почему-то не торопятся вложить свои денежки в недострой.

Митрич описывает Бирману своё недвижимое имущество и присылает карту с указанием расположения построек, а также пару фотографий дома из отчётов строителей.

Проехать к дому несложно. От шоссе свернуть по бетонке, протащиться ещё километров двадцать, найти поворот на деревню Хмырики, а за ней разглядеть где-то в лесу колею, ведущую к усадьбе. Колею проделали тяжёлые грузовики, но она уже заросла.

С фасада усадьбу украшает высокий забор – кирпич с зелёным металлопрофилем в проемах. Большие кованые ворота открываются вручную, без автоматики. Но с остальных трёх сторон подход к дому остаётся открытым и свободным.

Основной дом построен с размахом, в три этажа. Но отделан только фасад с парадной стороны, другие стены выглядят как криво уложенная кладка бетонных блоков, а с тыла окна второго и третьего этажа заколочены фанерой.

Месяц назад Агриппина отчиталась Митричу о том, что наняла новую охрану, а также обрадовала его известием о том, что заинтересовала усадьбой сразу двух финансовых воротил. И Митрич был очень доволен новой агентшей…

91. Пограничная зона

Почему я так легкомысленно относилась к связанным рукам? Все эти эксперименты с шёлковыми шарфиками – чушь полная. В кино красоткам достаточно лишь немного подёргаться, чтобы веревки свалились. Увы, моё сопротивление приводит к обратному эффекту: боль сильнее, узлы туже. Связанными руками сделать ничего нельзя.

Я шагаю по холодному лесу. Путь кажется бесконечным. Деревья выступают из-за деревьев, коричневый ковёр мокрых листьев выстилается во все стороны – одинаковым и бессмысленным узором.

Я не чувствую пальцев рук, но не готова пожертвовать ими совсем. Я поцарапала лоб острой веткой, и левый глаз заливает кровью. Будто мало мне крови…

Монстр ведёт меня, как зверька, на верёвке. Иногда я падаю, и монстр волочит меня по земле. Я цепляюсь за корни деревьев, торможу ногами, но этого недостаточно.

И всё же монстр хромает, рюкзак на его плече становится всё тяжёлее. Важно выиграть каждую минуту.

Анютка, милая, беги скорее. Беги изо всех сил. Феи деревьев помогут тебе. Лесные нимфы защитят от напастей. Ты должна добежать. Ты успеешь спасти Серго…

Деревья исчезают, монстр втаскивает меня на поляну, по которой разбросаны коробки, ящики, канистры и прочий хлам. Под ногами мешаются доски, щепки, обломки. Я стараюсь переступать помехи, но спотыкаюсь и продвигаюсь крайне медленно.

Френд сваливает меня на землю. Придавив меня коленом, он перерезает верёвку между запястьями. Но только для того, чтобы подтащить меня к столбу и снова связать мои руки так, чтобы кисти оказались сзади, за шершавой поверхностью вертикально вкопанного бревна.

Чтоб ты сдох! Чтоб тебя черти в ад утащили! Чтоб «водили в свет» всем коллективом!

Масштабный замысел не оригинален. Немного дровишек, чуть-чуть бензинчика, и готово дело – полное очищение ведьмы Риты. От жизни.

Ритуал придумал Джек? Это в его стиле. Но зачем ему вообще потребовался ритуал? Свалить всё на безумного брата?

Умирать не хочется. Вспоминать всю жизнь – тем более.

Сколько времени у меня есть? Неизвестно. Понятно, почему это время вообще есть. Всё следует сделать по правилам. Ведьма должна сгореть. Дотла. Красиво. А такое аутодафе требует подготовки. Подготовка уже проведена, но осталось несколько важных штрихов.

Френд достаёт из рюкзака груду свечей и расставляет их по сложному рисунку, в котором я не вижу смысла. Однако монстр внимателен к положению каждой парафиновой палочки – для него смысл есть. Часть свечей уже оплавлена, а многие свечи можно

назвать огарками. Эти огрызки не будут гореть несколько часов. Максимум несколько минут…

Из какого фильма плагиатчик Френд вытащил этот пейзаж? Осенний лес, красивая поляна, тихо мерцающие в траве огоньки – всё это я уже видела. Только жёлтых листьев не хватает.

Почему я уверена, что должны быть жёлтые листья?

Дежа вю какое-то…

Нет! Не воспоминание! Видение!!

Лес, поляна. Мужчина, перепрыгивающий через ящики и канистры. Пули, впивающиеся в его тело – безжалостные стальные осы. Скорбные шапки, скомканные в руках ребят в камуфляже…

Бирман! Он погибнет из-за уже мёртвой меня…

Нет! Стой! Нельзя!

Вокруг стоит абсолютная, немыслимая тишина. Где-то бушует море звуков, но сквозь невидимую стену, окружающую поляну, оно не пробирается, остаётся в другом мире, бесконечно далёком и недоступном. Город выпустил из-под своего притяжения этот клочок земли, но и сельским просторам он не нужен. Это пограничная зона – край между мирами. Место, где свет и тьма неразличимы.

Горький дым заполняет лёгкие. Я закашливаюсь и проваливаюсь в калейдоскоп мутных образов.

В пустой квартире, на старинной кровати умирает старушка – смешная бабушка в платочке и заношенной кофте, с завязанным на талии старым пояском от халата, в тапочках, натянутых на шерстяные носки. Прасковья Сергеевна прижимает к груди портрет мужа и тратит последние силы не то на молитву, не то на заговор…

В просторном замке, в уютной гостиной рыдает красивая женщина. Стиснув в руках маленькую рамку и отчаянно царапая ладонь железной скобкой на этой рамке, Алиса не замечает ни боли, ни капающих на ковёр капелек крови…

В тесном кабинете с жёлтыми стенами Влад с Колькой глушат дешёвую водку, избегая смотреть друг на друга…

В ином измерении Лёвка, прикрыв страдающие глаза, пилит вены тупым лезвием ржавого раскладного ножа…

В холодном вестибюле приёмного покоя, у окровавленного тела сидит на коленях врач, и по его щекам катятся слёзы…

Наслаивающиеся, мучительные, ускользающие иллюзии сносят последние тормоза в моей запутанной голове.

Никто не знает, откуда я пришла. Но я пришла – возможно, ради того, чтобы остановить кровожадную тварь. Я попытаюсь – и будь что будет. Пусть я не могу пошевелить руками, не могу подняться с колен – я ещё могу танцевать…

Посмотри на меня, Френд! Посмотри!

Я – ведьма. Мне подвластно всё – свет, тьма и вселенная между ними. Ты хочешь свет? Будет тебе свет. Я – Свет. Я самый рассветлый свет на всём белом свете, светлее не бывает.

Посмотри! У меня ослепительно белые одежды, на моих белых волосах сияет обруч, Белая Королева начинает белый танец.

Смотри на меня! Слушай меня!

– Георгий… Гоша… Это ты? Где ты? Подойди.

Монстр, копошашийся возле ящика неподалеку, роняет свечу и поворачивается ко мне.

– Гошенька, где же ты был… Я так долго ждала…

Давай, отродье, брось свою адскую кухню.

– Это же я, Машенька… Твой драгоценный свет…

Вместо ответа монстр издаёт хриплое рычание.

– Это я, ангел надежды. Я здесь. Я с тобой. Я пришла, чтобы сделать тебя счастливым…

Френд, тяжело хромая, подбирается поближе.

– Я Машенька, я пришла, чтобы принести свет в твою измученную душу… Я излечу твою боль…

В голове туман. Что ещё он писал в своих проклятых письмах?

– Я Машенька. Я так чиста, я так красива… Я наполню радостью твою жизнь. Я заберу твой страх…

Френд подходит ко мне, присаживается рядом. Нет, не старый безумец – энергичный молодой мужчина, верящий в свою исключительность и в свою счастливую звезду. Звезду по имени Маша.

Он любил её. Не знаю, может ли земное слово выразить то, что он чувствовал к одной-единственной женщине на свете. Буквально единственной – других не существовало. Рядом с ней и он сам становился исключительным, единственным мужчиной. Не могло

быть иначе в замкнутом мире для двоих – мире любви и полного наплевательства на всё, что вокруг.

Это так сказочно, так захватывает…

Несколько упоительных мгновений я наслаждаюсь чувством абсолютной власти. Невозможно отказаться от такой любви, такого восхищения, такого поклонения.

Но не я вдохновила эту любовь. И я отказываюсь.

– Зачем ты убил меня, Гошенька?

Сияющая сфера раскалывается трещиной боли.

– Ты оставил меня. Ты поджёг машину – и я умерла, задыхаясь в дыму. Ты бросил меня в этом чёрном мареве.

Свет? Нет. Я – тёмная королева зла, ужаса и мрака.

– Ты не достоин меня. Ты жалок. Ты предал мою любовь.

Нет никакого света. Нет надежды. Нет радости.

– Ты трус и лжец. Ты заставил меня страдать.

Лицо безумца искажается. Бойся, мерзавец, бойся.

– Ты проиграл. И ты останешься совсем один.

Слабый старик пытается уйти от моего взгляда, но я не отпускаю его, заставляю слушать и верить:

– Ты никому не нужен. Ты бездарен и бесполезен. Ты ничтожество. Никто тебя не любит. И никогда не полюбит. Ты никогда не будешь счастлив.

Френд поднимает руки к голове и кричит. Чужой страх затапливает меня, грозит сломить. Но я сплетаю из этого страха зеркало. Нет любви, есть только мираж сознания, рождающий дурманящую мечту о понимании и счастье.

– Зло разъело твою душу. Ненависть уничтожила твой мир. Тебя поглотила тьма.

Упав на колени, Фред протягивает руки ко мне, исступленно выкрикивая заветное имя: «Маша! Маша!»

Злая колдунья непреклонна:

– Я – Тьма. Вечная Тьма. Я пришла за тобой. Ты никогда не увидишь свет.

Извивающееся существо издаёт вопль агонии. Упав на бок, монстр несколько раз дёргается всем телом и затихает.

Всё? Конец? Я победила…

А где выход? Или я тоже останусь во тьме?

Ничего не вижу, не слышу, не понимаю.

Я Маша? Свет любви? Нет, я не Маша. Но кто я?

Меня пробирает холод, на лицо падает несколько обжигающих снежинок. Грубая ткань на спине впивается в кожу. Дышать тяжёло, где-то в груди что-то хлюпает, на губах вкус крови.

Помогите…

Из пятна света выплывает прекрасная женщина. Её ласковый голос подбадривает:

– Моя малышка. Такая красивая. Такая добрая. Я тебя спасу. Ты не умрешь здесь. Ты будешь танцевать.

Вихрь снежинок поднимает, подбрасывает меня, и мама кружит меня по аллее, засыпанной жёлтыми осенними листьями. «Рита! Риточка моя!» Короткий миг полёта – и уверенные руки подхватывают меня. Я зарываюсь в чёрные волосы, рассыпанные по плечам.

«Я люблю тебя!» – мурлыкает мне в ухо дорогой голос. Мягкие тёплые губы целуют меня – в крепкую щечку, в крохотный носик, в бровь и лобик. Я прижимаюсь покрепче к такому родному, такому близкому существу, но образ растворяется, оставив только последние слова: «Люблю тебя».

Мама! Мамочка!

Вот и повидались…

Боль от затёкших рук расползается по всему телу.

Здесь так темно и холодно.

Чёрт… Кажется, придётся сдохнуть…

92-Б. Осенний лес

Машина мчится по шоссе, сияя синими огнями, завывая сиренами и заставляя посторониться все остальные автомобили. Мерзляков летит по встречке, лишь изредка вклиниваясь в ползущий из города поток. Бирман беспрерывно говорит по телефону и рации.

Пал Лексеич предлагает развернуть внутренние войска, провести высадку десанта с воздуха и даже задействовать танки. На идеи генерала никто не обращает внимания – поднятая шумиха может спровоцировать Джека и Джорджа на расправу.

Действовать придётся осторожно. Опыта в переговорах у Сергея нет, но он уже решил, что пойдёт сам. Он лучше всех знает, кто такие Джек и Джордж. И вряд ли безумцы откажутся поменять глупую девчонку на капитана. А там видно будет.

Сергей снова и снова смотрит на карту, пытаясь понять, не упустил ли он чего-либо важного. Всё сходится. Должно сойтись. В обведённом кружочком квадратике его ждёт неизвестность.

Рита, Аня, Серго. Живы? Ранены? Или…

На телефоне высвечивается незнакомый номер.

– Бирман.

– Вы должны помочь. Я – Анютка. Она сказала, вы знаете, что делать. Вы должны ей помочь. Она там. И она ждёт вас. Понимаете, я – Анютка…

Истеричный голос торопится выложить всё сразу. Капитан пытается вскочить, дыхание перехватывает, но он расспрашивает:

– Аня, где ты?

– Я не знаю. Я остановила машину на дороге.

– Дай трубку водителю.

Рита жива. Серго ранен. Аня свободна.

Всё сошлось. Надежда есть. И капитану обязательно повезёт.

Бирман на ходу выскакивает из тормозящей машины и бросается к стоящему на обочине «вольво», возле которого обнимаются две женщины.

Анютка плачет навзрыд, и её сбивчивые слова ничего не проясняют.

Страшный монстр с кривой усмешкой. Жуткие голоса. Кровавые следы. Злая ведьма – с ног до головы в крови, в разорванном платье, с острой железкой в руках. Ведьма заставила Анютку бежать через чёрный лес, и девушка не посмела ослушаться, сделала всё, как ведьма приказала.

Из остановившихся автобусов выходят забронированные омоновцы и пробираются через лес к спрятанной в глубине усадьбе. Чарли высылает пару своих ребят на разведку, и после сигнала разведчиков дом занимают за считанные секунды.

Поднявшись по ступеням, Сергей замирает, увидев распростертого на полу Лорда, но склонившийся над жертвой омоновец резко кричит: «Живой! Дышит!» Вокруг разворачивается суета медиков.

На втором этаже находят мертвеца с перерезанным горлом. Труп полулежит в кресле, а вокруг разливается лужа вонючей крови.

Бирмана не интересует труп, он замечает цепочки кровавых следов, выходящих из лужи. Повинуясь окрику Сергея, омоновцы спешат разойтись и дать сыщику возможность проследить, куда направились мужские ботинки и босые женские ноги.

Следы выходят на улицу с одного из боковых выходов, но дальше крыльца не спускаются. Промчавшись по коридору первого этажа, Бирман обнаруживает выход через кухню.

– Чарли, бери ребят, и быстрее за мной, ведьма там, в лесу.

Не дожидаясь подкрепления, Бирман мчится к лесу по узенькой тропинке, петляющей среди травы и кустарника.

В лесу темно и сыро. Голая ветка хлещет Сергея по щеке, и в его голове возникает голос, наполненный отчаянием: «Запомни. Ты не успеешь. Тебе туда нельзя». Знала ли она, что речь пойдет о её собственной жизни? Сказала, что не знает. И посмотрела так печально, словно думала, что ничего уже не изменить.

Эх, Ритка, Ритка, лучше бы о себе думала.

Выскочив на открытое место, Бирман на мгновение тормозит.

Ведьма полусидит, полувисит на жертвенном столбе. Руки ведьмы заведены назад и стянуты в запястьях веревками, голова безвольно опущена. Вокруг вроде бы небрежно брошено несколько охапок хвороста. А ящики, коробки, канистры складываются в сложную спираль, по которой расходятся сотни догорающих огоньков. Мгновение – и всё вспыхнет.

– Серёга, стой! – Орёт Чарли сзади.

Но едкий запах бензина уже впрыснул в кровь ударную дозу адреналина. Сзади рассредоточиваются ребята в броне, за ними стягивается кольцо оцепления. Всё это будет бесполезно, если в покрытую радужными пятнами траву упадёт хоть одна искорка.

Сергей бросается к столбу. Перепрыгивая через наваленные в беспорядке ящики, бутылки, доски, он краем глаза видит, как падают свечи в дальнем секторе большого круга. И как опасно наклоняются тонкие фитили к разноцветным переливающимся лужам.

Споткнувшись о тёмный мешок сбоку от Риты, Сергей понимает, что это тело. Рядом в траве тускло блестит металл оружия. Некогда думать, что к чему. Подобрав пистолет, капитан засовывает его за пояс сзади и прыгает к ведьме.

Острый нож в пару движений перерезает верёвки – и Рита сползает в руки Сергея.

Холод бледной кожи стискивает сердце капитана отчаянием. Лицо с запавшими закрытыми глазами кажется безжизненным. Но под пальцами Сергея всё же ощущаются толчки.

Давай, птичка. Дыши. Продержись ещё чуть-чуть.

Сбоку взлетает первый язычок пламени. Поднявшись и прижав ведьму к себе, капитан оказывается в плену у расползающихся по сторонам огненных змеек. Не особо раздумывая, он мчится прямо по ним – к хищным зарослям голого леса, к людям, к машинам.

Пляшущие огненные сполохи стремительно сливаются, переплетаются. Стихия, обретая силу и мощь, вырастает в единого всепожирающего колосса. Взрываются канистры. Стена огня торопится за беглецами, догоняет ускользающую добычу…

Бирман останавливается в подлеске, за полосой земли, свободной от пожара. Несколько крепких рук осторожно забирают его ношу. Чарли набрасывает на капитана одеяло и одаряет парой тяжёлых хлопков по спине. Поддержав падающего сыщика, он восхищается:

– Ну ты даешь! Как сам?

– Жить буду.

Едва выговорив ответ, Сергей заходится надсадным кашлем. К нему спешит врач с медицинским контейнером.

Последний лист затянувшейся осени срывается с высокой ветки и начинает своё медленное кружение вниз.

VIII. Новые пути

93. Отдельная палата

Сорок часов. Неплохо поспала. Проснулась, правда, в паутине проводов и трубочек, посередине какой-то лаборатории, в окружении мониторов. Но просыпаться чёрти где в непонятках – это у меня привычка такая.

Сутки-другие, и ситуация проясняется. Это не лаборатория, а персональная палата в госпитале. Я пациентка с особым статусом – ко мне никого не допускают. Врачи вежливы, медсёстры милы, но на все мои вопросы они отделываются дежурно: «Не торопитесь, вы всё узнаете». Попытка покапризничать проваливается – мне вкалывают какой-то препарат, и я сплю ещё двенадцать часов.

Первые объяснения мне даёт светило экстремальной медицины выживания – Пётр Брусникин. Профессор считает, что я на удивление легко отделалась. Вывих плеча, перелом ключицы, переломы рёбер не угрожают моей жизни. Множественные гематомы и ссадины – тем более. И разодранные запястья заживут. Шрамы, конечно, останутся, но это уже не проблема экстремальной медицины

У меня складывается впечатление, что оптимизм Брусникина прячет под собой досаду – ну что это за жертва маньяка? Созвали три бригады реанимации, а привезли пациентку травматолога. Ни хирургам блеснуть, ни бригадам поработать.

Мне разрешают встать, и моими посетителями становятся четыре симпатичных молодых человека – десант от светила психиатрии катастроф Анатолия Цветкова. Ординаторы беседуют со мной на всевозможные отвлечённые темы, незаметно вворачивая вопросы о том, что же со мной произошло.

Я скармливаю им мелодраматический бред о взаимоотношениях родителей, отталкиваясь от сочинений Френда и прочей «магии притяжения родственных душ».

Сцена моей встречи с Френдом разрастается до размеров эпической поэмы с участием трёх прохожих, двух любопытных и восьмерых второстепенных персонажей.

И на конкретные детали у меня память хорошая. Вот, например, из побега на байке мне особенно запомнился кустик с жёлтыми

цветочками около лестницы. Не хотите прочитать описание цветочков? Я набросала, всего-то на три страницы.

Во время разговоров я искренне верю во все свои сказки, и даже если молодые люди прямо указывают мне на нестыковки, я легко делаю связку в нужном месте, убивая логику где-то рядом.

Беседы прерываются появлением самого Цветкова. Оказывается, он получал большое удовольствие от всех моих выдумок. И давно так не смеялся. А что до его учеников, то они получили полезный опыт общения с адекватной женщиной, активно прикидывающейся идиоткой.

Раз уж я не опасна для общества, меня переводят в отдельную палату, но в общем отделении. И мне разрешают встречи с обитателями внешнего мира. Но первым ко мне прибывает обитатель мира внутреннего. Оказывается, мы с Серго соседи, у него тоже своя палата, только на другом этаже.

Серго разъезжает по госпиталю в космической коляске со множеством рычагов и пультов. Пострадал он сильнее меня, но поправляется быстрее, если не считать ноги, с которой ещё предстоит повозиться.

В первый момент я пугаюсь его изможднного вида, но довольный чёрный взгляд подсказывает, что мистеру Власть пришлась по вкусу роль героя. Ему присвоили новое внеочередное звание, его навещают генералы, его отдел будет расширен. И теперь он стал сыщиком, побывавшим в серьёзной переделке, что добавило ему авторитета и стёрло предубеждение, будто он хорош только в кабинетных расследованиях.

Серго описывает мне, как всю ночь держал Джека на крючке. Но не может внятно объяснить, что происходило потом. Из его путаных рассказов я понимаю, что с пылающей поляны меня вынес Бирман. Как капитан там оказался и не пострадал ли сам, Серго не знает.

Зато я знаю, что моё видение исполнилось – не так и не с тем результатом. Моя попытка предупредить капитана была бесполезной – видение было обо мне и для меня. Я могла столкнуть мир в другую вероятность, и я это сделала.

Как-то после обеда в моей палате появляется Лёвка – с большим букетом жёлтых хризантем. Я отдаю цветы медсёстрам, и он объясняет это каскадом моих ассоциаций, завязанных на жёлтом цвете. Я не спорю.

Держа меня за кончики пальцев, торчащих из-под бинтов, Лёвка рассказывает мне обо всех событиях, произошедших с момента моего исчезновения из больницы. А затем выкладывает и прочие новости.

Обгоревшее тело с пожара опознали по зубам. Эксперты установили, что Френд потерял много крови и умер от геморрагического шока. То есть убила я его вовсе не внушением, а ударом, пробившим крупную артерию. И этот же удар выиграл мне время – безумец завозился с ритуалом, потому что в гипоксии уже не соображал, что делать.

По официальной версии роковой удар Френду нанёс Евгений Рогальский – в порядке самообороны. А убийство Евгения списали на Френда. У Лёвки остались сомнения на этот счет, и он мимоходом бросил пару скользких фраз, провоцируя меня исповедаться. А мне не в чем исповедываться. Я связанная лежала.

Агриппину задержали тем же вечером, как только она сошла с автобуса в Хмыриках. Сопротивлялась она яростно и отчаянно, но абсолютно бесполезно. Её поместили в психиатрическую клинику. С точки зрения Лёвки, дама болела давно, но встреча с роковым Женечкой придала этой болезни характер резко прогрессирующий и фатальный.

Анютка почти не пострадала физически, ей рекомендовали заниматься в группе психологической поддержки. Акела не отпускает её от себя ни на шаг, провоцируя скандалы даже в общественных туалетах. Ему поддержка тоже не помешает.

Что до Бирмана, то он наглотался дыма и отделался парочкой ожогов. Помаялся в Склифосовского, но уже носится по городу с новым делом.

Сергей вернул Лорду пистолет, украденный Френдом. История с потерей наградного оружия, которое Лорд из тщеславия носил с собой, осталась вне документов по делу.

Смертельные комочки металла надёжно спрятаны в магазин, магазин и пистолет уложены в бархатный футляр, на футляр натянут

тканевый чехол, и вся эта «матрёшка» заперта в сейфе, в квартире Лорда, под бдительным надзором Нины Андреевны. Вот и хорошо.

Капитан проникает в мою палату поздно вечером, в обход правил. Но в остальном кажется невыносимо обычным. Вместо цветов и подарков он вручает мне открытку с изображением дырявого ботинка, просящего каши. Ботинок что-то означает, а что – я не могу сообразить.

Мои скомканные слова благодарности Сергей не дослушивает. Он сделал то, что должен был сделать. И всё.

Битый час капитан загружает меня ежедневными подробностями чужих жизней.

Влад познакомился с длинноногой Русалкой из бассейна. Лелька сделала новую прическу. Дядька из деревни привёз Коле почти тонну картошки, и теперь все сыщики отдела обеспечены этим полезным овощем.

Степан Тролев преодолел барьер нерешительности и сделал Алисе предложение. Сложную связь между моими злоключениями и кольцом для Алисы я не понимаю. Ещё и Сергей называет её то сестрой, то тётушкой, чем окончательно меня запутывает.

Кирилл уволился из редакции и обивает пороги издательств, рекламируя свою будущую книгу – космическую оперу из жизни далёких галактик. Елена Афанасьевна собралась в паломничество по православным монастырям, а Виктор Николаевич получил престижную премию.

Очень, очень интересно.

Слушая Сергея, я киваю головой и поддакиваю ему, но как ещё поддержать разговор, не знаю. Тема монстра снята с повестки дня, что я могу сказать? Похвастаться новым катетером?

Я не могу угадать настроение капитана по искоркам в его стальном взгляде. Не могу предсказать его судьбу. Я ничего больше не могу.

Напоследок Бирман приберегает новость об аварии. Костя на новеньком «вольво» протаранил ворота собственного особняка. Жизнь пьянице спасла подушка безопасности, однако ноги оказались зажатыми в металлической ловушке, и теперь Косте придётся значительное время посвятить медицинским процедурам.

Я снова отделываюсь кивками. Мне не хочется думать о брате, которого нет. И не хочется вспоминать о детстве.

Исчерпав новости, Сергей быстро прощается и уходит.

Береги себя, капитан.

94. Длинные дни

Есть свет, есть тьма, а есть что-то другое. Состояние, в котором всё видишь и всё знаешь, но из которого не можешь выйти. Я расколола чужой свет, спаслась в своих потёмках, однако нисколько не понимаю, что произошло. Так или иначе я выберусь, верну обычное восприятие. Но я хочу понять, как это работает. А где научиться? Я прочитала несколько трактатов о ведьмах, но они написаны озабоченными монахами или завистливыми женщинами. И в сообществах магов не оказалось ни одного мага.

Есть консерватории, университеты, школы искусств – но нет института, куда может придти молодая женщина со странностями и честно сказать – кажется, я ведьма. Есть клиники для людей, слышащих голоса, но я ведь не об этом.

Молодая, неопытная ведьма ищет наставницу…

Ведьма без опыта и образования поступит на курсы магии…

Тьфу!

Серго выбирается из коляски. Хромает, падает, орёт от боли, но ходит. И зовёт меня поучаствовать в исследованиях необычных способностей. Много научных терминов, зомбирующие лозунги «ты будешь рада» и «ты этого хочешь», но материализм под красивую обёртку не спрячешь. Формула «электроды на башку и в лабиринт» отлично описывает все предполагаемые исследования.

Наверное, я должна чувствовать себя польщенной его доверием, но мне не хочется становиться лабораторной крысой. Сообразив, что я склоняюсь к отказу, Серго усиливает давление, и его ежедневные визиты становятся мне в тягость.

Мы обходим молчанием всё, что произошло. Я делаю одну неловкую попытку зайти в эту тему – мусолю несколько слов благодарности. Говорильня Серго спасла жизнь нам обоим, но он переводит разговор на что-то другое.

Я знаю – он тоже благодарен мне, он восхищается тем, что я справилась и выжила. Но из всех моих гостей только он не делает ни одной попытки подержаться за кончики моих пальцев.

Ну и что? Я ни о чём не жалею.

Я часто вижу Лёвку. Он проводит много времени с Серго, но всегда забегает и ко мне. Обсудив психоз Френда, мы переключаемся на другие истории. Лёвка рассказывает мне ситуации из жизни пациентов, я выкладываю ему байки из уличного прошлого. А чопорное сообщение Лёвки, что у него есть подружка, снимает проблемы «может ли мальчик дружить с девочкой». Может, пока девочка похожа на желе.

Лёвка уверен, что в некотором будущем я составлю ему конкуренцию на поприще профайлинга. Я не спорю, но где-то внутри уверена, что из этого ничего не выйдет.

Лёвка привозит мне книги и спасает меня от скуки. Жаль, что из-за этого ему приходится поцапаться с Брусникиным. Книгоманка Рита читает сразу два труда по маркетингу за одну ночь, после чего проваливается в глубокий сон днём, всполошив весь медперсонал.

Мне тревожат мысли о видении, в котором Лёвка падает в бездну отчаяния. Но теперь я знаю, что это расчёт моего мозга. Множество сигналов сложилось в образ опасности, и я увидела её в виде картинки. Однако не обязательно, что реальность её повторит. Неважно, какой нож окажется у него под рукой. Важно, что я знаю роковой сценарий. А значит, я могу его изменить.

Кости срослись, швы зажили. Полуседое существо с искусанными губами и запавшими глазами превратилось в полуседую женщину – худую, некрасивую, но всё-таки женщину.

Я готова к выписке, но Хан и Брусникин медлят.

Неисповедимы пути – быть может, мой путь был рассчитан так, чтобы подружить строгого Семафорова и жизнерадостного Брусникина? Оба врача вытаскивают пациентов со свиданий с душами предков, и у них есть, о чём поговорить. А я стала лишь фоном, одним из занятных случаев.

Хан приезжает вроде бы ко мне. Но врачи навещают меня вдвоём и часто задерживаются у моей койки на час, а то и больше.

Всё это время они спорят о медицинских случаях, не имеющих ко мне никакого отношения. Брусникин говорит об антивирусных препаратах, Хан – об иммуностимуляторах, Брусникин ратует за физиотерапию, Хан отстаивает щадящую хирургию. Спорят эскулапы активно, но спокойно, без переходов на личности – аргументы с обеих сторон, примеры из практики, ссылки на статьи. Просто выездной медицинский семинар.

Я ничего не понимаю, но мне нравится их слушать.

В один из визитов Хан скупо благодарит меня за «чудо». Клава-Барби, напуганная «гадиной внутри», ринулась исследовать свой организм и благополучно избавилась от доброкачественной опухоли. Вроде бы этот случай совершенно изменил её характер. Ох, сомневаюсь я.

Кирилл передаёт мне телефон, и я привыкаю созваниваться с ним каждый вечер. Журналист, выбравший стезю писателя-фантаста, поглощён иными вселенными, галактиками и межзвездными кораблями. Меня забавляют его сюжеты и персонажи, и я постепенно вовлекаюсь в творческий процесс.

На моё счастье, сыщики не издают журнал «Занимательные факты из биографии Риты Рогальской». Грязные подробности дела не дошли до Кирилла, и он воспринимает всё случившееся как некую болезнь, которой мы оба переболели. Он строит планы «после выздоровления», в которых много литературы, книг, рукописей, а также наших совместных поездок. Все эти планы кажутся мне красивой сказкой. Но я не уверена, что хочу вплестить в её сюжет.

Пережитый страх излечил меня от вспышек ревности. Кирилл упоминает о консультациях с Беллой, но я не испытываю каких-либо эмоций по этому поводу. Консультации – так консультации. Мне всё равно.

Слово «любовь» обрело для меня новые смыслы. Я прикоснулась к такой любви, которую не дай бог испытать никому. Хлебнув этой отравы, я боюсь оказаться в таком же капкане. Ещё недавно я и говорила, и думала, что люблю Кирилла. Но я лишь увлеклась интересным мужчиной. До любви этому ростку ещё ой как далеко. Посмотрим, куда река времени нас вынесет.

Планы, перспективы, приоритеты… Все уверены, что я мечтаю о чём-то значительном, масштабном – мне надо восстать из пепла, что-то делать, куда-то торопиться… А я не понимаю, как буду жить дальше.

Я не хочу отвечать на вопросы. Не хочу говорить, что у меня всё хорошо. Не хочу выслушивать чужие советы.

Я хочу вернуться к себе.

Опытная сиделка с медицинским образованием обеспечит уход за пожилым человеком. С проживанием.

Во-от! Другое дело.

95. Сияние за горизонтом

Шур-шур-шнырь-тук-тук. Вот только настроилась на здоровый сон – больничные домовые тут как тут. Темно уже, обормоты, печенье завтра своруете.

Нет, это не домовые. В палату проскальзывает Бирман с охапкой одежды в руках. Он прижимает палец к губам, предупреждая мои вопросы, и я послушно помалкиваю.

Бесцеремонно усадив меня на кровати, Сергей натягивает на мои ноги толстые шерстяные носки, а поверх них – ужасные кирзовые сапоги. На мою голову водружается драная кроличья шапка – «послевоенная гордость дедушки». Засунув меня в бесформенное пальто, капитан показывает мне большой палец вверх – композиция «За милостыней» ему явно нравится.

– Идём, поговорим. Попробуешь смыться – унесу обратно.

Напугал. Пусть носит, куда хочет, я нисколько не возражаю.

Подёргав меня за руки, Бирман выясняет, что правое запястье зажило хуже. Выглянув из палаты, он шипит «Тихо!». Выждав пару минут, он хватает меня за левую руку и вытаскивает в коридор. Короткая перебежка в торец здания, спуск по узкой пожарной лестнице, незапертая дверь служебного входа – и мы на свободе.

Точнее, конечно, в больничном сквере. Недалеко стоит несколько нелепых деревянных сооружений, и Сергей ведёт меня к одному из них. Я задыхаюсь от быстрой ходьбы, но он не останавливается, пока не вталкивает меня в шестиугольную беседку, заколоченную с трёх сторон фанерными листами. Сооружение выглядит хлипким, но от лёгкого ветерка немного защищает.

– Я тебя вытащил воздухом подышать. А то совсем заплесневеешь. Смотри, какая зима! Снег идёт!

Между чёрных стволов деревьев порхают крупные белые снежинки. Вестницы зимы тают на тёплом асфальте, но ложатся тонкой основой будущих сугробов на крыши беседок и мёрзлую землю. Неужели, правда, зима? Неужели эта бесконечная осень кончилась?

– Видишь, там, между деревьями, сияние за горизонтом? Это Москва. Если сможешь, выбирайся вечерами полюбоваться.

От внезапного переизбытка кислорода мозг просыпается и генерирует догадку:

– Ты тут был? Ты лежал в этой больнице?

– Не я. Влад. Его как-то подстрелили, а я ему котлеты таскал.

Я округляю глаза, и Бирман улыбается:

– Ерунда, всё позади.

Прозрачный чистый воздух рождает особое спокойствие, а вместе с ним и острое чувство близости другого человека. Сергей балансирует на средней балке пола, вокруг которой чернеют дыры от прогнивших досок, а у меня вдруг сжимается сердце.

– Знаешь, я словно вышла из кинотеатра после страшного фильма. Не знаю, что делать дальше. И ничего не чувствую.

Бирман перескакивает через провал пола и спрыгивает на землю. Обойдя один из столбиков, поддерживающих хлипкую крышу, он подталкивает меня, и я автоматически поднимаюсь на небольшую ступеньку у входа. Наши глаза оказываются почти на одном уровне, и он с улыбкой выдаёт:

– Только не говори, что забыла самое главное.

– Что главное?

– Ты обещала мне желание.

Рехнулся? Мы стоим на краю мира. Сзади – прогнившие стены, впереди – лес неизвестности. Не время для желаний.

– Я помню. У тебя есть желание?

Сергей притягивает меня к себе и тихо отвечает:

– Поцелуй меня, птичка.

Что-что? Я не ослышалась?

Утонув в сером взгляде, я барахтаюсь, ищу подсказку, что это шутка, что ничего такого в виду не имелось. Но Серёжа серьёзен и терпеливо ждёт, пока я соображу, что это никакое не кино.

Кривая ухмылка монстра возникает в моём воображении. Я пытаюсь отступить назад, но натыкаюсь на край следующей ступеньки, и капитан удерживает меня:

– Не бойся, птичка, не убегай. Всё плохое позади.

Отчаяние захлёстывает нейроны, и я горько выпаливаю:

– Я… я отдалась Френду.

– Я знаю. Тебе пришлось. Ты очень сильная. И очень красивая. Поцелуй меня.

Злые ведьмы не бывают красивыми. Мои руки – по локоть в крови. А шрамы на запястьях – клеймо чудовища.

Уставившись в сторону, я признаюсь:

– Я убила отца.

– Я знаю. Выбора не было. Не думай об этом. Поцелуй меня.

Ясный серый взгляд ждёт. И я решаюсь. Несмело коснувшись краешком губ тёплой щеки, я замираю, вдруг почувствовав себя в безопасности. Страха нет. Сомнений нет. Всё хорошо, пока кто-то особенный для тебя живёт в этом безумном мире…

Не знаю, сколько проходит времени. Когда я отстраняюсь, острое чувство потери становится последней каплей в море моих невыплаканных слёз.

И я пла́чу, уткнувшись в крепкое плечо Серёжи.

Он гладит меня по голове и утешает:

– Вот и умница. Поплачешь – и всё пройдет. Плачь, птичка, теперь плачь. Ты победила, ты выжила. А боль время излечит. Дышать будет всё легче, всё спокойнее. Ты молодец, Ритка. Ты сильная, ты умная, ты со всем справишься.

От ласковых слов становится горше, больнее, и по мокрым щекам стекают новые слёзы – смывая пережитый ужас и возвращая меня в нормальный мир.

– Всё у тебя будет хорошо, слышишь? Всё образуется, наладится. Ты весёлая, у тебя всё получится. Всё плохое позади, птичка, всё страшное осталось в прошлом…

Я рыдаю. Хлюпаю носом и давлюсь слезами, тщетно пытаясь справиться с собой. А спокойный голос рассказывает мне о хорошем.

– Ты особенная, Ритка. Вот увидишь, скоро всё изменится, ты забудешь боль и слёзы. Ты будешь счастливой, веришь? Очень

счастливой. Тот, кто спускался так глубоко во тьму, знает, чего стоит свет…

Слёзное извержение постепенно сходит на нет. Размазав остатки соплей по мокрому плечу капитана, я поднимаю голову, боясь встретиться с Сергеем взглядом. Легко приподняв меня за талию, он переставляет меня на землю, словно шахматную фигурку. Так он снова на голову выше.

В голосе капитана проскакивает ехидство:

– Психотерапевты бестолковые, не меньше тонны бумаги глупостями измарали, а поплакать девочке не дали.

Я улыбаюсь, представив себе кабинет Бирмана, заваленный исписанными листами и затопленный слёзным наводнением.

Я улыбаюсь? Точно? Я же разучилась? Или не совсем?

– Тебе надо чаще улыбаться, Ритка. Мир будет лучше.

Весёлые смешинки в серых глазах заставляют меня улыбнуться ещё шире:

– Тебе тоже. С улыбкой ты на десять лет моложе.

Сергей смеётся:

– С возвращением, ведьмочка. У меня через месяц круглая дата будет. Тридцатник.

– Дряхлый старик. Ты, наверное, динозавров помнишь?

– А как же, весьма уныло было. Ти-рексы туда-сюда бегают, всех подряд жрут.

– И много ты рексов завалил?

– Мульён. И ещё одного дракона с гребнем вдоль спины. Он приметный был, весь район терроризировал. Я его приемом дзюдо свалил, за что был воспет в старинной саге «Великий воин Серёга Бирман побеждает Змея Горыныча».

– Богатырь земли русской. Ты знаешь дзюдо?

– И не только. Мне редко достаются маленькие побитые ведьмы в качестве подозреваемых. В основном, приходится иметь дело с малоприятными личностями. Иногда и руками-ногами отбиваться.

– Лорд сказал, ему новое звание присвоили. А тебе?

– Мне не положено. Но мне новую работу предложили. Крутую, я и подумать о таком деле не мог.

Прежде, чем я успеваю подумать, сидящая внутри меня наивная Рита с детской непосредственностью выпаливает:

– Хочешь, я буду рядом?

Сергей, снова улыбнувшись, качает головой:

– Лети, птичка, на свободу. Как сил наберёшься – вставай на крыло и посмотри мир. А потом свей своё гнёздышко и поживи спокойно. Без улиц и забегов через парки, без трупов и сломанных костей, без полоумных мужчин вокруг.

Бирман отпускает меня. Отогретая птичка может расправить крылышки и улететь в высокое небо. Хочу ли я этого? Рада ли его мудрому «нет»? Не уверена…

Славненько. Пусть валит на свою крутую работу. У меня есть ключи от его квартиры, и я могу тайком навещать библиотеку. Буду уносить одну-две книги, читать, а потом обратно на полки ставить. Он ничего и не заметит.

Никто из нас не замечает приближения сердитого мистера Власть. Серго обнаружил, что меня нет в палате, и быстро сообразил, где искать беглянку.

За тяжело хромающим Серго семенит взволнованная медсестра, а следом вышагивает амбал-охранник. Процессия тормозит рядом с беседкой.

– Ты дурак! – сходу заявляет Серго капитану.

– Тоже мне новость, – ехидничает Бирман в ответ.

– Хочешь в могилу её свести? Посмотри, у неё коленки голые. И синие уже. Что, слабо было ещё и штаны спереть?

Повернувшись ко мне, Серго припечатывает:

– Бестолочь! Пальцем поманили, она и побежала по лесам козой скакать. По пневмонии соскучилась?

Осёкшись на полуслове, он вглядывается в моё покрасневшее лицо и с горечью бросает Бирману:

– Она плакала? Чего ты ей наговорил?

Я качаю головой и отнекиваюсь:

– На ветру глаза слезятся.

Капитан подмигивает мне:

– Запомним момент. Ты всё ещё должна мне желание. Эту попытку не засчитываем.

– Нет, это нечестно.

Серго сжимает кулаки, взмахивает ими перед собой и орёт:

– Охрана! Выведите этого придурка отсюда! И не впускайте! Никогда!

Бирман разводит руками, коротко кивает мне на прощание и послушно уходит за гориллоподобным охранником.

Я остаюсь слушать нотацию Серго:

– Маргарита, ну что за озорство? Если хотела подышать, зачем превращать это в проблему для всех? Тебе необходимо выздороветь и физически, и морально, но ты усложняешь себе жизнь…

Не успел из моей жизни выписаться один мастер наставлений, как на вакантное местечко норовит пристроиться другой.

96-Л. Стороны света

Улыбающийся Лёвка входит в палату, и Серго, стоящий в планке, неуклюже опускается на одно колено. Поморщившись, он опирается двумя руками на край койки и неловко, боком забирается на постель. Отдышавшись, он раздражённо спрашивает у приятеля:

– Тебе уже рассказали?

– А как же. Охранники, сестра на посту, сестричка в процедурной, Брусникин лично, ещё и заморыш, который зам Брусникина. Только сама Ритка промолчала.

– Она плакала, Лёвка. У неё были красные глаза. И такие… тоскливые что ли.

– Отличные новости.

– Договаривались же, не дёргать её. А он её до слёз довёл.

Лёвка пододвигает стул и удобно усаживается на него:

– И хорошо, что довёл. Я бы кусочек души продал, чтобы узнать, как именно он заставил Ритку выплакаться. Уверен, он специально потащил её в беседку – знал, что там камеры не достают.

Серго кисло морщится и тянется к бутылке с водой. Лёвка забирает бутылку, наливает воду в стакан и протягивает стакан другу. Серго недовольно, но делает несколько глотков. Психолог невозмутимо объясняет:

– Рита как замороженная ходила. Её ничто не интересовало, не радовало, не пугало. Она спряталась в свой внутренний мир – и бог знает что там творилось. Она могла застрять там на годы.

– Она сильнее, чем ты думаешь.

– Мы все вытаскивали её, как могли. Но она даже от моей помощи отказалась.

Серго смотрит на Лёвку с недоверием, хотя и понимает, что тот не стал бы врать. Лёвка подтверждает:

– Да, она поняла. И просто отдёрнула руку.

Поразмышляв, Серго задумчиво спрашивает:

– Думаешь, она осколок исчезнувших сил?

Лёвка саркастически отвечает:

– Ага. Пришельцы её сюда подбросили, чтобы мы с тобой уверовали в магию и профукали всё остальное.

Серго подтягивается, чтобы сесть повыше, но неудачное движение заставляет его откинуться на спину. Несколько минут тревожной тишины – и он открывает глаза, строит недовольную гримасу и показывает рукой, чтобы Лёвка продолжал.

– Общими усилиями лёд растаял, и Серёга сломал последнюю истончившуюся пластинку.

– А-а. Заморозил, чтобы растаяла? Абсурд какой-то.

– Она вернулась. Улыбается, смеётся, сплетничает.

Вторая попытка оказывается удачной – Серго приподнимается на руках, подтаскивает ногу и перемещается в положение полусидя. Довольный собой, он небрежно бросает:

– Давай начнем программу. Посмотрим, что она за ведьма.

– Нет. Все наши программы – ерунда.

– И это я-то увлечён? А как насчёт тебя? Ты не меньше меня вокруг Риты вьёшься.

– Не суди о других по себе. Я встретил человека, который может меня хоть немного понять. Если тебе нужен соперник – выбери Бирмана.

– Думаешь, он хочет перейти мне дорогу?

Лёвка хихикает:

– У него свои дороги.

– Тогда о чём ты?

– Я разговаривал с Чарли. Когда они выскочили на поляну, от деревьев не было видно Риту. Она сидела, опустив голову, и её загораживали ящики. Но Серёга бросился прямо к ней. Как будто знал, что она там, как будто видел, куда надо бежать. И чтобы так помчаться, как Серёга помчался, надо совсем без башни быть. А если бы он промедлил – Рита сгорела бы.

– Повезло.

Улыбнувшись, Лёвка подначивает:

– А ты не хочешь везунчика Бирмана в свой список внести? Как мага удачи? Тебе не кажется необычной его способность выбираться из переделок?

Серго разводит руками:

– Ну давай теперь каждому проходимцу вешать ярлык мага.

– Ты можешь беситься, можешь бороться, но Сергей всегда будет много значить для Риты. И, кстати, ты тоже его должник. Промедли он немного, и ковылять бы тебе без ноги, а то и не ковылять никак.

– Я не отдам ему Маргариту.

– Она не пучок соломы. Сама пойдёт, куда захочет.

В голосе Лёвки прорезаются родительские интонации:

– Ты реши, зачем она тебе нужна. Ты же её коснуться боишься. То хочешь броситься перед ней на колени и стоять так остаток жизни. То готов придушить, чтобы никогда не видеть.

– Мне нужно время. И ей тоже. Мы прошли уровень и сели в лифт. Когда встретимся на другом этаже – всё будет иначе.

Помолчав, Лёвка веско констатирует:

– Самое лучшее для тебя – забыть о ней.

Лорд отмахивается:

– Забыть? Я хочу её, Лёвка. Но даже не тело её, тело я по-любому получу. Я хочу, чтобы она вся была моей. Чтобы все её сказки и глупости были для меня. Чтобы самая её тайная мыслишка была обо мне. Чтобы никто не значил для неё столько, сколько я.

– Ты хочешь стать её идолом?

– Я хочу, чтобы она меня любила.

Возведя руки вверх и уронив их, Лёвка медлит, но задаёт неизбежный вопрос:

– А ты её любишь?

– Не знаю.

Поморщившись, психолог патетически воздевает руки:

– О, боги, пошлите всем нам мир! И любовь!

– Не понял. Ты что, не на моей стороне?

Сложив руки в замок на коленях, Лёвка терпеливо объясняет:

– Я на стороне света, Серго. Я за то, чтобы вы с ведьмой обрели счастье в объятиях друг друга. Но я был бы идиотом, если бы верил, что для этого достаточно декларировать простые истины.

– Истины работают.

– Ты сильно обожжёшься, если будешь применять к Рите свои любимые приемчики. Ты не властен над ней, а на что способна она – никто не знает. Это тебя манит, но это же и погубит.

– Кто-то счастлив на дачном огороде, а кому-то нужно лететь сквозь бурю.

– Не нужны вам бури. Если ты начнёшь воевать с Ритой, мне придётся потерять двух самых близких друзей. Я не настолько силён духом и сломаюсь. А без меня здесь будет… скучнее.

Вникнув в мрачный смысл этого заявления, Лорд морщится и делает жест, как будто отгоняет комара:

– Фух. Иди отсюда, поломанный дух.

С ноткой упрёка, но торжественно Лёвка предупреждает:

– Влюблённый маг может потерять силу, славу, корону, страну, голову и даже память потомков.

Чёрный взгляд вспыхивает весельем:

– О, мудрец! Какую банальность ты только что изрёк!

– Мир банален, Серго. Как бы мы ни старались, мы лишь разыгрываем программы, записанные всего четырьмя буквами. А может, тремя поколениями очарованных и странных частиц.[21]

Серго потирает лоб, снова тянется к бутылке с водой и переводит разговор на обсуждение махинаций депутата с криминальным прошлым.

97. Угрозы и советы

Бирман хлопает в ладоши – и звонит Олегу Сонделю.

Фокусник нашёлся. А ещё дразнил меня волшебной шляпкой.

Сондель щёлкает пальцами – и выступление Арианды Тернопольской прописывается в программе благотворительного вечера в защиту лесов Тимбукту.

Если Сондель щёлкает пальцами – артистки бегут на репетицию. Ариадна отказывается. Нефтяник смеётся и посылает ей венок из пластиковых роз. Нет, не угрожает – рекомендует украсить композицией угол спальни. Ариадна присылает в ответ райдер с неслыханными мерами по безопасности. Сондель соглашается.

[21] Четыре азотистых основания являются «буквами» для ДНК. Очарованный и странный – ароматы (типы) кварков, оба названных относятся ко второму поколению.

Я чувствую себя неловко. Кто-то ведь отрабатывать райдер будет. А я заявлюсь к звезде прямо в гримёрку.

Сумрачный мирок зеркал, лампочек и косметической вони кажется отдельным пространством, я закрываю за собой дверь – и чувствую себя отрезанной от остального мира.

Юный ловелас проворно отодвигается от увядшего бюста великой актрисы, и в глазах актрисы вспыхивает гнев. Пусть гневается, мне это на руку.

– Ариадна, есть разговор. Выстави своего подлизу.

– Рита, как ты смеешь?!

– Смею. И ещё не то посмею.

– Выйди вон! Пусик, дружочек, позови охрану!

Пожав плечами, я удивляюсь:

– Ты хочешь выгнать меня? Уверена?

Ариадна вспыхивает, но признаёт, что ни в чём не уверена:

– Ладно, иди, Пусик, это ненадолго. Я тебя позову.

Облокотившись на столик, заваленный театральной дребеденью, я выдерживаю длинную паузу. А звезда-то уже не торт, на лице заметны и морщинки, и следы операций.

Звезда не выдерживает:

– Выкладывай, зачем пожаловала.

Раздражение и страх. Очень хорошо. Спокойная молчанка или истеричный крик не позволят мне собрать последние кусочки пазла. А хочется увидеть всю-всю картину.

– Ариадна, в целом, история более-менее понятна. Это тебе пришла в голову странная идея сосредоточить внимание Френда на мне. Глупый Дионис, не знавший об отсутствии кровного родства, подсказал тебе этот план. Отец сделал на стороне фотомонтаж со старых фото мамы, а потом заказал Дионису мои фото – чтобы я была похожа на маму. И неплохо получилось. Чисто театральный прием – кому, как не тебе, знать, что может хороший грим. Пришлось, правда, отравить фотографа.

– Какой фотомонтаж? Ты бредишь? Прочитай эту сказочку на ночь своим ментам.

– Мама не снималась в фотостудиях, мама фотографировалась на память с подругой. Монтаж потребовался, чтобы убрать лишнее со снимков.

– Менты копались в моем доме? Да я их засужу!

Кричи, звезда, кричи. А я продолжу:

– Полагаю, отец пожаловался тебе на братца, вышедшего из тюрьмы – и деньги тянет, и время отнимает, и одержимость Машей никуда не делась. Ты предложила направить одержимость в новое русло – Френд отвлекался на подставную Машу и переставал донимать отца.

– Делать мне больше нечего.

– Ты не знала, почему Френд опасен для отца. Видишь ли, у Жени Рогальского было специфическое хобби: он яростно защищал честь жены и убивал всех её любовников. А Френд об этом не только знал, он дорогому брату во всём помогал: и жертв выслеживал, и от трупов избавлялся.

– В память о Маше я найду тебе хорошую клинику. И весь этот бред ты быстренько забудешь.

– Как Веня Маслов забыл?

Лицо Ариадны искажает гримаса. Не думала звезда, что сыщики докопаются до истории с Масловым, а они докопались.

Но едем дальше:

– Освободившийся Френд знал, кого, где и как убил Женя. Он молчал, когда его посадили, но за время заключения поплыл головой и начал во всеуслышание рассказывать про избавление волшебницы света от угрожающих ей чёрных дыр. Казалось бредом, но если бы кто поумнее прислушался – пасьянс бы сложился. Не в пользу убийцы.

– Ты больна!

– Полагаю, отец планировал подставить Френда и избавиться от него. Но он не совладал со своей давней страстью – ему хотелось крови, он соскучился по убийствам. Показав меня Френду как Машу, он встал на скользкий путь. Френд, будто и не было всех этих лет отсидки, быстро нашёл негодяя, замаравшего честь Маши. И старая партия стала разыгрываться на новый лад – убийца пришёл к Одоевскому чисто ради убийства.

– Семейное сумасшествие передалось тебе в полном объеме.

Нет, сумасшествие не передалось. Но маленькая девочка Рита, попав в дом Рогальских, развила в себе наблюдательность и чутьё на запахи и звуки. А ещё – мощное воображение. Я что-то чувство-

вала – и убегала в свой цветной мир. Монстры вырастили меня ведьмой.

И я подумаю об этом потом. Сейчас надо дожать Ариадну:

– Скажи, а зачем ты увязла в проблемах Жени? Ты хотела его очаровать? Неужели не нашла кого-то получше?

Звезда презрительно поджимает губы и снисходит до простой смертной:

– С чего ты решила, что дело во мне? Он сделал предложение Олесе. И это был бы разумный, красивый брак. Я бы устроила Жене неформальные контакты с нужными людьми, а он бы присмотрел за Олесей. Все её глупые юнцы только тянут с нас деньги, а Женя думал о серьёзном будущем. И он хотел детей.

Вот это прихлопец… Как много мне ещё предстоит узнать о мире… Старый придурок и выжившая из ума звезда договорились о новой ячейке общества, а меня из-за этого чуть не сожгли на костре? Ничего себе причинно-следственная связь.

Осинка кинула меня со всех сторон. Но зачем ей-то сдался старый Женя? Она и вправду могла с ним… лежать рядом?

Пожав плечами, я вычисляю несоответствие:

– Если дело в Олесе, зачем ты её отравила? Я всё удивлялась, с чего ты заявила, что вино – мой подарок. А ты навешивала на меня всех собак.

Ариадна бледнеет, запал её гордости испаряется, остаётся воспоминание об ужасе:

– Она украла у меня бутылку. Решила, что это дорогое вино, раз оно стоит под замком в моей спальне. Я думала, это кто-то из прислуги позарился, и не переживала…

Бедный Лёвка. Он целый трактат накатал, объясняя сложные мотивы матери, одной рукой подталкивающей дочь к пропасти, а другой – травящей её, чтобы она упала в сантиметрах от края. Такой вдохновенный психологический этюд пропал.

Не буду Лёвку расстраивать, пусть в свой талант верит.

Пока Ариадна на эмоциях, пусть отвечает:

– А кто додумался кокнуть меня прямо в ресторане и всё тем же вином? Ты Жене подсказала? Хотя нет, думаю, ты была братикам уже не нужна, они оказались в своей любимой стихии.

Ариадна изображает демонический смех:

– Никто ничего не узнает!

– Хочешь, попросим кого-нибудь умного приехать?

– Они не смогут ничего доказать! Любой адвокат не оставит камня на камне от твоей теории! Не видела я тех бутылок и ничего не знаю. Доказательств нет!

– А они нужны? Ты крупно влипла, когда запряглась в одну упряжку с Френдом. Он похитил воспитанника двух генералов МВД, и генералы уже придумали, как тебе отплатить.

– Ты забыла, кто мой муж? Плевал он на МВД!

Вседозволенность – вот что подтолкнуло Ариадну к смертельным интригам. Она просто на всё наплевала.

Пора немного остудить эту безрассудную голову:

– Напрасно ты так думаешь. Господину Мурзикину помогут отбиться от рейдеров, но пачкаться в уголовщине, да ещё такой низкопробной, твоему муженьку не позволят. Он вчера три часа провел в Особняке. Не удивлюсь, если прямо сейчас его адвокаты строчат бумаги о разводе.

– Да я звезда! Я и без него обойдусь!!

– Два твоих последних спектакля не собрали и половины зала. Живешь ты в апартаментах Мурзика и за его счет. Последний диск выпущен при его финансовой поддержке. Сама по себе ты студиям уже не нужна. Мурзик платил, поскольку брак с тобой давал ему кое-какие выгоды. А невыгодное вложение ему зачем?

– Не смеши меня. Мурзик никогда со мной не разведётся. Иначе я его в грязь спущу, не отмоется. А там и по миру пущу!

Кривое зеркало. Надо запомнить, какими смешными и страшными становятся женщины, уверовавшие в свою исключительность.

Вздохнув, я делаю пируэт на чужой могиле:

– Нет, Ариадна. Ты ничего не сделаешь. Один из генералов подсказал господину Мурзикину, что в пустом ящичке из-под вина, скромно спрятанном между твоих пеньюаров, было шесть ячеек. И разъяснил, где и как оказались четыре бутылки. Оставшиеся две Мурзик нашёл сам. В квартире любимой бухгалтерши, с которой, если слухи не врут, он уже двух детишек прижил.

Не знаю, как Пал Лексеич до такого додумался. Я вот не поверила, что «жена запасает яд для мужа». Но оказалось, что это действительно так.

Ариадна лихорадочно ищет лазейку, чтобы выскользнуть из ямы, которую она сама себе выкопала. Я добавляю:

– Да-да, Мурзик проверил вёе вино из всех баров и холодильников в той квартире. И нашёл отраву. Он мог бы закрыть глаза на то, что ты какого-то фаната прикончила в плохом настроении. Но покушение на себя любимого плюс угроза матери его детей – совсем другой ракурс событий…

Из-под личины великой звезды выглядывает разозлённая базарная торговка:

– Шваль подзаборная! Подстилка для пьяных ублюдков! Это всё ты! Ты несчастье нам принесла!

Я не успеваю затормозить:

– Бракоразводный процесс будет тихим и незаметным. Иначе он состряпает все нужные показания и отправит тебя за решетку. А то и заставит тебя того особого винца отведать.

– Уродина! Мерзавка! Ты не понимаешь, с кем связалась! Я тебя уничтожу! Выродок!

Интересно, в наших университетах есть профессора с микрофонами, записывающие народную лексику? Я могу подсказать им, где скрыт бесценный кладезь ненормативa.

Мне надоет слушать оскорбления, и я с улыбкой спрашиваю:

– Ты добра своей дочери желаешь?

Ариадна затыкается – фонтан красноречия перекрыли вентилем на подводящей трубе. Слово злой ведьме:

– Мне давно надо было кое-что проверить, да всё было недосуг. Олеся с депутатом. Олеся между маргинальными папиками. Олеся в душе с негром. Не хочешь посмотреть на дочурку в лентах новостей?

Ариадна превращается в пожилую и очень уставшую торговку. Поджатый рот и потерянный взгляд старят её лет на двадцать.

– Из-за этого ты подарила Одоевскому злополучное вино, без всякой связи со мной или с Френдом. У тебя были свои весомые мотивы.

Змея лишилась яда, но ещё шипит:

– Я всем расскажу, что пленки Одоевского у тебя.

– Ариадна, двадцать первый век на дворе. Какие плёнки? Всё давно в электронных архивах. Если расскажешь – будешь иметь дело с сынком моего наставника. Не советую. А что до меня, так

я крутыми связями обросла. Опера, эксперты, начальники, генералы – кого только нет. Пожалуй, шепну кому-нибудь про тонкости наших разборок – для гарантии. Может, и Мурзика просветить насчет падчерицы?

Звезда сдаётся – плечи поникают, из глаз исчезает воинственный огонь, руки безвольно опускаются на колени. Но пройдет время, и она может отомстить мне из-за угла. Я буду начеку.

– Ариадна, ты придумала хитрый план. Беда его была в несусветной глупости и бесполезности. Монстрам не нужны подсказки, чтобы быть монстрами. А теперь из монстров остались только ты да я. Я готова тебя отпустить. Но если ты придёшь за мной, я с тобой разделаюсь. Красивых похорон не будет.

Кивнув, я иду к двери, однако оборачиваюсь. Осталась одна маленькая гадость:

– Дам тебе совет: не бери в пресс-секретари Изабеллу. Она не работать будет, а мужиков пробовать и переманивать – искать богатого спонсора, а то и мужа. Ненадежная девица эта Белла, это я тебе, как её подруга, говорю.

Всё! Занавес!

Актрисы выходят к публике и кланяются.

Нет, всего одна актриса выходит. Из пьесы, из образа, из зала.

98. Вечеринка

Та самая вечеринка у Бирмана. Без приглашений, церемоний и дресс-кодов. Весь город знает, что Серёга гуляет. Но я не город, я не знаю. Я собираю чемодан – в понедельник на работу.

Мне дозванивается Влад – буду ли я скидываться на подарок или придумаю что-то своё? Мне надо подумать.

Тёплый пушистый снег валит целыми комками. Я целый день брожу между витринами, но не придумываю особенного подарка. Заглянув в книжный, я зависаю и набираю целую сумку приключений. А подарок хватаю в последний момент, уже на выходе из торгового центра.

Мы с Кириллом опаздываем. Но время – условность. Гости приезжают и уезжают, как кому удобно. В один момент в коридоре не пройти, в следующий почти пусто.

Многих оперов и экспертов я знаю. Мне улыбаются, говорят что-то приятное, спрашивают о самочувствии, поздравляют со спасением. От этого и тепло, и грустно.

Другие гости – загадка. Какие-то высоколобые учёные умы, весёлые бандиты, разбитные моряки, чопорные финансисты. Много красивых женщин, но кто они, какое место занимают в жизни Серёжи – спросить некого.

В столовой накрыт стол, и от старинного фарфора с блестящим хрусталем рябит в глазах. Люди выпивают, едят, галдят.

К Серёже не протолкаться. Влад ухаживает за статной девушкой – без сомнения, это и есть Русалка. Колька с Аишей сидят рядом, нахохлившись – наверное, снова поссорились. Серго занял место в центре – вальяжно развалился и обнимается сразу с двумя красотками. Заметив меня, он демонстративно расцеловывает каждую. Я посылаю ему воздушный поцелуй.

Кирилл находит знакомого и увязает в обсуждении ионных двигателей. Я мигрирую на кухню – и натыкаюсь на Осинку.

Нет, на Олесю Тернопольскую – светскую львицу, с новой прической, в умопомрачительном наряде и с бриллиантами в ушах.

Олеся фальшиво издаёт «Вау! Ритуль! И ты здесь!» и декоративно обнимает меня, но тут же отстраняется.

Через месяц Ариадна отправляется в «Прощальные гастроли», и это отличная возможность продвинуть «Тернопольскую-некст». Веня Маслов едет в качестве осветителя и рабочего сцены. Вопрос участия Беллы не решён. А вот официальным фотографом тура будет Денис Шкуркин. Память фотографа остаётся полной белых пятен, но галереи наперебой приглашают мастера устроить персональные выставки.

И… ничего. Мне нечего сказать бывшей подружке, ей нечего сказать мне.

Я не успеваю пристроиться к банкету. Лёвка вытаскивает меня из кухни, обводит рукой пятачок коридора возле распахнутой двери в столовую и вкрадчиво шепчет:

– Я поспорил, что нам хватит места. Станцуем?

Стянув с себя свитер, я остаюсь в тонкой летящей тунике.

– Да! Давай! Хочу!

Я – очаровательна, Лёвка – красив и в меру карикатурен. Вместе мы чертовски хороши. Танцевать земной ангел не умеет, но для нашего танца строгие пируэты не нужны. Танец души не требует хореографии.

Я кружусь. Я хлопаю в ладоши. Я взлетаю.

И весь мир кружится, и все взлетают.

Я жива! Я свободна! Я счастлива!

И весь мир, все-все счастливы вместе со мной…

Кто-то вскакивает, кто-то уже танцует рядом, разбивается бокал – на счастье, кто-то произносит тосты – и вся эта суета подчиняется одному вихрю – мне, танцующей ведьме.

Вокруг летят блёстки, на стол сыплются монетки, хрусталь звенит, книги падают, люди кричат и подпевают старым хитам…

Все выигранные деньги я отдаю Лёвке – мне не критично, а ему пригодятся.

Сбежав от расшумевшейся компании, я забираюсь в комнату бабушки. Откинувшись на подушки, наваленные у стены, Паша собирается с силами для очередного выхода к гостям. Я протягиваю ей потрёпанный томик:

– Пляши, Пашенька. Я нашла тебе нечто особое. Помнишь, ты рассказывала о войне, об эвакуации? Это мемуары одного писателя, он пишет о том же городе, о том же времени. Однажды я тебе всё это прочитаю.

Паша прижимает книжку к себе, в уголках её глаз показываются крохотные слезинки:

– Светлая моя девочка, ты запомнила. Алиса сказала, ты болела тяжёло... А Серёжа всё молчал…

– Всё уже позади.

Из серых глаз, смотрящих сквозь космические дали на что-то мне невидимое, скатывается ещё несколько слезинок. Достав чистую салфетку, я аккуратно вытираю бабушкины щеки и крепко целую её.

– Дай Бог тебе счастья, Риточка. Куда ты бежишь теперь?

Я присаживаюсь и неторопливо рассказываю:

– Я уезжаю. Новую работу нашла. Далековато, правда, в Опупеньках, сто тридцать третий километр, зато домина в три этажа и прислуги семь человек. Буду жить-поживать на всем готовом. И

подопечная приятная – под восемьдесят, но без закидонов в голове. Но ты не думай, у меня будет два выходных в месяц, я к тебе обязательно буду приезжать.

– А как же кавалер?

– Потерпит пока. Мне нужно время – в себя прийти. Слишком много всего произошло. Трудно быть феей, когда так и тянет на проклятья.

Бабушка качает головой. И спрашивает совсем о другом:

– Ты теперь наследница?

Вот что значит житейская мудрость. Я узнала об этом только вчера, из пространного заявления Финкельштейна-младшего.

– Пашенька, с этим наследством тьма проблем. Братья хотят всё продать. Если наберётся, я на свою долю квартиру маленькую куплю. Где-нибудь в пригороде. Мне очень хочется свой угол.

– Деточка, тебе жить надо, мужиков любить, детей рожать. Успеешь в угол забиться. Посмотри на меня, ну что мне теперь все эти углы, коль сил нет.

– Без угла тоже худо. По чужим горько мыкаться.

– Алиса говорит, жених тебе завод подарил?

– У Алисы язык отсюда и до Нью-Йорка. Не жених, а любовь одна моя, несчастная. Не подарил, а завещал. Не завод, а долю в компании. Но мне ничего не надо. Я отступные взяла у его папаши. Чеком. И Лельке этот чек подарила – для фонда.

Пристальный взгляд бабушки изучает что-то за моей головой:

– Большие деньги?

– Сколько есть. Пусть кому-то счастье принесут.

– Пришла к полуночи, получила динарий, да и тот в руках не удержала. Не в динариях твоё счастье.

Моего замешательства Паша не замечает:

– Иди уже, повеселись с мальчиками.

– Там людей много, тесно. Можно я здесь почитаю?

– Читай. А я пойду – на людей посмотрю...

Большая рука закрывает страницу книги, и я автоматически сбрасываю её.

– Сим-сим, ведьмочка, вернись к нам.

Я поднимаю взгляд и улыбаюсь. Встав с пола, я протягиваю Бирману подарочный пакет, на всякий случай предупредив:

– Острожно. Не урони его.

Сергей разворачивает бумагу и достаёт горшочек, из которого торчат крепкие веточки с глянцевыми листочками.

– У тебя нет растений. Это фикус. Он неприхотливый, выживет, даже если забывать поливать. Ты, как ботаник, должен знать.

Сержа дотягивается и ставит цветок до подоконника:

– Спасибо, птичка. Ты у меня кое-что забыла.

На мою ладонь лежится золотой браслет со зверушками.

– Ой, здорово. Я думала, что потеряла.

– Я тебе тоже подарок припас. Держи.

Свёрток из оберточной бумаги похож на яйцо. Разорвав его сверху, я нахожу два больших тёмно-зелёных листочка. В тон мне Серёжа объясняет:

– В твоих норах нет цветов. Это фикус. Символ уюта. Он неприхотливый и живёт долго. Это я тебе, как ботаник, говорю.

Случайное совпадение? Только не с капитаном.

– Как ты узнал? Я никому не говорила!

– Ничего не узнавал. Первый придумал. Это ты прочитала мои мысли – и утащила идею.

Я смеюсь, Серёжа смеётся.

В комнату заглядывает Кирилл:

– Рита! Вот ты где. Поехали, время за полночь.

Положив руку на сильное предплечье, я вкладываю в одно слово всё, что нельзя вложить и в целую библиотеку:

– Спасибо.

В сером взгляде бесятся искорки азарта и озорства:

– Птичка, ты словно на десять лет вперёд попрощалась. Смотри, не пропадай. Звони, приходи, письма пиши.

– Пока, Серёжа. Береги себя.

Я не решаюсь обнять его – и жалею об этом, как только закрывается дверь старой квартиры.

99-Б. Душевные порывы

Бирман наблюдает из окна кухни за тем, как Рита садится в машину Кирилла. Тихие шаги Лёвки отвлекают его от размышлений насчёт будущего ведьмы.

– Так и отпустишь её?

– А надо держать?

– Ты ей жизнь спас.

– Не ей первой. Даст бог, и ещё кого-нибудь спасу. К тому же мне что, плату натурой потребовать? Или клеймо поставить «спасена Бирманом, подходить запрещается»? Я её не для себя спасал. Для неё самой. Чтобы она могла жить, смеяться. Любить, наконец…

Лёвка задумчиво замечает:

– А Серго собирается за ней приударить.

Бирман пожимает плечами:

– В путь. Удачи. Да пребудет с Серго любовная сила.

– Ты не будешь вмешиваться?

– У меня другие планы. И, допустим, сцеплюсь я с Серго. Дальше что? Пострадает только сама Ритка. Мы и так едва её не прикончили. То, чем мы живем, ей забыть надо, и поскорее. Весенин не притащит к ней в дом трупы и убийства.

– Благородно, но глупо.

– Что ей сейчас больше всего нужно?

– Любовь?

– Мечтатель ты, Лёвка. Сон ей нужен. Спокойный сон в полной безопасности, в чистой кровати с мягкими подушками и тёплым одеялом. А ещё она поесть любит. И книжки почитать.

– Она на работу собралась. В какие-то Опупеньки.

– То, что надо. Я проверил – там милая старушка и семья нормальная, без заскоков. Ничего непосильного для Ритки.

– Теперь ясно, с чего глава этой нормальной семьи распсиховался, когда Серго на него со своими проверками вышел.

Бирман иронично фыркает, но продолжает серьёзно:

– Я помню, какой увидел Ритку в первый раз: яркой, хорошенькой, сексапильной. А сейчас от неё одна тень осталась. Полсотни килограмм живого веса не наберется. И волосы белые. Ей время нужно – хотя бы физически окрепнуть.

– А я думаю, всё наоборот. Ей захочется жить и любить на всю катушку. Ты же видел, как она сейчас отплясывала.

– Я уже пожалел, что столов наставил. Ей бы места больше.

– Очень хорошо, что наставил. Народ решит, что Серго с раскрытым ртом сидит в ожидании десерта, а не потому, что его танцем парализовало.

Бирман усмехается, и Лёвка добавляет:

– Рита и Серго будут замечательной парой. Ему нужен кто-то, кто будет воспринимать его просто как мужчину. А ей он даст абсолютно всё, что может захотеть женщина – деньги, власть, любовь, да ещё и титул.

– А зачем ты мне Серго рекламируешь? Ритке расскажи. Возможность стать принцессой её повеселит.

– Княгиней. Предки Серго – настоящие князья.

– А Нина Андреевна переживёт мезальянс сына?

– Как всегда – зришь в корень. Серго что-нибудь придумает.

– Да хорошо бы кабы так, но мы-то зна-ем… – скороговоркой пропевает капитан.[22] – Ты к чему этот разговор затеял?

– Ни к чему, просто болтаю. Будущее придумываю. Серго высоко взлетит, власть – то, чем он дышит. Ритка сбанлансирует его закидоны и станет благородной госпожой. А я буду их мудрым советником. Мы втроем покорим мир.

Бирман вспоминает допрос, в котором упоминалась ведьма-госпожа. Представив Риту в коже и с хлыстом в руке, а Лорда и Лёвку – покорно склонившимися перед ней, капитан безудержно ржёт. Смеяться над Лёвкой – всё равно, что обидеть несмышлёного малыша, но удержаться нет никаких сил. В неземных карих глазах проскальзывает обида, и Сергей примирительно советует:

– Не называй Ритку госпожой. Придумай что-нибудь другое.

– Почему?

Бирман снова хихикает. Бедный Хранитель мудрости, сколько неожиданных открытий ждёт его в жизни.

Левка уводит разговор в другую сторону:

– Почему ты не переходишь к нам?

– Предложение, конечно, лестное. Но как ты себе это представляешь? А промаршируйте-ка, товарищ Бирман, вот отсюда и до обеда? И это после общих пьянок? Дружба дружбой, но Серго меня сожрёт. Не сразу, но в перспективе – обязательно.

– Логично мыслишь. Но всё равно жаль.

Бирман, в свою очередь, меняет тему:

– Ты поздравления принимаешь? Со второй племяшкой?

[22] «Песня о необитаемом острове» – сл. Ю. Ким, муз. А. Рыбников, телефильм «Про Красную Шапочку», 1977 г.

– Да.

В ответе психолога нет радости, и Сергей предлагает:

– Не покупай ничего детского. Я тебе всё привезу. У меня несколько коробок барахла для младенцев припасено. Одежда, игрушки. Ты не думай, не старьё, всё новое, в упаковках, с этикетками... Алиса накупила всякой всячины, но… потеряла ребенка. Даже если она снова решится, ничего из этого не возьмёт. А тебе пригодится.

Лёвка кивает и прячет взгляд, в котором мелькает отчаяние:

– Это здорово меня выручит. Спасибо, друг.

Горькое и пронзительное «друг» царапает Сергея искренностью.

Мысленно чертыхнувшись, капитан обещает себе, что завяжет с такими душевными порывами:

– Если будет нужна помощь, дай знать.

– Замётано.

Вечер катится дальше своим чередом – к рассвету.

100. Люди на кладбище

Кладбище. Могила, богато разукрашенная цветами. Надпись на огромном камне: «Любимой».

Они действительно любили её. Каждую её клеточку, каждое движение, каждый взгляд и вздох. Любили до одури, до сумасшествия, до погибели.

Кусочек поверхности камня отполирован, и на нём ровными маленькими буквами выбиты имена отца и Френда.

Никого не спрашивая, я забрала тела Джека и Джорджа после всех экспертиз. И кремировала останки. Урны с пеплом я отвезла в Коломну, и милая, давно сумасшедшая старушка рассыпала прах обоих своих сыновей над слиянием двух мутных рек.

Саша был шокирован и моим решением, и тем, как быстро я провернула всё в одиночку. Мнением Кости я не поинтересовалась, хотя он предлагал что-то своё. В итоге братья согласились, что я была вправе сделать то, что сделала. А что ещё им оставалось?

Галина Симонова рассказала мне историю моего усыновления. Я не была тайным ребенком порочной страсти, я не была плодом

любви мамы к брату мужа, я вообще не имела кровного отношения к Рогальским.

Я была замёрзшим вокзальным подкидышем. Однажды вечером Маша Рогальская между свистом ветра, стуком колес и гудками электровоза услышала непривычный звук. Она и обнаружила свёрток, в котором оказалась задыхающаяся кашлем синяя девочка. Понадобилось три года и невесть сколько ухищрений, но она всё же удочерила меня…

Холодный ветерок приносит мелкий противный снег и швыряет его горстями мне в лицо, словно напоминая о том, что случилось больше четверти века назад. Но это прошлое больше не властно надо мной.

Где же мой братик-красавец?

Ждать приходится ещё минут пятнадцать. Наконец, высокая фигура в новой кожаной куртке неуверенно приближается к могиле, и я, не поворачивая головы, здороваюсь:

– Привет.

Акела кивает головой и пристально смотрит вглубь гранитного монолита, словно пытаясь силой взгляда разнести камень на щебенку. Я молчу, понимая, что ему тоже нужно время. Попрощаться с прошлым. Подумать о будущем.

Я понимаю, что он скажет, за мгновение до того, как звучат сами слова, и вздыхаю с облегчением. Он решил правильно.

– Я забираю Анюту в Питер.

Твёрдо, но с житейской горечью.

Я представляю себе камни Петропавловки. Необычно яркое жёлтое солнце над тёмной водой Невы. Жёлтый, привезенный издалека песок. Взлетающего над волейбольной сеткой мужчину в жёлтой майке – сильного и беззаботного. Счастливую девушку в жёлтом платьице. Простую, весёлую, открытую…

Почувствовав лёгкую встряску, я открываю глаза – это брат взял меня за плечи и тревожно вглядывается в моё лицо:

– Рита, ты в порядке?

В синем взгляде, таком знакомом с детства, я улавливаю беспокойство обо мне. Сердце заполняет щемящее чувство нежности, благодарности. Брат. Кто бы мы ни были, мама скрепила нас семейными узами. Мы всегда будем братом и сестрой.

– Поехали со мной. Дела подождут. Да и всё уже решено. Я Анютке предложение сделал. Ты слышишь? Поехали вместе. Мы семья, Ритка. Понимаешь? Кроме тебя, у меня никого больше нет.

– Я знаю. Я приеду к вам. Правда. Только чуть позже.

Брат отпускает мои плечи и спрашивает, сам до конца не понимая, что хочет узнать:

– Как Кирилл?

Я пожимаю плечами, и он раздраженно машет рукой:

– Дурочка. Чего ты боишься?

– Себя.

– Ясно. Майор или капитан?

– Причём здесь они?

– Ты прячешь глаза, Рита, вот причём.

Мы молчим ещё немного, каждый о своём. Саша первым нарушает тишину:

– Ты ведь что-то скрыла, да? Всё было не так, как сыщики сказали? Что там, во тьме, Рита? Скажи мне. Я смогу это принять. Теперь смогу. Просто расскажи…

– Я приеду в Питер. И тогда всё расскажу.

– Хочешь, я останусь здесь, с тобой…

– Нет, Акела. Со мной всё в порядке. Не волнуйся, у нас у всех всё будет в порядке. Какое-то время.

Пауза тянется, растягивается, удлиняется – и обрывается:

– Ладно, мне пора. До встречи, сестрёнка.

Брат чмокает меня в щеку и быстро уходит.

Я добавляю в свою мысленную идиллию важную деталь. Улыбающаяся женщина в жёлтом платьице держит на руках малыша-годовасика. А малыш держит в ручке погремушку – яркий жёлтый шар на колечке. Волейболист слышит, как гремит погремушка, оборачивается и машет жене и сыну рукой.

Да-да, именно так. Я так хочу. И так будет.

Я жду ещё немного, размышляя о разных высоких материях. Но время не бесконечно, пора заняться своими делами.

«Прощайте. Мама. Отец. Дядюшка. Простите меня. Да обретут ваши души в ином мире покой».

Едва я отхожу от могилы, звонит мобильник.

– Ах ты, проклятая змея! Гадюка подколодная!

Голос Изабеллы доносится как из другой вселенной.

Я слушаю оскорбления бывшей подруги и шагаю по широкой аллее к выходу. Остановившись в воротах кладбища, я бросаю всё ещё говорящий что-то мобильник в мусорку. Вот так.

Несколько минут я стою совсем одна посередине мира.

Кирилл ждёт меня, облокотившись на дверцу машины. Тёплый взгляд карих глаз согревает лаской и подбадривает. Поёжившись на холодном ветру, я медленно иду к нему.

Я – ведьма. Я построю новый цветной мир.

Москва, 2011, 2017, 2026

Продолжение следует…

Оглавление

I. Фотографии 3
1. День рождения 3
2. Семейный секрет 9
3. Книжная ярмарка 13
4. Рита ищет Кирилла 20
5-К. Кирилл ищет Риту 24
6. Средний брат 27
7. Родные и близкие 32
8. Ведётся следствие 37
9. Служебный роман 42
10. Неудачный визит 46
11. Чужие тайны 51

II. Любопытная дочь 56
12. Цитата 56
13. Неидеальная подруга 58
14. Белые халаты 61
15. Старший брат 65
16. Три ищейки 70
17. Любовный омут 76
18. Милый дом 80
19. Тупики и стены 86
20. Гейм овер 89
21. Подарок для банкира 93
22. Бабочка на булавке 98
23. Роковая страсть 104
24-К. Обыск 108
25. Песня года 112

III. Столкновения 115
26-Б. Добрый друг 115
27. Встреча в подземке 121
28. Злой волшебник 125
29. Обходные маневры 127
30. Старые чемоданы 132
31. Розовый туман 136
32. Спасение журналиста 139
33. Звонок капитану 141
34-К. Вопросы этики 143
35-Б. Кровь в машине 146
36-Л. Объект исследований 148
37. Дорогою добра 150
38. Проблемы многоликости 156
39. Из огня да в полымя 159
40. Кофе остывает 162

IV. Старая квартира 164
41-Б. Птичка в чужой норе 164
42-Б. Командирша 167
43-Б. Сумка ведьмы 169
44. Мечты сбываются 172
45-Б. Городские новости 179
46. Версии и догадки 181
47. Бабушка Паша 188
48. Библиотека 191
49. Наставления врача 194
50. Ценная птица 197
51. Четвёртый 199

52-Б. Козыри на руках 204
53-Б. Фиаско и удача 206
54. Семейный пасьянс 210
55. Предсказания 216
56. Алиса в стране абсурда 220
57-Б. Дорогая тётушка 226

V. Люди говорят 230
58. Отличные перспективы 230
59. Простая западня 233
60-Б. Далёкие и близкие голоса 236
61. Птичка в клетке 241
62. Без электродов 244
63. Адвокат 247
64-С. Факты и выводы 250
65-Б. Земляные работы 255
66. Звёздная откровенность 261
67. Возвращение Ривки 264

VI. Пируэты 268
68. Танцовщица 268
69. Курица и негоцианты 271
70-Л. Объяснения Лёвки 277
71. Шум в подъезде 280
72-Л. Шарф с узором 285
73. Приготовления 289
74. Большой концерт 291
75. Дурные истории 297
76. Поцелуй 301
77. Рассвет над городом 304
78. Другая девушка 312
79. Подарок для Маши 318
80. Побег из больницы 320

VII. Путь к свету 323
81. Найди женщину 323
82-Б. Охотники на монстров 325
83-Б. Плохое и худшее 328
84. Домик в деревне 331
85-Д. Разговоры, разговорчики 334
86. Переступить черту 342
87. Подари мне свет 349
88. Беги, Анютка! 353
89-Б. Против правил 356
90-Б. Мозаика 362
91. Пограничная зона 366
92-Б. Осенний лес 371

VIII. Новые пути 375
93. Отдельная палата 375
94. Длинные дни 379
95. Сияние за горизонтом 382
96-Л. Стороны света 387
97. Угрозы и советы 390
98. Вечеринка 396
99-Б. Душевные порывы 400
100. Люди на кладбище 403